

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

1829

*Издательский дом МГИМО,
переплетая Запад и Восток, продолжает традиции
Типографии Лазаревского института восточных языков,
основанной в 1829 году*

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation

INSTITUTE FOR INTERNATIONAL STUDIES
MGIMO CENTER FOR MILITARY
AND POLITICAL RESEARCH

Aleksei Podberezkin

The system of ‘Eurasian
security’ as an alternative
to the Western
military-political
coalition

Moscow
MGIMO University Publishing House
2026

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. Подберезкин

Система «Евразийской
безопасности»
как альтернатива западной
военно-политической
коалиции

Москва
Издательский дом МГИМО
2026

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

П44

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН
кандидат политических наук Ф.О. Трунов,

кандидат военных наук, доцент
генерал-майор в отставке С.Р. Цырендоржиев

*В оформлении обложки использована картина Яна Брейгеля Младшего
«Аллегория войны». 1640-е гг. Частная коллекция (лицензия ССо)*

Подберёзкин, Алексей Иванович.

П44 Система «Евразийской безопасности» как альтернатива западной военно-политической коалиции : монография / А.И. Подберезкин ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации ; Институт международных исследований, Центр военно-политических исследований. — Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. — 513, [2] с.

ISBN 978-5-9228-3114-7

DOI 10.63861/3114-7

В монографии исследуются некоторые возможные и наиболее вероятные варианты развития различных сценариев международной и военно-политической обстановки и национальной стратегии России, процессы формирования альтернативных систем безопасности и коалиций как глобального, так и регионального масштаба, прежде всего в Евразии, но также на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, Африке, Латинской Америке.

Для специалистов в области современных международных отношений, государственного управления, политологов, военных специалистов.

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9228-3114-7

DOI 10.63861/3114-7

© Подберезкин А.И., 2026

© МГИМО МИД России, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	9
ГЛАВА 1. МЕСТО СИСТЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БУДУЩЕМ МИРОПОРЯДКЕ	16
1.1. Право и сила: мировой порядок и мировой беспорядок	25
1.2. Последствия специальной военной операции	34
1.3. Роль военной силы России в формировании нового мироустройства	55
1.4. Автаркия как силовой механизм обеспечения нового мирового порядка	70
1.5. Автаркия — сеть суверенных государств в системе евразийской безопасности	79
1.6. «Евразийская» и «Атлантическая» системы безопасности. Значение коалиций и блоков в условиях перехода от доминирования глобализации к автаркии	93
1.7. Долгосрочные цели внешнего силового влияния западной коалиции в новом миропорядке	97
1.8. Перспективы силового противоборства систем евразийской и атлантической безопасности	108
1.9. Д. Трамп и инициатива по созданию глобальной ПРО — пример взаимосвязи развития системы безопасности, нового миропорядка и национальной стратегии	122
1.10. Новый миропорядок и международная энтропия	140
1.11. Суверенитет = самодостаточность (автаркия) как принцип формирования нового миропорядка	145
1.12. Новый миропорядок и неизбежность эскалации политики силы	152
1.13. Евразийская безопасность. Необходимость усиления стратегии национальной автаркии	157

**ГЛАВА 2. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ
ОСНОВНЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
И БУДУЩЕЕ МИРОПОРЯДКА.**

Роль Евразии	174
2.1. Изменение в соотношении сил как точка отсчета в политическом анализе	183
2.2. Новые центры силы и локальные человеческие цивилизации	188
2.3. Два базовых принципа в политике США и будущее миропорядка	205
2.4. Изменение структуры международной и военно-политической обстановки: усиление влияния локальных человеческих цивилизаций, национального человеческого капитала, автаркии, политических и технологических факторов	216
2.5. Главная политическая задача власти в России — опережающее развитие в «переходный период» трансформации международной и военно-политической обстановки 2025–2045 годов	236
2.6. Взаимосвязь развития базового сценария международной и военно-политической обстановки и отдельных вариантов развития стратегической обстановки	255
2.7. Основа для среднесрочного прогноза развития наиболее вероятного варианта базового сценария международной обстановки	270
2.8. Особенности влияния состояния международной обстановки на формирование военно-политической обстановки в «переходный период»	280
2.9. Смена парадигм развития международной обстановки: самые общие последствия для военно-политической обстановки	294
2.10. Основные военно-политические последствия смены парадигм развития нового миропорядка	313

ГЛАВА 3. В. Путин и Д. Трамп.	
Идея «евразийской безопасности»	
КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ИДЕИ	
ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	327
3.1. Значение силовых средств политики США: ключевое слово при Д. Трампе — «оптимизация»	335
3.2. Самый первый опыт защиты суверенитета России невоенными (правовыми) способами	365
3.3. Современная роль ядерного оружия и система евразийской безопасности	376
3.4. Правящая элита в СССР/России — самый уязвимый объект национальной безопасности	391
3.5. Вероятные варианты качественного изменения будущих внешних условий формирования военно-силового противоборства в 2025–2030 гг.	416
3.6. Некоторые военно-технические особенности нового периода силового противоборства в Евразии	428
3.7. Перспективы продолжения войны: приблизительные потери сторон в ходе специальной военной операции в 2022–2024 гг. Некоторые предварительные оценки	440
3.8. Ближнесрочный прогноз вероятного развития военно-политической обстановки и мировые ресурсы	447
3.9. Концептуальная власть и борьба за когнитивно-информационный суверенитет России в новом веке	471
3.10. Идеология и революция в государственном управлении Д. Трампа. Значение для Евразии	477
3.11. Евразийская идентичность: теория и история как основа для политики силового противоборства России в Евразии	488
<i>Вместо заключения. Возможный прогноз развития будущей системы миропорядка и евразийской безопасности и стратегия России</i>	500
<i>Abstract</i>	515

Введение

Развитие миросистемы в третьем десятилетии нового века вступило в период хаотизации. Этот период будет, во-первых, достаточно долгим, а во-вторых, основательно и принципиально изменит весь миропорядок по сравнению с миросистемой второй половины XX века. В этом смысле любое стратегическое планирование внешней и военной политики государства должно исходить из появления качественно новых переменных величин и факторов, которые будут радикально влиять на политику государств. Одной из таких особенностей станет стремительное усиление роли процессов автаркии, а другой — исключительное значение темпов научно-технологического развития государств. Там, где произойдет сочетание этих двух процессов в максимальной степени, и будет заметен максимальный рост внешне-политического и военно-политического влияния государств, что отчетливо демонстрирует, например, Д. Трамп.

В XXI веке вопросы формирования систем безопасности — международных, региональных и национальных, так же как и вероятное будущее существующих и потенциальных военно-политических коалиций, стали остроактуальными после завершения периода абсолютного доминирования США и созданной ими системы евроатлантической безопасности. Это было вызвано тем, что стремительно меняющейся в новом веке под влиянием изменений в соотношении сил миропорядок практически разрушил не только прежнюю систему безопасности, существовавшую в XX веке, но и внес радикальные изменения в процессы быстрого развития существующих и будущих центров силы, экономических союзов и формирующихся военно-политических коалиций¹.

¹ В работе рассматриваются несколько вариантов таких коалиций и союзов, существующих как в наиболее мягкой, так и жесткой формах, например: Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении

Создание и последовательное развитие Соединенными Штатами широкой проамериканской военно-политической коалиции из более чем пятидесяти государств в конце XX века и в последние десятилетия уже не является² в наше время, как иногда представляется, линейным и однозначным процессом формирования «некой коллективно управляемой» структуры, а тем более глобальной системы безопасности, подконтрольной США. Этот процесс сопровождается отдельными кризисами и попытками пересмотреть отдельные правила формирования силовых коалиций и взаимоотношений между ними. Причем не только применительно к странам «не-Запада», но внутри западной широкой коалиции³.

Это явление приняло глобальный и во многом даже хаотический характер. Более того, вполне обоснованно считается, что ближайшие десятилетия, как минимум, будут периодом преобладания хаоса в международных отношениях. В основе этого находится принципиальное противоречие и непримиримая борьба между тенденциями глобализации и автаркии. События последнего десятилетия демонстрируют, что доминирование глобальной тенденции универсализации все сильнее компенсируется развитием элементов автаркии в политике государств, в том числе в самих США, но прежде всего в рождающихся центрах силы и военно-политических коалиций, где особенно сильны становятся интересы национальной безопасности в противовес глобальным интересам правящих

России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

² Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.; Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

³ Евразия и Россия / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, О.А. Подберезкина ; МГИМО МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2014. 517 с.

элит⁴. Евразия как геополитическая реальность, осознающая эту особенность, есть часть общего процесса такого силового противоборства.

Формирование нового миропорядка неизбежно ведет к созданию новых и эволюции существующих альтернативных военно-политических структур, объединяющих ресурсы государств, оставшихся «за скобками» западной коалиции. Потенциальные участники подобных союзов и коалиций известны уже в настоящее время, но их число неизбежно будет увеличиваться, как по мере усиления военно-силового противоборства в мире, так и по мере нарастания неизбежных противоречий между разными группами государств⁵. Причем процесс этот не будет развиваться равномерно, скорее, наоборот, государства будут пытаться искать новые формы существования и участия в таких коалициях, а значит, создания жестких форм блоков уже ожидать не стоит. Исключительно важное значение в этом смысле будут иметь научно-технологические возможности государств — лидеров научно-технического прогресса (далее — НТП). В конечном счете именно лидерство в науке, НИОКР и технологиях будет тем главным критерием, который разделит страны на две большие группы — «победителей» и «побежденных» (производителей и потребителей наиболее современных знаний и технологий).

Примеры участников ОДКБ Армении и Казахстана и целого ряда других стран демонстрируют, что параллельно с участи-

⁴ Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34; 2024. № 3 (404). С. 28–46.

⁵ См., например: Подберезкин А.И., Родионов О.Е. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности : монография. М. : МГИМО-Университет, 2022. 440 с.; Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Прогноз развития международных отношений на среднесрочную и долгосрочную перспективу // Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке / под общ. ред. В.Б. Зарудницкого, И.В. Копылова, С.Н. Мажуга, А.Н. Столярова. М. : ВАГШ, 2024. С. 559–572.

ем в одних объединениях они пытаются развивать отношения с их противниками, в том числе и в военно-технической области. И, наоборот, страны-лидеры пытаются максимально широко распространить сеть своих отношений с другими странами в мире, даже самыми небольшими, как может показаться, беспersпективными.

Аналогичные процессы проходят и в евроатлантической системе безопасности и в НАТО-ЕС, где некоторые страны (Венгрия, Словакия, Австрия, Турция и др.) формулируют позицию, которая, по сути, отражает их стремление к большей внешнеполитической и экономической независимости в вопросах безопасности. По сути дела, мы встречаем в начале 2025 года феномен, когда противоборство процессов глобализации и автаркии во всех областях оказывает непосредственное влияние на существование и эволюцию не только двух базовых моделей международных коалиций — «Атлантической» (ЕС и НАТО) и «Евразийской» (БРИКС, ШОС), но и появления зачатков новых моделей безопасности и коалиций. Так, например, такие страны, как Индия и Бразилия, становятся потенциальными центрами силы и концентрации стран — участниц новых коалиций. В том числе и благодаря цивилизационному развитию и становлению локальных человеческих цивилизаций (далее — ЛЧЦ).

В определенном смысле «хаос» в системе МО носит скрытый, но вполне управляемый характер, когда некоторые новые страны-лидеры вполне осознанно превращаются не только в самостоятельные центры силы (как Индия, Индонезия и Бразилия), но и рассматривают себя в качестве лидеров ЛЧЦ. Это может проявляться по-разному. Не случайно, например, в руководстве администрации Д. Трампа двое представителей, имеющих явные корни индийской ЛЧЦ⁶.

В этом смысле Евразия может стать не единственным политико-экономическим и военным центром континента, а площад-

⁶ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

кой для нескольких таких центров, ориентированных на страны ЕС, Китай, Индию, Россию, а также вполне возможно даже на менее крупные центры силы — Вьетнам, Пакистан, Иран.

Причем как в первой, так и во второй существующих и доминирующих моделях в 2024–2025 годах замечены перемены, которые могут говорить о радикальных изменениях в структуре и политике этих коалиций, а применительно к ЕС, — даже возможному кризису, угрожающему существованию такой коалиции.

В настоящее время представляется, что крайне маловероятно, что отдельные системы безопасности смогут существовать эффективно, тем более позитивно взаимодействовать друг с другом. В этом случае они неизбежно превращаются в военно-политические коалиции. Причем позиция Запада — категорическое отрицание любых интеграционных союзов и блоков — откровенно будет враждебной для создания альтернативных систем безопасности. Так будет не только при Д. Трампе (пример с его отношением к БРИКС характерен), но и так было на всем протяжении попыток России и Китая создать альтернативные союзы и организации.

Учитывая, что внутри этих альтернативных союзов и организаций (не только БРИКС, ШОС, ОДКБ, но и любых других союзов) будет всегда присутствовать сильное давление США и их союзников, направленное на их дезинтеграцию, надо признать, что поведение членов таких организаций далеко не всегда будет лояльным по отношению к России. Примеры — не только Армении, Казахстана, Сербии, но и в той или иной степени всех других стран — это доказывают. В этой связи возникает важный вопрос об организационном и политическом устройстве таких союзов и организаций, прежде всего иерархии в таких организациях и союзах, которая важна для их работы⁷, либо сознательном отказе от такой иерархии.

⁷ Это вопрос возник сразу же после создания институтов евразийской интеграции. См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии...

В этой связи гораздо перспективнее, если система безопасности будет представлять собой сеть суверенных государств, лишенную жесткой иерархии, существующей в виде сети «клубов». Очевидно, что и в этом случае страны Запада будут стремиться оказывать дезинтегрирующее влияние, но оно не будет опираться на набирающую силу тенденцию автаркии. Более того, внешне это не будет иметь признаков антиамериканской и антизападной направленности (что подчеркивается и сегодня), что очень важно для некоторых государств-членов⁸.

Демонстрация Д. Трампом способности радикального влияния на ЕС и НАТО означает, что эти коалиции также будут поставлены под сомнение существования в будущем, которое должно разрешиться либо готовностью европейских стран самостоятельно (без США) определять будущее своих союзов, либо простым и полным подчинением США. Не случайно на форуме в Давосе в 2025 году О. Шольц сформулировал повестку дня будущего развития ЕС как «объединение более 460 миллионов европейцев», а не говорил уже об атлантической солидарности⁹.

Ключевой проблемой в развитии союзов и коалиций будет проблема именно военной безопасности, решение которой (как ясно осознал еще ранее Д. Трамп) является высшим национальным приоритетом и не может быть коллективным решением. Проблема национальной военной безопасности в условиях нового миропорядка становится вновь наиболее приоритетной (в том числе даже в политике такого циничного прагматика-торгаша, как Д. Трамп).

Предлагаемая работа исследует некоторые возможные и наиболее вероятные варианты развития различных сценариев международной обстановки (далее — МО), военно-полити-

⁸ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

⁹ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

ческой обстановки (далее — ВПО) и национальной стратегии России, в результате которых будут развиваться процессы формирования альтернативных систем безопасности и коалиций как глобального, так и регионального масштаба, прежде всего в Евразии. Но не только. Вполне допустимы варианты таких сценариев на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и в Африке, а также Латинской Америке¹⁰.

Очевидно, что новый этап радикального мирового переустройства будет дестабилизировать МО и ВПО в течение не менее одного ближайшего десятилетия, что потребует максимальной мобилизации ресурсов России и повышения эффективности ее политики безопасности. Существующие аналитические наработки для стратегического планирования определенно недостаточны.

¹⁰ Подберезкин А.И. Политика и стратегия правящей элиты СССР/России // Обозреватель. 2025. № 1. С. 58–74.

ГЛАВА 1

МЕСТО СИСТЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БУДУЩЕМ МИРОПОРЯДКЕ

План Лисандра был рассчитан не столько на уклонение от боя, сколько на непрямые действия, на удары по противнику тогда и там, где шансы были целиком на его стороне¹¹.

Бэзил Лиддл Гарт, военный теоретик

Современная политология России мало что может объяснить, а тем более спрогнозировать развитие событий и тенденций в мировом развитии человеческой цивилизации. Даже в ее наиболее простом разделе — только отношениями между субъектами МО — государствами¹². Вершина такого современного «прогноза» — приписываемая Е.М. Примакову идея «многополярности», которая, однако, в самых разных формах существовала и прежде, еще до 1990-х годов (например, в документах КПСС о трех центрах мирового соперничества).

В первые два десятилетия нового века стало особенно политически актуально и даже модно говорить о развале «однополярной системы» мира, существующей под контролем США после уничтожения СССР и ОВД. Во многом справедливо — старая система и ее институты, включая международно-право-

¹¹ Лиддл Гарт Бэзил. Стратегия непрямых действий. М. : АСТ, 2018. С. 34.

¹² В частности, см.: Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

вые, фактически рухнула, а ее остатки в виде институтов (ООН, ОБСЕ и многих других) доказывали раз за разом свою неэффективность. Позже эта мысль стала общим местом в рассуждениях политологов и публицистов, хотя практические подтверждения не спешили себя обнаруживать¹³.

В эти же годы появились сразу несколько моделей мироустройства, которые были альтернативными глобальной модели, контролируемой США, но отнюдь не отличались практичностью использования в политической области. Специальная военная операция показала всему миру, что у США и оберегаемой ими модели глобального управления на практике есть огромные резервы¹⁴. Скорее всего, это были достаточно абстрактные и даже умозрительные идеи, в лучшем случае концепции, к числу которых можно отнести и идею (концепцию) создания системы евразийской безопасности¹⁵.

Как и любая идея создания системы безопасности, идея создания системы евразийской безопасности опиралась на стремление исключить из практики международных отношений применение силы в качестве инструмента внешней политики государств, заменив эту практику механизмами договоренностей, соглашений и правовых норм. Эти механизмы обеспечивают безопасность несиловыми средствами. В этой связи целесообразно уточнить определение *системы международной безопасности* как такой системы взаимоотношений государств, при которой государства *самостоятельно располагают возможностью*

¹³ См., например: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

¹⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

¹⁵ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

сouverенного определения форм и путей своего экономического, политического и культурного развития, когда они в целом свободны от угрозы войн, экономического, информационно-когнитивного и политико-дипломатического принуждения, а также любого иного внешнего вмешательства в их внутренние дела.

Вопрос о реалистичности и практичности этой концепции остается открытым потому, что, как известно, во-первых, в основе политики государств лежат *объективные интересы* (потребности) наций, государств и коалиций, а также социальных классов, слоев и групп населения, включая личные интересы отдельных личностей¹⁶, которые, как правило, не совпадают и противоречат друг другу, а, во-вторых, *субъективно* и нередко (даже, как правило) неадекватно отражаются в целях и задачах политики (тем более использовании тех или иных силовых средств такой политики).

Как первая, так и вторая группа противоречий неизбежны, а их устранение на длительное время путем каких-либо договоренностей, международных норм, решений об отказе от применения силовых (военных и не военных) средств политики выглядит иллюзорным, даже наивным. Конечно, достижение рая на Земле — великая цель, но насколько она реальна? Точнее, насколько реально отказаться от решения противоречий между интересами субъектов политики и их субъективным восприятием только мирными средствами?

Надо честно признать, что все эти «локальные» модели миропорядка и глобальных институтов невозможны в качестве основы для глобального миропорядка и системы безопасности. Как на Западе, так и на Востоке. Кризис в НАТО и ЕС нарастает, международные институты находятся давно уже в глубочайшем кризисе.

¹⁶ Система интересов включает в себя не только интересы, противоречащие отдельным субъектам МО, но и интересы внутри одного субъекта, например, групповые, классовые и государственные интересы Советской России после революции.

Политолог Ф. Лукьянов писал по этому поводу, как всегда образно, красиво и не очень понятно: «Демонтаж прежнего ми-роустройства — тема в последние годы популярная. На уровне общих рассуждений все понятно, даже стройно. Завершение иерархии, рост влияния разных стран и народов, сложная и не-устойчивая, но в целом более справедливая система, выстраивание отношений нового типа, отражающих нелинейность образу-ющеся мира»¹⁷. Нет справедливой системы, нет нелинейности, но, действительно, есть «сложная и неустойчивая система» ми-роустройства.

Во многом это обстоятельство — результат доминирования либерального миропорядка и кадров в последние десятилетия. Это сказывается прежде всего на качестве понимания полити-ческих реалий. Нужен своего рода катарсис¹⁸, освобождение от устоявшихся в последние десятилетия либеральных насле-ний в науке и методологии¹⁹. И в людях. Например, в отноше-нии других государств и территорий, даже народов и этносов, которым русские традиционно создавали максимально благо-приятные условия для развития. Как, например, финнам. В очень поучительной истории российско-финских отношений, для Рос-сии есть мораль, которую необходимо подчеркнуть на будущее правителям России: создание привилегированных условий для инородцев в России, всевозможных автономий с готовыми правительстами для будущего отделения, причем всегда за счет русского населения, осыпание их всевозможными

¹⁷ Лукьянов Ф. Ведущие вниз // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1 (131). С. 5.

¹⁸ Катарсис — зд.: понятие, которое используется в психологии и ли-тературе, и означает очищение или освобождение от накопившейся внутри эмоциональной и интеллектуальной напряженности, связанной с прежними, частно ложными представлениями.

¹⁹ Специальная работа по этой теме была опубликована автором в 2024 году. См.: Подберезкин А.И. Онтология современной международ-ной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Меж-дународные отношения, 2024. 1670 с.

благодеяниями, попытки купить любовь и дружбу — занятие в историческом плане совершенно бесполезное, крайне для России вредное. Оно способно дать лишь временный позитивный эффект очень дорогой ценой²⁰. Однако уже в среднесрочной перспективе это заявка на сепаратизм, создание конкурента, соперника, врага. Благодарности за такого рода благодеяния мы никогда не получали и не дождемся.

Если о прежней системе мироустройства и миропорядка, существовавшей до начала нового века, еще можно говорить (как минимум с долей условности), то сегодня таких общепринятых систем нет, и, что особенно важно, они пока что не видятся в сколько-нибудь согласованном и общепринятым понимании. Рассуждают по-прежнему об «однополярном», «двух и многополярном» мире, о хаотизации международной обстановки (отсутствии системы вообще) и пр. В политике и политологии, однако, так и не появилось сколько-нибудь осмысленной концепции нового мироустройства и миропорядка, что резко снижает возможность анализа МО и ВПО²¹.

²⁰ По этой проблеме автором и коллегами было опубликовано за последние два десятилетия несколько работ, в частности, см., например: Подберезкин А.И. Некоторые вопросы теории и методологии анализа современных стратегий безопасности государств: монография / под ред. О.Е. Родионова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Центр военно-политических исследований, Кафедра всемирной и отечественной истории. М. : МГИМО-Университет, 2023. 541 с.

²¹ По этому поводу в последние годы было опубликовано несколько работ, в частности: Подберезкин А.И., Родионов О.Е. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности : монография. М. : МГИМО-Университет, 2022. 440 с.; Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Прогноз развития международных отношений на среднесрочную и долгосрочную перспективу // Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке / под общ. ред. В.Б. Зарудницкого, И.В. Копылова, С.Н. Мажуга, А.Н. Столярова. М. : ВАГШ, 2024. С. 559–572; Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции

Существует множество моделей и пониманий, которые существенно отличаются друг от друга. Крайне трудно говорить о теоретических основах явления, само существование которого еще не стало общепризнанным, а именно — нового мироустройства. Точнее можно было бы сказать, что старое мироустройство, существовавшее после Второй мировой войны до недавнего времени, и старый миропорядок уже изжили себя и уходят в прошлое. Наступает время нового мироустройства и нового миропорядка, которые еще только формируются, причем не всегда последовательно и не понятно по каким правилам.

Предлагаются самые фантастические модели, среди которых наиболее вероятные относятся к моделям, иллюстрирующим появление и борьбу новых центров силы, как правило, во главе с некоторыми локальными человеческими цивилизациями — западной, китайской, индийской, исламской, африканской, латиноамериканской и некоторыми другими.

На мой взгляд, этот подход наиболее перспективный. Становится все яснее, что именно ЛЧЦ, обладающие своими цивилизационными интересами и системами ценностей, могут стать основой будущего миропорядка. У них есть определенно общие базовые черты, выделяющие их из строя других субъектов МО. Так, у всех этих ЛЧЦ есть как минимум один общий знаменатель, численность населения порядка 1400 миллионов человек: у китайской, индийской, исламской, даже африканской и «североатлантической». Российская ЛЧЦ — исключение в этом ряду (численность ее ЛЧЦ сознательно сократили после раз渲ала СССР до 150 миллионов человек), но учитывая целый ряд других важнейших геополитических факторов силы (территорию, природные ресурсы, транспортные коридоры, историко-культурное значение, политическую и военную мощь и др.)

на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.; Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46; Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

она также может с полным основанием претендовать на роль самостоятельного мирового центра силы и ЛЧЦ. Тем более что именно такую роль она исторически долгое время играла²².

Очевидно, однако, что старый миропорядок и его старые правила и нормы, нарушение которых в США рассматривают как «оппортунизм» России, Китая и Ирана, меняются на новые, в основе которых лежит равноправие и соблюдение национальных интересов и ценностей, будут постепенно замещать существующие нормы и порядки. Эти процессы неизбежно будут протекать в силовом и военно-силовом противоборстве, результатом которого станет формирование нового миропорядка²³.

Государства в XXI веке поставлены западной коалицией перед выбором: либо принять действующий мировой порядок, существующий как нормы и правила в понимании Запада, либо попытаться выступить против этого порядка, создав новый, противоположный западному, миропорядок, соответствующий собственным национальным интересам. Этот политический выбор будет неизбежным выбором форм противоборства — мягких (если правящие элиты будут готовы поступиться национальными интересами) и жестких, военно-силовых. Иными словами, новый миропорядок в процессе установления неизбежно будет вести к усилению противоборства. Это надо отчетливо понимать правящим элитам государств²⁴.

В самом общем виде это силовое противоборство формируется в рамках двух «генеральных» глобальных тенденций — глобализации и автаркии, соотношение между которыми в конечном счете предопределяет внутреннюю и внешнюю политику

²² Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

²³ См. подробнее: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др. ; МГИМО МИД РФ, Центр военно-политических исследований. 2018. 768 с.

²⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

государств. Там, где продолжает доминировать глобализация (как в России до второго десятилетия нового века), доля автаркии стремится к нулю, а суверенитет превращается в фикцию. Это очень хорошо видно на примере европейских государств, где (как в Венгрии, Словакии и Сербии) сохраняются остатки автаркии и отчасти суверенитет и системы ценностей.

Россия в последние два десятилетия постепенно освобождается от контроля глобалистов и медленно выходит из колониальной зависимости. Это происходит в рамках силового противоборства автаркии и глобализма во всех областях — культурно-образовательной, политической, финансово-экономической и военной. В этом смысле СВО на Украине — часть более общего процесса. Не только российской, но и мировой политики.

В то же время Россия не исключает возможностей по достижению компромиссов и политических договоренностей, то есть не абсолютизирует военную силу даже в условиях слома существовавшего миропорядка. Так, на совещании с руководством МИД России, 14 июня 2024 года, например, В.В. Путин предложил создать в качестве новой системы безопасности «Евразийскую систему международной безопасности», в которую могут войти и страны — члены НАТО²⁵. Это предложение было сделано в рамках логики декабрьской инициативы (2021 г.), где речь шла о договоре о системе безопасности, проигнорированной странами НАТО. Эта инициатива означает, что вместо евроатлантической системы безопасности в Европе и в мире под контролем США предлагается равноправная система всех участников Евразии (без «внешних» участников, провоцирующих войну), которые заинтересованы в мире в Евразии²⁶.

Очевидно, что эта инициатива оказалась не воспринятой на Западе по понятным причинам — там планируют «стратегическое

²⁵ Путин назвал условия для мира с Украиной // Коммерсант. 14 июня 2024 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6771879?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

²⁶ См. подробнее: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам.

поражение России». Ответная реакция Запада и Украины — обстрелы гражданских объектов и террористическое нападение на Курскую и Белгородскую области, усиление поставок новейших, в т.ч. дальнобойных, вооружений на Украину, угрозы объявления войны — стали естественным шагом уже со стороны всего блока²⁷.

Вместе с тем теоретически остался нерешенным вопрос о том, можно ли вести переговоры и выступать за соглашения в условиях, когда конечные стратегические цели (как у России и Запада) диаметрально противоположны. Или эта инициатива — очередной пропагандистский шаг в сторону российской либеральной публики, искренне «страдающей» от СВО.

²⁷ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

1.1. ПРАВО И СИЛА: МИРОВОЙ ПОРЯДОК И МИРОВОЙ БЕСПОРЯДОК

Западным странам выгодно,
чтобы вместо РФ было зависимое,
угасающее, вымирающее пространство²⁸.

С. Лавров, министр иностранных дел России

Применение силы, как и практика использования войн государствами, — не только история, но и будущее человечества, с чем необходимо смириться, если оставаться в рамках политики здравого смысла. Попытки исключить войны из политики приводят только к появлению наивных, вредных и опасных иллюзий, которые были, например, у М.С. Горбачева, стремившегося увековечить память о себе как о либеральном коммунисте. В новом веке вновь стал актуальным риторический вопрос о том сила или право лежат в основе миропорядка. Со второй половины XX века политики, политологи и журналисты пытались доказать, что международное право и его институты — основа миропорядка, хотя в реальности большинство реальных политиков прекрасно понимало, что это только благостное пожелание²⁹.

²⁸ Лавров С.В. Выступление в МГИМО 2 сентября 2024 г. // Коммерсант. 2 сентября 2024 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6932773?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

²⁹ Войны существовали всегда, иногда очень длительное время, так же как и силовое противоборство и замороженные конфликты (более 20 государств и несколько десятилетий). Наиболее одиозный пример — 325-летняя война Нидерландов с архипелагом Силли (в настоящее время проживает немногим более 2000 человек), входящим в состав Великобритании. Из-за отсутствия мирного договора она формально продолжалась 335 лет без единого выстрела, что делает ее одной из самых длинных войн в истории и войной с наименьшими потерями. Несмотря на неопределенные действия во время объявления войны, мир, наконец, был объявлен в 1986 году.

Но оно было выгодно прежде всего тем, кто встал во главе нового миропорядка и его институтов, — США и некоторым их союзникам³⁰.

В настоящее время можно констатировать, что существовавший после Второй мировой войны мировой порядок, основанный на контролируемом противоборстве СССР и его союзников, с одной стороны, и США и их сторонниками, с другой, был фактически уничтожен к 90-м годам прошлого века. Наступил период «мирового беспорядка», когда право силы, а не международное право и договоренности, стало определять правила поведения. Так продолжалось до начала 20-х годов уже нового века, когда сила перестала быть абсолютным преимуществом только США. Наступил период формирования мирового порядка разными силовыми центрами, а не одним³¹.

В то же время, вполне в соответствии с марксистской диалектикой, начался новый исторический период переоценки форм силовой борьбы. Как справедливо писал в 1906 году В.И. Ленин, «В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от исторических условий, политических, национально-культурных, бытовых и пр. различные формы борьбы выдвигаются на первый план...»³². В настоящее время эти формы — преимущественно силовые, не военные, получившие название «гибридной войны», как одной из разновидностей «войны с применением непрямых действий», описанной вполне полно полвека назад Б.Л. Гартом³³.

В мире до настоящего времени остался единственный центр силы, использующий глобализацию в качестве инструмента своей политики доминирования. Считается, что ведущую роль в дан-

³⁰ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

³¹ Там же.

³² Ленин Владимир Ильич. Великая война. М. : Эксмо, 2024. С. 170.

³³ См. подробнее: Лиддл Гарт Бэзил. Стратегия непрямых действий. М. : ACT, 2018. С. 34.

ном процессе играет бурный рост международной торговли, происходящий на тех или иных исторических этапах. Впервые слово «глобализация» (в значении «интенсивная международная торговля») употреблял Карл Маркс, который в одном из писем Фридриху Энгельсу конца 1850-х гг. писал: «Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась».

В широкое же словоупотребление данный термин вошел сравнительно недавно, лишь в 1990-х годах, хотя сам процесс начался, по оценке, например, Е. Примакова, еще в рабовладельческие времена.

На основе глобализации и господства США в мировой торговле после Второй мировой войны возникла на какое-то время (западная) мировая финансово-экономическая система, контролируемая США и глобальными институтами, откровенно претендующими на создание нового мирового порядка, соответствующего их интересам, нормам и правилам. После раз渲ла СССР и Социалистического содружества контроль США над глобальными процессами стал охватывать весь мир³⁴.

На самом деле все представления о мировом порядке относятся к его самому «нижнему» разделу — отношениям между государствами, хотя существенно более высокий уровень — цивилизационный — остается вне пределов анализа. В отличие от систематики биологической, в социальной систематике все ограничивается «нижними этажами».

Иерархия деления животных на виды и семейства: близкие (родственные) виды животных объединяются в роды, близкие роды образуют семейства, родственные семейства составляют отряды, отряды объединяются в классы, классы — в типы, а типы — в царство.

Достаточно сравнить эти две системы (см. рисунок ниже).

³⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

Если проводить аналогию отношений человеческого общества с природой, то:

- «вид» можно отнести к отношениям между государствами, что фактически совпадает с представлениями о виде в природе, где вид — это исходная единица классификации; организмы относят к одному виду по ряду критериев — сходное строение и поведение, идентичный набор генов, сходные экологические условия обитания, свободное скрещивание между собой, определенная территория (ареал);
- «род» — между нациями (близкие роды образуют семейства /например, ангlosаксов/ и локальные человеческие цивилизации);
- близкие «семейства» — объединяются в «отряд» — отношения внутри всего человечества с другими отрядами класса «млекопитающих».

Это же означает, что у «отряда» человечества нет отношений с более высокими уровнями природы — «типами», «царствами» и «империями».

Иными словами, современный миропорядок — это отношения между преимущественно «видами» живых организмов, объединенных в государства. Отношения более высокого уровня — между «родами» и «семействами» внутри всего человечества остаются на периферии строительства миросистемы. Государства и их интересы и ценности доминируют, являясь «исходной единицей» всей классификации.

Рассуждая о системе международных отношений, мы говорим об отношении преимущественно между видами («внутривидовыми»), очень редко — между родами, и совсем редко между семействами. И уж только в исключительных случаях — об отношениях «внутриотрядных», когда затрагивается, например, экологическая или природоохранная повестка дня или некие «космические» угрозы.

Глобализация — как объективный процесс и политика наиболее развитых стран — во многом стала попыткой игнорировать внутриставовые интересы и противоречия в интересах более высокого, «семейного» уровня. Это не может, в ближнесрочной перспективе, стать окончательным позитивным результатом, потому что интересы «семьи» всегда будут подрываться межвидовыми различиями базовых интересов «видов». В данном случае государств.

Их ликвидация может осуществляться только медленными и согласованными усилиями, которые не будут противоречить видовым интересам и ценностям, а не силовым давлением и политикой принуждения³⁵.

Эта глобальная система, создаваемая во главе с США, не может существовать длительное время потому, что она изначально игнорирует интересы стремительно и объективно усиливающихся других субъектов МО (что прекрасно понимали, например, еще в 1980-е гг. в Объединенном комитете разведки США).

³⁵ Подберезкин А.И. Политика и стратегия правящей элиты СССР/России // Обозреватель. 2025. № 1. С. 58–74; Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

Эти интересы оформляются стихийно и сознательно в автаркию³⁶, которая в нарастающей степени противоборствует глобализации. В настоящей работе автаркия — вариант широкой экономической и политической, а также военной автономии страны, защищенной от самых негативных последствий внешней зависимости и глобализации. В отличие от классической автаркии, российская автаркия не предполагает полной изоляции, но лишь резкое сокращение влияния «недружественных стран» на суверенитет, экономику и общественно-политическую жизнь страны. В этом, инструментальном, качестве автаркия позволяет показать, в какой точке между двумя полюсами — открытой экономикой и автаркией — должна находиться конкретная национальная экономика с позиций устойчивого экономического роста³⁷.

Существование современного миропорядка, основанного на доминировании США и глобализации, по мнению руководства Объединенного комитета американской разведки, можно пролонгировать и приспособить под потребности глобалистов, если, во-первых, сохранить превосходство в военно-технологической области и, во-вторых, сформировать коалицию заинтересованных государств во главе с США, которые смогут взять под контроль происходящие в мире основные процессы³⁸. Эта дол-

³⁶ Автаркия (от др.-греч. αὐτάρκεια — самообеспеченность; самодостаточность) — здесь: система замкнутого воспроизведения сообщества, с минимальной зависимостью от обмена с внешней средой; экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний товарный оборот. В современной экономической лексике автаркией обозначают экономику, ориентированную внутрь, на саму себя, на развитие без связей с другими странами. В этом плане автаркия — закрытая экономика, экономика, предполагающая абсолютный суверенитет. Автаркия предстает не столько как понятие, отражающее существующую экономическую реальность, сколько как инструмент экономического анализа.

³⁷ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

³⁸ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1596 с.

госрочная «двуединая» стратегия стала основой всех стратегий США, сменявших друг друга в последние 4 десятилетия. В настоящее время результатом этой стратегии стало доминирование США в военных расходах, военной торговле и военных технологиях (более 50% мировых), и создание подконтрольной США широкой военно-политической коалиции.

Иллюстрацией такой политики, например, стал опрос относительно будущей стратегии НАТО 30 ведущих экспертов РЭНД-корпорации накануне сессии Совета НАТО 10–11 июля 2024 года, которые «указали на возможности, которыми НАТО могло бы воспользоваться для обеспечения своего будущего: использование “огромных возможностей и превосходных географических преимуществ”, предлагаемых новыми членами НАТО, Финляндией и Швецией; укрепление партнерства НАТО с Европейским союзом, а также углубление сотрудничества с такими странами, как Южная Корея, Япония, Австралия и Новая Зеландия, способствуют стратегическому росту в нескольких ключевых областях — от гендерной проблематики в операциях до космической политики, выявления вспышек заболеваний и реагирования на них»³⁹.

К сожалению, теоретические работы относительно реальных перспектив развития мировых центров силы длительное время отсутствовали не только в СССР, но и в России, где политическая теория послушно шла за «вбросами» западной политологии. Прежде всего в отношении «безальтернативности» глобальных процессов. Российская политология положила огромные усилия (при поддержке — организационно-политической и финансовой — со стороны США и коллективного Запада), чтобы эта точка зрения стала господствующей в российской политической науке.

³⁹ Olivier Douriery Reuters, Lulla Fotolia, Pascal Rossignol/Reuters; design by Haley Okuley // RAND. NATO Summit in Washington: RAND Experts Weigh In 8, July 9, 2024 г. URL: <https://mail.google.com/mail/u/o/#inbox/FMfcgzQVxbfvspLbwtTxGzGNKtkBkRJD>

В итоге политический и внешнеполитический крах СССР и последующая катастрофа российской внешней политики так и не получили до конца точной оценки, как и политические лидеры, которые привели страну к такому итогу, впрочем, как и многочисленные политологи, которые до настоящего времени фактически отстаивают постулаты глобализации Запада⁴⁰.

Деглобализация⁴¹ и процессы автаркии, ставшие не просто реальностью, но и альтернативой на Западе, в российской политической науке и правящей элите встречают самое серьезное сопротивление. И не только скрытое, которое выглядит удивительным в условиях СВО и набирающих силу тенденций автаркии (неизбежных в этих условиях), но и откровенное, открытое, когда программы курсов, диссертации, печатные работы (в том числе и курируемые государственными фондами и чиновниками) откровенно ориентированы на возвращение доминирования глобальных идей в Россию.

⁴⁰ См., например: Подберезкин А.И. Некоторые вопросы теории и методологии анализа современных стратегий безопасности государств : монография / под ред. О.Е. Родионова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Центр военно-политических исследований, Кафедра всемирной и отечественной истории. М. : МГИМО-Университет, 2023. 541 с.

⁴¹ Начиная с форума в Давосе 2019 года отмечается усиление значения процессов деглобализации. МВФ предупреждал уже тогда о рисках фрагментации мировой экономики, которая может привести к снижению ее эффективности. Перспективы сжатия оцениваются в 0,2% мирового ВВП при «ограниченной фрагментации» и до 7% мирового ВВП при серьезном разделении. Технологическая фрагментация может обернуться потерей для стран 5% ВВП, а для некоторых стран — 8-12% ВВП. Разрыв торговых связей может отрицательно повлиять на страны с низким доходом и менее обеспеченных потребителей в странах с развитой экономикой. Было ясно, что экономическая фрагментация может привести к повышенной дисперсии доступа России к современным технологиям и внешнему заимствованию для инновационного развития, но в итоге это окажется времененным явлением.

Очевидно, что подобное отношение в условиях СВО неизбежно приведет либо к внутриполитическим обострениям (что является приоритетом Запада) между разными представителями общества и элитных групп⁴², либо к реваншу либералов-«западников», которые отодвинут от реальной власти В.В. Путина и его окружение или же смогут решительно повлиять на его политику.

⁴² Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

1.2. ПОСЛЕДСТВИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Ленин был мировым рекордсменом по игре без правил⁴³.

*Из предисловия к книге В.И. Ленина
«Великая война»*

Главное, что показала СВО, — возвращение к традиционному правилу, когда сила определяет публичный политический порядок. Анализ оперативных и долгосрочных последствий СВО для развития военно-политической обстановки в мире и в регионах имеет не только научное, но и конкретное прикладное политическое и военное значение. В том числе (может быть, даже прежде всего) для стратегического прогноза и стратегического планирования. Если, конечно же, он будет востребован лицами, принимающими решения. Таким образом, целью такого исследования является рассмотрение наиболее вероятных военно-политических последствий СВО для военно-политической обстановки в мире. Этот вывод может противоречить ряду оптимистических высказываний российских политологов относительно политики США в отношении России после победы на выборах Д. Трампа.

В феврале–ноябре 2024 года был подготовлен ряд исследований⁴⁴, в которых был сделан прогноз развития военной стратегии США и НАТО на украинском театре военных действий (далее — ТВД) до начала 2025 года. Этот прогноз в конечном

⁴³ Ленин В.И. Великая война. М. : Эксмо, 2024. С. 6.

⁴⁴ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.; Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46; Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

счете сводился к трем основным выводам, которые целиком подтвердились по итогам 2024 года.

Во-первых, ВСУ в 2024 году должны были перейти к активной обороне, прежде всего потому, что при такой стратегии тратится в несколько раз меньше ресурсов, чем в наступлении, что стало огромной проблемой для ВСУ уже в конце 2023 года. Надо сказать, что единственное исключение — «августовский рывок ВСУ в Курскую область», в результате которого были потеряны более 45 тысяч человек и лучшая техника, что подтвердило этот вывод⁴⁵.

Во-вторых, весь 2024 год должна была проходить эскалация поставок и нанесения ударов ВТО большой дальности по территории России. Этот вывод также был подтвержден уже в апреле—мае (когда начались поставки ВВСТ и прошли первые удары), а не в ноябре 2024 года, когда об этом активно заговорили публично.

В-третьих, весь 2024 год должна была происходить эскалация террористических атак, в том числе и по территории собственно России. Этот вывод также подтвердился, что стало особенно ясно после череды убийств в России осенью 2024 года, прежде всего после убийства начальника войск генерал-лейтенанта И. Кириллова и его помощника.

Кроме того, прогноз еще раз подтвердил долгосрочный и последовательный характер стратегии США на макрополитическом уровне.

Подтвердился, кроме того, и главный вывод в отношении эволюции конкретного варианта базового сценария внешнеполитической стратегии США в 2024 году как в области санкций (поддержаных администрацией Д. Байдена вплоть до конца срока президентства), так и в направлении ускоренной эскалации военно-силового противоборства в регионах, граничащих

⁴⁵ Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения сил и ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–33.

с Россией или имеющих для нее решающее значение. События в Армении, Грузии, Молдавии, Сирии, Прибалтийских государствах и Финляндии в 2024 году полностью подтвердили вывод о том, что вариант эскалации силового противоборства США станет распространяться на регионы, не только соседние с Россией, но и имеющие для нее стратегическое значение, такие как Северный морской путь (СМП), Арктика (в т.ч. Гренландия), Панамский канал и другие.

Насколько эта долгосрочная тенденция сохранится при Д. Трампе, который делает акценты на противоборстве с Китаем, покажет уже ближайшее будущее, однако, авторы полагают, что политика США носит принципиально долгосрочный и последовательный характер, ориентированный на укрепление национальных позиций в мире с помощью силы, включая военную силу⁴⁶.

Таким образом, приведенный пример доказывает, что оценки и прогнозы могут быть сделаны достаточно определенно и иметь практическое значение в том случае, если они учитываются теми, кто принимает не только практические решения, но и руководит научными исследованиями и образованием. В этом смысле можно отметить, в целом позитивный опыт анализов и прогнозов, которые делают ведущие центры США, и их практическое значение для долгосрочного стратегического планирования страны. Не случайно руководитель одного из таких авторитетных центров — РЭНД-корпорации — сказал по итогам 2024 года: «Мы гордимся тем вкладом, который внесли в важные дискуссии по политическим вопросам, многие из которых мы намерены продолжить в 2025 году. И что бы ни принес нам наступающий год, мы будем твердо придерживаться жизненно важной миссии, которая была нашим путеводным светом более 75 лет: совершенствовать по-

⁴⁶ См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

литику и процесс принятия решений с помощью исследований и анализа»⁴⁷.

Очевидно, что СВО оказала очень сильное воздействие на процесс формирования нового миропорядка и новую систему МО-ВПО, которая радикально, качественно отличалась от прежней, в которой откровенно и без сомнений доминировали США и их союзники. Но и это последствие зачастую приижается, потому что онтологически характер современной войны и ее политических целей максимально скрывается США и Западом в целом. Сохранение доминирования США и ставка на уничтожение в конечном счете России — такое военно-силовое противоборство нередко маскируется многочисленными абстрактными рассуждениями о «гуманистических и демократических» принципах мироустройства по западному образцу и сознательно развертываемой глобальной кампанией русофобии.

Поэтому зачастую, чисто «внешне», СВО еще выглядит как «захватническая война» России против Украины, что неизбежно «логически» определяет и достаточно «скромные цели» Запада в отношении нашей страны — вывод войск (даже, возможно, не со всех территорий) и прекращение военных действий. Примечательно, что эту концепцию поддерживают не только на Западе, но и отечественные либералы и многочисленные «молчуны» из среды научной и образовательной интеллигенции нашей страны.

С точки зрения анализа и экспертизы, а тем более прогноза развития ВПО, это означает на практике сознательное введение в заблуждение общества и правящей элиты политиками и политологами, которые научились при помощи «соросовских», откровенно дезинформирующих, приемов обманывать общественность еще с 90-х годов XX века. Примечательно, что и в настоящее время их остается абсолютное большинство.

⁴⁷ Оценивая результаты крупных анализов, сделанных в 2024 году // РЭНД. 19 декабря 2024 года. URL: <https://mail.google.com/mail/u/o/#inbox/ FMfcgZ QXKhPKcBsNxVjjFcPrvnRrhMQZ>

Длинные абстрактные рассуждения в отношении «мирных инициатив» Запада пытаются выдать за «научные» изыски, которые служат оправданием заведомо провальным оценкам и прогнозам, которые составляют абсолютное большинство «достижений» российской политологии, ориентированной на западные системы ценностей и интересы, в том числе на компромиссы и промежуточные соглашения «замораживания» военного конфликта.

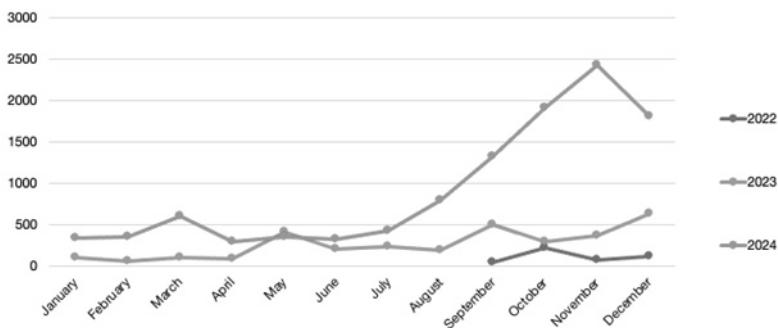
В реальности надо ясно осознавать, что эта цель переговоров по Украине — промежуточная, тактическая, позволяющая заморозить военный конфликт на длительное время, возможно, даже на десятилетия, превратив Украину в плацдарм для использования многих инструментов постоянного военно-силового давления на Россию с конечной целью «стратегической победы» — уничтожения суверенного государства и раздела его территории и природных ресурсов⁴⁸.

Это проистекает во многом потому, что России удалось неожиданно быстро восстановить целые области промышленности и ОПК, добившись в начале 2025 года впечатляющих результатов. Так, например, к началу 2025 года был фактически ликвидирован «снарядный голод», а также нехватка многочисленных компонентов ВВСТ и оборудования, которые стали реальностью в 2022 году. Численность используемых БПЛА, например, выросла в разы. Эта реальность является еще одним признаком того, что Россия вкладывает значительные средства в идею создания возможностей формирования «роя беспилотников» с искусственным интеллектом, которые могут сокрушить оборону Украины. В январе 2025 года это было продемонстрировано сразу в нескольких военных операциях, в которых массированно использовались БПЛА⁴⁹.

⁴⁸ Давыдов Д. Дело о 13 триллионах. На какие ресурсы положила глаз Америка // Регnum. 13 июня 2024 г. URL: <https://regnum.ru/article/3895129>

⁴⁹ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

Именно поэтому считается, что если США и их партнеры не предпримут срочных мер в ближайшее время, Москва вполне может получить эту возможность в полевых условиях в течение следующих нескольких лет. Россия, кроме того, добилась не только количественных, но и технологических достижений в этой области, в частности двух обновлений существующих технологий в области БПЛА.

Количество атак российских беспилотников типа «Шахед» («Герань») на Украину по месяцам (оценка РЭНД)⁵⁰

Во-первых, улучшенная навигация, скорее всего, основана на алгоритмах компьютерного зрения. Тот факт, что эти дроны могут работать без GPS, предполагает, что они используют новое поколение Digital Scene Matching Area Correlator (DSMAC), хорошо известную систему наведения, которая сравнивает изображения с бортовой камеры с предварительно загруженной картой местности в реальном времени.

⁵⁰ Бондарь К. Внутри российских планов создания автономных роев технологии БПЛА // Срочные военные новости. 8 января 2025 г. URL: https://breakingdefense.com/2025/01/inside-russias-plan-to-build-autonomous-drone-swarms/?utm_medium=email&_hsenc=p2ANqtz-kYtOnZiNeBlwCHXbf6rDN8-Yf

Во-вторых, в тот же компьютер, вероятно, загружена модель ИИ, обученная распознавать энергетическую инфраструктуру. Это шаг к автоматическому распознаванию целей, но сама идея не нова для современных ударных дронов. Тем не менее современные технологии позволяют обучать эти модели на меньших наборах данных и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, позволяя бортовому программному обеспечению не только распознавать цель, но и определять наиболее уязвимое место с высокой точностью.

В то же самое время необходимо признать, что США удалось уже фактически взять под контроль природные ресурсы Украины, принадлежавшие крупному бизнесу. Еще в 2022 году было признано, что на территории сосредоточены месторождения 21 редкоземельного элемента из перечня 30 веществ, которые определены Европейским союзом как «критическое сырье» в производстве устройств развития зеленой энергетики. Среди них — литий, кобальт, скандий, графит, tantal, ниобий и другие. «Примерно 5% всех мировых запасов “критического сырья” находятся в Украине, которая занимает всего 0,4% поверхности Земли, — заявила заместитель министра защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины С. Гринчук, выступая на заседании Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК), — при том что в ООН ожидают, что в течение ближайших двухдцатилетий спрос на медь и редкоземельные элементы возрастет более чем на 40%, на никель и кобальт — на 60–70%, а на литий — почти на 90%».

Известно, что для США сейчас задача номер один — избавиться от зависимости от Китая в части добычи редкоземельных металлов, которые нужны для производства полупроводников, базовых станций 5G, солнечных батарей. Пока что до 90% рынка контролирует Китай, умело шантажируя США и вводя ограничения на экспорт данного вида сырья. В случае нарастания противостояния между Пекином и Вашингтоном, ожидаемого с приходом Д. Трампа, включая конфликт вокруг Тайваня, КНР может и вовсе заблокировать экспорт редкоземельных элементов на мировые рынки.

В этом смысле СВО, которая быстро превратилась из «специальной операции» в полномасштабную войну России против широкой западной военно-политической коалиции, означала открытый вызов силовому господству США и в целом Запада. Такие вызовы в истории появлялись и прежде, например, со стороны Кубы, КНДР, Афганистана, Ливии, но они не носили характера принципиального политического противоборства, а имели очень ограниченные задачи, как правило, выживания и защиты суверенитета конкретного режима, иногда государства. Похожие войны против западной агрессии (на Корейском полуострове, в Индокитае, Центральной Азии, Латинской Америке и в других регионах) также носили исключительно оборонительный, региональный или локальный характер. Естественно, что они не угрожали, хотя иногда и вызывали «идеологическое» беспокойство у США и их союзников.

В отличие от таких локальных войн, СВО носит принципиальный характер возможности силового противоборства с целой западной коалицией, целью которой была не просто победа, но ликвидация государственного суверенитета, прежде всего политического руководства страны⁵¹, и полное уничтожение идентичности и целостности России как потенциального противника в формировании нового мироустройства. В данном случае предлагаются только некоторые, самые общие, тезисы, в которых представлена попытка обобщить основные выводы работ, опубликованных в 2024 году⁵².

Все основные выводы о перспективах развития стратегии США и НАТО в 2024 году практически были подтверждены самим ходом развития событий, которые происходили в мире

⁵¹ Не случайно «тренировки» с физическим уничтожением политических противников от П. Лумумбы, Ф. Кастро, Н. Чаушеску, Каддафи и Хусейна носили демонстративный характер.

⁵² Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала Специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

и в ходе СВО в 2024 — начале 2025 года. В частности, еще весной 2024 года прогнозировалось, что стратегия Запада на Украине перейдет преимущественно в террористическую область по отношению к территории России, а силовая эскалация будет нарастать во многом за счет европейских государств, которые будут широко применять в качестве силовой компоненты не только ВВСТ, но и наемников из самых разных стран. Иначе говоря, Запад будет продолжать эскалацию конфликта, а его стратегия будет скорректирована в сторону повышения ее эффективности — политической и военной. Такую задачу можно было просчитать еще в конце 2023 года, которая может быть названа разработчиками стратегии США в качестве центральной на 2024 год как «оптимизация военно-силового давления» на Россию. Ключевое слово для понимания здесь — «оптимизация». Ее основными положениями (формально подтвержденными на сессии Совета НАТО летом 2024 года) являлись⁵³:

- переход к активной обороне и полномасштабному использованию всех ресурсов Украины в войне против России, включая широкие мобилизационные мероприятия;
- ведение откровенно террористических операций против территорий России, прежде всего приграничных (предполагалось расширение глубины ударов по всей европейской части России и даже Уралу);
- усиление мероприятий по ограничению импорта в Россию из других стран наукоемких технологий и изделий;
- мобилизация политico-дипломатических усилий, государств и прочих акторов;
- прекращение на время острой фазы с целью лучшей подготовки к более широкомасштабной войне «на истощение».

⁵³ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала Специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

«Оптимизация», в том числе за счет использования ресурсов стран ЕС, — главная идея Д. Трампа, который предполагает изменение «пропорций» в использовании американской военной мощи в пользу КНР. Этот процесс, надо признать, начал происходить еще при Д. Байдене — фактически более 51% американской мощи ВМФ и авиации, более 400 000 военнослужащих было уже сконцентрировано на Индо-Тихоокеанском ТВД против Китая. На Тихом океане Пентагон создал подразделение нового типа — многодоменную оперативную группу (Multi-Domain Task Force), предназначенную для взлома обороны и уничтожения ключевых объектов противника. В целом же в регионе АТР уже свыше 200 объектов Вооруженных сил США, в том числе более 50 военных баз. Кроме того, Вашингтон планирует в 2025 году развернуть в АТР 1-й оперативный флот. Соединение будет действовать в акватории восточной части Индийского океана. Это высвободит ресурсы 7-го оперативного флота и сосредоточит его на решении задач в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, активизирует военную деятельность по сдерживанию КНР в Южной и Юго-Восточной Азии⁵⁴.

Участие США и практических членов западной военно-политической коалиции в противоборстве с Россией на украинском ТВД прежде всего ставит вопрос о *характере этого конфликта*, который некоторые участники называют «локальной войной», военно-силовым противоборством, кто-то «региональной» войной, а кто-то просто силовой конкуренцией разных субъектов ВПО. Причем не только на Западе, но и в России, где часть правящей элиты и политологов достаточно откровенно ориентированы на возвращение страны в полуколониальную зависимость (существовавшую в 90-е годы) и прекращение войны на любых условиях⁵⁵.

⁵⁴ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

⁵⁵ В частности, иностранный агент М.Б. Ходорковский ссылается на некоторых социологов, которые полагают, что этой точки зрения придерживается 13–15 % населения страны.

Другими словами, характер и цели СВО умышленно рассматриваются разными политиками, исследователями и преподавателями университетов очень по-разному в публичной сфере. В этом случае сознательно теряется сам смысл победы в «экзистенциальном» военном конфликте и смысл осуществления эффективной военной стратегии в отношениях с «коллективным Западом». *Если политическая цель военной стратегии не очевидна, то и сама военная стратегия становится абстрактной*, нередко не понятной даже исполнителям. Происходит не просто сознательное искажение западных целей войны против России и военной стратегии, которая сознательно деформируется в публичном политическом пространстве. Так, публично заявляя о вводе войск на Украину, президент Э. Макрон сразу же оговорился, что Франция «не участник конфликта и не воюет с Россией», что «ядерное оружие не инструмент политики» и т.д., сознательно дезинформируя своих союзников и противников о характере современного вооруженного противоборства на Украине⁵⁶.

Соответственно и возможные последствия такой войны искажаются. Если война Запада против России имеет ограниченный политический характер, то наиболее вероятно, что достижение «промежуточных» целей будет вполне достаточным для того, чтобы признать итоги войны. Но если война против России имеет экзистенциальное значение для Запада (как считают немало западных политиков), то эта война уже изначально ориентирована на достижение радикальных политических и иных целей. Речь идет об уничтожении государства и разделе территории России, а в конечном счете — ликвидации нации. Очевидно, что «полувоенными» мерами таких целей добиться невозможно. Собственно дискуссия об использовании ТЯО в 2024 году это отчетливо показала.

⁵⁶ Подберезкин А.И. Цель современной стратегии США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3. С. 34–48.

Несмотря на многочисленные заявления отдельных западных политиков, такая радикальная задача в отношении России не признается правящими элитами публично-политической, она всячески маскируется (хотя не случайно эти идеи постоянно «пробрасываются» неформально). Соответственно и окончательный выбор стратегии Запада в отношении России не всегда ясен. Это происходит потому, что радикальные долгосрочные цели в отношении России скрываются за самыми разными декларациями и политическими решениями, что требует в итоге трезвого признания реальных, а не декларируемых целей западной политики. В том числе и в правящей элите России, которая именно по этому вопросу разделена на несколько лагерей, каждый из которых продвигает свою «повестку»⁵⁷.

Из долгосрочной стратегии Запада просматривается единственная и совершенно *определенная и реальная перспектива оценки развития военного конфликта в условиях дальнейшей неизбежной эскалации развития базового сценария международной и военно-политической обстановки*, где существует единственный реальный доминирующий вариант в планах США и их союзников — *стратегия постоянного и последовательного ускорения эскалации военно-силового давления на Россию*. При этом, как и говорилось еще в начале 2024 года, предполагается расширение театра военных действий на Южный Кавказ, Молдавию, Прибалтику и Среднюю Азию⁵⁸.

Это практическое несоответствие деклараций современным реалиям отмечают многие как в России, так и за рубежом. Так, канадский эксперт В. Таки пишет: «Невозможность вписать нынешний конфликт в привычную для европейской и российской истории парадигму войны и мира объясняется не только эрозией смысловых границ между этими двумя состояниями,

⁵⁷ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

⁵⁸ Whitman J.O. Verdict of Battle: The Law of Victory and the Making of the Modern War. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2012. P. 300.

но и все большей размытостью привычных контуров самой войны. Со всеми оговорками, генеральное сражение или наступательная операция занимали в европейской кампании центральное место. Все аспекты военного планирования и самих боевых действий, так или иначе, подчинялись цели нанести поражение армии противника в таком сражении, вне зависимости происходило оно в течение одного дня на поле, обозреваемом с вершины холма, или растягивалось на многие недели/месяцы и направлялось командованием лишь посредством карт и средств связи. Сражение или военная операция предполагали победу или поражение, причем у участников боевых действий и у сторонних наблюдателей, как правило, не было сомнений ни относительно исхода битвы, ни относительно возможности отличить победу от поражения⁵⁹. Его принципиальный вывод: «Мы наблюдаем еще одно важное отличие нынешнего конфликта от европейских войн конца XVIII, XIX и первой половины XX века: он не только является собой неудачу наступлений и попыток нанести противнику решительное поражение на поле боя, но и демонстрирует практически неограниченное пространство для репрезентативной манипуляции реальным положением, складывающимся на земле». Иначе говоря, традиционное толкование целей войны и стратегии уже не раскрывает его реального и современного характера.

Принимая во внимание невозможность решительного исхода боевых действий, обусловленную соотношением противоборствующих сил и состоянием военных технологий, а также преобладание медийно-политического компонента конфликта над его собственно военной составляющей, можно сделать вывод о необходимости пересмотреть сам смысл победы и поражения в СВО. Другими словами, о победе может говорить сторона, которой «удается придать конфликту наиболее комфортный для

⁵⁹ Таки В.В. Принуждение к равенству // Россия в глобальной политике. 23.02.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prinuzhdenie-k-ravenstvu/>

нее характер»⁶⁰. В частности, это возможность сохранить относительно высокие темпы социально-экономического развития и роста ВВП в условиях войны. Именно так оценивается в конце 2024 года противоборство США и России, а именно «в процентах» роста ВВП, которые составили в 2024 году в обеих странах приблизительно одинаковый уровень в 3-3,6%.

«Комфортный» характер военно-силового противоборства предполагает для США возможность реализовать другие цели государственной или национальной стратегии. Например, сокращение миграции, издержек на бюрократию, наконец, перенос центра военных расходов на союзников, которые в странах ЕС и в странах АТР должны будут постепенно выйти на уровень военных расходов США.

Таким образом, онтологический характер войны и безопасности изменился. К ним стали относиться все важнейшие области жизнедеятельности — от продовольствия до производства боеприпасов. Как написал в августе 2024 года американский эксперт Д. Дрезнер, «в американской политике обозначение чего-либо как вопроса “национальной безопасности” автоматически повышает его важность. На языке наблюдателей за внешней политикой вопросы национальной безопасности, такие как регулирование оружия массового поражения, являются вопросами “высокой политики”, тогда как другие вопросы, такие как права человека, являются “низкой политикой”»⁶¹. Если США это удалось (в том числе потому, что война с русскими велась русскими и за русские деньги), то Россия, безусловно, хотела это сделать,

⁶⁰ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

⁶¹ Дрезнер Д. Как в американской политике все стало национальной безопасностью. И национальная безопасность стала всем // Форин Аффеарс. Август-сентябрь, 2024. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/how-everything-became-national-securitydrezner?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=China%20in%20Denial

но ей далеко не всегда это удавалось. Прежде всего в области безопасности, где она с 2014 года постоянно отходила от «красных линий» (которые, кстати, она же и не объявляла): сначала после переворота в Киеве, где Запад откровенно нарушил данные гарантии и открыто вмешался в события уже в прямой форме; затем после начала военных действий против гражданского населения в Одессе, Мариуполе, Харькове и бомбардировок Донбасса; затем на «Минских переговорах», а позже, уже в 2022 году на переговорах в Стамбуле; затем после поставок поэтапно наступательных вооружений, танков, ВТО, наконец, самолетов и пр.; еще позже после нападения на Белгородскую и, наконец, на Курскую области и т.д.; и наконец, после масштабированного использования ВТО большой дальности и серии террористических операций.

Иначе говоря, война с Россией рассматривается Западом в качестве долгосрочного процесса контролируемой эскалации *военно-силового противоборства*, которое должно завершиться полным политическим поражением нашей страны, где может и не быть традиционных договоренностей о капитуляции. Иногда такую стратегию называют даже «стратегией нарезки салями», когда каждая новая небольшая доля колбасы тщательно отмеривается, оговаривается и взвешивается. В результате реализации такой стратегии Россия постепенно, поэтапно, потеряет суверенитет, территориальную целостность и контроль над своими ресурсами, как практически произошло в 90-е годы XX века, когда Россия фактически превратилась в полуколониальную державу.

Такое поражение не потребует от России формальной капитуляции. Просто меняется политический режим, а контроль над политикой и ресурсами фактически переходит к Западу (через нанятую часть правящей элиты России).

Примечательно, однако, другое, а именно то, что для определенной части правящей элиты и общества эта капитуляция вполне приемлема. А значительное число обществоведов и аналитиков, а также преподавателей университетов работают активно именно в таком направлении. И на это делается созн-

тельная ставка. Думается, что как республиканцами и демократами в США, так и нанятыми ими политиками в Европе.

Естественно, что такая стратегия США и их союзников находится в постоянном развитии. Ее фактические рамки были заложены еще в начале 90-х годов XX века и позже реализовывались всеми администрациями США на двухпартийной основе, то есть она имеет долгосрочный, последовательный и согласованный в правящей элите страны характер. Если сознательно не преувеличивать значение декларативных факторов и влияния внешних сил на представителей политической и научной элиты России, то можно предложить формализованный сценарий развития современной ВПО в самых разных конкретных вариантах, представляющих наиболее вероятные перспективы на 2024–2025 годы.

В феврале–марте 2024 года была предложена такая схема наиболее вероятного развития сценария ВПО и наиболее вероятных его конкретных вариантов в 2024–2025 годах, которая была актуальна и позже, вплоть до прихода администрации Д. Трампа. В частности, наиболее вероятным базовым сценарием развития ВПО был указан сценарий «Эскалации военно-силового превосходства» в нескольких его наиболее вероятных вариантах, из которых до осени 2024 года, очевидно, реализовывался «Вариант № 1» — «Инерционное продолжение развитие эскалации», проводившейся с 2014 года.

Его основные особенности также подтвердились (поставки ВТО, террористические операции и пр.) к осени 2024 — началу 2025 года. При этом была заметна и тенденция неизбежного перехода в рамках одного сценария от действующего варианта к «Варианту № 2» — «Усиление эскалации и распространение ее на другие регионы». Эта тенденция угрожала стать реальностью уже в начале осени 2024 года по мере распространения ее на Армению, Грузию, Молдавию, Белоруссию и Казахстан, а также другие регионы. Развитие событий в Армении, Грузии и Молдавии, а также в Сирии и Монголии только подтвердила актуальность избранной Западом стратегии.

Это может означать только одно — *сознательный перевод военно-силового противоборства с Россией из регионального в глобальный масштаб*. Параллельно происходило усиление давления «по всем азимутам» не военного силового противоборства — от торгово-экономического до спортивного и культурно-образовательного — с целью изолировать Россию от внешних потенциальных партнеров и союзников, которых США пытаются вовлечь в прозападную коалицию. Не случайно то, что санкционная политика США и их союзников в декабре 2024 — январе 2025 годов только усиливалась.

Наконец, огромное значение приобретает задача внутриполитической дестабилизации России. Причем одновременно в нескольких областях, но прежде всего в социально-экономической. Применительно к России — это угроза неизбежных сокращений расходов на социальные нужды и увеличение эмиграции на Запад. Не случайно В. Путин еще в Послании Федеральному Собранию России (28 февраля 2024 года) сделал основной акцент именно на темпах развития ВВП страны и демографии. Иными словами, военное поражение России становится интегрированным результатом всей силовой политики, а не только ее военной составляющей. Победить в войне ядерную державу военными средствами невозможно, но можно комплексом силовых средств. Не случайно авторитетный исследователь В. Таки достаточно определенно обратил внимание на логическое несоответствие и внешне очень противоречивые внешнеполитические и военные цели западной коалиции, которые нередко противоречат друг другу «в одном предложении» в войне против России, а именно: война, с одной стороны, традиционное и понятное из истории человечества средство уничтожения противника, но с другой — противника в современных условиях в силу военно-технических и иных особенностей нельзя уничтожить.

Парадоксально другое — современная война — это средство создания максимально благоприятных условий для самостоятельного развития. И В. Путин, и Д. Трамп это хорошо

поняли. Применительно к войне на Украине, это «средство» предполагает в том числе:

- ограничение экспортных возможностей страны (пример — «Северный поток» и поставки углеводородов США в Европу);
- сдерживание развития науки, культуры и образования, отток человеческого капитала и др.;
- сдерживание технологического развития (санкции);
- ограничения на темпы социально-экономического развития и внешнюю торговлю.

Естественно, что у членов широкой западной военно-политической коалиции против России цели внешней политики полностью не могут совпадать, в том числе и главная цель — сдерживание развития и полный развал России.

Анализ позиции союзников и партнеров Украины (реальных и потенциальных), входящих в эту коалицию против России на стороне Украины, и вероятных форм их участия в военно-силовом противоборстве с Россией будет не полным, если ограничиться исследованием позиции только тех субъектов мировой политики, которые традиционно рассматриваются в качестве главных союзников Украины — США и страны — члены НАТО.

Феномен современной войны на Украине заключается в том, что помимо главных союзников США удалось привлечь в коалицию, ориентированную на длительный срок противостояния с Россией, значительное число других субъектов. Налицо концентрация совокупной мощи Запада и зависимых от него субъектов и акторов. Если согласиться, что общей целью такой коалиции является противодействие развитию России и создание благоприятных условий для собственного развития, то понимание общей цели и участие в ее достижении будет разным у всех участников. Для США, например, смысл, заключается в том, чтобы (в том числе) заставить своих союзников-конкурентов максимально поучаствовать в войне, ослабив их позиции в мире, что объективно укрепляет роль США в новом миропорядке, но у многих союзников такой конечной цели быть не может.

Важно помнить, что современная политическая цель противоборства с Россией у ангlosаксов — экзистенциальная (стратегическая и радикальная) — уничтожение суверенитета и целостности, а до этого — ослабление России и установление контроля над ее политикой и ресурсами. ВСУ отводится роль непосредственного военного исполнителя (но это только одно из силовых средств Запада), с помощью которого предполагается уничтожить государство, экономику и общество⁶².

Либерально-глобалистская идеологическая цель не предполагает промежуточных (прагматических или реалистических) итогов, кроме поэтапного ослабления и развала России, что требует концентрации не только ресурсов США и их союзников, но и всех других субъектов и акторов. От Австралии и Японии до Швеции и Швейцарии. В этом смысле 2024 год стал годом концентрации усилий всей западной коалиции для того, чтобы обеспечить не только ВСУ, но и всю коалицию необходимыми ресурсами для борьбы с Россией. Эту стратегию подтверждает сравнение В. Путина с Гитлером, а России с гитлеровской Германией Дж. Байденом в его обращении к конгрессу (7 марта 2024 года), в котором с точки зрения постановки политической и военной задачи противостояния с Россией тема войны была поднята на максимальную «принципиальную» высоту: «Никогда со времен президентов Линкольна и гражданской войны свободы и демократия не подвергались такому нападению здесь, дома, как сегодня... Свобода и демократия находятся под угрозой одновременно как внутри страны, так и за рубежом. За границей российский Путин марширует, вторгаясь на Украину и сея хаос по всей Европе и за ее пределами. Если кто-то... думает, что Путин остановится на Украине, то, уверяю вас, он этого не сделает»⁶³.

⁶² National Military Strategy of the United States. 2022. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/NMS%202022%20_%20Signed.pdf

⁶³ Полная стенограмма послания Дж. Байдена «О положении в союзе» от 7 марта 2024 г. // Таймс. 7 марта 2024 года. URL: <https://time.com/6898705/read-president-joe-bidens-2024-state-of-the-union-address-full-transcript/>

Из этого неизбежно вытекает и стратегическая цель России — в период с 2024 по 2030 год России предстоит решить задачу уже *не просто военной победы, но и собирания и увеличения национальных ресурсов*, то есть опережающего социально-экономического развития, которое обеспечит национальное выживание в условиях резкого ухудшения международной и военно-политической обстановки.

Надо признать, что подобная внешнеполитическая стратегия США достаточно прагматична и во многом уже была реализована в 2022–2024 годах — США удалось сформировать широкую военно-политическую коалицию, в которую на разных условиях и при разной степени внешнеполитического давления со стороны США вошло более 50 государств. Естественно, что их участие на стороне Украины разное, но тем не менее уже в 2024 году можно говорить об этой коалиции в целом как о некотором сложившемся международном субъекте, формирующем военно-политическую обстановку на длительную перспективу. Это следует из встреч на Мюнхенской конференции (февраль 2024 года) и подписанных рядом стран с Украиной соглашений как минимум на 10 лет.

США, правда, не удалось, как было прежде, до конца объединить все силы. Более того, безусловным успехом России стало то, что фактически появилась коалиция «Юг», противостоящая Западу. Важно вычленить особенности этой коалиции и специфику позиций входящих в нее стран — самостоятельных субъектов ВПО — по отдельным вопросам военной стратегии.

Во-первых, эти страны представляют собой очень разные субъекты международных отношений и ВПО, а во-вторых, их позиции могут существенно отличаться друг от друга⁶⁴. В-третьих, их субъектность в вопросах военной политики

⁶⁴ На рубеже 2024–2025 годов отчетливо проявилась тенденция в целом ряде стран Европы, противоречащая политике «коллективного Запада» в отношении России, которую нельзя недооценивать. Ее развитие в 2025 году представляется неизбежным, хотя влияние, скорее всего, окажется весьма скромным.

вызывает сомнение. В этой связи неизбежно возникает необходимость попытаться рассмотреть эти субъекты и другие субъекты западной коалиции как в качестве относительно самостоятельных объектов для анализа, так и выделить некую общую позицию, точнее — единую стратегию Запада, которая едина (в той или иной степени) в отношении Украины и России.

Также очень важно, чтобы основная мысль внешнеполитической и военной (главная идея) стратегии Запада не была потеряна в многочисленных, часто прямо противоречивых суждениях и мнениях политиков и СМИ. В частности, многочисленных публичных противоречивых заявлений в 2024–2025 годах руководителей правительств, внешнеполитических ведомств и министров обороны стран Запада о готовности (необходимости подготовки) войны с Россией и разного рода спекуляций о применении ядерного оружия.

1.3. Роль военной силы России в формировании нового мироустройства

Согласно договоренностям, в том числе в рамках ОБСЕ, ни одна страна не должна укреплять свою безопасность за счет других государств. Эти пункты Североатлантический альянс сейчас нарушает⁶⁵.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Военная стратегия как высшая область военного искусства исходит из того, что необходимы максимально эффективные способы военно-силового обеспечения прежде всего политических интересов безопасности России в мире. Собственно военные задачи всегда оказываются в подчинении политическим, даже в тех случаях, когда о них говорят как о наиболее важных, приоритетных. Например, в случае с уничтожением мостов через Днепр или других логистических центров, которые продолжают почему-то функционировать три года, хотя вполне могут быть уничтожены самыми разными средствами, имеющимися у Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ).

Иными словами, военная стратегия существует не сама по себе, а как следствие политической стратегии государства. Это означает наличие у государства — неизбежно и одновременно — как минимум нескольких наиболее приоритетных задач, которые определяются высшим политическим и военным руководством в конкретные исторические периоды⁶⁶. Так, например,

⁶⁵ Лавров С.В. Пресс-конференция 14 января 2025 года // Ура.ру. URL: <https://ura.news/news/1052867660>

⁶⁶ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46; Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

в декабре 2024 года на расширенной коллегии Министерства обороны Российской Федерации, выступил сначала президент России В.В. Путин, вполне определенно оценив состояние военно-политической обстановки как результат доминирования правящей элиты Запада в мире следующим образом: «Мы видим, что действующая администрация США, практически весь коллективный Запад не оставляют попыток сохранить свое глобальное доминирование, продолжают навязывать мировому сообществу свои так называемые правила, которые при этом раз за разом меняют, передергивая так, как им это удобно⁶⁷. Собственно говоря, есть только одно стабильное правило: никаких правил для тех, кто это делает, для тех, кто считает себя во главе всего мира, тех, кто считает себя представителями Господа на земле, хотя сами в Господа не верят»⁶⁸. Сказанное означает, что действия России в ходе СВО являются только частью общей стратегии силовой борьбы с западным политическим доминированием в мире, но не самостоятельной военно-политической задачей. Иными словами, «демилитаризация и денацификация» — только часть российской стратегии силового противоборства с западным доминированием в мире в условиях формирования нового миропорядка, то есть Россия и ее ВС в ходе СВО стали важным самостоятельным фактором силового противоборства за новый миропорядок, а не самоцелью. СВО — только часть политической стратегии России в мире в ходе всего обостряющегося процесса силового формирования нового миропорядка, которое никогда и нигде не происходило мирно и быстро. Это же означает, что процесс силового (и военного) противоборства займет не один год и неизбежно не ограничится одним ТВД, что подтверждает обострение ВПО на других театрах — Закав-

⁶⁷ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

⁶⁸ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации. 14 декабря 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75887>

казье, Молдавии и Румынии, на Балтике и в Арктике, наконец, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Примечательно, что на коллегии Министерства обороны Российской Федерации эти основные положения конкретизировал министр обороны страны А. Белоусов следующим образом. «Деятельность ведомства строится с учетом трех факторов»: первым фактором он назвал «ведение боевых действий на Украине, вторым — подготовку к возможной войне с НАТО в ближайшее десятилетие, третьим — развитие технологий»⁶⁹. Иными словами, именно долгосрочная политическая задача — подготовка войны с НАТО, то есть военно-силовое противодействие доминированию Запада, — министром была подтверждена как наиболее приоритетная задача, стоящая перед ВС РФ на СВО.

При этом стратегическую перспективу А. Белоусов обрисовал достаточно точно. По словам министра, России необходимо быть готовой «к любому развитию обстановки в среднесрочной перспективе». «Включая возможный военный конфликт с НАТО в Европе в ближайшее десятилетие». «Среднесрочная перспектива» — это, как правило, 5–7 лет, что действительно вполне соответствует многочисленным заявлениям европейских политиков в 2024 году о перспективах возможного военного конфликта с Россией.

Именно задачи военно-силового участия России в формировании миропорядка стали главными в 20-е годы XXI века. Поэтому только этими тремя задачами повестка дня военной политики России не ограничена. По мнению А. Белоусова, Россия, также должна выполнять «отдельные задачи и обеспечивать военное присутствие» в странах Центральной Азии и Африки, на Кавказе и в Приднестровье. Кроме того, стране необходимо

⁶⁹ «Развитие технологий» — важнейшая часть общей стратегии России, от которой во многом зависит результат силового противоборства с Западом и будущее мироустройство. Эта часть стратегии, безусловно, играет важную роль при подготовке и принятии важнейших политических решений в отношениях с другими странами, прежде всего не входящими в западную коалицию.

мо «стремительно развивать сквозные технологии». В их числе он назвал «искусственный интеллект, обработку больших данных и их высокоскоростную передачу»⁷⁰.

Иными словами, военная политика и военная стратегия России исходят как из потребностей собственно военной обороны страны и ведения военных действий, так и необходимости обеспечения военно-силовой поддержки своей внешней политики в мире, а также потребностей военно-технологического развития (безотносительно собственно конкретных внешних угроз), то есть поддержания военной мощи государства в качестве средства противодействия попыткам навязать России чужие «нормы и правила». Не случайно В.В. Путин подчеркивает, что «действующая администрация США, практически весь коллективный Запад не оставляют попыток сохранить свое глобальное доминирование, продолжают навязывать мировому сообществу свои так называемые правила»⁷¹.

Таким образом, в самом общем виде, анализируя стратегию России на современном этапе, следует рассмотреть такие аспекты, как:

- содержательный анализ постановки проблемы целеполагания;
- ее практическое политическое значение (которое предполагает краткое обоснование проблемы и ее современное военно-политическое значение);
- краткий обзор теории и истории обозначенной проблемы;
- наконец, развитие проблемы в современных условиях и возможный прогноз.

⁷⁰ А. Белоусов назвал задачей подготовку Минобороны к возможной войне с НАТО в Европе через 10 лет // Коммерсант. 16 декабря 2024 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7381374?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=

⁷¹ Выступление В. В. Путина на коллегии Министерства обороны Российской Федерации: полная стенограмма // Комсомольская правда. 16 декабря 2024 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27673/5025424/>

Таким образом, целью данного параграфа выступает содержательное рассмотрение военной стратегии и силы влияния государства как государственной проблемы.

Изначально следует подчеркнуть, что военная стратегия государства оказывает исключительно важное влияние на внешнюю политику и мощь внешнего влияния государств, являясь одним из важнейших слагаемых (точнее множителей, составляющих эту мощь)⁷². Эффективная военная стратегия многократно усиливает влияние государства не только на отдельном ТВД, где ведутся военные действия, но и, как правило, в мире. Так, успешные действия А.В. Суворова и Ф.Ф. Ушакова в Европе в конце XVIII века обеспечили России исключительно важное место в политике европейских государств вплоть до нападения коалиции стран, возглавляемой Наполеоном, а также последующее доминирование на континенте вплоть до середины века.

И, наоборот, неудачная стратегия России на Дальнем Востоке в начале XX века привела не только к падению влияния в мире, но и внутриполитической дестабилизации страны.

При этом военная стратегия — прежде всего специальная область, а именно военного искусства (хотя и с очень сильным влиянием смежных областей политики, дипломатии, психологии и пр.), а политическая, соответственно, — политического, хотя и в политической области сильно влияние экономических, финансовых, военных, дипломатических и иных областей отношений между субъектами МО и ВПО. Эта военная

⁷² В частности, в 2024 году мною были опубликованы несколько работ по этой теме. См.: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии : сб. материалов военно-научной школы. М. : ВАГШ ВС РФ, 2024. 228 с.; Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения сил и ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–33; Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

особенность отражается на политической стратегии государств иногда очень сильно, нередко предопределяя будущую политическую стратегию. Так, война, например, имеет своей важнейшей особенностью гарантированную непредсказуемость, поэтому политическое и военное искусство (как постоянно напоминает нам реальность) всегда не предсказуемо и не гарантировано даже абсолютным преимуществом в ресурсах и воле. В военной стратегии 2+2 всегда не 4, а 5, 6 и т.д., то есть не может быть наверняка спрогнозировано. Начальный этап СВО это в очередной раз продемонстрировал. И в этом случае влияние военной стратегии на политическую стратегию может быть очень сильным, но очень редко (практически никогда) решающим.

Общее, что объединяет политическую и военную стратегию, это то, что политическая и военная стратегия — искусство добиваться поставленных целей в самых разных областях наиболее эффективно, то есть быстро и с минимальными издержками, которое не дается автоматически тем, кто принимает решения, и совсем не означает, что превосходство, например, в ресурсах гарантирует позитивный результат. Силовое противоборство России и Запада в 2022–2024 годах происходило на фоне абсолютного несоответствия военной мощи России и западной коалиции, которое, например, по ВВП было в 30 раз больше у Запада⁷³.

Этот аспект, кстати, в начале 2024 года стал основным в стратегии НАТО на Украине, главным принципом которой стала «оптимизация»⁷⁴.

⁷³ Можно напомнить в этой связи, что военная мощь коалиции Наполеона и Гитлера в начале агрессии была как минимум в 5-7 раз больше, чем у России.

⁷⁴ Мартин Т. Европейская коалиция претендует на поставку на Украину 1 млн дронов // Срочные военные новости. 16.02.2024. URL: https://breakingdefense.com/2024/02/european-coalition-bids-to-deliver-1-million-drones-to-ukraine/?utm_campaign=Breaking%20Defense%20Air%20&utm; Мишель Й. Потери техники России в войне с Украиной растут // Между-

Некоторые страны, например Куба и КНДР, противостоят долгие годы враждебной стратегии США, несмотря на многократное превосходство последних в ресурсах. Эффективная политическая и военная стратегия — важнейший элемент совокупной мощи государства, который позволяет нередко компенсировать недостаток государственной мощи, сил и средств. Идеальные примеры Ф. Ушаков и А. Суворов — полководцы, каждый из которых участвовал примерно в 100 сражениях и (причем всегда в меньшинстве) все их выиграл.

В этой связи часто возникает вопрос о том, можно ли как-то представить (измерить) мощь и силу внешнего влияния государства. Классический пример — в виде простой формулы, приписываемой заместителю директора ЦРУ США в 70-х годах XX века генералу А. Кларку, где:

мощь (безопасность и влияние) государства в мире = (ресурсы + активы + военная мощь) × (эффективная стратегия, умноженная на политическую волю).

Из данной формулы следует, что если нет политической воли или эффективной стратегии (или даже вообще стратегии, как при М. Горбачеве и Б. Ельцине, когда ее эффективность равнялась нулю), то и весь второй множитель будет равен нулю, и, соответственно, первый множитель, умноженный на ноль, также даст в результате ноль, независимо от количества и качества ресурсов государства.

народный институт стратегических исследований. 12 февраля 2024 г. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/military-balance/2024/02/equipment-losses-in-russias-war-on-ukraine-mount>; Дуглас Б. Воздушно-космические силы Москвы: нет атмосферы превосходства. Международный институт стратегических исследований. 7 февраля 2024 г. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/military-balance/2024/02/moscowsaerospace-forces-no-air-of-superiority/>; Гади Ф. Заставить истощение работать: жизнеспособная теория победы / Международный институт стратегических исследований. 8 февраля 2024 г. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/survival-online/2024/01/makingattrition-work-a-viable-theory-of-victory-for-ukraine/>

Данная формула применялась в истории не раз. Последний раз в СССР и России — в период управления СССР М. Горбачевым и Россией Б. Ельциным, когда ни у первого, ни у второго не было никакой внятной стратегии (кроме «разрушить все»). Не было, как следствие, и осознанной политики и стратегии. Соответственно, не было и военной стратегии и военной политики, что в итоге закончилось развалом ВС России.

Следует напомнить, что политика⁷⁵ — это наука и искусство управлять государством (прежде всего его институтами), другими акторами и в целом большими массами людей ради достижения некой цели (например, завоевания и удержания власти). Применительно к целям настоящего исследования, политика — это прежде всего искусство управлять институтами развития национального человеческого капитала (НЧК) — государственными и негосударственными, международными и национальными, то есть политика должна иметь хоть какую-то стратегию.

В результате взаимодействия таких стратегий формируется новый миропорядок, который во многом предопределается доминированием той или иной стратегии государства (группы государств), как это имеет место в настоящее время, прежде всего с США и возглавляемой ими коалицией.

В нашем случае мировая политика и процесс формирования миропорядка — также сфера деятельности, связанная с отношениями между субъектами и другими акторами МО и ВПО, а кроме того, влиятельными социальными группами за пределами и внутри России⁷⁶. В политике, как известно, сконцентрированы основные интересы и потребности классов, социальных

⁷⁵ Напомню принятое в самом начале определение. Политика в данной работе рассматривается преимущественно в одном из своих узких значений — как человеческая управленческая деятельность, в которой государства в лице органов государственной власти и их должностных лиц, а также общественные институты и корпорации реализуют (достигают) свои цели: базовые ценности и интересы.

⁷⁶ Краткая российская энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия ОНИКС ХХI век, 2003. Т. 2. 965 с.

групп и наций, а содержание, цели и средства политики определяются конкретными историческими условиями и субъективными особенностями.

Политические цели могут реализовываться мирными или насильственными — силовыми (военными) и невоенными средствами и методами⁷⁷. Сказанное означает, что, с точки зрения политики, применительно к развитию того или иного сценария ВПО или Стратегии национальной безопасности России, можно рассматривать отношения между субъектами и акторами как политические и военно-политические отношения, а с точки зрения стратегии, политической и военной, — как стратегии отдельных, суверенных (или полусуверенных, что существует в большинстве своем в современном мире на практике) субъектов и акторов. Причем стратегии, находящиеся под исключительно сильным субъективным влиянием узкой группы политиков и военных, а иногда и одного лидера. Как правило, такие стратегии существуют в самых разных областях и на самых разных уровнях — от личностного до глобального.

Так, в США, например, есть политика, которая называется «Стратегией национальной безопасности»⁷⁸, а есть непосредственно вытекающая из нее «Военная стратегия»⁷⁹. Иногда ее называют политической стратегией⁸⁰, что вполне оправданно,

⁷⁷ Кондрашов В.А. Новейший философский словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2005. С. 454.

⁷⁸ Biden J.R. Interim National Security Strategic Guidance. Washington, 2021. March. 21 р.

⁷⁹ The National Military Strategy of the United States of America. Washington, 2015. April. 17 р.

⁸⁰ Политическая стратегия — наиболее общий, интегрированный вид стратегии, являющийся базой для существования и развития частных стратегий — дипломатических, военных, экономических, финансовых, информационных и пр., а также широкого спектра концепций и доктрин. Часто в основе политических стратегий лежат специальные политические документы: послания, выступления или печатные работы, а также нормативные документы: Стратегия национальной безопасности России (Указ В.В. Путина № 683 от 31 декабря 2015 г.) или Стратегия национальной

если речь идет о принципиальных положениях политики государства. И первое, и второе понятие являются политикой относительно других субъектов ВПО и стратегиями относительно собственных действий, но в разных масштабах и охватывая разные области. Политика нации, государства, а тем более коалиции государств, — понятие, которое существенно шире и связано с формированием не только внешних условий развития субъекта (МО и ВПО), но и внутриполитических реалий и возможностей. Так, например, в последние годы на базе членства в НАТО стала формироваться открытая антироссийская военно-политическая коалиция, в которую входят в том числе нейтральные государства. В частности, еще до начала СВО, 17 февраля 2021 года, в ходе пресс-конференции по итогам первого дня заседания Североатлантического совета на уровне министров обороны генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что военный альянс должен стать площадкой политического диалога всех «единомышленников НАТО» по противодействию России и Китаю⁸¹.

В целом политика и стратегия государств соотносятся как общее и частное, существующее во многом в субъективных представлениях правящей элиты и общества, что условно изображено на рисунке.

Область стратегии обозначена на рисунке заштрихованной окружностью, включающей в себя весь набор средств (в том числе /но не только/ ВВСТ и пр.) и способов (политическое и военное искусство). Это прежде всего область *субъективного восприятия правящей элитой политических целей и задач, способов и средств их достижения и национальных ресурсов (план и алгоритм реализации)*.

безопасности США, в частности, «Временное руководство Стратегии национальной безопасности» Дж. Байдена от марта 2021 года (Biden J.R. Interim National Security Strategy Guidance. Washington, 2021. March. 21 p.).

⁸¹ Аминов С. Утечка секретных документов министерства обороны США: информация о противовоздушной обороне Украины // Экспорт вооружений. 2023. № 2. С. 10–13.

На рисунке, в частности, отчетливо видно, что центральная роль в формировании современной политики и частично стратегии принадлежит представлениям правящей элиты государства о группе факторов «А» (национальные интересы и ценности), которые также влияют прямо на формирование таких групп факторов, как состояние международной, военно-политической и военно-стратегической обстановки и распределение национальных ресурсов и, опосредовано, через представления правящей элиты (группа факторов «Д») о политических целях, стратегии («руководящая идея») и «национальных ресурсах».

Собственно национальная (государственная) стратегия формируется в области, которая обозначена на рисунке между группами факторов «В»–«Г» под влиянием, повторим, субъективных во многом представлений о целях, средствах и способах их достижения, а также национальных ресурсах (группа факторов «Д»), основанных на базовом (политическом) национальном интересе и ценностях (группа факторов «А»).

Иногда это справедливо относят к области внутриполитических противоречий между разными частями правящей элиты страны. На практике, например, это выглядит следующим образом: в период политики горбачевского «нового мышления» (1986–1991 гг.), имеющего очевидно хаотичный, бессистемный характер, в основе которого лежали субъективные

нереалистические представления о состоянии и будущем МО-ВПО, была реализована некая абстрактная стратегия «нового мышления», в основе которой лежала наивная уверенность в готовности Запада к равноправному сотрудничеству с СССР и странами ОВД, учитуя их интересов, и его отказ от использования военной и иной силы во внешней политике.

В действительности, как известно, получилось иначе. Как позже напишет (в прошлом один из активных исполнителей этой идеи в специально созданной для этого в МИД структуре) доцент В. Кулагин, «после окончания холодной войны в сфере международной безопасности начинает формироваться новый феномен — крупномасштабные вооруженные вмешательства коалиций государств, имеющих целью принуждение государств — объектов такого вмешательства к изменению своей внешней или внутренней политики»⁸².

Другими словами, после окончания холодной войны исключительно благодаря «ложным субъективным представлениям» о политике и стратегии СССР, Запад не отказался от активного использования военной силы, а, напротив, дал своей политике новый, более мощный силовой импульс, который сдерживался прежде политикой силового противоборства СССР. Этот силовой импульс нам приходится в настоящее время преодолевать в ходе СВО. Иными словами, СВО — это средство исправить ошибки правящей элиты СССР/России⁸³.

В современной политической, экспертной и научной областях существует немало работ (в особенности за рубежом), когда авторы описывают самые разные методики и делают широкие обобщения относительно стратегии, в том числе и военной. Нередко эти заключения пытаются формализовать и сделать некие «универсальные» модели, которые оказываются, как правило,

⁸² Кулагин В. М. Современная международная безопасность : учебное пособие. М. : КНОРУС, 2017. С. 215.

⁸³ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

несостоятельными и практически неприменимыми. Так, в работе группы либеральных международников, сделанной по заказу фонда Сороса, предлагаются три модели мироустройства, в которых, по мнению авторов, отражены представления о современной МО:

- во-первых, на основе процессов глобализации и западных систем ценностей;
- во-вторых, цивилизационных противоречий, которые, по мнению этих либеральных авторов, «вряд ли можно рассматривать как основную черту устоявшегося миропорядка» (всего лишь через 15-20 лет после этого труда конфликт между ЛЧЦ достиг порога военных действий⁸⁴);
- в-третьих, «фрагментативность» — совмещение фрагментации и интеграции — переплетение этих направлений, в результате чего возникли разные модели однополярного (во главе с США) или «многополярного» (с ведущими центрами силы) мира⁸⁵.

Не трудно увидеть, что почти 20 лет, которые прошли с описания этих моделей, показали, что они имеют практическую ценность для содержательного анализа, а тем более прогноза развития МО и ВПО. Примерно такую же «ценность», как и все разговоры о «многополярности», которые в лучшем случае можно отнести к некоторым личностным политico-философским оценкам структуры МО-ВПО со стороны публицистов.

Во втором десятилетии нового века, когда очевидной становится ускоренная силовая трансформация цивилизационного конфликта в военно-силовой (который, повторим, либеральными

⁸⁴ В последней редакции СНБ этому были посвящены отдельные статьи (ст. 84–93). См.: Путин В.В. Указ № 400 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/47046/print

⁸⁵ Категории политической науки : учебник. М. : МГИМО-Университет; РОССПЭН, 2002. С. 624–626.

авторами вряд ли рассматривался «как основная черта устоявшегося миропорядка»), подобные сохраняющиеся оценки и прогнозы — сознательно или нет — только дезориентируют правящую элиту России в оценке и прогнозе развития основного сценария МО и ВПО.

Они очень далеки от практического анализа, который в реальности имеет значение, например, когда происходит то, что произошло в КНР, где Пленум ЦК КПК принял в июле 2024 года решение о старте фактического противоборства с США. Наш лучший китаист Н. Вавилов отметил в своем ТГ-канале по этому поводу главное: «В Пекине принято стратегическое решение о подготовке к масштабному разрыву экономических связей с США. Разрыв цепочек поставок и купирование рисков кризиса экономики при сокращающемся внутреннем рынке — основные темы 3-го пленума. Ничего нового, по сути, не будет, но лозунг Си Цзиньпина «Развитие с опорой на собственные силы» превратится в оформленную стратегию экономического развития Китая на ближайшие 10 лет. Важнейший элемент этой стратегии — ставка на Россию, незападный мир». Н. Вавилов снова все описал абсолютно четко, отметив готовность Пекина «к рискам отвязки от западных рынков»: «Для России это означает выход на новый уровень сотрудничества с Китаем»⁸⁶.

Для прикладных, политических задач стратегии и политики, как оказывается важна не только теоретическая основа оценки, но и исторический и практический опыт развития ВПО в мире. В этом случае можно согласиться со А. Свечиным, который писал еще 100 лет назад, что «нет, наверное, большего числа специалистов, чем в области стратегии, однако, абсолютное большинство из них считает, что, как говорил в этом случае Наполеон, нет такой грамматики, по которой можно было бы научиться писать “Илиаду” не хуже Гомера, и отсылающий

⁸⁶ Цит. по: Пленум компартии Китая взорвал мир. Си Дзиньпин навязал окончательный выбор // Царьград. 19 июля 2024 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZplvUSxiTV9mTQlN>

читателя, желающего охватить военное искусство, к великой книге истории»⁸⁷.

Тем не менее в последние десятилетия «научная» и историческая часть изучения взаимосвязи и особенностей современной политики и стратегии существенно окрепла, в том числе и потому, что появились новые возможности количественного анализа и сбора больших баз данных, а также благодаря разработке новых методик, однако, на мой взгляд, и сегодня методические и теоретические рекомендации могут рассматриваться только в самых общих границах анализа ВПО и СО, например, в ходе военных конфликтов, уступая по своему реальному значению историческим знаниям и практическому опыту. Следует признать, что В.В. Путину во многом удается совместить эти методы. Так, например, еще на заседании расширенной коллегии Министерства обороны Российской Федерации 19 декабря 2023 года, в разгар СВО, он в заключение доклада впервые специально вернулся к историческим аналогам и теории в отношениях России и стран НАТО⁸⁸.

Надо понимать, что современная онтология военно-политической проблематики, в частности государственных стратегий и их применения, требует *пересмотра практических всех основных положений, определений и категорий*, то есть масштабных и радикальных изменений в теории военного искусства, что всегда очень трудно и дается с опозданием. Но, во-первых, это неизбежно, и лучше начать этот процесс раньше, а, во-вторых, для этого существует фундаментальная основа — русская политическая и военная школа, работы крупнейших российских мыслителей, которые необходимо вернуть в научный и учебный оборот.

⁸⁷ Свечин А. Методы стратегического мышления // Стратегия в трудах военных классиков. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 23.

⁸⁸ В частности, см.: Выступление В.В. Путина. Стенограмма расширенного заседания коллегии Министерства обороны Российской Федерации, 19 декабря 2023 г. «Про президента России». URL: <http://president.org/tekst/stenogramma-rasshirennogo-zasedanija-kollegii-minoborony-19-12-2023.html>

1.4. АВТАРКИЯ КАК СИЛОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Автаркия становится ключевым инструментом формирования нового миропорядка, включая новые представления о безопасности.

Современный новый мировой порядок формируется в процессе изменений международных и национальных институтов, причем не только государственных, но и общественных. Соединенные Штаты, Великобритания и ряд других западных стран сумели организовать сеть самого широкого охвата из разного рода международных и национальных организаций, от тех, которые занимаются вопросами политики, экономики и безопасности, до гуманитарных, экологических, культурно-образовательных и спортивных. Все они в конечном счете вынуждены формировать свою официальную (или не официальную) политику применительно от того, какие силы — глобальные или национальные — оказывают на них решающее влияние⁸⁹.

Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР, например, прогнозирует в начале 2025 года устойчивый рост промышленного производства в России в условиях СВО в 3,5–4,0%⁹⁰.

За новый мировой порядок сегодня борются две главные силы — Запад и не-Запад, каждая из которых продвигает с помощью институтов глобализации или автаркии идеи хаоса (как нового порядка, подконтрольного Западу) или национальной идентичности (с помощью национальных институтов автаркии), подконтрольной национальным интересам. Иногда эти

⁸⁹ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

⁹⁰ Краткосрочный анализ динамики ВВП в апреле 2025 г. / ИНП РАН. URL: <https://ecfor.ru/publication/kratkosrochnyj-analiz-dinamiki-vvp-mart-2025/>

интересы и институты концентрируются преимущественно вокруг двух коалиций, главными механизмами которых для глобализации являются НАТО-ЕС⁹¹, а для автаркии — БРИКС-ШОС, но не только⁹².

Примечательно, что новый миропорядок и противоборство двух базовых тенденций относится не только к борьбе между основными центрами силы, но и внутри них. Это происходит из-за разницы в скорости процессов автаркии и глобализации. Особенно заметно это стало в 2024 году. Там, где автаркия опережает глобализацию, в Грузии, Азербайджане, Венгрии, Франции, Австрии, Словакии и др. странах, усиливаются антиглобалистские механизмы, подталкивающие деглобализацию. И, наоборот, в борьбе двух базовых тенденций может побеждать (как в Армении, например) идея глобализации. Во многом это зависит от эффективности тех или иных механизмов развития МО-ВПО.

Противоборство между институтами глобализации и автаркии происходит на нескольких уровнях и не всегда параллельно, хотя очевидно, что политическая и экономическая тенденции глобализации развиваются в параллели с культурной, образовательной, в целом гуманитарной. Так, например, США и их союзникам удалось взять под контроль международные спортивные институты, с помощью которых жестко регулируют участие спортсменов тех стран, которые в политике оказываются не вполне лояльны Западу. И не только российских, но и китайских. В частности, например, позиция Китая по СВО оказалась под давлением не только политическим и финансовым, но даже Международного олимпийского комитета.

⁹¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

⁹² См. подробнее: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов [и др.] ; МГИМО МИД России, Центр военно-политических исследований. М., 2018. 768 с.

Иными словами, контроль (или решающее влияние) над международными институтами со стороны США и членов западной коалиции позволяет им усиливать общие тенденции глобального мирового порядка. Так или иначе, но руководители стран, акторов и организаций вынуждены учитывать позицию США, которая может выражаться по любому, в том числе не политическому, не военному и не экономическому вопросу. Так, принятие закона «об иноагентах» в Грузии летом 2024 года сразу же привело к отказу США и стран ЕС финансировать целый ряд грузинских программ.

Собственно, в 90-е и начале нулевых США ускоренно создавали такую систему, состоящую из широкой проамериканской военно-политической коалиции (включающую порядка 60 государств), а также искусственно созданные или реформированные международные институты и национальные НКО, контролирующие правящие элиты и процесс принятия решений в мире. В принципе можно признать, что эту задачу удалось решить настолько, насколько ее можно вообще решить в условиях неравномерности мирового развития и неизбежного изменения в соотношении сил в мире в пользу новых центров силы:

- военно-политическая коалиция создана и успешно апробирована в Ираке, Ливии, Югославии, Сирии и на Украине;
- основные мировые институты (ОБСЕ, ООН, МБ, МВФ и даже спортивные, научные и пр. институты) взяты под контроль или уничтожены;
- правящая элита многих государств в той или иной степени взята под контроль;
- два главных мировых инструмента — финансово-экономический и военно-политический — находятся практически под контролем глобалистов;
- предлагаемая «новая» система норм и правил, созданная искусственно США, заменила систему международного права. Она предполагала в том числе максимальную хаотизацию МО для более удобного сохранения

контроля и замены оставшихся институтов и представителей правящей элиты других государств на новые, более удобные для США. Фактически к началу XXI века США смогли создать такую сеть институтов-инструментов регулирования мирового порядка, которая позволяла им манипулировать большинством процессов, происходящих в современной человеческой цивилизации, направляя их в нужное для них русло, будь то экология (режим энергосбережения и зеленой экономики), промышленное развитие (сокращение производства), образование (универсализация образования по англо-саксонскому образцу) и пр.

При этом преемственность внешней политики США, последовательность и направленность сохраняются. Как заметил авторитетный исследователь, имевший прямое отношение к работе органов внешней политики США, «при всех различиях между двумя администрациями, скорее всего, будет гораздо больше преемственности, чем кажется на первый взгляд. Внешняя политика администраций — даже таких разных, как администрации Байдена и Трампа — похожа на айсберг. Видимая часть блестит и имеет зазубрины и привлекает большую часть внимания. Однако у нее также есть гораздо более крупная и недооцененная основа, которая, как правило, остается в основном неизменной. Даже фокусируясь на различиях Трампа в стиле и содержании, наблюдатели не должны игнорировать потенциальную стабильность в подходе Соединенных Штатов к миру. В противном случае они могут неправильно понять политику, приписав ее конкретному президенту, а не как болееочно укорененную в двухпартийном консенсусе и, вероятно, сохраняющуюся»⁹³.

Эти реформы мирового порядка со стороны США смогли затормозить и даже во многом повлиять на темпы и направления

⁹³ Фонтеин Р. Внешняя политика Трампа-Байдена-Трампа // Форин Аффеарс. 22 января 2025 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/trump-biden-trump-foreign-policy?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign

развития новых центров силы в мире, прежде всего развитие Китая, Индии и России, адаптировать политику их правящих элит к потребностям США и глобальных игроков. Такая политика сохранила, однако, потенциальную угрозу для США и их партнеров, которую они четко обозначили в виде «ревизионистских держав»⁹⁴, начав с ними силовое противоборство с тем, что принудить их следовать обозначенным нормам и правилам.

Это силовое давление стало нарастать со второго десятилетия нового века, усиливаясь по мере роста мощи и суверенитета новых центров силы, которые стали проявляться в мировой политике. Можно сказать, что ввод войск России в Сирию в 2015 году стал своего рода рубежом, когда один из таких центров силы — Россия — публично проявил неуважение к созданной США системе мирового порядка. В этой связи можно констатировать, что примерно во втором десятилетии произошел достаточно резкий переход от преимущественно невоенных силовых средств политики Запада к военно-силовым⁹⁵.

Переход произошел незаметно, но системно, точно и в целом быстро, что не носило, однако, явно демонстрационного характера и не привлекло изначально особого внимания, сохраняя у значительной части правящей элиты государств иллюзию преемственности новых норм прежним международным нормам и правилам. На самом деле произошла подмена понятий, которая обнаружилась не сразу и не всеми политиками, которые, надо признать, оказались в итоге очень наивными (что для политика недопустимое качество). Во всяком случае, российские политики и политологи только зафиксировали эти изменения

⁹⁴ Практически во всех основных документах США начала второго десятилетия нового века, прежде всего в Стратегии национальной безопасности и военной стратегии, был внедрен тезис об «опасных ревизионистских государствах», угрожающих США и мировому порядку.

⁹⁵ Действия западной военно-политической коалиции в предыдущие десятилетия, в том числе военные операции (даже в Афганистане, Ираке и Сирии), имели минимальное военное (даже второстепенное) значение относительно других силовых действий США и их союзников.

(прежде всего в СНБ России 2015 года), но так и не придали им необходимого значения. Сохранялась инерция «вхождения» и приемлемости колониального положения России.

Не сразу обратили внимание и на активизацию политики военной силы. Просто силовые действия США и их союзников в еще большей степени были ориентированы на поддержку военной силой своих силовых шагов в политико-дипломатической и финансово-экономической областях, что стало явным только после «Крымской весны» и массированной подготовки ВСУ уже с лета 2014–2015 годов.

В целом в те же годы стали нарастать многочисленные военно-технические акции и усилия, которые свидетельствовали о подготовке США и их коалиции к прямому военному противоборству с «оппортунистическими режимами» России, Китая, Ирана, КНДР и других стран. Это, в частности, отражается на эскалации роста военных расходов, самые высокие темпы которых, вместе с тем, приходятся на наиболее нестабильные регионы и страны. Общемировые военные расходы в 2023 году, например, выросли уже на 6,8% и достигли рекордного показателя 2,443 трлн долл. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира считает, что «Рост глобальных военных расходов можно объяснить продолжающимся конфликтом на Украине и эскалацией геополитической напряженности в Азии, Океании и на Ближнем Востоке». Тенденция зафиксирована во всех пяти географических регионах, но сильнее всего в Европе, Азии, на Ближнем Востоке. В топ-3 стран, которые тратят на оборону больше всего, вошли США, Китай, Россия, Индия и Саудовская Аравия⁹⁶, то есть мировые центры силы стали ускоренно перевооружаться.

Вместе с тем можно говорить и о том, что в правящей эlite России еще сохранялись иллюзии в отношении будущего

⁹⁶ Цит. по: Чернышева М. Общемировые военные расходы достигли небывалого уровня // Ура.ру. 22 апреля 2024 г. URL: <https://ura.news/news/1052759344>

сотрудничества с Западом и нежелание сделать акцент на автarkии (провал «импортозамещения» — один из примеров, а очередной реформы образования — другой). Эти иллюзии — результат категорического нежелания большинства правящей элиты России, как они говорят, «возвращаться к совку», откававшись от приоритетов «вхождения». Иллюзии сохраняются и сегодня у абсолютного большинства тех которые затаились в ожидании возвращения к прозападному курсу и комфорту.

В этом смысле попытки В.В. Путина инкорпорировать «новую элиту» (в том числе участников или сторонников СВО) абсолютно правильные. Безусловно, что те, кто поддержал СВО — на ЛБС или «на гражданке» — заслуживают продвижения наверх, но надо просто понимать, что старая элита — это большинство затаившихся конъюнктурщиков-предателей, которые успешно мимикрировали все годы, — от руководства КПСС до демократического либерализма. Таких во властной элите большинство, причем абсолютное. Достаточно прочитать их биографии, из которых сразу станет ясно, что они комфортно чувствовали себя при КПСС, либерал-демократах, либеральных государственниках и нынешних патриотах. Они и сегодня уже патриоты-государственники, которые искренне поддерживают СВО, но которые мгновенно изменят свое отношение, если произойдут перемены. Более того, сами и поддержат такие перемены. Еще хуже — уже их готовят и поддерживают⁹⁷.

Поэтому главная задача России на СВО — это не военные успехи (которые в конечном счете неизбежны), а изменения в правящей элите, которая должна стать национально-ориентированной, а не выжидать возвращения «доброго старого колониального бытия» и «вхождения в Европу».

⁹⁷ См., например: Подберезкин А.И. Некоторые вопросы теории и методологии анализа современных стратегий безопасности государств : монография / под ред. О.Е. Родионова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Центр военно-политических исследований, Кафедра всемирной и отечественной истории. М. : МГИМО-Университет, 2023. 541 с.

Точно то же самое и в политической науке, которая значительно быстрее, чем даже правящая элита, приспособилась в «вхождении» в «цивилизованный» Запад. Тем более когда этому способствуют нормы и правила, разработанные не только на Западе, но и в родных министерствах, ВШЭ и РАН, от которых зависят реальные зарплаты, надбавки, командировки и пр.

Деглобализация⁹⁸ и процессы автаркии, ставшие не просто реальностью, но и альтернативой на Западе, в российской политической науке встречают самое серьезное сопротивление. И не только скрытое, которое выглядит удивительным в условиях СВО и набирающих силу тенденций автаркии (неизбежных в этих условиях), но и откровенное, открытое, когда программы курсов, диссертации, печатные работы (в том числе и курируемые государственными фондами и чиновниками) откровенно ориентированы на возвращение доминирования глобальных идей в Россию⁹⁹.

Но когда мы говорим о «доле» автаркии, соотношения с глобализацией, мы должны понимать, что для правящей элиты эта доля должна быть минимальна потому, что значительные ее интересы ориентированы на Запад. В настоящее время мы эмпирически оцениваем эту долю, каждый раз понимаем, что она

⁹⁸ Начиная с форума в Давосе 2019 года, отмечается усиление значения процессов деглобализации. МВФ предупреждает о рисках фрагментации мировой экономики, которая может привести к снижению ее эффективности. Перспективы сжатия оцениваются в 0,2% мирового ВВП при «ограниченной фрагментации» и до 7% мирового ВВП при серьезном разделении. Технологическая фрагментация может обернуться потерей для стран 5% ВВП, а для некоторых стран — 8-12% ВВП. Разрыв торговых связей может отрицательно повлиять на страны с низким доходом и менее обеспеченных потребителей в странах с развитой экономикой. Экономическая фрагментация может привести к повышенной дисперсии доступа России к современным технологиям и внешнему заимствованию для инновационного развития.

⁹⁹ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М.: Международные отношения, 2024. 1670 с.

недостаточна. СВО — катализатор такого понимания. Слабая теоретическая база анализа механизмов глобализации и ее полное отсутствие, если говорить о механизмах автаркии, привели к тому, что теоретически и практически мы не знаем почти ничего о том, как, кто и каким образом управляет политическими процессами в мире.

1.5. АВТАРКИЯ — СЕТЬ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Будущая архитектура безопасности открыта для всех евразийских стран, которые пожелают принять участие в ее создании. «Для всех» означает, что и европейских, и натовских стран, безусловно, тоже. Мы живем на одном континенте, что бы ни происходило, нельзя географию поменять, нам так или иначе придется существовать и работать вместе¹⁰⁰.

В. Путин, президент России

Проблема развития евразийского направления в российской политике стала центральной уже в первом десятилетии нового века, но приобрела практическое политическое значение существенно позже¹⁰¹. Во многом благодаря усложнению отношений России и Китая с США. Соответственно и проблема евразийской безопасности¹⁰² стала производной от такого изменения

¹⁰⁰ Путин В.В. Выступление президента в МИД России 14 июня 2024 г. / Архитектура евразийской безопасности: идеи Путина и их перспектива // РЕН ТВ. 17.06.2024. URL: <https://ren.tv/longread/1231039-novoe-geopoliticheskoe-prostranstvo-novye-idei-putina-i-ikh-perspektivy>

¹⁰¹ См., например: Подберезкин А.И. Евразия и Россия / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, О.А. Подберезкина / МГИМО МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2014. 517 с.; Подберезкин А.И. Евразийская ВКО. М. : МГИМО, 2014. 600 с.

¹⁰² Евразийская безопасность — идея, концепция и совокупность программ и стратегий стран и межправительственных объединений, направленная на достижение устойчивости региона. Она стремится содействовать стабильности, сотрудничеству и развитию на территории всей Евразии, одновременно устраняя внешние и внутренние риски, которые могут дестабилизировать регион. Ключевые компоненты евразийской безопасности: обеспечение геополитической стабильности, экономическое развитие, энергетическая безопасность, культурное взаимодействие.

в развитии МО-ВПО в мире¹⁰³. И становилась все более актуальной в последнее десятилетие¹⁰⁴.

Впервые о проекте по созданию нового контура «равной и неделимой безопасности Евразии» Владимир Путин заявил в ходе своего ежегодного послания Федеральному собранию в феврале 2024 г.¹⁰⁵ В ходе визита российского президента в Китай в 2024 году стало понятно, что председатель Си Цзиньпин также является сторонником идеи проекта евразийского сообщества безопасности. С. Лавров, комментируя ход переговоров В. Путина и Си Цзиньпина, отметил, что лидеры обсуждали идею «евразийской безопасности без всякого евроатлантического налета». Позже эта тема оказалась вынесенной на заседание министров иностранных дел ШОС¹⁰⁶.

Суть идеи заключается в том, что на евразийском континенте необходима новая структура безопасности. Об этом прямо заявил президент России Владимир Путин во время встречи

Идея формирования новой системы безопасности в Евразии была озвучена президентом России Владимиром Путиным в послании Федеральному собранию 29 февраля 2024 года.

¹⁰³ Путин предложил создать новую систему безопасности в Евразии // РБК. 14 июня 2024 г. URL: <https://ren.tv/longread/1231039-novoe-geopoliticheskoe-prostranstvo-novye-idei-putina-i-ikh-perspektivy>

¹⁰⁴ См. подробнее эволюцию в развитии МО: Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М. : МГИМО-Университет, 2015. 325 с.

¹⁰⁵ Напомним, что еще в 2014 году В. Путин предложил создать так называемую большую Европу с единым экономическим пространством от Лиссабона до Владивостока, чтобы не превратиться в мелких игроков, от которых ничего не зависит. Несмотря на все сложности и, казалось бы, нерешаемые противоречия последних десяти лет, Москва от этой абсолютно мирной и конструктивной идеи не отказывается. Более того, она ее доработала с учетом интересов не только европейских государств.

¹⁰⁶ Голицын М. Контуры евразийской безопасности: направления для работы // Ритм Евразии. 23.05.2024. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-05-23--kontury-evrazijskoj-bezopasnosti-napravlenija-dlja-raboty-73478>

с руководством МИД России¹⁰⁷. «Пришло время начать широкое обсуждение новой системы двусторонних и многосторонних гарантий коллективной безопасности в Евразии», — сказал президент. Основные положения этой идеи-концепции следующие:

- система безопасности должна быть открыта «для всех стран в Евразии. «Для всех» означает, что и для европейских, натовских стран, безусловно, тоже»;
- «При этом в перспективе надо вести дело к постепенному сворачиванию военного присутствия внешних держав в евразийском регионе»;
- «Для продвижения идеи системы коллективной безопасности нужно значительно активировать диалоговый процесс между уже работающими в Евразии многосторонними организациями — Союзным государством, ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, ШОС и другими»; «к этой работе могут подключаться и другие евразийские организации».
- «Государства и региональные структуры в Евразии должны сами определить конкретные области сотрудничества в сфере совместной безопасности», «необходимо проработать вопросы экономики, социального благополучия, совместное преодоление бедности, неравенства».

На данный момент концепция нового контура евразийской безопасности пока остается в большей степени неким императивом, нежели руководством к действию. Лидерам заинтересованных стран только предстоит публично сформулировать свое видение. Евразийская безопасность, как возможная часть всей системы международной безопасности, однако, не может существовать отдельно, изолировано, от международной системы, хотя политические иллюзии относительно такой возможности

¹⁰⁷ Путин предложил создать новую систему безопасности в Евразии // РБК. 14 июня 2024 г. URL: <https://ren.tv/longread/1231039-novoe-geopoliticheskoe-prostranstvo-novye-idei-putina-i-ikh-perspektivy>

иногда существуют. Просто потому, что мир в целом стоит перед выбором направления своего развития — национализма и глобализации. Создание коллективной системы региональной безопасности противоречит такому выбору. Это может быть в лучшем случае только некая политico-идеологическая цель, даже мечта, некоторых политиков, которая неизбежно будет сталкиваться с противоречиями международной реальности. Прежде всего между субъектами МО.

Такая система предполагает создание (воссоздание) некой иерархии, например, по образцу ялтинско-потсдамской системы (где доминировали СССР и США) или уходящей глобальной системы (где доминируют в ослабевающей степени США). Либо, наконец, создание новой системы, где будут доминировать США — Китай — Индия — Россия (и неизбежно другие страны), либо, наконец, *отказ от любой иерархичной системы*, создание сети государств, обеспечивающих комплексную безопасность.

Военная или политическая безопасность в отдельности уже существовать не могут. Развитие международных отношений показало, что не менее важны такие аспекты безопасности, как информационная, финансовая, торговая, экономическая, образовательно-научная и иные. Вырвать из этого контекста евразийскую систему военно-политической безопасности невозможно.

Так или иначе, но все государства в настоящее время делают принципиальный выбор в пользу автаркии (национализма), либо глобализации, который во многом предопределяет возможность формирования системы безопасности. Это хорошо видно на примере США. Как отмечают авторитетные авторы «Форин Аффеарс» в январе 2025 года, осмысливая противоборство автаркии и глобализации, «Традиционный импульс Вашингтона разделить мир на демократии и авторитарии заслоняет глобальный поворот к национализму, который начался с финансового кризиса 2008 года и привел к протекционизму, ужесточению границ и сокращению роста во многих частях мира. Действительно, возрождение национализма — особенно экономического

национализма и этнонационализма — характеризовало мировые дела с середины 2010-х годов, когда в мире наблюдался рост популярности националистических деятелей, включая премьер-министра Венгрии Виктора Орбана, французского крайне правого лидера Марин Ле Пен во Франции и Трампа»¹⁰⁸.

Во многом в аналогичной ситуации находятся и страны — члены БРИКС и ШОС. Так, эти государства периодически стоят перед выбором в пользу интересов безопасности или экономики, которые ограничиваются противоречиями региональной или глобальной системы безопасности в политике. В январе 2025 года, например, Д. Трамп снова пригрозил этим странам (БРИКС) «100%-ным ростом тарифов, если они будут создавать региональную валютную систему». Не случайно США и их союзники длительное время категорически отказываются не только дипломатически признавать БРИКС и ШОС (не говоря уже об ОДКБ), но даже делать вид, что эти организации существуют.

Более того, в самих США многие считают курс Д. Трампа ошибочным, что ясно выразилось в рекомендации уже цитированных авторов: «Если американские политики хотят возродить роль Соединенных Штатов в мире и способствовать миру и стабильности в странах, страдающих от нарушений прав человека, неравенства и угнетения, они должны расширить свои горизонты и отказаться от этой эпохи национализма. Насущные проблемы изменения климата, отступления от демократии, экономического неравенства и неустойчивого уровня суверенного долга не будут решены путем укрепления моци США в ущерб более широкому миру»¹⁰⁹.

Стоит напомнить, что 2024–2025 годы были достаточно кризисными для ЕС и его членов, как в политике, так и в экономике, что также свидетельствует о нарастании проблем в процессе

¹⁰⁸ Бренес М., Джексон В. Трамп и новая эра национализма // Форин Аффеарс. 25 января 2025 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-and-new-age-nationalism?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=

¹⁰⁹ Там же.

глобализации. Приход к власти Д. Трампа — очевидная новая проблема для евроатлантических отношений, причем не только США и членов ЕС, но и даже США и их традиционного союзника — Великобритании. Иначе говоря, глобализация в существующем (западном) формате приобрела, очевидно, кризисные признаки, которые могут нарастать в 2025 году.

Не стоит, однако, излишне оптимистично смотреть на процесс евразийской интеграции и создания системы евразийской безопасности, где проявились проблемы не только с Арменией и Казахстаном, но и концептуального порядка.

Реальность такова, что потенциальные члены евразийской безопасности нередко находят компромиссы или даже идут навстречу пожеланиям глобалистов (прежде всего в области торговли и санкций) и в ущерб интересам других субъектов евразийской безопасности при всем сохранении приверженности идеям евразийской безопасности. Это, например, проявилось даже в сопротивлении давлению США и ЕС на КНР и Индию в связи с санкциями, наложенными на Россию. Это также является свидетельством того, что субъекты евразийской безопасности пока что не обладают полным суверенитетом, причем даже такие крупные, как Китай, Индия и Россия.

Их суверенитет ограничен не только самодостаточностью, но и влиянием стран, контролирующих современный миропорядок, включая глобальные процессы. Создание евразийской (автономной) системы безопасности в этих условиях маловероятно.

Учитывая негативную реакцию Запада на эту инициативу и малореалистичность создания автономной организации евразийской безопасности, можно говорить о создании неиерархичной, открытой — сетевой — системы (и возможно даже организации), состоящей из суверенных государств. Иначе говоря, реальная евразийская безопасность в какой-то степени может быть обеспечена только союзом самодостаточных, суверенных (авторитарных политически и экономически) государств. Такой союз суверенных государств может строиться не по иерархическому, а сетевому принципу. Сеть вместо иерархии.

При формировании архитектуры евразийской безопасности также следует учитывать опыт других альянсов, причины их побед и неудач. «Самый масштабный из ныне существующих военных блоков — НАТО иерархичен по своей природе. В нем есть прежде всего США, а затем — все остальные. Фактически США на 90% контролируют НАТО и его активность. На США также приходится основное бремя военных расходов, что, кстати, регулярно становится поводом к ожесточенным дебатам в Конгрессе. «Из этого опыта лидерам ШОС нужно извлечь соответствующий урок: уважай чужой суверенитет, или будь готов к работе воспитателя в детском саду, причем саду для особо капризных детей»¹¹⁰, — справедливо заметил политолог С. Лебедев.

В этой связи России и Китаю, являющимися крупнейшими игроками на евразийском пространстве, стоит задуматься о формировании сетевой архитектуры безопасности вместо попыток выстроить иерархическую структуру во главе с собой. Представляется, что Россия и Китай это очень хорошо понимают. Рассуждая о перспективах многополярного мира, Владимир Путин во времена визита в Китай заявил, что этот процесс должен быть «мирным, бесконфликтным, и чтобы мнение всех участников международного процесса учитывалось в полном объеме». Си Цзиньпин также неоднократно высказывался о равенстве всех субъектов международных отношений и важности ООН-центричного мирового порядка. Как представляется, именно поэтому Москва и Пекин начнут постепенно выстраивание сетевой иерархии евразийской безопасности. Причем идея противостояния с США и Западом не должна быть единственной почвой для объединения.

Эта идея сдерживания США может показаться привлекательной основой для создания нового союза, но нужно понимать, что ряд евразийских государств проводят многовекторную

¹¹⁰ Голицын М. Контуры евразийской безопасности: направления для работы // Ритм Евразии. 23.05.2024. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-05-23--kontury-evrazijskoj-bezopasnosti-napravlenija-dlja-raboty-73478>

внешнеполитическую линию и не будут готовы к вступлению в подобное объединение. Вероятно, стоит начинать с более общих целей — создания евразийских структур по противодействию терроризму, наркотрафику, а на их основании уже выстраивать евразийский миротворческий контингент с обязательным подключением ОДКБ как наиболее успешного объединения, обеспечивающего безопасность в части Восточной Европы, на Кавказе и в Центральной Азии, — считает один из российских политологов.

Чтобы создать систему евразийской и мировой безопасности необходимо признать, что главное условие — участие в ней суверенных государств. Чтобы приобрести полный суверенитет, в то же время, страны должны обладать максимальным уровнем самодостаточности в экономике, безопасности и политике, что неизбежно означает развитие автаркии по всем направлениям, как минимум до такой степени, когда она сможет реально противодействовать влиянию глобализации. Не только в экономике и технологиях — с чем сегодня уже меньше спорят (хотя, напомним, что в 90-е и нулевые в правящих кругах России считалось, что самодостаточности в экономике и технологии быть не может вообще), — но и идеологии, гуманитарной области и образования.

Этот процесс наглядно иллюстрирует развитие России с 2014 года, которое ускорялось после того, как в правящей элите страны росло понимание неизбежности усиления самодостаточности. Резкий скачок произошел после февраля 2022 года, когда сама военная реальность стала жестким стимулом роста автаркии.

В этой связи необходимо напомнить о сути развития МО в последние 80 лет. С середины прошлого века наблюдается очевидный процесс изменений в политике и стратегиях государств, которые пытаются (как, например, члены проамериканской западной военно-политической коалиции) сохранить контроль над процессом формирования нового мирового порядка за счет силового давления и открытого противодействия инте-

ресурсам суверенных государств¹¹¹, либо (как новые центры силы) защитить свои национальные интересы и свой государственный суверенитет в ущерб суверенитету других стран¹¹².

Опыт такого противоборства показал, что правящие элиты противников глобализации и подчинения новому мировому порядку — самое слабое звено в системе сопротивления силовому давлению со стороны США и их союзников. Не только в России, но и в Китае, и особенно в Индии, где была создана (во многом искусственно) прозападная, либерально-компрадорская правящая элита, которая многочисленными групповыми, социальными и личными связями и интересами зависела от Запада. Фактически она была поставлена перед выбором: потерять свои активы, привычный образ жизни и положение, удобства, если ее представители выберут независимый, суверенный путь развития своих государств и сохранят национальную идентичность¹¹³.

Правящая элита — сторонники Запада — в Китае были политически и физически разгромлены руководством КПК, в Индии они были интегрированы в западную систему, сохранив отчасти свои позиции в стране (которые могут в будущем показаться крайне неприятными на Западе), но в России этого не произошло. Выбор российской правящей элиты окончательно так и не был сделан даже в условиях СВО. Происходит медленная трансформация в пользу национальных интересов меньшинства представителей, тогда как большинство по привычке занимает выжидательную позицию.

¹¹¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

¹¹² Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине: монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

¹¹³ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1596 с.

Обращает на себя внимание, например, то, что, выступая на правлении МВФ в апреле 2024 года, министр финансов России А. Силуанов следующим образом обозначил это противоречие: «Сегодня есть два пути. Можно распадаться на блоки и двигаться по пути деглобализации, что не решит проблемы, а только их усугубит. Или перейти от фрагментации к принципам глобализации, снимать мешающие росту барьеры и ограничения»¹¹⁴. Тем самым российский министр (не желая этого, может быть) обозначил сохраняющуюся в правящей элите страны существующую проблему выбора пути развития России.

Примечательно, что это выступление было сделано в тот же день, когда Конгресс США принял решение о конфискации российских активов. Учитывая, что экономическая глобализация — это процесс усиления по всему миру взаимозависимости национальных экономик в связи с увеличением скорости движения и объемов товаров, услуг, технологий и капиталов через государственные границы, Силуанов призывает к усилиению взаимозависимости экономик разных стран, к отказу от «распада на блоки», утверждая, что это не решает проблемы, а только их усугубляет.

Пример того, как глобализация трактуется в политике нашей страны А. Силуановым, показывает, насколько наше отношение и стратегия не вмещаются в логическую формулу современного существования страны, допуская одновременно противоположные представления о ее настоящем и будущем.

Это допущение угрожает политическому единству и внутриполитической стабильности России, которые являются главной целью американской стратегии. Как признается в статье в «Форин Афеарс», в которой США предлагается наиболее эффективная стратегия в новом мире (в том числе и в отношении России), «инвестиции в людей и жилье, а также возрождение

¹¹⁴ Выступая в МВФ А. Силуанов резко сменил риторику и «переобулся» // Финансовый гений. 19 апреля 2024 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZiPUUvutonvhFdZ>

гражданского духа в том масштабе, который характеризовал удивительную мобилизацию времен холодной войны вокруг науки и национальных проектов, сами по себе не гарантируют равные возможности внутри страны.

Но такая политика станет жизненно важным началом, возвращением к проверенной формуле, которая создавала национальную мощь США в сочетании с американским международным лидерством. Соединенные Штаты могли бы снова стать синонимом возможностей за границей и внутри страны, обрести больше друзей и стать еще более способными встретить любое будущее России. Американский пример и экономическая практика раньше изменили траекторию России, и она может сделать это снова, на этот раз с меньшими иллюзиями»¹¹⁵.

Собственно говоря, СВО на Украине — относительно небольшая часть этой общей мировой тенденции, отраженной в западных национальных стратегиях¹¹⁶. Не случайно то, что Постановление В.В. Путина 2023 года, как основной документ стратегического планирования, начиналось с характеристики происходящих в мире глобальных процессов¹¹⁷.

Глобализация, казавшаяся навечно доминирующей тенденцией, подконтрольной США, вдруг (и неожиданно в очень короткие сроки) оказалась не такой уж вечной и не такой уж доминирующей. Оказалось, что параллельно с нарастанием

¹¹⁵ Коткин С. Пять вариантов будущего России. И как Америка может подготовиться к тому, что будет дальше // Форин Аффеарс. Май-июнь 2024 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/five-futures-russia-stephen-kotkin?utm_medium=newsletters

¹¹⁶ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии. М. : ВАГШ, 2024. С. 20–59.

¹¹⁷ Путин В.В. Постановление Президента Российской Федерации от 21 февраля 2023 года // Официальный сайт Президента России. 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/70565>

глобальных тенденций¹¹⁸ проявилось и стремительное обособление отдельных стран и регионов друг от друга. Формирование в этих условиях отдельной иерархической системы евразийской безопасности будет малореально именно в силу неизбежности противостояния с системой безопасности Запада.

Но процессы противостояния глобализации нарастили в 2024 году и со всей очевидностью будут усиливаться в 2025. В том числе и среди стран — лидеров глобализации. Как точно заметил еще в мае 2022 года политический обозреватель британской газеты «Телеграф» Лиам Халлиган, «мир может разделиться на два враждующих экономических блока в ближайшем будущем... события в Европе привели к тектоническому сдвигу и вернули концепцию распределения сфер влияния между великими державами. Новый виток противостояния между Москвой и Вашингтоном способен расколоть планету на два соперничающих лагеря и покончить с эпохой глобализации»¹¹⁹.

Очень образно по этому поводу заметил известный чешский публицист в январе 2025 года: «Все выглядит так, что Трамп угрожает и шантажирует Канаду, Данию из-за Гренландии, Панаму и прежде всего Европейский союз. Это приводит к тому, что прежние вассалы США вдруг оказываются в ситуации, когда Америка уже не добрый дядюшка с бездонным кошельком,

¹¹⁸ Наращающие объемы информации, например, потребовали создания концепций больших баз данных и искусственного интеллекта (ИИ). За последние 20 лет было сгенерировано такое количество информации, которое уже превышает весь объем созданных человечеством данных в несколько раз. Процесс лавинообразного увеличения контента нашел отражение в работах писателя-футуролога Станислава Лема и философа Аркадия Урсула и в 1975 году получил название «информационный взрыв». В 2018 году все человечество создало 33 зетта байта информации, в 2020-м — уже 64,2. К 2025 году, по прогнозам, мы достигнем отметки в 181 зетта байт. См.: Алексей Агафонов, первый заместитель генерального директора АНО «Россия — страна возможностей» // ТАСС. 6 декабря 2022 г. URL: https://spec.tass.ru/iskusstvennyiyintellekt/?utm_source=tass&utm_medium=teaser&utm_campaign=teaser

¹¹⁹ The Telegraph. 1 May 2022. URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/2022/05/01/return-geopolitics-means-uk-world-economy/>

который оплачивает все расходы на безопасность. Он вдруг *превратился в мафиози, который шантажирует и собирает дань за охрану со своих партнеров, своих “друзей” в одной лодке*. Это, конечно, приведет только к одному — к расколу в отношениях между США и остальными государствами коллективного Запада. Но прежде чем это случится, *вассалы попытаются угодить мафиози*, пока их экономика не захахнет и пока Федеральная резервная система будет давать кредиты Евросоюзу. “Генеральный секретарь НАТО уже сообщил, что альянс готов начать платить за американское оружие для Украины в полном объеме”, — пишет о текущих событиях сайт aeronet.news. И вот я спрашиваю, почему Брюссель молчит? Где антиамериканские санкции как ответная мера на колонизаторские пополнования Трампа? Трамп — зло для Европы, и я не боюсь этого говорить. Он новый Гитлер, ведь их обоих объединяет одна цель — *захватить Европу и содрать с нее кожу*. Чешская Республика стоит на грани экономического краха. *Мы остались без российского газа*, что на деле означает следующее: заполненность подземных хранилищ составляет менее 50%, а цена газа на спотовом рынке превысила 50 евро за мегаватт-час. По сравнению с прошлым годом это вдвое больше. Теперь Чехия закупает газ на Западе, в том числе у Норвегии и через СПГ-терминалы в Балтийском море. Но *изменения в потоках газа в Европе влекут и изменения на энергетическом рынке*, которые ударят и по кошельку каждого чеха. Если же сравнивать цены на газ на TTF с прошлым годом, то фактически мы получаем двузначные цифры¹²⁰.

Раздел систем безопасности радикально произошел именно в апреле—мае 2022 года впервые после Второй мировой войны, когда стороны стали прямо угрожать друг другу прямым использованием военной силы¹²¹. Но не только. Стало явственным

¹²⁰ Чех Я. За предательство России мы уже заплатили и еще будем платить // Портал. 25 января 2025 г. URL: <https://dzen.ru/a/Z5uIXdZRjhRf-LN>

¹²¹ National Security Strategy. The White House. Oct., 2022. P. 48. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

разделение мира на «Запад» и «не-Запад», как минимум на два лагеря и два центра силы, вероятные две коалиции, которые стали центрами консолидации противоборствующих сил. СВО стала демонстрацией, водоразделом между прежним миром, где доминировала возглавляемая США глобализация, и новым, где открытое неподчинение посмела высказать Россия.

Эти две коалиции представляют собой возможность формирования двух противоположных систем безопасности — евроатлантической и евразийской, — которые будут исключать эффективное существование друг друга. Особенно если Д. Трамп окончательно возьмет курс на формирование проамериканской системы, основанной на национальных интересах США, исключающей учет интересов других стран. В этом случае существование евразийской системы безопасности исключается потому, что она изначально станет антиамериканской и встретит жесткое сопротивление Вашингтона, к которому члены этой системы будут не готовы.

1.6. «ЕВРАЗИЙСКАЯ» И «АТЛАНТИЧЕСКАЯ» СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ. ЗНАЧЕНИЕ КОАЛИЦИЙ И БЛОКОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ДОМИНИРОВАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К АВТАРКИИ

Развитие тенденций автаркии в противовес глобализации в 20-е годы нового столетия привело уже как минимум к двум последствиям.

Во-первых, существенным изменениям акцентов в государственном управлении стран и существующих коалиций, что стало отчетливо видно уже при Дж. Байдене, но особенно при Д. Трампе, который откровенно игнорировал «атлантическую солидарность». В 2022–2024 годах, при всем доминировании США, в НАТО процесс принятия решений не только формально, но и фактически зависел от решений Совета НАТО (например, изменения в стратегии НАТО на Украине, принятые в США в январе 2024 года, были утверждены на сессии Совета НАТО летом того же года). При этом можно констатировать, что, несмотря на неизбежные бюрократические трудности в НАТО и ЕС, в целом стратегия Запада в отношении Украины была обеспечена согласованными и своевременными решениями. Иначе говоря, управляемого кризиса в этих организациях Запада не было¹²².

Но кризис назревал в отдельных государствах и их системах управления, которые стали в нарастающей степени зависеть от глобальных институтов и неизбежно терпеть соответствующие национальные издержки. Отчетливее всего это проявилось в наиболее проблемных странах ЕС — Венгрии, Словакии,

¹²² См. подробнее анализ военной стратегии США и НАТО в 2024 году (подтвердившийся в 2025 г.), опубликованный в работе: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

Австрии и Польши, которые в максимальной степени ощущали на себе издержки войны на Украине и разрыва отношений с Россией.

Но не только. Отдельные негативные последствия «коллективной» политики почувствовали и в других странах, в том числе в США, где они приобрели форму критики Д. Трампа военных расходов на Украину и издержек союзников по НАТО, что, в частности, отражено в его постоянных утверждениях о «решающей роли США в финансировании Украины». Став президентом, Д. Трамп дал отчетливо понять, что в будущем так не будет. Более того, важнейшие решения, например увеличение военных расходов до 5%, будут продиктованы из Вашингтона.

Вместе с тем переход к новой модели управления коалицией связан и с представлениями США о возможных рисках глобального ядерного конфликта. Представления Д. Трампа об этом, на мой взгляд, основаны на следующих посылках.

Первое. Стратегическая ядерная война и даже ее риски неприемлемы для США. Во всяком случае до тех пор, пока США не создадут эффективную глобальную систему ПРО (не случайно Д. Трамп в первую очередь озабочился ускорением работ над созданием «Железного купола»). Этот риск абсолютно неприемлем и при любых решениях перевешивает остальные аргументы.

Второе. Если уж эскалация продолжилась, то она должна быть ограничена на 100% территорией Европы. Именно поэтому ответственность союзников США по НАТО будет не только экономическая, но прежде всего военно-политическая. Д. Трамп категорически не будет участвовать в войне против России, которая может прямо затронуть интересы США в военном отношении (а не только континентальную часть страны).

Третье. Страны ЕС должны взять на себя максимальные политические, военные и экономические риски и издержки в противоборстве с Россией, оставив за США «общее руководство» мировыми процессами.

Идея глобального управления претерпела при Д. Трампе радикальный пересмотр в пользу «личного» управления. Но это касается не только США. Это свидетельство того, что коалиции и блоки стали в значительно большей степени ориентироваться на национальные интересы и потребности государств, причем не только США, но и Венгрии, Словакии и других стран. В этом смысле структура и функции ЕС и НАТО уже представляются устаревшими. Или как минимум беспersпективными. В этой связи вполне вероятна их трансформация в направлении более «конфедеративного» управления.

Ярким примером стала конференция в Давосе, которая прошла в январе 2025 года, где прежде глобалисты предопределяли позиции всех западных стран и их партнеров, фактически формируя единую стратегию, а не только общие подходы. Обвал интереса к этой конференции отчетливо проявился в ходе выступления лидера ЕС канцлера Германии О. Шольца, на которую пришло менее трети приглашенных.

Во-вторых, развитие коалиций и блоков в реальности и в перспективе предполагало выбор политическим лидерам либо бесперспективных моделей глобального управления (как в ЕС и НАТО), либо моделей, ориентированных на усиление национальной автаркии (БРИКС и ШОС), за которыми оказывалась очевидная перспектива.

В этом смысле необременительное сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС между Россией и КНР, Индией оказывается более перспективным, чем в рамках более жестких институтов (и дисциплины) ЕС и НАТО. В полной мере это относится и к моделям интеграции экономик, которые сегодня в ЕС (на «верхнем уровне») оказываются менее привлекательными.

И, наоборот, инициатива «снизу», как это существует в практике БРИКС, — более привлекательна. Так, например, в «Евразийской» модели институты, в том числе экономического сотрудничества, развивались в зависимости от национальных институтов, а не наоборот: в частности, российские и китайские IT-компании в 2024 году на 18% увеличили количество обращений

в профильные ассоциации с просьбой помочь им выйти на дружественные рынки, при этом со стороны китайского бизнеса запросов поступило в два раза больше. Участники рынка подтверждают тренд увеличения активности азиатских организаций в Российской Федерации, в том числе и из-за ограничений США. Рост касается софта, также азиатские компании наращивают развитие майнинговых ферм, которые запрещены в КНР¹²³.

¹²³ Со всем IT-уважением // Коммерсант. 23 января 2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7446036>

1.7. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЦЕЛИ ВНЕШНЕГО СИЛОВОГО ВЛИЯНИЯ ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ В НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ

Высшая ценность США и стран западной коалиции (как заявлено) — демократия, которая трактуется в зависимости от конкретных тактических потребностей, конкретных интересов. В реальности эта цель была только демагогическим прикрытием интересов правящей элиты США, что откровенно признал Д. Трамп, провозгласивший «интересы США превыше всего».

Если с самого начала попытаться коротко сформулировать главную политическую цель США и их союзников в отношении других стран на долгосрочную перспективу, то она может выглядеть следующим образом: добиться того, чтобы мировые процессы шли под контролем и в направлении приоритетов и интересов, определенных США и их союзниками по коалиции в соответствии с установленными ими же «демократическими» нормами и правилами. Причем только на время и далеко не всегда известными им самим. Д. Трамп продемонстрировал, что трактовка этих интересов может меняться на 180 градусов в течение дня.

Такая глобальная и системная цель предполагает наличие многих силовых инструментов, одним из основных среди которых являются *собственные и контролируемые США государственные и общественные институты в других странах*. Прежде всего в среде правящих элит, для которых важны в том числе и такие институты, которые формируют идеи, концепции, стратегии и доктрины. Роль идей и создаваемых для их реализации институтов очень велика, даже решающая.

Это означает, что кроме собственно политических, экономических и иных средств и методов в стратегии США в отношении других стран¹²⁴ должны существовать особенные средства

¹²⁴ Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М. : Международные отношения, 2024. 1594 с.

по формированию институтов-идей и контролю над поведением правящих элит. Такими средствами могут быть как собственные средства-идеи, так и средства контроля над государственными — политическими, экономическими и прочими общественными — институтами со стороны соответствующих институтов США и над создаваемыми новыми (в том числе международными) институтами Запада.

В качестве примеров можно привести трех американских экономистов¹²⁵, которые получили Нобелевские премии в 2024 г. за исследование «положительного влияния демократии и демократических институтов развитых стран на другие государства» и формирования институтов и их влияния на уровень благосостояния общества.

Как отмечает профессор МГИМО МИД России М.И. Столбов, «выбор данного трио ученых в качестве лауреатов — одно из наиболее ожидаемых решений, принятых за последние годы, а сами по себе исследования Аджемоглу, Джонсона и Робинсона начала — середины 2000-х гг., посвященные взаимосвязи институтов и экономического благосостояния, стали заметной страницей в эмпирической экономической истории, также оказав влияние на смежные исследовательские программы как в экономической, так и в политической науке»¹²⁶.

В частности, Аджемоглу, Джонсон и Робинсон показали, что качество институтов и их влияние на благосостояние тесно коррелирует с двумя характеристиками освоения переселенцами из европейских стран новых земель в XVI–XIX вв.

Когда речь идет о «неблагоприятном» сочетании для колонизаторов — численности местного населения, способного

¹²⁵ Д. Аджемоглу (также иногда встречается прочтение фамилии на английский манер: Асемоглу) и С. Джонсон, представляющие Массачусетский технологический институт, а также Дж. Робинсон, профессор Чикагского университета.

¹²⁶ Столбов М.И. Нобелевская премия по экономике 2024: ода качеству политических институтов и демократизации. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/nobel-prize-in-economics-2024/>

оказать сопротивление колонизаторам, и уровне смертности европейских переселенцев от болезней, характерных для той или иной подлежащей освоению территории, то колонизация сводилась к извлечению ресурсов в пользу метрополии. При этом не было стимулов для формирования передовых экономических и политических институтов на новых территориях. Соответственно, в долгосрочной перспективе это привело к укоренению так называемых экстрактивных институтов, которые консервировали экономическое отставание государств, возникших на месте колоний, которые изначально характеризовались неблагоприятным сочетанием упомянутых факторов.

И, наоборот, на территориях, где сопротивление местного населения было умеренным или слабым, а эпидемиологическая ситуация была более благоприятна, впоследствии появились государства с инклюзивными институтами, которые способствовали экономическому росту.

В качестве примеров-антиподов авторы использовали страны Африки южнее Сахары и территории, на которых впоследствии были образованы США и Канада. По их расчетам и с учетом контроля на другие потенциально значимые переменные, сочетание высокого уровня сопротивления местного населения и смертности европейских переселенцев от болезней приводило к консервации экономического отставания государств с экстрактивными институтами. Такие выводы, полученные исследователями в работах 2001–2002 гг., стали весомым контраргументом против неоклассической теории экономического роста и связанный с ней концепции конвергенции развивающихся и развитых стран по уровню дохода.

Иными словами, если сопротивление «демократическим» колонизаторам было слабое, а сами колонизаторы выживали успешно, то государства, оккупированные «развитыми странами», развивались успешно. И наоборот, где сопротивление захватчикам было сильное (как в России и в СССР, например), то развитие этих стран, продвигалось медленными темпами.

Естественно, что такие выводы обоснованы фундаментальными заключениями: успех смены экстрактивных институтов на инклюзивные не гарантирован принципиально. Однако в этой связи любопытно смотрятся выводы их работ 2010-х годов, демонстрирующие, что распространение инновационных технологий, прежде всего ИКТ, — одно из фундаментальных условий, которые повышают вероятность успеха такого перехода.

М.И. Столбов вынужден даже сделать вывод, что «исследования Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, по сути, не только направлены на объяснение межстрановых различий в уровне благосостояния в связи с качеством институтов, но и на обоснование целесообразности усилий по их трансформации, если они исходно являются экстрактивными. Фактически это ода демократизации, написанная на языке экономической теории, эконометрики и теории игр»¹²⁷.

М.И. Столбов спохватывается, делая оговорку в отношении России (уж очень откровенны эти антироссийские исследования): «С выводами их исследований можно и нужно спорить в части универсальности (неслучайно они, мягко говоря, не часто апеллируют к историческому опыту России), но с точки зрения академических стандартов экономических исследований они уже состоялись»¹²⁸.

Примечательно, что ссылки на «академические стандарты» и «научную объективность» со времен Яковлева лежат в основе всех антироссийских идей и концепций. Достаточно вспомнить ту же «демократизацию», саморазрушение ОПК и даже вообще идиотские заявления о том, что СССР/России «не нужен флот», которые легли в основу его разрушения, и тому подобные изыски «команды перестройки А.Н. Яковлева». Суть их одна — дать «академическое» обоснование для разработки стратегий десуверенизации России и других стран.

¹²⁷ Столбов М.И. Нобелевская премия по экономике 2024: ода качеству политических институтов и демократизации.

¹²⁸ Там же.

Собственно развал СССР начинался именно с того, что в недрах институтов АН СССР и ряда СМИ разрабатывались идеи (нередко при участии ведущих сотрудников ЦК КПСС), которые затем внедрялись через СМИ в политическую и общественную жизнь страны. Также, впрочем, как в МИД при Шеварднадзе, где сутками изобретали уступки Западу, более того, был создан целый «интеллектуальный центр» для разработки подобных идей. Подобных институтов и идей было достаточно много, а их поддержка со стороны внутрисистемной оппозиции в ЦК была откровенной.

Этому активно способствовали западные государственные и общественные институты. Особенно активны они стали после саммита в Хельсинки (1 августа 1975 г.), где были подписаны и легализованы основания для оппозиционной деятельности. Хельсинские группы стали легальными очагами, которые формировали с помощью Запада оппозицию в СССР, целью которой было ослабить государственные институты и привести страну к кризису. «Третья корзина» (вопросы гуманитарного сотрудничества) в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе стала той конкретной платой, которую потребовали от СССР за нормализацию отношений с Западом и которая стала почвой для легализации оппозиции в СССР. Итог развития этой идеи — ОБСЕ, русофобская Парламентская ассамблея, Совет Европы и многочисленные санкции против России. Весь этот процесс — с 1975 г. до наших дней — известен и, к счастью, в основном осознан в как инструмент по десуверенизации СССР/России.

В рамках этого же процесса шла подготовка правящей элиты СССР и России к капитуляции Западу. В этом смысле «фундаментальные исследования» трех нобелевских лауреатов просто подтверждают «правоту цивилизованных стран» в отношении аборигенов, которые сопротивляются Западу. Точнее той части правящей элиты среди аборигенов, которая сопротивляется и которая подлежит «перевоспитанию».

Этот подход означает, что в США существует стратегия в отношении части правящих элит, которые не хотят воспринимать

ценности и нормы демократии, отказываясь от своего суверенитета и идентичности. Их нужно «учить и воспитывать», в том числе при помощи тех же национальных институтов, которые будут использовать «правильные нормы и идеи». Другими словами, США должны не просто ждать перемен, но готовить новую российскую элиту, которая сменит В.В. Путина и его окружение и пойдет по сценарию развития западной цивилизации. Вывод вполне определенный: «Основы внешней политики в отношении России в краткосрочной перспективе требуют от Запада реализма и практического подхода. Но, имея дело с путинской Россией, США должны быть готовы вести себя иначе с другой Россией, когда та рано или поздно появится»¹²⁹.

Ускоренное развитие военно-силового сценария военно-политической обстановки во втором десятилетии XXI в. привело к самым неожиданным изменениям в формах государственного противоборства, что нередко объясняется разными причинами. Политики и эксперты различно оценивают эти изменения в формах силового противоборства.

Так, например, известный политолог Л. Савин связывает их с «новыми формами организационного поведения» и принципами сетецентрической войны в частности:

- прочные силы, построенные по принципу сети и усовершенствующие распределение информации;
- улучшения качества информации и всеобщей осведомленности;
- улучшение синхронизации;
- повышение эффективности миссии¹³⁰.

Традиционные либеральные политологи и политики иногда объясняют эти явления отказом от глобализации и даже возвратом к политике национальных интересов.

¹²⁹ Вершбоу А., Фрид Д. Как Запад должен вести себя с Россией // Атлантик Коунсал. 2020. 30 ноября.

¹³⁰ Савин Л. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. СПб. : Питер, 2016. С. 103.

Так, по мнению некоторых западных политиков и политологов, эти радикальные изменения, которые произошли в новом веке в международной политике и дипломатии, вполне справедливо называют *эгоизацией внешней политики*, то есть возвращением ее к основам — национальным интересам. Этот возврат, как считается, объективно снижает значение влияния глобализации и соответствующих ее факторов в мировой политике и дипломатии. Он имеет, по их словам, самые негативные последствия, а поэтому должен быть остановлен. Речь идет на самом деле не о реальном объективном политическом и экономическом процессе на Западе, а о его некоторой (отнюдь не главной) субъективной *либеральной трактовке*, навязанной либеральными политиками и учеными-западниками в последние десятилетия, когда произошла субъективная переоценка и абсолютизация значения глобализации в угоду совершенно определенным кругам и интересам, претендовавшим с начала 70-х годов прошлого века на глобальный контроль над мировыми ресурсами.

Эта переоценка, надо признать, крайне негативно отразилась впоследствии на состоянии многих государств и социальных слоев, что стало осознаваться относительно недавно и проявилось в целом ряде тенденций в политике многих государств¹³¹, причем не только тех, кто прямо, как Россия, катастрофически пострадал от таких политических оценок и последствий, но и начинает испытывать их достаточно остро в настоящее время: Словакия, Венгрия, Великобритания, Франция, Германия, Чехия и даже США. Для них нужны новые обоснования абсолютной ценности «основ демократии» и глобализации. И Комитет по присуждению Нобелевских премий, международные

¹³¹ Проблемы в области социального расслоения, нарастающий национальный и этнический антагонизм, вызванный бесконтрольной миграцией, усиление социально-экономических трудностей для значительных категорий граждан, нарастание военных конфликтов и этнических, религиозных и конфессиональных противоречий — эти и другие проблемы стали усиливаться параллельно с развитием глобализации.

институты, рейтинги и придуманные критерии — самый фундаментальный способ обосновать эти претензии.

Преувеличеннное значение глобализации в политике и науке привело в конечном счете к недооценке национальных и социально-классовых интересов, что в итоге выразилось в реальном политическом откате в понимании этих процессов — явлении, известном давно в политической социологии¹³². Классическое «забегание вперед», как это всегда бывало в период радикальных социальных изменений, неизбежно ведет к откату и установлению нового равновесия в мире. Но за этим искусственным «забеганием» стоят *вполне конкретные политические силы*, настойчиво продвигающие в настоящее время ценности глобализации (в том числе и с помощью военной силы), как и за «откатом», стоят не только традиционные антиглобалисты, но и социально ориентированные и национально ориентированные силы в большинстве стран.

Таким образом, в основе стратегий государств Запада лежит политico-идеологическое противоборство, обострившееся в последние два десятилетия, а также противоречие между сторонниками глобализации и сторонниками национальных интересов и идентичности. Их борьба за темпы «забегания вперед» и «степень отката» к системе национальных ценностей достаточно точно характеризует современный этап противоборства не только в идеологии, но и между государствами, которые их продвигают в мире.

Международно-правовые нормы в этом процессе с опозданием и не всегда точно фиксируют такие изменения. Их влияние уменьшается, а порой и совсем исчезает, деформируется, например, как роль и значение ООН. Так же как фактически исчезли нормы ОБСЕ и ВТО. Быстрее происходит адаптация национальных норм к новым реалиям. В частности, отказ в но-

¹³² Подробно этот процесс описал, например, академик РАН Н. Симония еще в 1970-х годах в известной работе «Страны Востока: пути развития».

вой редакции Конституции Российской Федерации от приоритетов международного права над российскими нормами фиксирует направление политики страны в сторону национальных интересов.

Борьба между глобализацией и автаркией приобретает новые черты. Надо признать, что ускорение этого процесса стало во многом следствием проблем, возникших у его лидера, — США. Многие, например, надеялись на быстрый и эффективный ответ на COVID-19, прежде всего в стране — лидере глобализации.

Для Соединенных Штатов этого не произошло, где было зарегистрировано больше случаев COVID-19 и смертей, чем в любой другой стране мира. На долю США, где проживает около 4% населения мира, было около 25% всех случаев заболевания и около 20% всех смертей.

Сторонники глобализации, принадлежащие к самым разным оттенкам либерального политического спектра¹³³, признают, что «обозначенная «эгоизация», приоритизация национальных интересов, вероятно, будет только возрастать, в то время как глобализация станет объектом нападок. В критических ситуациях людям свойственно искать виноватых, на роль которых лучше всего подходят «чужие» или глобалисты/интернационалисты/космополиты»¹³⁴.

Как видно из этого признания, сторонники глобализации, которыми в России являются откровенные либералы-западники,

¹³³ В России к таким сторонникам относятся как откровенные либералы-западники, сделавшие свою карьеру при Горбачеве и Ельцине, так и значительная часть нынешних скороспелых «государственников», как в политике, так и особенно в политологии, которые благодаря либералам создали существенные активы самого разного профиля, которые можно использовать только в глобальной экономике и под контролем «единого» Запада.

¹³⁴ Райнхардт Р. Твит против канцеляриста: как меняется язык российской дипломатии в условиях миропорядка // Валдайские записки. 2020. № 114. 16 с.

понимают, что политические силы, выступающие против глобализации и за национальные интересы, будут бороться против глобалистского искусственного «забегания вперед», который привел к множеству национальных и социальных издержек. Для граждан постсоветской территории — к потере единого политического, экономического и культурного пространства, миллионным жертвам и огромным социально-политическим издержкам. И не в последнюю очередь — к потере статуса великой державы-победительницы, который очень быстро сменился на статус державы, проигравшей холодную войну, более того, государства, на которое все чаще пытаются возложить ответственность за начало Второй мировой войны, последующую «оккупацию» Европы и многое другое.

Те или иные частные проявления такого политico-идеологического противоборства очень характерны потому, что за ними стоят истинные стремления либералов и сторонников национальных интересов. Неслучайно, что среди сторонников глобализации и либералов в России откровенно много тех, кто готов «избавить» Россию от статуса великой державы и найти (или признать) ее политические ошибки в прошлом. Например, в отношении плана Маршалла или других видов «безвозмездной» помощи Запада.

Не секрет, что среди политиков и ученых в России таких представителей очень много. Парадокс заключается в том, что эти представители — политики и ученые — одновременно выступают фактически против защиты национальных интересов и системы национальных ценностей. На самом деле они не хотят признавать, что эта «эгоизация» произошла потому, что на протяжении нескольких десятилетий национальные и социальные интересы *открыто, цинично и небескорыстно игнорировались правящими элитами ведущих государств мира при фактической поддержке сторонников либерально-глобальной политики в России*, которым удалось в итоге создать комфортную для себя финансово-экономическую и военно-политическую среду и другие глобальные системы.

Для того чтобы сохранить эти системы статус-кво в мире, где происходит динамичное изменение в соотношении сил, этим западным государствам необходимы новые, более эффективные инструменты силовой политики — как военные, так и невоенные, прежде всего идеологические и информационно-когнитивные, продвигающие интересы и ценности глобализации.

1.8. ПЕРСПЕКТИВЫ СИЛОВОГО ПРОТИВОБОРСТВА СИСТЕМ ЕВРАЗИЙСКОЙ И АТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Чисто военная стратегия должна руководствоваться более дальновидной и имеющей более широкую перспективу «большой стратегией»¹³⁵.

Бэзил Лиддел Гарт

Создание системы евразийской безопасности, о которой говорят много «чемпионы надутых фраз»¹³⁶ российской политологии в последнее время, требует рассмотрения некоторых содержательных вопросов, без ответа на которые простое продвижение этой идеи В.В. Путина в политике представляется малоперспективным — слишком много аспектов этой проблемы не проработаны до конца. Это пока что скорее лозунг, чем концепция¹³⁷.

Тем более в условиях ускоренного завершения развала существовавшего миропорядка и отсутствия нового, о котором С.В. Лавров сказал, «что с возвращением к власти команды Дональда Трампа в США осмысление Вашингтоном международных процессов после Второй мировой войны “приобрело новое измерение”»¹³⁸.

¹³⁵ Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий : перевод с англ. М. : ACT, 2018. С. 7–8.

¹³⁶ В.И. Ленин использовал это выражение в отношении Троцкого, который пытался оправдывать оппортунизм (См.: Ленин В.И. Великая война. М. : Эксмо, 2024. С. 293.)

¹³⁷ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин и [др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

¹³⁸ Цит. по: Подберезкин А.И. Перспективы силового противоборства евразийской и атлантической систем безопасности // Сайт ЦВПИ. 5 февраля 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/perspektivy-silovogo>

Очевидно, что прежний миропорядок фактически перестал существовать. Государства откровенно заменяют его политикой силы. Даже формально сильные державы его уже не признают. В частности, новый госсекретарь США Марко Рубио заявил, что послевоенный миропорядок *не просто устарел, а был превращен в оружие против интересов США*. Отказ от прежнего миропорядка означает только одно — возвращение политики силы. Более того, отказ от политических и дипломатических средств разрешения противоречий, по мнению С.В. Лаврова, переход к концепции “Америка прежде всего” несет в себе “тревожное созвучие” с лозунгом гитлеровского периода “Германия превыше всего”, а ставка на “установление мира посредством силы” может окончательно похоронить дипломатию¹³⁹.

Это же означает крах прежнего миропорядка и неготовность договариваться о принципах нового. В 2025 году особенно часто стали вспоминать историю таких договоренностей в Ялте и Потсдаме, но именно как дипломатическую историю. Новая система безопасности стала проблемой, о которой пока что на Западе не говорят потому, что не хотят признать уничтоженной старую, а на «не-Западе» — потому, что еще только осознают необходимость формирования альтернативной системы безопасности. При этом необходимо сделать существенные оговорки, которых много, но две — важнейшие.

Во-первых, безопасность — широкое понятие, включающее самые разные области, где собственно военная безопасность — только одна (хотя и самая важная) область. По мере развития человечества появлялись новые области безопасности — торгово-экономическая, финансовая, экологическая, информационная, социально-политическая и пр.

¹³⁹ Лавров сравнил концепцию «Америка прежде всего» с гитлеровским лозунгом «Германия превыше всего» // Российская газета. 5 февраля 2025 г. URL: https://rg.ru/2025/02/04/lavrov-sravnil-koncepciiu-amerika-prezhde-vsegod-s-gitlerovskim-lozungom.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=URL: https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstor

Силовое противоборство субъектов МО на современном этапе предполагает, что такое противоборство неизбежно происходит в нескольких, даже многих областях. Так, опыт СВО показал, что эти области — от информации и идеологии, и культуры до прямого военного противоборства — неизбежно расширяются как содержательно, так и пространственно, становятся неизбежно глобальными. «Гибридная война» стала нормой такого противоборства¹⁴⁰. В частности, СВО показала, как русофobia сознательно культивировалась многие годы в «странах-партнерах», которых де-факто готовились к силовому противоборству даже в благоприятных условиях развития отношений.

Во-вторых, безопасность предполагает, что собственно практическое обеспечение безопасности является только частью более широкой («большой») национальной стратегии опережающего развития, прежде всего человеческого потенциала, и укрепления суверенитета¹⁴¹. Иначе говоря, собственно безопасность не дает безопасности без опережающего развития во многих областях.

С учетом принципиального характера этих двух оговорок можно рассмотреть некоторые особенности возможного развития системы евразийской безопасности.

Первое. Парадокс силового противоборства двух систем безопасности — евроатлантической и евразийской — заключается в (возможном) будущем параллельном развитии двух мировых центров силы и формировании вокруг них враждебных военно-политических коалиций.

¹⁴⁰ Классик военно-политической мысли Запада Лиддл Гарт, Бэзил подробно описал характер такого противоборства и его преимущества, которые использовались с глубокой древности. См. подробнее: Лиддл Гарт Б. Стратегия непрямых действий : перевод с англ. М. : ACT, 2018. 508 с.

¹⁴¹ См. серию работ А.И. Подберезкина, посвященных развитию национального человеческого капитала 2000–2020-х годов.

Опыт такого противоборства остался не только в современной истории, но и в памяти многих представителей правящей элиты. И далеко не всегда и не везде даже в настоящее время этот опыт рассматривает в качестве неизбежного поражения сил крах системы (в том числе безопасности) социализма. Даже в развитых странах, в частности в Европе, где существует «историческая память» и позитивное отношение к бывшим социалистическим реалиям, включая опыт СЭВ и ОВД.

Надо признать, наконец, что политico-идеологическое представление о социализме, ОВД и СЭВ во многом формировалось искаженное, причем с существенным русофобским дополнением. И наоборот. В СССР и России ничего не делалось для исправления такого искаженного представления.

Тем более во многих странах Азии и Африки и Латинской Америки, где ликвидация социалистической системы рассматривается как национальная катастрофа.

Прежде всего необходимо сказать о самой возможности сосуществования одновременно не одной (проамериканской), а двух-трех (даже нескольких) систем. Эта возможность в будущем существования и неизбежного противоборства двух систем безопасности очевидна на историческом примере достаточно длительного существования и противоборства таких систем во главе с СССР и США¹⁴².

После ликвидации одной из систем безопасности и ее центра — СССР — мировая обстановка формировалась, по сути дела, откровенно в интересах США и части их союзников, сконцентрированных на развитии глобального управления. Параллельно, изнутри, формировалась альтернативная система (мы), прежде всего в эпицентре влияния КНР, Индии и России.

¹⁴² Эта реальность, к настоящему времени достаточно забытая, была до 1989 года XX века основным фактором формирования МО-ВПО. В научной, публицистической и иной литературе этому противоборству были посвящены сотни тысяч работ — книг, диссертаций и публикаций, которые стали во многом фундаментом в том числе и для части нынешней элиты России.

СВО стала тем «спусковым крючком», который обозначил фактическую легализацию формирования новой системы безопасности, которую в самом общем виде можно назвать «не-Запад». Она существенно шире евразийской формирующейся системы евразийской безопасности, так же аморфна и находится под сильным влиянием Запада, но уже имеет право на существование, как минимум потому, что в отдельных моментах проявляется сильный элемент противоборства. Поэтому принципиально важно уже сегодня попытаться определить основные элементы и особенности такого будущего противоборства условных систем безопасности, которые можно назвать «Запад» и «не-Запад».

Второе. Прежде всего, эти системы будут не всегда и не во всем совпадать с существующими организациями безопасности и сотрудничества «Запада» (НАТО, ЕС и др.) и «не Запада» (ШОС, БРИКС, ОДКБ и пр.). Причем не только потому, что некоторые страны еще не определились (и не только Индия, Индонезия, Пакистан, но и другие), но и потому, что из таких организаций безопасности может быть выход самых разных стран (не только Армении, но и Словакии, Венгрии, Австрии).

Кризис, назревший в мире, неизбежно будет провоцировать изменения в центрах силы и их организациях. Иногда, как показывают самые первые шаги Д. Трампа, — очень неожиданные и резкие. Не исключают, например, что противником США может стать «самый верный союзник» — Великобритания.

Третье. Другой, более принципиальный, момент заключается в том, что противоборство, в том числе силовое, может быть в самых разных формах и областях, то есть существовать параллельно, в том числе как силовое противоборство и сотрудничество. Суть современной «гибридной войны» именно в этом.

Пример СВО показателен — параллельно с военными действиями остались области сотрудничества, которые, как правило, были вызваны технологическими или личностными причинами.

В еще большей степени потребности сотрудничества вытекают из необходимости распределения природных ресурсов Земли, которые ограничены самим фактом их нахождения на одной планете (освоение других планет — перспектива будущего). И не только энергетических, о которых много говорят, но и иных, в частности, редкоземельных ископаемых, значение которых резко выросло в последние годы. Львиная доля украинских редкоземельных металлов, в которых заинтересованы США, находится на неподконтрольных Киеву территориях. Об этом пишут украинские СМИ после слов президента США Дональда Трампа о том, что Соединенные Штаты заинтересованы в получении редкоземельных металлов с Украины и добиваются от Киева соответствующих гарантий.

На этом фоне агентство УНИАН и издание “Insider” приводят данные украинского журнала “Forbes”, который по состоянию на апрель 2023 года оценил совокупную стоимость полезных ископаемых страны на сумму около 15 трлн долл. При этом уточняется, что более 70% запасов приходится на ДНР и ЛНР, а также Днепропетровскую область, приближение линии фронта к которой активно обсуждалось на Украине феврале 2025 года. Украина располагала самыми большими в Европе запасами титана и лития, который является одним из ключевых компонентов для производства различной продукции — от истребителей до смартфонов¹⁴³.

Таким образом, сосуществование и *противоборство двух систем безопасности* может проявляться в различных формах, например, как противоборство за природные ресурсы (особенно ограниченные) или между информационной безопасностью (ИБ) и информационными технологиями (ИТ). Причем в разных областях: задача ИТ — сделать так, чтобы сервисы работали стablyно и без перерывов, при этом не важно, защищены они

¹⁴³ СМИ: Украина утратила львиную долю редкоземельных элементов // ТАСС. 4 февраля 2025 г. URL: https://dzen.ru/a/Z6E1O9ZRjhRfdQiU?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

или нет. Задача ИБ — сделать так, чтобы использование сервиса было безопасным как для пользователя, так и для сервис-провайдера.

С точки зрения действия коалиций это означает, что тесные торгово-промышленные связи и сильная взаимозависимость Китая и США могут исключить прямые военные действия, сохранив экономическое и торговое соперничество.

Четвертое. Неизбежно в недалекой перспективе оформление новых центров силы, в том числе и в возможные военно-политические коалиции. Речь идет не только об очевидных центрах силы — Китае, Индии, но и об исламской цивилизации, африканской цивилизации (интересно, что все эти центры силы уже насчитывают примерно одинаковые человеческие ресурсы — главный критерий мощи в настоящее время — порядка 1400 миллионов человек), а также Бразилии, Индонезии.

По мере их развития и усиления глобальная западная цивилизация и сложившаяся на ее основе военно-политическая коалиция будут относительно слабеть. Так, с точки зрения объемов военных бюджетов, бюджет США в 2024 году почти достиг 900 млрд долл., а Франции, Великобритании и Германии (даже с учетом роста в 2023 году на 20%) порядка 60–70 млрд, но военные бюджеты КНР и Индии (соответственно 300 и более 81 млрд долл.) уже опережают как по объемам, так и по темпам роста бюджеты основных стран западной коалиции¹⁴⁴.

С точки зрения военно-технологической, не только Китай и Индия, но и другие центры силы приобретают вполне значимую самодостаточность и независимость от традиционных центров силы, которая непосредственно отражается не только

¹⁴⁴ См., например: Подберезкин А.И. Некоторые вопросы теории и методологии анализа современных стратегий безопасности государств: монография / под ред. О.Е. Родионова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Центр военно-политических исследований, Кафедра всемирной и отечественной истории. М. : МГИМО-Университет, 2023. 541 с.

на их способности укреплять свой суверенитет, но и претензиях на региональное лидерство в области безопасности. Так, например, Иран достаточно успешно развивает новые технологические направления, что уже не раз доказывало его военные возможности в последние годы. Например, в важнейшей области — приобретения самостоятельного потенциала БПЛА, где он продемонстрировал способность создавать аналогичные саммым передовым системам на Западе. В частности, Корпус стражей исламской революции (КСИР) Ирана в феврале 2025 года представил свежий взгляд на то, что, по всей видимости, было боевым беспилотником дальнего радиуса действия под названием «Газа», принимавшим участие в военных учениях: беспилотный летательный аппарат, чей корпус напоминает американский беспилотник Predator или Reaper, весит более трех тонн и имеет размах крыльев 22 метра (72 фута). Утверждается, что дальность полета Gaza составляет 1000 километров (621 миля), и он может нести полезную нагрузку до 500 килограммов.

С военно-политической точки зрения этот БПЛА может использоваться в интересах усиления тактического влияния на ближнее зарубежье Ирана, в таких местах, как Ирак, Пакистан и Афганистан, а не представлять реальной угрозы региональному врагу Ирана¹⁴⁵ — Израилю, который имеет развитую сеть ПВО и способен сбивать такие медленно летящие беспилотники, которым приходится преодолевать большие расстояния.

Пятое. По мере ликвидации Западом международных институтов и силового внедрения методов принуждения, разрушающих миропорядок, нарастал хаос в международных делах. Этот процесс стремительно развивался с конца 2021 года, может быть, как никогда быстро в истории. Самые первые шаги

¹⁴⁵ Иранский беспилотник «Газа» дебютировал на военных учениях // Срочные военные новости. 29 января 2025 г. URL: https://breakingdefense.com/2025/01/irans-gaza-drone-makes-military-exercise-debut/?utm_campaign=Newsletters&utm_medium=email&_hs

Д. Трампа в январе 2025 года не просто ошеломили политический мир, но и во многом «добили» традиционные представления о нормах международного права и политического поведения.

Причем, как правило, эти изменения стали непредсказуемые, а нередко и хаотичны, когда определяющей тенденцией формирования такого миропорядка становится именно политика неуправляемой хаотизации, ориентированная на откровенный политический прагматизм и цинизм. Типичный пример — агрессия против России Запада, которая привела к военному столкновению на Украине¹⁴⁶, и которая стала иллюстрацией откровенно циничного поведения западных держав, нарушающих демонстративно и неоднократно даже публичные договоренности.

Причем в этом процессе хаотизации ясно просматривается жесткая логика западной стратегии силового принуждения к тем нормам и правилам, которые формируются глобалистами. Так, периодические «подъемы» и «спады» в политике США и их союзников в отношении помощи ВСУ могут вызывать ощущение иллюзии смены политического курса, который, однако, выдерживается четко и последовательно даже не с 2021 года, а значительно ранее. Можно уверенно сказать, что стратегическое планирование в США на всех этапах отличалось строгой последовательностью и целеустремленностью (к сожалению, не свойственной для советского и российского стратегического планирования).

Шестое. Переговоры всегда играли вспомогательную и подчиненную роль в политике Запада. Нередко — откровенно в качестве средства политического обмана, как это было в ходе Минских и Стамбульских переговоров, но особенно цинично в случае предоставления «политических гарантий» Януковичу в 2014 году. Очень часто такие переговоры *идут параллельно*

¹⁴⁶ Подберезкин А.И. В Вашингтоне мыслят старыми стереотипами // Красная Звезда. 04.04.2022. URL: <http://redstar.ru/v-vashingtone-myslyat-starymi-stereotipami/>

с реализацией главной задачи стратегии. И подчинены этой задаче. Так, надо признать, было всегда в дипломатической практике США и Великобритании. Разница в подходах России (СССР) и США к переговорам принципиальная: для России (СССР) часто сам процесс и «политический результат» был важнее реального практического результата, тогда как для США и их союзников принципиально важен был не политический «флер», а практический (частно очень примитивный и простой, технический) результат, который, впрочем, в итоге оказывался значимым. Так, заключение ДРСМД для М. Горбачева имело огромный политический результат, который в итоге вылился в развертывание США глобального потенциала крылатых ракет морского базирования (КРМБ), изменивших стратегическую обстановку в мире.

Современный пример, — созданная к лету 2024 года иллюзия возможности достижения договоренностей, с одной стороны, и усиление помощи со стороны США и их союзников, — с другой. Виртуальный и реальные политические процессы откровенно противоречили друг другу. Так, один из экспертов РЭНД в июне 2024 года констатировал, что с декабря 2023 года шел ускоренный процесс усиления помощи Украине, который в итоге привел к формированию полномасштабной коалиции, заключению долгосрочного соглашения с США и консолидации усилий стран ЕС и других союзников США.

Седьмое. США и их союзники рассматривают свою коалицию как глобальный инструмент, который можно использовать против любых сил и государств. В этом смысле — против любой системы безопасности (включая безопасости своих членов коалиции). После прихода Д. Трампа это стало очевидно, хотя на практике осознание этого в США произошло задолго до этого. По мере развития кризиса в отношениях между Западом и другими центрами силы в Вашингтоне стали признавать, что (по меньшей мере с военно-политической точки зрения) уже сформировалось три центра силы и появятся неизбежно новые. Так, бывший председатель Комитета начальников штабов

(КНШ) Вооруженных сил США генерал Марк Милли заявил еще в июне 2023 года о существовании как минимум трех сверхдержав на современной политической карте мира — Соединенных Штатов, Китая и России: «Сейчас становится все более очевидным, что мы действительно находимся в многополярной международной среде, где есть как минимум три сверхдержавы — США, Китай и Россия», — сказал он 8 июня 2023 года, выступая перед выпускниками в Национальном университете обороны.

В этой связи Милли утверждал, что в течение «следующих нескольких десятилетий» мир столкнется с «очень серьезными вызовами и кризисами». Он пояснил, что в противостоянии во время холодной войны участвовали две сверхдержавы, но после раз渲ла СССР на 10–15 лет США оставались единственной сверхдержавой в мире. «Три [сверхдержавы] — это намного сложнее, чем две [сверхдержавы]»¹⁴⁷, — указал глава КНШ ВС США.

Милли также признал, что ситуация еще осложняется и тем, что ряд стран начинают играть все более заметную роль в своих регионах, а впоследствии эти государства могут претендовать и на статус сверхдержав. Иными словами, реальные политики в США признали мировые новые центры силы и реалии, что было невозможно еще недавно. Даже до 2022 года. В этом смысле период СВО 2022–2025 годов стал «переходным периодом» для правящей элиты США. Во всяком случае, как минимум фактическим началом такого периода¹⁴⁸.

Восьмое. В новых условиях развития МО-ВПО формирование максимально эффективных национальных стратегий и их це-

¹⁴⁷ Глава Комитета начштабов армии США заявил о существовании трех сверхдержав // ТАСС. 08.06.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17966637?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

¹⁴⁸ Чужие войны: новая парадигма / С.М. Аминов, М.С. Барабанов, С. А. Денисенцев, А.В. Лавров, Ю.Ю. Лямин ; под ред. М.С. Барабанова. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2022. С. 7.

леполагание исключительно затруднено. Что прямо отражается на идеях создания систем безопасности.

Также, впрочем, как и решений о стратегиях развития и распределения национальных ресурсов¹⁴⁹. Между тем этот процесс не просто обязателен и неизбежен, но и от него прямо зависит эффективность развития государств, более того, само их существование. Когда, например, за два месяца стороны расходуют колоссальные запасы стратегических ресурсов — природных, материальных, энергетических и даже биологических — вопрос их выживания становится в прямую зависимость от возможности консолидировать и мобилизовать национальные ресурсы и их использовать максимально бережно и эффективно. Именно это, например, стало решающим фактором, который повлиял на смену тактики ВС РФ на Украине в марте–апреле 2022 года: максимальное использование ВТО и огневой мощи становилось важнейшим условием наступления¹⁵⁰, а также последующие изменения в военном искусстве и военном строительстве¹⁵¹.

Сказанное имеет прямое отношение к формированию национальной стратегии России и формированию представлений о национальной безопасности в 2020-е годы, которое происходит под влиянием усиливающегося внешнего давления,

¹⁴⁹ Подберезкин А.И. Субъективные аспекты новой Концепции внешней политики России // Обозреватель. 2023. № 4, 5. С. 1–21. URL: https://i-sng.ru/img/2023/09/Obs_4_23_web.pdf

¹⁵⁰ Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 763 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных сил РФ, других войск, военных формирований и органов». URL: <https://rg.ru/documents/2022/10/24/document-koordinacionnyjsovet.html>

¹⁵¹ В частности, см.: Выступление В.В. Путина. Стенограмма расширенного заседания коллегии Министерства обороны Российской Федерации, 19 декабря 2023 г. // Про президента России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-rasshirennogo-zasedanija-kollegii-minoborony-19-12-2023.html>

превращавшегося быстро в прямую угрозу существованию России¹⁵². События на Украине и отношения России с Западом в период 2021–2025 годов — самый яркий пример такого влияния.

Характер нарастающих угроз этого внешнего давления и перспективы его эволюции непосредственно влияли на развитие и стратегию России, что в принципе стало отчетливо пониматься в правящей элите страны и нашло свое прямое отражение в документах стратегического планирования и решениях российской правящей элиты 2021–2022 годов¹⁵³, которая в итоге была вынуждена принять решение об СВО, а до этого фактически разорвать отношения с Западом¹⁵⁴. Признание ЛНР и ДНР в феврале 2022 года и обязательства по их защите фактически оформили разрыв неравноправных отношений с Западом, существовавших с конца 80-х годов прошлого века. В.В. Путин ясно провел черту «до 2022 года и после».

Этот шаг стал во многом неизбежной и прямой констатацией отличия национально-цивилизационных интересов и ценностей России от универсалистских ценностей Запада, которая требовалась в предыдущие десятилетия в качестве основы для

¹⁵² Подберезкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

¹⁵³ Подберезкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации : сборник материалов круглого стола (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского ; ВАГШ ВС РФ. М. : Издательский дом «УМЦ», 2022. С. 365–376. 544 с.; Подберезкин А.И., Родионов О.Е. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности : монография. М. : МГИМО-Университет, 2022. 440 с.; Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политической обстановки // Трансформация войны и перспективные направления развития содержания военных конфликтов : сборник материалов круглого стола ; ВАГШ, кафедра военной стратегии, 2023. С. 86–101. 239 с.

¹⁵⁴ Процесс разрыва, надо признать, начался с 2008 года, ускорился после 2014 года и к 2022 году фактически превратился в необратимый.

формирования эффективной национальной стратегии страны. Как справедливо заметил по этому поводу бывший заместитель секретаря Совета безопасности профессор В.П. Назаров, «Анализ внешнеполитической ситуации показывает, что процесс формирования новой полицентрической системы мироустройства сопровождается ростом нестабильности и углублением противоречий, связанных с пересмотром традиционных сфер влияния, борьбой за ресурсы, рынки сбыта и контроль над стратегическими коммуникациями, появлением новых трансграничных очагов напряженности. Противоборство между государствами в возрастающей степени переносится в область ценностных и моральных установок, моделей развития»¹⁵⁵.

Таким образом, к 2025 году развитие МО-ВПО в мире в нарастающей степени приобрело экзистенциально-цивилизационный характер, который стал фундаментом возможного параллельного развития нескольких систем безопасности, их конкуренции и противоборства, не отрицающей теоретически сохранения такого противоборства в рамках того, что прежде называлось «мирным сосуществованием» систем безопасности.

¹⁵⁵ Назаров В.П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования : монография / под общ. ред. Т.А. Алексеевой. М. : КНОРУС, 2022. 332 с.

**1.9. Д. ТРАМП И ИНИЦИАТИВА ПО СОЗДАНИЮ
ГЛОБАЛЬНОЙ ПРО — ПРИМЕР ВЗАИМОСВЯЗИ
РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ, НОВОГО МИРОПОРЯДКА
И НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ**

Мнение о несвоевременности диалога
по мироустройству в условиях
продолжающегося конфликта
на Украине — от лукавого¹⁵⁶.

С. Лавров, министр иностранных дел России

Формирование новой системы безопасности вытекает из процесса создания нового миропорядка, а также тесно связано как с процессами глобализации, доминировавшими последние десятилетия, так и с развитием национальных («больших» — по определению Б.Л. Гарта) стратегий, в основе которых лежат противоположные тенденции автаркии и деглобализации. В первом случае — новый миропорядок становится продуктом доминирования США в глобализации. Соответственно, система безопасности становится логическим следствием формирующегося миропорядка. Во втором — тоже продуктом, но баланса интересов, сформулированных в национальных стратегиях и противоборства важнейших тенденций, в том числе глобализации и автаркии (что очень хорошо видно на примере политики США при Д. Трампе).

В период с начала 90-х годов до настоящего времени (если абстрагироваться от либеральных искусственно политологических теорий) идет процесс формирования силового и грубого мироустройства в соответствии с интересами (потребностями) главных субъектов МО — США и их союзников и крупнейших международных корпораций, ломающий остатки международного права и созданные в XX веке институты.

¹⁵⁶ Цит. по: Россия готова к согласованию баланса интересов в мире: С. Лавров // РИА Новости. 03.03.2025. URL: <https://ria.ru/20250204/rossija-1997236312.html>

Это процесс выражен в классической англосаксонской стратегии США-Великобритании «силового принуждения», которая использует принципы «непрямого действия» англосаксонского теоретика Бэзил Лиддл Гарта после Второй мировой войны, как в период холодной войны, так и в последующие годы. Эти принципы и нормы для Запада стали просто продолжением холодной войны в новых условиях¹⁵⁷. Иначе говоря, общая логика формирования новой системы безопасности такова: развитие системы миропорядка ведет, как правило (но не всегда), к формированию систем безопасности, которые, в свою очередь, находятся под сильным влиянием национальных («больших») стратегий. Это наглядно видно в 20-е годы нынешнего столетия на примере инициативы Д. Трампа по созданию глобальной ПРО («Железного купола»), которая не имеет ничего общего, кроме названия с израильской системой ПРО¹⁵⁸.

Таким образом, национальные стратегии — тот же продукт противоборства этих тенденций, — что хорошо видно на примере действий (и противодействий) Д. Трампа уже в самом начале его президентства. Политический результат — развитие системы безопасности и миропорядок становятся *продуктом таких национальных стратегий*.

Иными словами, процесс формирования систем безопасности происходит как под влиянием более общего процесса —

¹⁵⁷ Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times. 29.04.2021.

¹⁵⁸ Система «железный купол» в Израиле — тактическая система ПВО-ПРО, ориентированная на защиту достаточно ограниченной территории, в случае с Израилем — части страны (тактическая система ПРО, предназначенная для защиты от неуправляемых тактических ракет с дальностью полета от 4 до 70 километров; разработана израильской компанией Rafael). Каждая батарея может защищать территорию площадью 150 квадратных километров. Первая батарея встала на боевое дежурство в марте 2011 года; на июль 2014 года боевое дежурство несли 9 батарей по всей территории Израиля. К концу 2014 года батареями «Железного купола» успешно сбито 1200 ракет.

формирования миропорядка, — так и под влиянием более частного процесса формирования национальных стратегий, то есть дедукции и индукции в мировой политике. Очевидно, что в настоящее время индукция (сила национальной автаркии) набирает мощь, нейтрализуя более общие процессы миропорядка, в которых право и договоренности играли важную роль.

Создание широкомасштабной ПРО прямо противоречит всей системе мировой безопасности, сложившейся с начала 70-х годов в результате многочисленных договоренностей по ограничению СНВ и ПРО, а также других систем вооружений и военной деятельности не только между СССР и США, но в многостороннем аспекте. Эта система безопасности основывалась на ядерном сдерживании, то есть невозможности нанесения ядерного удара, которая сегодня ставится Д. Трампом под сомнение созданием широкомасштабной системы ПРО.

Это означает, что если современный миропорядок развивается в условиях хаоса и отказа от прежней системы миропорядка и соответствующей системы безопасности, состоявшей из двух противоборствующих систем и их организаций (ОВД и НАТО), существовавших до 90-х годов прошлого века, то новый миропорядок, формирующийся в условиях хаоса, будет состоять как минимум из нескольких систем безопасности (кроме евроатлантической и евразийской могут быть и индо-тихоокеанская, и латино-американская и пр.). Во многом то, какие системы безопасности будут, зависит, кроме того, от национальных стратегий, в частности, от стратегии США по созданию широкомасштабной и глобальной системы ПРО.

Суть инициативы Д. Трампа (до конца не известной и не осмыслинной, похоже, им самим) меняет все основы безопасности и миропорядка силовым способом в одностороннем порядке, игнорируя во многом нормы, традиции, правила и международное право, что, в принципе, характерно для его политики. То, что известно о ней сегодня, однако, говорит о революционном характере возможных шагов в области военной

политики¹⁵⁹, а именно о следующем. В течение 40 лет американская система противоракетной обороны основывалась, как считают авторитетные американские эксперты¹⁶⁰, на двух параллельных концепциях. Во-первых, что кинетические системы противоракетной обороны будут разработаны для физической остановки ракет, выпущенных страной-изгоем, такой как Северная Корея или Иран. И, во-вторых, что эти же самые системы не будут масштабироваться до уровня, на котором США могли бы надежно защитить свою страну от обстрела со стороны России и Китая. Именно создание потенциала защиты от глобального ответного удара со стороны России (в перспективе — Китая) делает эту инициативу Д. Трампа радикально революционной с точки зрения всей политики ядерного сдерживания в мире.

В действительности в СССР и России не все верили в этот подход США со времен Р. Рейгана, полагая, что так или иначе, но США будут создавать поэтапно потенциал защиты от ответного удара со стороны СССР/России¹⁶¹. Эти этапы — при М. Горбачеве отказ от взаимосвязи СНВ и ПРО, еще позже — односторонний выход США из Договора по ПРО в 2002 году и другие шаги, прежде всего развертывание широкомасштабной системы морского базирования «Иджис», мобильных «ТХААД» и «тяжелых» наземных ракет-перехватчиков и другие действия говорили в пользу того, что там изначально взяли курс в долгосрочном

¹⁵⁹ Такой характер изменений вполне соответствует политике и личности Д. Трампа, что делает подобную огромную по важности инициативу (гораздо масштабнее, чем программа СОИ Д. Рейгана) вполне реальной.

¹⁶⁰ Хитченс Т., Марроу М. Как «Железный купол для Америки» Д. Трампа переворачивает четыре десятилетия ядерной доктрины // Срочные военные новости. 4 февраля 2025 г. URL: https://breakingdefense.com/2025/02/how-trumps-iron-dome-for-america-upends-four-decades-of-nuclear-doctrine/?utm_campaign=BD%20Daily&utm_medium=email&_hsen

¹⁶¹ См., например: Подберезкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки : монография. М. : Международные отношения, 2019. 462 с.; Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1503 с.

плане на создание потенциала защиты от ответного (ослабленного первым ударом) потенциала ПРО¹⁶². Нынешнее отношение к инициативе Д. Трампа, а главное, к идеи создания системы ПРО территории страны, отразил авторитетный эксперт Том Карако (руководитель проекта по противоракетной обороне в Центре стратегических и международных исследований), который утверждает, что некоторые нарративы упускают более широкий стратегический контекст. «*Усилия по сохранению ядерной стабильности — это “старое мышление”, основанное на парадигме, которая исчезла*», — сказал он. С другой стороны, он предостерег от тех, кто отстаивает «основанную на вере» идею неуязвимого щита от всех ракетных угроз территории США, заявив, что «противоракетная оборона — это сложно... Они недостаточно серьезно относятся к угрозе, вот что я бы сказал»¹⁶³.

Иными словами, военно-политическое принципиальное решение об отказе от взаимного сдерживания фактически принято в США (формально такие действия последуют по мере развития программы ПРО), но остаются опасения относительно возможности технологических решений. При этом ничто не соответствует описанию технологии жесткой противоракетной обороны больше, чем самая спорная часть указа Трампа: космические перехватчики.

Понятно, что в России внимательно наблюдали за этими скрытыми процессами в США, которые, надо признать, были отчетливо последовательны на протяжении десятилетий. И в этом

¹⁶² Надо признать, что с 70-х гг. прошлого века в СССР и России существовала иллюзия, которая активно поддерживалась частью правящей элиты, прежде всего в МИД СССР, РАН — ИМЭМО и ИСКАН, которая полагала, что такую систему создать в принципе невозможно, более того, что США и не собираются этого делать.

¹⁶³ Хитченс Т., Марроу М. Как «Железный купол для Америки» Д. Трампа переворачивает четыре десятилетия ядерной доктрины // Срочные военные новости. 4 февраля 2025 г. URL: https://breakingdefense.com/2025/02/how-trumps-iron-dome-for-america-upends-four-decades-of-nuclear-doctrine/?utm_campaign=BD%20Daily&utm_medium=email&_hsen

смысле инициатива Д. Трампа — продолжение логики его кумира Р. Рейгана. Поэтому в России в последние годы шел достаточно масштабный процесс как развития нового поколения СНВ, так и создания систем ПРО (в частности, С-500) и противоспутниковых систем.

Очевидно, что эта инициатива уже нанесла самый мощный удар по логике ядерного сдерживания, которая лежала в основе существовавшей системы международной безопасности последние 50 лет. Банальная формула, как ее повторяют снова американские эксперты, такова: «Это может показаться нелогичным, но политическое обоснование (Д. Трампа) простое, хотя и несколько апокалиптическое: только угроза ядерного ответа, способного положить конец всему миру, удержит эти державы от запуска, и если Москва и Пекин почувствуют, что США могут надежно сдерживать их угрозу, одновременно защищая себя, это заставит этих конкурентов вкладывать еще больше средств в ядерное оружие. И одним росчерком пера президент Дональд Трамп нарушил этот баланс, призвав к значительному расширению системы противоракетной обороны, которую он окрестил “Железным куполом для Америки”»¹⁶⁴.

На самом деле, такой «баланс» никогда не существовал в перспективе: США все годы искали средства сделать ядерное оружие используемым инструментом внешней политики, а свою территорию — не подлежащей нанесению ответного удара. Так, например, в указе Трампа от 27 января 2025 года утверждается, что США должны «сдерживать» или «защищаться» от «любого иностранного воздушного нападения», но он, как отмечают сами американские эксперты, идет еще дальше, призывая министра обороны представить планы «Защиты... от баллистических, гиперзвуковых, усовершенствованных крылатых ракет и других воздушных атак следующего поколения со стороны равных, почти равных и неконтролируемых противников»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

В этом, как представляется, суть политики Д. Трампа, который опасается, впрочем справедливо, что в какой-то момент политическая ситуация или военная эскалация может выйти из-под контроля. В этом случае применение ЯО или гиперзвука (сопоставимого с ТЯО по последствиям) по территории США станет катастрофой, которую Д. Трамп в любых обстоятельствах хочет избежать. В США вполне допускают военную эскалацию в Европе и даже применение ТЯО, но ни при каких условиях не допускают удары по территории своего континента, — ни ЯО, ни гиперзвуком.

Кроме того, надо понимать, что с экономической точки зрения — развития военной промышленности и НИОКР — такая программа Трампа «еще смелее», чем программа Стратегической оборонной инициативы (СОИ) бывшего президента Рональда Рейгана 1983 года, — подчеркнул бывший чиновник. «СОИ была программой НИОКР. Это — “вернитесь ко мне менее чем через 120 дней с планом того, как вы собираетесь что-то развернуть”».

Другая сторона проблемы ядерного сдерживания и ПРО — система международной безопасности и формирование миропорядка, которые — надо честно признать — выглядят второстепенными относительно национальных интересов и намерений США. И, наоборот, в России пытаются использовать общеполитические мотивы для создания системы безопасности. Так, например, обсуждение проблемы евразийской безопасности стало главной темой встречи С.В. Лаврова с послами стран — членов СНГ, в том числе в контексте реализации инициативы президента России В.В. Путина о формировании новой архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии¹⁶⁶ именно в начале политического сезона после каникул. Что первично, а что вторично и даже третично в нашем случае зависит от того, какое

¹⁶⁶ См. подробнее: Евразия сегодня. 3 февраля 2025 г. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2025/02/03/lavrov-obsudil-s-poslami-stran-sng-formirovanie-novoy-arhitektury-bezopasnosti>

отношение у правящей элиты к системе национальных интересов, ценностей и приоритетов¹⁶⁷.

Мы опять сталкиваемся с принципиальным выбором — право и нормы, переговоры и договоренности, либо односторонние силовые действия. Если стратегия первична, то система безопасности вытекает из такой стратегии, а миропорядок — окончательный результат реализации такой национальной стратегии (с учетом других стратегий).

Системы безопасности в этом случае в большей степени зависят от таких национальных стратегий.

Очевидно, что в том случае, когда в основе стратегии лежит идея «Америка — держава № 1», система безопасности и миропорядок зависят не от договоренностей и соглашений, норм и процедур, а от политической воли и интересов сильнейших стран. И Д. Трамп это отлично продемонстрировал сразу же после прихода в Белый дом. По сути дела, Д. Трамп силовым образом стал формировать миропорядок и систему безопасности (в его понимании), основанные на интересах США. Примечательно, что почти все страны, кроме Китая, фактически подчинились этому ультиматуму.

В то же время надо признать, что миропорядок оказывает как прямое, непосредственное, так и косвенное влияние на формирование национальных стратегий в нескольких важнейших областях. Прежде всего в политическом целеполагании, сохранении систем национальных ценностей, распределении национальных ресурсов и неизбежном многообразии субъективных представлений правящих элит и общества. Влияние глобализации, контролируемой США и Великобританией, на национальную политику проявляется особенно отчетливо. Это хорошо

¹⁶⁷ Конечный пример «логики наоборот» — система безопасности и стратегия СССР/России во времена Горбачева–Ельцина, которые в качестве высшего приоритета ставили придуманную «общечеловеческую» систему безопасности, которая нигде и никогда не могла быть реальной. Подобная глупость (которую называют наивностью) дорого обошлась народу.

видно на примере существующего глобального миропорядка, где сохраняется доминирование США¹⁶⁸.

Во многих странах, в том числе развитых и крупных государствах Европы и Азии (например, Франции, Англии, Германии), местная правящая элита уже несколько десятилетий формируется под сильнейшим идеологическим, политическим и экономическим влиянием США, что приобрело в начале нового века самые уродливые формы, когда политические лидеры фактически отказываются от суверенитета. Это в полной мере отражается на политическом целеполагании государств и стремлении сохранить национальную идентичность, экономическую независимость и национальную экономику. Поддержка курса США в отношении России и конфликта на Украине была возможна только при контроле со стороны США и Великобритании над политикой этих стран и их лидеров, которые наносили ущерб такой политикой не только собственной экономике, но и безопасности¹⁶⁹.

В то же время следует признать, что в рамках общего курса отдельные страны могут (в разной степени) активно участвовать в такой политике. Так, например, только одна страна — Швеция за 3 года выделила на военную поддержку Украине в общей сложности около 5,62 млрд. долл.¹⁷⁰

Естественно, что усиление тенденции автаркии во многих областях было неизбежно, но проявилось оно прежде всего в политической области, где доминирование глобализации было наиболее сильным и заметным. Выборы в Венгрии и Словакии,

¹⁶⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

¹⁶⁹ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

¹⁷⁰ Олссон Й. Новое пожертвование Швеции Украине в размере 1,2 млрд долларов на катера, ракеты и артиллерию // Срочные военные новости. 29 января 2025 г. URL: https://breakingdefense.com/2025/01/swedens-new-1-2b-donation-to-ukraine-includes-drones-missiles-and-boats/?utm_medium=email&_hsenc=p2ANqtz-8X1GM8kIKpT275x

европейский, французский, английский парламенты в 2024 году стали свидетельством усиления политической автаркии в ведущих странах как противовеса глобализации.

Примечательно, что не только в новых мировых центрах силы — Китае, Индии, России, Иране, — но и в относительно менее крупных странах, политические тенденции автаркии с самого начала эффективно сопротивлялись глобализации. Причем степень такого сопротивления была в разных странах и в разное время различной: от Ирана, где она приближалась к абсолютной, до России, где она развивалась по нарастающей от глобализации к автаркии целых два первых десятилетия нового века. Саммит стран — членов ШОС в Астане в июле 2024 года, в частности, продемонстрировал переход к новому этапу противостояния глобализму, который выражался в том, что в противовес глобализму западной военно-политической коалиции формируется новый политический, военный и финансово-экономический центр силы.

Иными словами, новый миропорядок формируется в динамичном процессе противоборства тенденций глобализации и автаркии, когда практически во всех случаях (исключая, может быть, Аргентину) процессы автаркии не просто проявляются, но и начинают теснить глобализацию.

При всей фундаментальности и инерционности мировых процессов современное мироустройство¹⁷¹, включая существующий миропорядок¹⁷² (как состояние глобальной международной

¹⁷¹ Мироустройство — зд.: современная научная картина мира (НКМ). В философском смысле — существующий порядок, взаимосвязь всех объектов мира, космоса. В политическом смысле — система экономических, военных и политических взаимоотношений между всеми государствами и другими акторами в мире, часть международной обстановки, которая включает все другие ее важнейшие элементы (отношения акторов, тенденции и пр.).

¹⁷² Миропорядок — зд.: международно-правовая система отношений между субъектами международных и военно-политических отношений (МО и ВПО), являющаяся частью мироустройства.

и военно-политической обстановки и отношения их отдельных компонентов в военно-политической, финансово-экономической и информационно-когнитивной областях), ко второму десятилетию ХХI века уже радикально отличается по целому ряду принципиальных особенностей от мироустройства доминирования глобальных процессов второй половины ХХ века¹⁷³.

Настолько сильно, что когда сегодня некоторые стараются апеллировать к прошлым реалиям, например, «признанным нормам международного права», они не вполне отдают себе отчета в принципиальной разнице того, что это понятие означало и чем практически было в прошлом, и чем оно стало в мире в новом веке. Повторю, что лучше всего об этом сказал ведущий американский эксперт, который призывал «отказаться от старого мышления». Лучше всего это иллюстрируют такие фундаментальные понятия, как «общепризнанные нормы»¹⁷⁴, «демократия», «права человека», «свобода совести», «равенство», которые во второй половине ХХ века лежали публично в основе политики ведущих государств¹⁷⁵.

Причем примечательно, что сами лидеры глобализации и ярые сторонники этих норм фактически их дискредитировали и от них отказались, когда стали настаивать на «своих нормах и правилах», своем праве контролировать международные нормы и институты. К началу третьего десятилетия, например, США фактически захватили контроль над большинством международных институтов — от спортивных организаций до ООН.

¹⁷³ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в ХХI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1596 с.

¹⁷⁴ «Общепризнанные нормы», продвигаемые США и их союзниками — альтернатива международных норм права. См., например: Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times. 29.04.2021.

¹⁷⁵ См. подробнее: Подберезкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала — альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель. 2021. № 7. С. 33–48; Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель. 2021. № 8. С. 17–48 и др.

Естественно, подобные «нормы и правила» не только не соответствовали национальным интересам большинства государств, но и их представлениям о национальном и государственном суверенитете. С неизбежностью они стали приходить к выводам о том, что стремительные изменения в современном мироустройстве требуют не менее динамичных изменений в существующем миропорядке, которые большинством стран воспринимаются по-разному, в том числе и с разными национальными и коалиционными стратегиями. Автаркия в их политике проявлялась по-разному и в разной степени. В том числе в политике России, где правящая элита непоследовательно и медленно избавлялась от прежних глобалистских представлений о новом миропорядке, медленно возвращая себе государственный суверенитет, от которого фактически отказались в 90-е годы.

Можно выделить несколько этапов такой эволюции.

Первый этап — стремление сохранить контроль над Северным Кавказом и Закавказьем России с конца прошлого века, хотя страны широкой западной коалиции откровенно вмешивались в этот конфликт и оказывали грубейшее давление на Россию. В России очень слабо реагировали на эти попытки, фактически позволяя вмешиваться в процесс внутриполитической дестабилизации, который, по мнению США, должен был привести к концу 1990-х годов к развалу страны.

Стабилизация на Северном Кавказе в целом была не только победой над террористами, но и ответом на попытку дезинтеграции России, которая не прекратилась после этого и терактов 1999–2000-х годов.

Война в Южной Осетии и Грузии в 2008 году стала итогом развития этого этапа, продемонстрировав, что западные страны могут пойти даже на прямую интервенцию в соседние постсоветские государства и нанести масштабные удары по территории России.

Второй этап — переворот на Украине в 2014 году, когда Россия была вынуждена пойти на помочь республикам Донбасса и Крыма, хотя, подозреваю, что далеко не вся правящая элита

России была с этим согласна. Многие в ней восприняли этот шаг как начало разрыва с Западом, более того, «возвращение в Совок».

Более позднее решение президента России Владимира Путина признать независимость Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) полностью меняет тот мировой порядок, который существовал при глобалистах и контролировался США. Об этом заявил, например, откровенно президент Сербии Александр Вучич в эфире телеканала RTV Pink. «Это [решение] разрушает всю мировую архитектуру безопасности, [как] и политическую архитектуру безопасности... Эта ситуация, вероятно, самая сложная для нас и самая тяжелая в предстоящие 10–20 лет... Меняется мировой порядок», — сказал сербский лидер¹⁷⁶.

Третий этап — участие ВС РФ в конфликте в Сирии и начало СВО как пример готовности России использовать в своих национальных интересах силовые (в том числе военные) инструменты политики, то есть готовность России к прямому не только силовому, но и военному противоборству с США и всей западной коалицией.

Очевидно, что эти внешние радикальные изменения в мироустройстве и миропорядке в последние 30 лет непосредственно влияют, как уже говорилось выше, на три группы факторов формирования национальной стратегии безопасности и развития, прежде всего в таких областях, как¹⁷⁷:

- система национальных ценностей и интересов;
- целеполагание (как важнейшая часть национальных стратегий);
- знания, оценки, представления правящих элит субъектов МО-ВПО.

¹⁷⁶ Вучич заявил, что решение Путина по Донбассу полностью меняет мировой порядок // ТАСС. 21 февраля 2022 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13793075?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

¹⁷⁷ В наиболее важной области — переформатировании национальной элиты и общества — эти изменения в России еще только начинаются.

Соответственно, область национальной стратегии становится многовариантной, отражающей представления правящей элиты о наиболее удобных и эффективных вариантах такой стратегии в конкретный период времени. Можно выделить такие периоды формирования новой национальной стратегии, как «преимущественно» политico-дипломатические (2014–2022 гг.) и военно-силовые (начиная с февраля 2022 г.).

Иными словами, формирование национальной стратегии во многом предопределено развитием того мироустройства и состоянием миропорядка, в котором существует конкретный субъект МО. В частности, Россия. Но не только. Его правящая элита может выбирать тот или иной вариант стратегии¹⁷⁸, исходя из сложившихся извне реалий — политических, военных, экономических, иных. Так, правящая советская элита при Горбачеве-Ельцине приняла в своем большинстве решение о равноправной конвергенции (силовой интеграции) с Западом, а не с «не-Западом», которое оказалось ошибочным¹⁷⁹ — Запад хотел интегрировать на своих условиях СССР/Россию в свою систему ценностей и интересов, игнорируя систему ценностей и интересов СССР/России.

Ради этого правящая элита СССР и России шла на неоправданные компромиссы и уступки по широкому кругу вопросов, фактически капитулировав, что дало основание для категорических оценок на Западе о «победе в холодной войне»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Прежде всего в целеполагании, а также выборе средств политики. СССР, например, сменил полностью целеполагание на достижение «интеграции», а средства политики с военных и силовых на «новое политическое мышление», предполагающее уступки, компромиссы и отказ от национальных интересов.

¹⁷⁹ Примечательно, что С.В. Лавров впервые признал этот факт ориентации на Запад ошибочным только в феврале 2025 года.

¹⁸⁰ Стратегическое прогнозирование международных отношений : монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М. : МГИМО-Университет, 2016. 743 с.

Это в итоге были вынуждены признать в правящей российской элите¹⁸¹.

Осознание ошибочности приходило к правящей российской элите медленно во второй половине 1990-х годов и даже позже, а для некоторой части не наступило и сегодня. Примечательна констатация политолога, который 30 лет работал на американский фонд демократов — «Карнеги», Дм. Тренина по этому поводу: «Неудача интеграции (России в Запад. — А.П.) однозначно свидетельствовала: у Запада есть только один гегемон — США, никаких великих держав там нет и быть не может»¹⁸².

Таким образом, часто очень субъективные представления о миропорядке, системах ценностей и национальных интересах, стратегии субъекта в мире становятся важной частью реальной политики, отражая ее с той или иной степенью точности или искажая эти реалии. Это особенно видно в СНБ США, например, бывшего президента Дж. Байдена¹⁸³. В полной мере это относится к национальной стратегии, а еще в большей — военной стратегии, а также политике военного строительства, которые становятся субъективными, порой ложными, искаженными, отражениями объективных реалий¹⁸⁴.

¹⁸¹ В частности, см.: Выступление В.В. Путина. Стенограмма расширенного заседания коллегии Министерства обороны Российской Федерации, 19 декабря 2023 г. // Про президента России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-rasshirennogo-zasedaniya-kollegii-minoborony-19-12-2023.html>

¹⁸² Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблишер, 2021. С. 74.

¹⁸³ National Security Strategy. The White House. Oct., 2022. P. 48. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

¹⁸⁴ Примечателен в этой связи опыт стратегического планирования (СП) в СССР и России, как, впрочем, и ошибки, допущенные в СП. Так, например, исключительно важны для СП в области ОПК оказались регулярные встречи В.В. Путина, длиющиеся по несколько дней изолировано в Сочи с руководителями ВС и ОПК России, на которых принимаются важнейшие и конкретные решения в области СП. См., например: Со-

Так, объективно существующие национальные интересы и ценности, как показывает опыт Украины, могут за относительно короткий период быть искажены до своих противоположностей. Этот феноменложен в основу современной стратегии Запада, ориентированной на формирование виртуальной реальности¹⁸⁵ для целой нации, более того, — большинства на планете. Причем нередко примитивной, прямо противоречащей национальным интересам. Огромную роль здесь играют специально созданные или трансформированные традиционные институты — государственные и общественные — развития человеческого капитала (потенциала — ИР НЧК), которые становятся теми инструментами, с помощью которых трансформируется реальность¹⁸⁶.

Соответственно и влияние внешних факторов на группы факторов, формирующих стратегию, носит во многом изначально виртуально-идеологический, сознательно искаженный характер. Так, позиция не только НАТО, но и всей западной военно-политической коалиции представляет собой отчетливо выраженную политическую позицию широкого силового противоборства с Китаем, Россией и другими странами одновременно в нескольких областях, имеющую цивилизационный, по сути дела, идеологический, характер¹⁸⁷.

зинов П.А. Интервью генеральным конструктором — заместителем генерального директора «Концерна ВКО «Алмаз-Антей» // Корпоративная газета «В Концерне». 2021. № 11 (34). С. 1.

¹⁸⁵ Медведев Д. Эпоха противостояния // Российская газета. 2 июля 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/07/02/epoha-protivostoianiia.html>

¹⁸⁶ См. подробнее: Роль институтов развития человеческого капитала в качестве средств силовой политики в современной стратегии национальной безопасности: правовые и политологические аспекты // О.В. Боброва, Р.Н. Байгузин, А.И. Подберезкин, К.Я. Новикова. М. : Юстицинформ, 2022. 336 с.

¹⁸⁷ Столтенберг: вызовы со стороны Китая и России войдут в новую стратегическую концепцию НАТО в 2022 году // РИАН. 18.10.2021. URL: <https://riafan.ru/1538863-stoltenberg-vyzovy-so-storony-rossii-i-kitaya-voydut-v-strategicheskuyu-koncepciyu-nato>

Раздел мира, начавшийся по инициативе Запада из-за его намерения сохранить несправедливый мировой порядок, отчетливо проявился в отношениях западной военно-политической коалиции не только с «главными противниками» — Китаем, Россией, Ираном, КНДР, — но и другими государствами, что ясно продемонстрировало желание многих стран в августе 2023 года войти в БРИКС, а затем и ШОС, более того, — создать собственные международные институты развития.

Стратегия и стратегическое планирование в России в эти годы развивались достаточно динамично, хотя и запоздало, наверстывая упущенное в 1990-е гг., фактически сформировав такие основы национальной стратегии только к 2021 году в качестве новой редакции СНБ¹⁸⁸. И они выдержали угрозы и опасности, а также прямое внешнее воздействие в 2022–2023 годах, сохранив основные положения Стратегии даже в условиях СВО.

Вместе с тем надо признать, что теоретические и практические основы нового мироустройства и миропорядка еще только формируются как на Западе, так и на Востоке и на Юге. Процесс развивается стремительно, и не всегда ученые и политики успевают его осмыслить. В 2023 году я писал: «Очевидно, что новые условия развития МО и ВПО, которые стали формироваться после начала специальной операции ВС РФ в феврале 2022 года (но только оттенившие нарастающую угрозу России), влияют на все аспекты деятельности государства — от идеологии и экономики до безопасности. Даже реалистичная для периода 2021 года новая редакция СНБ перестала быть таковой уже к марта 2022 года. Тем более СНБ не успевает вовремя реагировать на тактические, но значимые изменения, например, расширение НАТО за счет Финляндии, Швеции и других стран»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 № 633 «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>

¹⁸⁹ Подберезкин А.И. Неизбежные корректизы СНБ РФ // Рейтинг персональных страниц. 20 сентября 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/neizbezhnye-korrektivy-snbs-rossii>

Необходимо, чтобы в мире (особенно в России) стало общепризнанным, что новое мироустройство и последующий за ним новый миропорядок¹⁹⁰ в последние десятилетия совершенно не соответствовал декларировавшимся гуманистическим, «общечеловеческим» принципам, о которых говорили многие политики конца XX века, но точно соответствовал интересам, часто самым несправедливым, наиболее сильных субъектов МО, прежде всего США и их главных союзников¹⁹¹. В этом смысле новое мироустройство *вполне соответствовало традиционным взглядам политиков*, сформулированным еще Аристотелем и Макиавелли¹⁹². Отказ от призрачного гуманизма концепций миропорядка XX века *стал мотивироваться потребностями политического pragmatизма*. Также, например, как применение запрещенных международной конвенцией кассетных боеприпасов или снарядов с урановыми наконечниками ВСУ против РФ в 2023–2024 годах.

¹⁹⁰ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

¹⁹¹ Байгузин Р.Н., Подберезкин А.И. Политика и стратегия. Оценка и прогноз развития стратегической обстановки и военной политики России. М. : Юстицинформ, 2021. 768 с.

¹⁹² См., например: Макиавелли Николло. О военном искусстве. М. : Изд-во КоЛибри, 2023. 352 с.

1.10. НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭНТРОПИЯ

Изменение МО и ВПО в мире происходят преимущественно как стихийный процесс, в котором все ярче выражена тенденция хаоса, нарастающей мировой энтропии¹⁹³, связанной в том числе с отмиранием прежнего миропорядка, но это отнюдь не исключает (на самом деле, предполагает) намерений и действий субъектов и отдельных акторов участвовать в этом процессе и влиять на него своими стратегиями и ресурсами¹⁹⁴. Более того, процесс деглобализации и автаркии стимулирует развитие национальной политики, что очень хорошо видно на примере социальных изменений в Европе в 2024 году, где в целом ряде стран — от Грузии и Азербайджана до Франции, Венгрии, Великобритании и Германии обозначились тенденции автаркии. Они совпадают как с нарастающей энтропией в МО, так и с формированием нового миропорядка.

«Только энтропия дается легко», — говорил Чехов, и это действительно так: все в мире естественным образом стремится к хаосу. И очень быстро его достигает, только дай волю. Песочный замок смывает волна, заброшенный город зарастает деревьями, а если смахнуть собранный пазл со стола, его частицы рассыпятся в произвольном порядке. Мы переживаем энтропию в каждый момент времени, не отдавая себе в этом отчета: клетки человеческого тела разрушаются, в углах скапливается пыль, идеальные кубики сахара тают в чае. Происходят революции и государственные перевороты — и сама Вселенная неумолимо мчится навстречу коллапсу. Одним словом, как справедливо подметил ученый Стивен Хокинг в «Краткой истории времени»:

¹⁹³ Мировая энтропия — зд.: мера беспорядка и неизвестности, используемая в разных науках, от химии до психологии и социальных наук, свидетельствующая о нарастающем стремлении к хаосу.

¹⁹⁴ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1596 с.

«Энтропия увеличивается со временем, и это похоже на закон Мерфи: все всегда идет не так!»¹⁹⁵.

Но кроме объективных процессов энтропии, нарастающих в МО и ВПО по мере развития новых центров силы, существует и политика отдельных государств, стимулирующая энтропию. Все говорит в пользу того, что США и их союзники сознательно дестабилизируют МО и ВПО для того, чтобы им было легче сохранить контроль над существующим миропорядком. Это и понятно, ведь объективное сокращение доли Запада в мировой экономике и политике относительно других центров силы (что наглядно демонстрирует рост влияния, например, стран — членов ШОС) требует не только нарастания силовых возможностей для контроля, но и откровенной дезинтеграции этих центров силы. Так, Запад открыто и даже демонстративно игнорирует любые альтернативные интеграционные политические и экономические, а тем более военные объединения¹⁹⁶ других центров силы, а также дестабилизирует вполне успешные (но не подконтрольные ему) режимы в Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане и других странах.

Это создает крайне опасную тенденцию нарастания мировой энтропии в будущем, которая проявилась уже в 1990-е годы, когда США сознательно дестабилизировали обстановку в Ираке и Югославии. Вероятность того, что энтропия будет нарастать в ближайшие годы прямо пропорциональна намерениям США и их союзников сохранить силовыми способами контроль над глобальными процессами, организованными их интересами в мире и, наоборот, попытаться сдержать нарастающую повсеместно автаркию.

¹⁹⁵ Цит. по: Иншакова Н. Безупречность хаоса: что такое энтропия и как жить в полной неопределенности // Forbes. 14 декабря 2022 г. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/_482498-bezuprecnost-haosa-cto-takoe-entropiya-i-kak-zit-v-polnoj-neopredelennosti

¹⁹⁶ Странным образом мы содействуем этому, сохраняя свои представительства в ЕС и (до недавнего времени) в НАТО, но не имея аналогичных представительств при ШОС, ЕврАзЭС или ОДКБ, тем более БРИКС.

Иногда эти стратегии оказываются эффективны и совпадают с некоторыми более глобальными мировыми тенденциями, предполагая, что такое влияние государств и их коалиций становится сильным, даже решающим, а позиции их лидеров — определяющими при формировании всей МО. Так было, например, в 30-е годы прошлого века с политикой Германии и ролью Гитлера, Великобритании и ролью Черчилля, Франции и личностью де Голля¹⁹⁷.

В целом же, когда происходит, как это происходит сейчас, в XXI веке, радикальное изменение в соотношении сил, оно оказывает решительное внешнее влияние на формирование стратегий субъектов МО-ВПО¹⁹⁸. Внешняя политика того или иного субъекта, основанная на интересах (потребностях), так или иначе учитывает при формировании стратегии наличие тех или иных возможностей, прежде всего национальных ресурсов и других инструментов влияния относительно возможностей других субъектов ВПО. Именно так происходит сегодня, когда меняется МО как система¹⁹⁹, меняя одновременно как подчиненную ей систему ВПО, так и более частные системы — СО, стратегии безопасности государств и акторов.

Изменения в этих системах и подсистемах непосредственно отражаются на субъектах МО-ВПО и их стратегиях, которые

¹⁹⁷ Роль этих личностей в формировании МО того времени, на мой взгляд, до сих пор недооценивается. Де Голль (Шарль Андрé Жозéф Марí де Голль), например, взял на себя 18 июня 1940 года инициативу по созданию французского Сопротивления, которое позже сохранило Францию в числе великих держав-победителей в войне.

¹⁹⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии. М. : ВАГШ, 2024. С. 20–59.

¹⁹⁹ Можно в этой связи напомнить меткое высказывание бывшего аналитика ЦРУ Э. Сноудена о том, что «Система — просто набор частей, которые функционируют как единое целое, о чем большинство людей вынуждено вспоминать, когда что-то ломается». См.: Сноуден Э. Личное дело. М. : Эксмо, 2020. С. 144.

во втором десятилетии нового века вступили в стадию своего радикального пересмотра. Внешняя политика пока что очень осторожно, на ощупь, пытается противостоять нарастающей энтропии в мире, что возможно только при максимуме усилий по поддержке автаркии в стране и за рубежом. Любых усилий и в любых странах, не надеясь на взятые под контроль США международные институты. Пока что, к сожалению, не наступившую в России²⁰⁰. Мы даже в собственной стране все еще надеемся на «трезвомыслящих» западных политиков, упорно разыскивая их с 80-х годов прошлого века. Это объективно сдерживает наши усилия по поддержке автаркии в других странах, прежде всего тех акторов, которые способны противостоять подконтрольной глобализации со стороны США.

Усилия Запада и глобалистов сосредоточены на хаотизации и максимальной энтропии в МО и ВПО посредством вмешательства силовым (но не всегда военным) способом в ход мировых процессов по всему спектру отношений. Напомню, что МО и ВПО — это прежде всего отношения между субъектами и акторами в мире. Именно максимальное осложнение этих отношений — от финансов до спорта и дипломатии — стало целью США. Это стало совершенно новым и сознательным акцентом в силовой политике США, озвученной во время вывода войск из Афганистана Дж. Байденом в сентябре 2021 года. Речь идет о приоритете силовых, но не военных средств, которые составляют широкий спектр институтов развития человеческого капитала (ИР НЧК)²⁰¹ — как международных, так и национальных, направленных на дестабилизацию МО и ВПО в мире²⁰².

²⁰⁰ Подберезкин А.И. «Риск начала Третьей мировой войны не просто сохраняется, он стремительно усиливается» // Национальная оборона. 2021. № 4 (181). С. 9–18.

²⁰¹ См. подробнее: Подберезкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала — альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель. 2021. № 7. С. 33–48.

²⁰² См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

Соответственно, стратегия стран, противостоящих США и их коалиции, должна быть направлена на максимальное упорядочение отношений в МО и ВПО. Но эти страны фактически не контролируют международные институты, в частности ООН. В настоящее время это означает, что они должны создавать новые институты, такие как ШОС и БРИКС. Но не только. Нужны финансовые, политические и военные институты, противостоящие энтропии и хаосу. Также нужна поддержка любых национальных институтов в любых странах. Развитие таких институтов автаркии в Европе, например, привело к победе правых партий и лейбористов, появлению относительно независимых политиков в Венгрии и Словакии, Франции и Сербии.

Эта политика должна однозначно быть доминирующей в России, где сохраняется возможность глобалистского либерально-западнического реванша.

1.11. СУВЕРЕНИТЕТ = САМОДОСТАТОЧНОСТЬ (АВТАРКИЯ) КАК ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Новый миропорядок формируется при нарастающем противоборстве двух тенденций: проамериканской глобализации, доминирующей в настоящее время в мире, и тенденции укрепления национальной и государственной самодостаточности (автаркии), означающей реальный суверенитет. Новый миропорядок и системы безопасности могут строиться либо на фундаменте глобализации, как происходит пока что в мире, либо на основе национальной и государственной самодостаточности, означающей суверенитет.

Суверенитет государства и нации — это в конечном счете способность обеспечивать самостоятельно важнейшие условия национального развития, включая прежде всего защиту национальных интересов и ценностей. Не трудно обнаружить разницу в трактовке понятия «суверенитет», которая стала особенно актуальной и принципиальной в XXI веке.

Суверенитет в традиционной современной трактовке, сложившейся под влиянием западной политологии, — это государственный суверенитет, который рассматривается прежде всего как некая политическая независимость и полная самостоятельность во внешних и внутренних делах государств, а национальный суверенитет — как политическое полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая способность политически самоопределяться вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Очевидно, что политические «демократические признаки» суверенитета стали доминирующими, а так как их определение стало в конечном счете правом представителей государств — лидеров глобализации²⁰³, то и решать, кто из них будет

²⁰³ В этом смысле появление многочисленных критериев и индексов «свободы» и «демократии» в XX веке стало сознательной

демократическим и суверенным, стали к концу XX века страны — лидеры глобализации.

В современных реалиях суверенитет — это прежде всего *самодостаточность в основных областях жизнедеятельности нации и государства, способность самостоятельно максимально обеспечить защиту национальных интересов и системы ценностей*.

Очевидно, что критерии суверенитета в данном случае разные. Так, самодостаточность Китая в решающей степени гарантирует его суверенитет — не только государственный, но и национальный²⁰⁴. Самодостаточность и суверенитет Китая — это в первую очередь его способность защищать свои национальные интересы и ценности *самостоятельно*, причем в абсолютном большинстве областей — от науки, культуры и образования до финансов и космоса.

Даже Иран и КНДР с этой точки зрения обладают большим суверенитетом, чем большинство развитых государств Запада, чья зависимость — политическая, военная и экономическая — стала очевидной в результате развития СВО.

Пример с Россией, которая решилась в конечном счете на прямой конфликт с глобальным Западом²⁰⁵, очень показателен. В 2022–2025 годах в стране наблюдался процесс ускоренного увеличения доли автаркии (самодостаточности) во всех областях — от образования и науки до ОПК и внешней политики. По сути дела, Россия в эти годы ускоренно возвращала себе национальный и государственный суверенитет, добровольно отанный в 1990-е годы глобальному Западу. Именно эта особенность противоборства в максимальной степени стала

политикой по разработке норм и правил, регулирующих представления о суверенитете.

²⁰⁴ Это позволило даже говорить некоторым экспертам, что полностью суверенными государствами остались США, Китай и Россия.

²⁰⁵ СВО — это военно-силовое противоборство с глобальным Западом, а не с Украиной и ВСУ.

неприемлемой для Запада, который увидел в политике России прежде всего пример возвращения суверенитета.

Сторонники западной глобализации со второй половины XX века усиленно внедряли в общественное сознание, международное право и нормы представление о суверенитете как о политической характеристике государства и общества, которая предопределяется некими демократическими нормами и правилами представителей стран — лидеров глобализации. В представлении многих к началу нового века «суверенными государствами» стали только те государства, которые вошли в число избранных «демократических» государств — участников мировых глобальных процессов. В этом смысле международные конференции «за демократию», организованные Дж. Байденом, стали одним из многочисленных примеров того, как искусственно определяется степень «демократичности» и «суверенности» государств лидерами глобализации.

Такие сознательно внедренные Западом представления в конечном счете превратили многие государства, которые не вошли в число государств — участников глобализации, не только в недемократические, но и в несуворенные, не отвечающие требованиям и нормам «суверенных демократий». Этот процесс, естественно, непосредственно влиял на формирование современного миропорядка, в котором не оставалось места для «недемократических» (большой частью суверенных) государств. Против таких стран выстраивалась вся система силового принуждения — от санкций до организации мятежей и цветных революций. Очень характерный пример — Ливия и организованные беспорядки в странах Африки и Ближнего Востока, которые внешне выступали как борьба за демократию, а на самом деле являлись инструментами ликвидации остатков самодостаточности и суверенитета.

Изначально на Западе создавался культ глобализации и неприятие атрибутов самодостаточности — автаркии, которая рассматривалась как архаичная экономика и примитивный традиционализм. Как правило, до недавнего времени,

еще каких-нибудь 10–15 лет тому назад, процессы автаркии сознательно находились вне зоны внимания политиков потому, что «мейнстрим» — глобализация, превращал бы их сторонников в политических аутсайдеров и изгоев. Более того, политических маргиналов, хотя аргументы тех, кто доказывал целесообразность этого процесса (хотя бы в минимальных масштабах), были убедительными. Примеры КНДР, Ирана и других стран-изгоев были теми жупелами, которые активно использовались против таких политиков.

Целые научные школы с конца 80-х годов создавались специально для продвижения норм глобализации. Нередко наиболее творческие находки, например приоритет развития потенциала человеческой личности («человеческий капитал»),искажались посредством создания ложных илиискаженных критериев, в частности, индекса развития человеческого капитала (ИРЧК-ИЧР), не учитывающего национальные особенности и государственный суверенитет²⁰⁶.

Ситуация стала меняться во втором десятилетии XXI века по мере деформации идей глобализма, с одной стороны, и усиления очевидных правоцентристских симпатий, — с другой. Произошло смыкание экономической целесообразности и опасений силового давления со стороны глобальных структур с национальными и правыми идеями²⁰⁷. На практике это привело к усилению хаотизации и фактическому отказу от доминирования проамериканской глобализации в целом ряде стран (но далеко не всех, надо подчеркнуть). Так, можно согласиться, например, с замечанием Д. Пескова о том, что «В 2020 году мир фактически обнулился. И сейчас одновременно реализуются четыре сценария развития».

²⁰⁶ В 90-е и нулевые годы мне неоднократно приходилось пытаться обосновывать приоритет именно национального человеческого капитала (НЧК) в серии самых разных работ. См., например: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3 т. М. : МГИМО, 2011–2013.

²⁰⁷ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1596 с.

Он приводит в качестве примера несколько возможных сценариев развития миропорядка, которые не являются бесспорными, но иллюстрируют многообразие возможных путей развития миропорядка в XXI веке. По мнению Д. Пескова, это «Сценарий, который мы назвали “Новый левый национализм”, — это лозунги “отнять и поделить”, равенства и примата национальной экономики. “America first”, “India makes”, “Китай превыше всего” и так далее».

Далее он приводит пример «Сценария построения “Зеленого посткапитализма”», который подразумевает «уход от модели прямого зарабатывания денег и внимание к экологии, углеродный след».

Еще один сценарий — «Островизация», разделение крупных техноэкономических блоков.

И последний, пожалуй, самый интересный — «Период полураспада», когда мы входим в период распада международных институтов. Наиболее вероятный сценарий в ближайшие годы, по мнению Д. Пескова, — «Островизация»²⁰⁸.

На мой взгляд, наиболее вероятный (даже единственный) сценарий развития миропорядка — это первый сценарий, основанный на доминировании национальных интересов и ценностей, самодостаточности и укреплении суверенитета. В 2025 году стало очевидным, что по этому сценарию развиваются не только США (Д. Трампа) и Китай²⁰⁹, но и Россия, и Индия, и многие другие страны, а не только КНДР и Иран. Предпочтительный сценарий Д. Пескова — искусственный сценарий, который

²⁰⁸ См. подробнее: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов [и др.] / МГИМО МИД России, Центр военно-политических исследований. М., 2018. 768 с.

²⁰⁹ Китай — наиболее яркий пример автаркии при всей вовлеченности этой страны в мировую торговлю и глобализацию. КНР всегда и во всем будет действовать только в национальных интересах, в том числе и при формировании миропорядка, который будет рассматриваться исключительно с точки зрения интересов Китая.

не получит своего развития именно потому, что он не будет соответствовать национальным и государственным интересам.

Что нам предстоит? Возвращение прежде всего научного и технологический суверенитета. Это реализация части нашего сценария про то, как построить собственный «самодостаточный остров», на котором мы главные, мы принимаем решения, мы за них отвечаем. Это главная история на ближайшие 10-15 лет для нас, а еще для таких стран, как США, Китай, возможно, Индия.

На сегодняшний день считается, что перед Россией на пути к достижению культурного, политico-идеологического и технологического суверенитета стоит несколько основных вызовов: ответ на зеленую повестку, создание собственного техноэкономического блока, экспортного пакета продукции сельского хозяйства, нового поколения транспортных логистических коридоров между Россией и странами Азии, экспорт глобальной безопасности и решение проблемы человеческого капитала²¹⁰.

Но на самом деле главная задача — это обеспечение культурно-идеологической самодостаточности, которая сознательно уничтожалась либералами-западниками последние десятилетия. Без решения этой задачи (и смежных задач в науке и образовании, здравоохранении и воспитании) решить задачи экономического и технологического, а также финансового суверенитета невозможно.

В настоящее время, преимущественно из-за самой запущенной с советских времен области, стоит задача обеспечения научно-технологического суверенитета. В СССР создавали новое качество экономики и общества, на основе научных, качественно новых, фундаментальных изменений, которые затем превращались в технологические достижения. Без опережа-

²¹⁰ Подберезкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации : сборник материалов круглого стола (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского ; ВАГШ ВС РФ. М. : Издательский дом «УМЦ», 2022. С. 365–376. 544 с.

ющего развития фундаментальной науки невозможны технологические прорывы. Эта банальная истина сознательно искалась с 80-х годов в СССР и привела в итоге к тому, что в соревновании по 22-25 основным направлениям НТП, где СССР лидировал или был «на равных» в половине, мы в 1990-е годы «подарили» Западу практически все направления лидерства. СВО, кстати, полностью подтвердила тот факт, что самодостаточность российского ОПК обеспечена советскими достижениями в науке и технологиях²¹¹.

В настоящее время акцент делается на технологическом отставании (которое по большому счету непреодолимо, если не будет возвращено лидерство в важнейших научных направлениях). Сегодня, по мнению многих, технологический суверенитет должен решать простые задачи:

- обеспечивать безопасность;
- получать энергию;
- продовольственную независимость;
- товары первой необходимости;
- транспортную связность, производство информации, доступ к средствам производства.

Но по большому счету это — тактические задачи, которые должны быть решены при «возвращении лидерства» в научных областях, определяющих сегодня НТП. Должен быть выделен уровень фундаментальных направлений в науке и технологиях, которые позволяют создавать качественно новые продукты с помощью цифровых двойников, новых материалов, процессоров, сенсоров и прочее. Над всем этим появляется класс того, что мы умеем хуже всего. Это технологии управления сложностью. Ну и только на самом верху — когнитивные технологии.

²¹¹ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

1.12. НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК И НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЭСКАЛАЦИИ ПОЛИТИКИ СИЛЫ

Опыт каждой войны уникален... сочетания политических целей, преходящих эмоций, технических ограничений, тактических приемов, оперативных схем и географических факторов. Но все же с годами начали выявляться соблазнительные совпадения, которые выстраивались во все более строгие закономерности...²¹²

Э. Люттвак, военный теоретик

Когда мир стоит на грани мировой войны важно попытаться выяснить некие закономерности использования военной силы в качестве основного инструмента политики, которые смогут помочь спрогнозировать дальнейшее развитие событий и их последствия для МО и ВПО. Автор, по сути дела, занимался этим достаточно последовательно последние десятилетия, а результаты не раз публиковались в самых разных работах²¹³.

Усиление значения политических (а, значит, и военных) факторов в формировании МО и миропорядка неизбежно ведет к ослаблению значения международного права, нравственности, гуманизма и всего того, что делает человека человеком. Политика и война несовместимы, по большому счету, ни с правом, ни с человеческой, а тем более политической наивностью: если политик вдруг оказывается наивным или слишком гуманным, это неизбежно означает, что он становится более глупым (хотя, может быть, и более человечным) и даже опасным для своего окружения.

²¹² Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. М. : ACT, 2021. С. 10.

²¹³ См., например, одну из самых крайних: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

Это не раз было доказано человеческой историей: наивность и гуманизм — худшие черты политика и военного. Тем не менее наивность (или глупость) М. Горбачева и некоторых российских политиков последнего периода поражает, в особенности, когда они говорят о том, что «рассчитывали на взаимность Запада».

В этом смысле pragmatism и цинизм англосаксов в политике, всегда не имеющий границ, радикально повлиял на процессы формирования нового миропорядка даже до прихода к власти в США Д. Трампа²¹⁴. Были извращены и уничтожены международные нормы и институты, которые примитивно попытались заменить эгоистическим пониманием неких «норм и правил», которые не имеют ничего общего ни с международным правом, ни с миропорядком, сложившимся в последние десятилетия. Циничные уничтожения мирных граждан бомбардировками Дрездена и Токио, а позже Кореи и Вьетнама, логично перешли в бомбардировки Югославии, а теперь уже и городов ДНЛР и Палестины. Это — норма поведения Запада и использования им военной силы, которую следует иметь в виду при прогнозе развития МО-ВПО в мире²¹⁵.

Любые значительные изменения в соотношении сил между государствами ведут к неизбежным попыткам пересмотреть условия существования и установленные порядки. Пере-смотр таких условий взаимоотношений между субъектами, как правило, происходит политическими и военными средствами, а не договорно-правовыми, хотя в новейшей истории есть

²¹⁴ См. подробнее последние работы: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине...; Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46; Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

²¹⁵ См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

такие исключения (выход Словении из Югославии, развод Чехии и Словакии). Это свидетельствует о том, что применение военной силы в условиях изменения соотношения сил и существующего миропорядка — неизбежность (это надо просто признать). Причем, как показывает первая половина XX века, — длительная неизбежность войн. Период войны 1905–1945 годов — лучшее доказательство того, как смена экономических, технологических и социальных условий вела к бесконечной череде войн, превратившихся в одну длительную войну, в результате которой в мире установилось американское господство. Попытка СССР нейтрализовать это господство каким-то образом сбалансировала эту реальность, но не устранила доминирования США в мире. А «борьба СССР за мир» не устранила этого господства, но внушила ошибочные и наивные представления о том, что «хорошие англосаксы» способны договариваться в интересах недопущения войн. Войн, которые США и их союзники отнюдь не считали политическими ошибками, а тем более преступлениями, но — нормой в состоянии и развитии МО-ВПО, что обеспечивалось постоянным наращиванием военной мощи и военными расходами, то есть постоянной актуализацией политики военной силы²¹⁶.

Переговоры в области ограничения вооружений и военной деятельности в этой связи, надо признать, всегда были подчиненной и второстепенной частью военной политики, тем инструментом, с помощью которого можно было ограничивать возможности противостоящего противника. Как, например, СССР в начале 70-х годов прошлого века, когда надо было ограничить его усилия в области наращивания МБР и систем ПРО.

Высокая степень вероятности такого развития МО ожидает в настоящее время практически все ведущие государства мира. Она увеличивается по мере ускорения темпов военно-техноло-

²¹⁶ Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

гической революции, начавшейся в 70-е годы в связи с массовой информатизацией ВС и ВВСТ, которая превратила процесс создания, модернизации и устаревания ВВСТ в один быстро развивающийся поток. Как один из последних примеров — появление и значение БПЛА (в частности, дронов ФПВ), которые в 2024 году, по некоторым оценкам, наносят поражения до 90% военнослужащих. Но надо понимать, что преимущество, которым сейчас пользуются воздушные дроны на полях сражений, в том числе на Украине, является всего лишь «моментом в истории», как справедливо заметил начальник штаба французской армии генерал Пьер Шильль. Уже сегодня 75% дронов на поле боя в Украине теряются из-за радиоэлектронной борьбы. По оценке Шильла, эти дроны наносят около 80% разрушений на линии фронта в Украине, тогда как восемь месяцев назад этих систем не было²¹⁷. Но (пример с «Байрактарами») очень скоро и эти системы станут устаревшими, что доказывает только одно — динамизм использования новейших ВВСТ, которые создаются, модернизируются и устаревают в течение короткого времени.

Реакция на эти изменения в ВВСТ и личном составе и командовании ВС государств — соответствующие быстрые действия в области воспитания, подготовки и государственного управления, включая управление ВС, а также резкое ускорение принятия решений в двух областях.

Во-первых, в области опережающего развития ВВСТ (о чем иногда говорят, но еще традиционно заклиниваются в бюрократических процедурах). СВО — пример того, как медленно и непоследовательно принимались решения в области развития новейших ВВСТ. Достаточно сказать, что новейшие образцы, показанные на параде в 2015 году, — САУ «Коалиция СВ», РСЗО «Торнадо-С», танк Т-14, истребитель СУ-57 и пр. —

²¹⁷ Рунтедерг Р. Маленькие дроны скоро потеряют преимущества — сказал глава французской армии // Срочные военные новости. 19.06.2024. URL: https://www.defensenews.com/global/europe/2024/06/19/small-drones-will-soon-lose-combat-advantage-french-army-chief-says/?utm_source=sailthru&utm_medium=email&utm_

так и не поступили в ВС РФ ни к 2022, ни к 2024 году, а пример с массовым производством БПЛА российского производства — вообще иллюстрация недееспособности тех, кто отвечал за ГОЗ до 2022 года.

Во-вторых, в области развития творческого потенциала военнослужащего, прежде всего инициативы, профессиональной и моральной подготовки. Эта приоритетная область, о которой много говорили, но в итоге ставшая самым слабым местом в военной политике России.

1.13. ЕВРАЗИЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. НЕОБХОДИМОСТЬ УСИЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТАРКИИ

Запад очень быстро утрачивает терпимость к многообразию и это вызывает серьезную озабоченность²¹⁸.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Вопрос об операционной линии есть главный центральный вопрос стратегии. Он все объединяет, всюду проникает, все и вся определяет. Это корневой стержень, который растит и питает все остальное²¹⁹.

Г. Леер, русский военный теоретик

Существует до сих пор заблуждение, что системы безопасности и коалиции — лучшие инструменты защиты безопасности государств. Расцвет этих заблуждений был при СССР²²⁰ и по инерции продолжился в период российской истории, когда «совместная антитеррористическая борьба» даже на время стала главным внешнеполитическим приоритетом России в области безопасности. Такая переоценка — отнюдь не безобидная ошибка. Она привела к переоценке отношений с США и возможностей в области безопасности, которые по инерции затянулись вплоть до начала 2014 года. Естественно, это повлияло на точность оценки состояния МО и ВПО и стратегического прогноза последствий антироссийской политики США и их союзников вплоть до 2022 года²²¹.

²¹⁸ Пресс-конференция по итогам работы МИД в 2020 году С.В. Лаврова, министра иностранных дел России. 18 января 2021 года. URL: Russian.rt.com/world/18/01/2021

²¹⁹ Леер Г.А. Безыдейность // Стратегия в трудах военных классиков. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 562.

²²⁰ «Высшей точкой» стала политика «разрядки» Л.И. Брежнева и «нового мышления» М.С. Горбачева, которые привели в итоге к развалу СССР.

²²¹ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной

Это заблуждение опасно вообще, но особенно в современный период, потому что создает опасные иллюзии возможностей достижения коллективной безопасности у некоторых (далеко не у всех) государств. История учит, что все коалиции и системы безопасности за последние 300 лет дали России намного меньше, чем дала бы самостоятельная внешняя политика и стратегия национальной автаркии, наиболее ярким примером которой было десятилетие правления Александра III.

Примеров более чем достаточно, но по-прежнему иллюзия формирования систем безопасности сохраняется. Такой иллюзией может стать и надежда на создание системы Евразийской безопасности, как и любой иной системы безопасности — европейской, атлантической, глобальной и пр. Модное увлечение в политике и дипломатии нередко подогревается «удобными» учеными и публицистами, которые с удовольствием осваивают выгодные в пропагандистском отношении темы и ракурсы.

Между тем реальная мировая политика очень далека практически от подобных схем. «Потеря терпимости к многообразию», о которой говорил еще в 2020 году С.В. Лавров, — на самом деле реально существующая и нарастающая тенденция игнорирования интересов безопасности других субъектов. Другой стороной этой тенденции стало обесценение систем международного сотрудничества, включая значение систем обеспечения безопасности. Фактически происходит ликвидация международных институтов, в том числе международно-правовых, которые США и их союзники вытесняют с помощью активной политики насаждения известных только им «норм и правил». Именно эти нормы и правила фактически превращаются де-факто в некие «системы безопасности», основанные только на интересах США. Процесс этот усиливается, и нет сомнений, что при Д. Трампе он вообще будет откровенно легализован. «Потсдамская система безопасности», в основе которой лежат

остатки договоренностей держав-победительниц, окончательно исчезнет.

Не случайно, а закономерно поэтому, что исключение для потенциального создания систем международной безопасности (как кажется только на первый взгляд), составила созданная из более чем пятидесяти государств, Соединенными Штатами, широкая антироссийская коалиция. (Важно, кстати, подчеркнуть, что США целенаправленно и последовательно создавали ее параллельно с существованием других систем с 80-х годов прошлого века.) Но, во-первых, эта система — откровенно проамериканская и подчиненная интересам безопасности США, а не коллективный институт обеспечения безопасности. Более того, для многих участников эта «система безопасности» стала уже просто опасной, в особенности если они оказываются втянутыми в военные действия за интересы США.

Во-вторых, в самой системе существуют разные уровни и трещины, которые не позволяют говорить об ее устойчивости. В конечном счете эти явления и процессы, развивающиеся в проамериканской «системе-коалиции», — *свидетельство нарастающей антиглобалистской автаркии национальных государств²²²*. Пока что эти процессы только обозначены, но иногда они уже начинают играть практическую роль.

Международные системы безопасности недолговечны в силу того, что их существование гарантируется только совпадением национальных интересов государств, которые могут (как показывает неоднократно история) неожиданно пересматриваться и переоцениваться правящими элитами. Или (как в случае с коалицией США) простым подчинением одних государств — другим. Даже когда это противоречит их национальным интересам. Так, последняя система европейской безопасности, существовавшая с 1975 года (СБСЕ в Хельсинки) до 1991 года (войны

²²² Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46; Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

в Югославии²²³) продемонстрировала подобную недолговечность таких систем. Как только это (ОБСЕ) перестало быть нужным США.

Но не стоит думать, что практическая бесполезность таких систем не несет вреда. Наоборот, есть все основания считать, что создание подобных систем наносит прямой ущерб интересам безопасности. Так, если говорить о том, что произошло «после 1 августа 1975 года в Хельсинки», то надо признать, что третий блок договоренностей («третья корзина» — права человека) стал реальной политической целью США и их союзников, реализация которого в последующие десятилетия легализовала оппозицию в СССР и странах ОВД. Другими словами, в обмен на мнимую систему безопасности в Европе, которой гордились советские руководители и дипломаты, мы получили мощный инструмент развала СССР и ОВД, который в итоге начал срабатывать сразу же. Напомню, что Заключительный акт в Хельсинки специальным решением был опубликован в СССР тиражом 1 млн. экземпляров, а «хельсинкские группы» правозащитников фактически получили легальный статус и неприкасаемость.

В определенном смысле любая система безопасности — времененная, существующая только до тех пор, пока она выгодна государству. Причем, как и любая коалиция, степень «выгоды» у государств может быть очень разная. Россия, например, очень невыгодно строила свои отношения с Австро-Венгрией целых два столетия. При этом весьма вероятно, что существование такой системы и ее прочность будут тем надежнее, чем больше они будут опираться на национальные системы безопасности, а те, в свою очередь, на способность государств к автаркии в своем развитии. Иными словами, не только для государств, но и создаваемых ими систем безопасности, наиболее надеж-

²²³ Югославские войны — серия вооруженных конфликтов в 1991–2001 годах на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) в ходе распада страны.

ный способ их сохранения — поддержание высокой степени автаркии.

И наоборот, любые интеграционные процессы следует рассматривать с осторожностью, чего пока что не происходит, хотя весь мировой опыт показывает, что уступки, помощь и нарастающая взаимозависимость создают потенциальные угрозы существованию систем международной безопасности и их институтам. Последний пример — членство Армении в ОДКБ и ЕврАзЭС²²⁴, которые не смогли сохранить эту страну в системе безопасности соседних государств. Более того, фактически Армения вышла не просто из ОДКБ, но присоединилась к противникам России в январе 2025 года, сменив ориентацию в несколько месяцев.

«Переходный период» трансформации международной обстановки, получивший с легкой руки Е.М. Примакова еще в конце 90-х гг. характеристику «турбулентный», означает всего лишь признание радикальных изменений в состоянии международной и военно-политической обстановки без сколько-нибудь серьезного анализа их онтологической сущности, и, как неизбежное следствие (о чем иногда забывают), — в национальных и военных стратегиях государств. Этот подход был очень характерен для осторожного Е.М. Примакова, который сознательно не делал шагов по углублению анализа и причин такой «турбулентности», чтобы избежать критики.

²²⁴ Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) — существовавшая с 2001 по 2010 год международная экономическая организация, состоящая из ряда бывших республик СССР. Была создана для эффективного продвижения ее участниками процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства (сначала Россией и Беларусью, затем Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном, впоследствии — ЕврАзЭС), а также реализации других целей и задач, связанных с углублением интеграции в экономической и гуманитарной областях. Упразднена в связи с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). С 2016 года аббревиатура ЕврАзЭС в публичном пространстве используется наряду с аббревиатурой ЕАЭС.

Например, такой «турбулентности» не наблюдается в целом ряде регионов планеты. Как заметил бывший генеральный секретарь МИД Сингапура, «На большой части Азии, от Японии и Южной Кореи на севере, через Юго-Восточную Азию — стержень, соединяющий Индийский и Тихий океаны, до Индийского субконтинента на юге, вторая администрация Трампа не вызывает тех же сильных эмоций, как у многих на Западе. Для этих стран характерно гораздо меньшее беспокойство по поводу авторитарных тенденций Трампа и его презрения к либеральным интернационалистским идеалам. Регион давно строил отношения с Вашингтоном на основе общих интересов, а не общих ценностей. Такой подход прекрасно вписывается в транзакционную внешнюю политику Трампа, поскольку он подразумевает балансирование взаимной выгоды, а не поддержание либерального международного порядка. Действительно, большая часть Азии относится к либеральному порядку неоднозначно. Когда азиатские страны говорят о «порядке, основанном на правилах», эта фраза, как правило, несет в себе существенно иное значение, чем на Западе.

Для Азии возвращение Трампа к власти — это не просто радикальное отклонение от существующей внешней политики США, оно усиливает и ускоряет тенденцию, которая наблюдается со времен Вьетнама. Соединенные Штаты не отступают и не принимают изоляцию. Вместо этого они расширяют географический охват подхода, который президент США Ричард Никсон впервые представил в Восточной Азии во время холодной войны, в одностороннем порядке определяя условия своих глобальных обязательств и становясь более осмотрительными в отношении того, когда и как они вмешиваются на международном уровне. Имея дело с такими Соединенными Штатами почти полвека, Азия не слишком взволнована по поводу второй администрации Трампа²²⁵.

²²⁵ Каусикан Б. Кто боится Америки? // Форин Аффеарс. 7 января 2025 г. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/whos-afraid>

Между тем отсутствие реальной публичной дискуссии и анализа состояния МО и ВПО в мире неизбежно сказывалось на качестве внешней политики России, которая длительное время оставалась инерционной. Иными словами, в новых условиях миропорядка нужна *новая национальная стратегия*. Более того, уже на стадии формирования нового миропорядка нужна *новая национальная стратегия*. Но если нет признания нового качества МО и ВПО, детального анализа процессов формирования миропорядка, то и нет сколько-нибудь значимых шагов в области стратегического планирования.

Ситуация в этой области нехотя и медленно менялась к 2021 году. В настоящее время в России существует Стратегия национальной безопасности (СНБ), утвержденная президентом страны 2 июля 2021 года. В принципе эта стратегия достаточно адекватна внешним и внутренним реалиям, хотя и принята с очевидным опозданием и не свободна от прежних недостатков.

Прежде всего, если говорить о борьбе двух базовых тенденций — глобализации и автаркии. Основная тенденция мирового развития, которая стала набирать силу особенно активно в начале нового века, — мало изученная до настоящего времени *нарастающая автаркия*²²⁶ во внешней и внутренней политике новых центров силы и национальных государств, которая развивается в противовес контролируемой США глобализации.

[america-first-bilahari-kausikan-trump?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=Wh](#)

²²⁶ Автаркия — зд.: в данном случае автаркией обозначают политику и экономику, ориентированную внутрь страны, на саму себя, на развитие без доминирующих связей с другими странами. В этом плане автаркия — закрытая экономика и политика, предполагающая абсолютный суверенитет. В настоящей работе автаркия — вариант широкой экономической и политической, а также военной автономии страны, защищенной от самых негативных последствий внешней зависимости. В отличие от классической автаркии, российская автаркия не предполагает полной изоляции, но имеется ввиду резкое сокращение влияния «недружественных стран» на экономику и общественно-политическую жизнь страны и укрепление национального суверенитета.

Соотношение между этими двумя основными тенденциями, противоборство между ними, определяет политику государств в мире. Иначе говоря, «доля» глобализации и «доля» автаркии в политике государств выступают тем главным критерием их субъектности в мире, суверенитета и независимости. В России (где доля сторонников глобализации в правящей элите была подавляющей) к этому процессу подходили и подходят крайне осторожно — отказаться от состояния «интегрированности с Западом» оказалось для правящей элиты почти невозможным.

Эта же «выделенная правящей элитой страны доля» автаркии, однако, определяет и уровень национального выживания и степень реального суверенитета стран. 2022–2025 годы мы наблюдаем, как происходит борьба сторонников и противников автаркии и глобализации по всем стратегическим направлениям развития — от образования и культуры до промышленности. Постепенно (но крайне медленно и непоследовательно) приходит признание того, что если эта «доля автаркии» в экономике, науке, образовании, политике достаточно высока, то можно говорить о возможности сохранения нации и государства. Если нет, то их ждет неизбежное растворение в глобализации под контролем США²²⁷. Так, реформа образования в России, затянувшаяся на годы, — пример такого бездарного отношения к национальным интересам и ценностям.

Это признание в той или иной степени стало общим местом в рассуждениях многих политиков и политологов уже в начале столетия²²⁸. Но проблема более сложная — выбор национальной

²²⁷ США достаточно откровенно заявляют о своих намерениях. Так, в ежегодном обзоре разведсообщества США любые действия России в любой области рассматриваются как угроза глобальному порядку и влиянию США. См.: Annual Threat Assessment of the US Intelligent Community. Office of the Director of National Intelligent. Washington, 2021. April 9. P. 21.

²²⁸ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политиче-

стратегии, соответствующей приоритетам автаркии над приоритетами в глобализации (мы, кстати, это хорошо видим на примере политики Центробанка, который вынужденно выбирает глобализацию вместо развития). Речь идет не больше и не меньше, как (по словам Г.А. Леера) об «основной идее» стратегии государства, предполагающей изменения в цели, направлении, плане ее развития, а также «объеме средств и энергии», необходимых для ее осуществления²²⁹.

Иными словами, в условиях радикальных, качественных изменений в МО-ВПО требуются не менее радикальные изменения в национальной стратегии. И эти изменения, под внешним давлением, стали происходить в России «по нарастающей» с 2014 года. Их суть — изменение в стратегии России, ориентированной на западную глобализацию, существовавшей с конца 80-х годов прошлого века, на усиление автаркии практически во всех областях — от культуры и образования до экономики, внешней и военной политики. При этом В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что это не означает полного отказа от глобализации и ухода в абсолютную автаркию, но, скорее, изменение баланса между ними. Баланс стал быстрее сдвигаться в пользу автаркии с 2022 года, но периодически наследие прежней ориентации на глобализацию давало о себе знать. В итоге в России сложилось неустойчивое равновесие, когда движения внутри стратегической мысли («основной идеи»), планов ее реализации, ресурсов и воли периодически корректировались то в одну, то в другую сторону.

Но когда речь заходит о конкретных, тем более радикальных изменениях в национальных стратегиях, ситуация выглядит иначе. Это происходит потому, что правящие элиты так или иначе приспосабливаются к текущему порядку, даже если и понимают

ской обстановки // Трансформация войны и перспективные направления развития содержания военных конфликтов: сборник материалов круглого стола / ВАГШ, кафедра военной стратегии. М., 2023. С. 86–101. 239 с.

²²⁹ Леер Г.А. Безыдейность // Стратегия в трудах военных классиков. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 562.

необходимость его изменения. Россия — типичный пример того, как радикально изменившийся мир потребовал изменений в стратегии России в 2021 году, которые во многом начались, вынуждено, принудительно, вопреки воле значительной части правящей элиты. Более того, та часть элиты, которая сумела приспособиться к текущему порядку и даже извлечь из него выгоду (обзавестись зарубежными активами, привыкнуть к европейскому комфорту и т.п.), отнюдь не стремилась к изменениям, фактически препятствовала им. Свидетельство этому — массовая эмиграция из России в период 2020–2024 годов, превысившая миллионы человек.

К сожалению, в общественных науках процесс критики глобализации шел еще медленнее, чем в правящей элите: российская научная среда сумела быстро приспособиться к глобалистским реалиям и достаточно комфортно себя чувствовала. Тем более что правящая элита этому откровенно способствовала. Не случайно, по некоторым источникам прошла информация, что порядка 80% научных работников РАН не поддержали СВО. Это объясняет, например, то, что далее признания «турбулентности» Е.М. Примаковым МО и ВПО в то время дело не пошло. Этот шаг номинально был сделан только в Концепции внешней политики России в апреле 2023 года²³⁰, а до этого — в признаниях В.В. Путина и С.В. Лаврова о том, что «как прежде больше не будет»²³¹.

Частью этих изменений в мировой МО-ВПО стали перемены в состоянии региональной ВПО и СО в Европе, но именно частью, потому что суть этих изменений и характера СВО России на Украине может быть понята только в случае их воспри-

²³⁰ Путин В.В. Указ «О концепции внешней политики РФ» // Официальный сайт Президента России. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

²³¹ См.: Подберезкин А.И. Долгосрочные последствия политики Дж. Байдена для России // Рейтинг персональных страниц. 29.05.2023. URL: <https://viperson.ru/articles/dolgosrochnye-posledstviya-strategii-dzh-baydena-dlya-snb-rossii>

ятия как продолжения радикальных изменений в международной и военно-политической обстановки в мире²³².

Эти радикальные глобальные изменения связаны прежде всего с переходом доминирующей тенденции — глобализации под контролем США — в стадию, когда цивилизации, их коалиции и отдельные государства ориентируются в возрастающей степени на национальные интересы и приоритеты развития, растущую автаркию. Этот процесс неизбежно отражается на характере экономик и развитии ВС и ОПК отдельных коалиций и государств, которые будут стремиться к национальной консолидации (или как минимум коалиционным блокам). При этом огромное значение будет иметь обеспеченность государств национальными ресурсами или гарантированным доступом к ресурсам человечества. Что отлично понимают в США, *создавая систему глобального контроля над важнейшими мировыми ресурсами и доступом к ним*. Не случайно то, что антироссийские санкции привели к появлению многослойной финансово-экономической системы контроля со стороны США над экспортом российских ресурсов.

Этот процесс хорошо иллюстрируется на примере расширения доступа России к национальным природным ресурсам в последние годы. Так, в России со временем и с огромным опозданием стало ясно, что авиационную, космическую, оборонную промышленность, электронику и автомобилестроение невозможно развивать без собственной сырьевой базы металлов. Уже на начало 1996 года из 29 видов минерального сырья, отнесенных правительством к стратегически важным, обеспеченности достигли только по 15 — нефти, природному газу, золоту, меди, никелю, свинцу, молибдену, вольфраму, олову, цирконию, кобальту, платиноидам, серебру, алмазам и особо чистому кварцевому сырью. Остальные 14 видов — уран, марганец, хром,

²³² См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

титан, бокситы, тантал, ниобий, скандий, бериллий, сурьму, литий, германий, рений и редкоземельные элементы иттриевой группы — полностью или частично импортировали²³³.

С годами ситуация ухудшалась. В связи с развитием новых технологий потребность в некоторых металлах возросла в разы, а запасы месторождений, открытых и разведанных еще в советское время, истощались. Зависимость от зарубежных поставщиков стала критической, особенно после введения экономических санкций. В августе 2022 года правительство утвердило новый перечень основных видов стратегического минерального сырья — уже из 61 позиции. Добавили гелий, графит, рубидий, цезий, индий, галлий, гафний, ванадий, апатитовые руды, калийные соли, плавиковый шпат, все 17 редкоземельных элементов, а также подземные воды. По некоторым — марганцу, хрому, титану, литию — зависимость от импорта сегодня достигает ста процентов.

Таким образом, к началу 20-х годов произошло фактическое разделение мира не только по линии западной военной коалиции, подконтрольной США, но по возможностям контролировать мировые ресурсы. Прежде всего между военно-политической коалицией Запада и другими центрами силы, из которых прямо решилась выступить против Запада пока что только Россия и, отчасти, КНДР, Иран и Китай. В этом смысле современная западная военно-политическая коалиция во главе с США включает не только страны — члены НАТО, но и основные прозападные страны в АТР — Японию, Австралию, Республику Корея, также ведутся попытки втянуть в эту коалицию Индию и другие страны²³⁴.

²³³ Перспективнее нефти. Россия сделала ставку на другое сырье // АПН Новости. 19.04.2023. URL: https://ria.ru/20230419/metally1866069194.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

²³⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Человечество оказалось у опасной черты // Красная Звезда. 30.12.2022. URL: <http://redstar.ru/chelovechestvo-okazalos-u-opasnoj-cherty>

К концу 2022 года США практически уничтожили складывавшуюся десятилетиями после Второй мировой войны систему международной безопасности, имевшиеся договоренности и институты. На ее руинах они пытаются создать некие новые «нормы и правила», с помощью обязательного выполнения которых будет формироваться новый миропорядок. *Этот миропорядок будет легитимизировать глобализацию, контролируемую США.*

Этот вывод принципиально важен потому, что оценка сути СВО прямо зависит от того, как вы оцениваете происходящие в целом в мире изменения. Под сущностью любого явления в политике понимается совокупность наиболее важных и устойчивых, глубинных связей, отношений, присущих данному явлению и определяющих его главные черты и тенденции развития. Применительно к государству, его политике, современной оценке ВПО, определить его сущность — значит установить, в чьих интересах сосредоточена государственная власть, чьим интересам она служит, чью волю выражает. Так, сущностью современного этапа развития наиболее вероятного варианта сценария ВПО, ее «основной идеей», является *нарастание прямой, экзистенциальной угрозы России*²³⁵. Причем не только как суверенному государству, но и как существованию всей нации. Уничтожение государства и его институтов, контроль над национальной элитой — первый шаг к последующей неизбежной ликвидации нации. Об этом, кстати, уже не стесняются говорить открыто, создавая информационно-психологические условия для эскалации силовых действий.

В нашем случае я исхожу из того, что решающими интересами выступают интересы правящей элиты США и части элит их стран-союзников, которые концентрируются в узких социальных группах, контролирующих национальные и международные

²³⁵ Подберезкин А.И. Риск начала Третьей мировой войны не просто сохраняется, он стремительно усиливается // Национальная оборона. 2021. № 4. С. 9–20.

ресурсы и процессы глобализации. В том числе зарубежных стран, включая Россию. Об этом свидетельствуют, например, тысячи финансируемых организаций из-за рубежа и десятки тысяч отдельных граждан, получающих прямую финансовую выгоду от такого сотрудничества. Эти интересы могут и нередко прямо противоречат не только общечеловеческим, но и национальным интересам. В этом смысле современный процесс формирования МО и ВПО — непосредственное следствие политики в области силового обеспечения интересов этих узких социальных групп. Причем надо открыто признать, сохранившихся в России. Нередко в правящей элите страны.

Именно поэтому сущность «переходного периода» в развитии МО и ВПО в мире 2010–2025 годов (то есть развитие главных свойств и качеств конкретного сценария МО и ВПО в одном из его конкретных вариантов), сложившихся после 2010 года, в России оценивается разными политиками и учеными «очень по-разному», причем, как правило, достаточно противоречиво и субъективно. Во многом в зависимости от политической и идеологической точки зрения, личной выгоды и, нередко, профессиональной принадлежности. Часто — в зависимости от личных или групповых интересов. Как и средств силового противоборства²³⁶.

Очевидно существование как минимум двух лагерей — последователей политики М. Горбачева и Б. Ельцина, которая в своих основных чертах ориентируется на «вхождение России в западную цивилизацию» на любых условиях (в том числе противоречащих национальным интересам и системе ценностей), и широкого спектра политиков и ученых, составляющих, однако, меньшинство в правящей элите страны, ориентированных на самостоятельное развитие России. Именно разница в по-

²³⁶ См. подробнее: Боброва О., Подберезкин А. Политико-правовые вопросы противодействия проявлениям, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации // Сайт ЦВПИ «Евразийская оборона». 30.08.2021. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/politikopravovye-voprosy>

нимании интересов отличает оценки этих групп политиков и ученых²³⁷.

Так, напомню, что предложенный еще в 2013 году вариант сценария развития ВПО в 2015–2025 годах («Вариант № 2 — Усиление военно-силового давления»; в настоящее время трансформируется в «Вариант № 2.2») предполагает *неизбежный переход к стадии военных конфликтов в регионах и против отдельных стран*. Важной особенностью этого периода является ликвидация как единого целого остатков постсоветского пространства (девальвация институтов СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС) и неизбежная последующая дезинтеграция собственно России как единого субъекта МО и потенциально возможного будущего ядра евразийской интеграции.

Другая точка зрения, как всегда, пытается инициировать очередные компромиссы и односторонние уступки со стороны России, аргументируя такую политику «сохранением пространства для сотрудничества», «сохранением институтов сотрудничества» и т.п. даже ценою принципиальных уступок в области суверенитета и национальной идентичности.

Разница в подходах тех или иных представителей правящей элиты России объясняет разницу в оценке и прогнозах развития ВПО по тому или иному сценарию в будущем: именно следствием субъективного отношения («позиции») к сущности «переходного периода» и интересов отдельных социальных групп и внешних сил. Это хорошо видно на примере многочисленных работ, подготовленных в этих учреждениях, организациях и неформальных коллективах.

Таким образом, особенности развития ВПО в мире предопределены более общими особенностями развития МО, которые в решающей степени влияют на частные сценарии и их

²³⁷ Примечательно, что водораздел между ними проходит во многом по профессиональной принадлежности — гуманитарии РАН и вузов, как правило, ориентируются на Запад, а естественники — на свою страну, хотя внутри этих групп есть своя оппозиция — и в ВШЭ, и в МГИМО, и в ИМЭМО, представленная, однако, меньшинством.

варианты развития ВПО и СО. В том числе ход военных операций на Украине. «Переходный период» прямо зависит от темпов национального развития тех или иных государств и экономик.

Причем главная особенность и тенденция развития человечества — быстро растущий «творческий» («креативный») класс, как по численности, так и по его влиянию в социально-политической, экономической и военной деятельности государств. Его численность выросла за последние 30 лет в ряде стран в 5–7 раз, а в развивающихся странах стремительно догоняет показатели развитых государств. В ходе СВО на Украине именно качество человеческого капитала (ВВСТ, военного искусства) и его институтов (подготовки личного состава, боеспособности отдельных видов и родов войск) *предопределяют результаты военно-силового противоборства*. Иными словами, именно институты развития НЧК и критерии развития «креативного класса» сегодня определяют уровень государственной и военной мощи, в том числе и эффективность его силовой (военной и невоенной) политики.

Но не абстрактно-глобальные, а национальные, цивилизационные и культурные, то есть развивающиеся по пути национальной автаркии. Представляется, что необходимо избавиться от лишних иллюзий в отношении международного сотрудничества в области безопасности и роли международных институтов. БРИКС, ШОС, ОДКБ и прочие организации — вполне оправданные институты, которые, однако (и опыт СВО это показал), могут мало чем помочь борьбе России за выживание. Общий практический подход к формированию систем международной безопасности должен быть такой: их существование и развитие «не помешает, но и не сильно поможет» укрепить безопасность России. Поэтому преувеличивать их позитивное влияние очевидно не стоит.

Тем более не стоит «закладываться» на долгосрочное сотрудничество с этими институтами. Не только «Северная»²³⁸

²³⁸ Бесполезные союзники — Дания и Польша — только создавали проблемы России.

и «Семилетняя»²³⁹ войны, союзы с Австро-Венгрией²⁴⁰, «борьба за коллективную безопасность в Европе», участие в антигитлеровской коалиции, создание ОВД²⁴¹, «советско-китайская дружба»²⁴² и помочь «братьским партиям» и государствам, но и сколько-нибудь длительное сотрудничество с другими странами по частным проблемам (например, борьбе с международным терроризмом), значение которой было очень переоценено в России) не влияют положительно на обеспечение интересов безопасности такой огромной страны, как Россия, которая никак не вписывается ни в какие союзы и коалиции.

Во внешней политике России следует исходить из того, что сотрудничество в области безопасности, как правило, полезно, но его влияние носит очень ограниченный позитивный характер. Однако излишнее акцентирование внимания во внешней политике часто приводит к переоценке значения таких союзов, соглашений и коалиций в ущерб национальным интересам России.

²³⁹ В результате войны потери составили более 150 000 человек, были огромные расходы бюджета без сколько-нибудь заметных результатов для России.

²⁴⁰ Союз с Австро-Венгрией всегда был причиной многих проблем для России в ее истории, никогда не дав сколько-нибудь заметной пользы. Последний представитель монархии Габсбургов (и член парламента Австрии) просто публично потребовал уничтожения России в январе 2025 года, чтобы «укрепить безопасность Европы».

²⁴¹ Организация Варшавского договора (ОВД) практически мгновенно (за 1-2 года) превратила своих членов из союзников в противников.

²⁴² Так, в январе 2025 года Китай принял решение инвестировать 60 миллиардов долларов в Турецкие железные дороги. В Поднебесной не скрывают, что решение принято для того, чтобы возить товары в ЕС в обход России. Соответственно, значение нашей страны как транспортного коридора между Востоком и Западом после такой модернизации может снизиться. И этот удар России нанесен в самый ответственный момент, за неделю до смены власти в США, которая может определить будущее всей мировой системы безопасности и торговли (Китай вычеркивает Россию // Царьград. 16 января 2025 г. URL: <https://dzen.ru/a/Z4beAAYSLyYMxOKU>).

ГЛАВА 2

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И БУДУЩЕЕ МИРОПОРЯДКА. РОЛЬ ЕВРАЗИИ

Россия должна была раньше готовиться к боевым действиям²⁴³.

В. Путин, президент России

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма²⁴⁴.

В.И. Ленин

Соотношение сил — исходная точка любого политического анализа, но прежде всего анализа международной политики. Прогноз такого соотношения сил, в особенности в стратегической перспективе, является безусловным этапом в таком анализе. Особенно если речь идет о соотношении политических, военных и экономических сил. Примечательно, что в той же статье В.И. Ленин сделал такой прогноз, который на сегодняшний день выглядит вполне актуально: «По сравнению с Соединенными Штатами, Европа в целом означает экономический застой»²⁴⁵.

Стратегический прогноз, как известно, имеет огромное значение для планирования внешней политики и стратегии, хотя в России либеральная элита сознательно препятствовала развитию этого процесса, а сегодня игнорирует в меру сил его

²⁴³ Путин В.В. Интервью Павлу Зарубину 19 декабря 2024 г. // Лента. 22 декабря 2024 г. URL: http://www.lenta.ru/news/2024/12/22/putin-raskryl-svoyu-mysl-o-nesvoevremennom-nachale-svo/?utm_source=yxnews&utm_m

²⁴⁴ Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Цит. по: Ленин В.И. Великая война. М. : Эксмо, 2024. С. 306.

²⁴⁵ Там же. С. 305.

практическое применение в политике и экономике²⁴⁶. Ошибка в стратегическом прогнозе на «несколько градусов» может привести к трагедиям, а если такая ошибка сделана на уровне выбора неправильного вектора (как в 80-е и 90-е гг.), то она неизбежно приведет к катастрофе.

Так и произошло с ошибками в СССР и России, к сожалению, во многом не исправленным и в последующие годы. Это привело к нарастающему отставанию в развитии страны, а позже — принципиальным ошибкам в стратегическом планировании в первом десятилетии нового века, последствия которых сказываются до настоящего времени на экономике и социально-экономической области, но особенно на области военной политики, где ошибки руководителей Минобороны крайне болезненно отразились на стране. Пример СВО — показателен. В феврале 2024 года В.В. Путин, в частности, пожалел о запоздалом выборе времени начала СВО, которое надо было сделать в 2014 году. Аналогичное мнение он высказал вновь в ходе прямой линии, состоявшейся 19 декабря 2024 года.

Именно поэтому в настоящее время принципиально важно не ошибиться в прогнозе будущего развития человечества, прежде всего новых центров силы и локальных человеческих цивилизаций²⁴⁷, соотношение сил между которыми будет предопределять состояние МО-ВПО во всем мире. Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающего на определенной территории

²⁴⁶ В целом мы только-только преодолели это отставание в стратегическом планировании к 2021 году, когда была принята новая редакция СНБ России. См. подробнее: Назаров В.П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования : монография / под общ. ред. Т.А. Алексеевой. М. : КНОРУС, 2022. 332 с.

²⁴⁷ Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ) — зд.: определенная часть человеческого сообщества, проживающая на конкретной территории, объединенная общей системой ценностей, историческим наследием, экономическими и иными (логистическими и прочими) связями и видением общего будущего.

в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего²⁴⁸. Примечательно, что существуют некоторые общие признаки, по которым можно говорить о ЛЧЦ в нынешний и будущий периоды развития человечества. Например, численность населения, которая для ЛЧЦ удивительно соразмерна:

- Китай — 1400 млн человек;
- Индия — 1430 млн человек;
- Исламские государства и ЛЧЦ — 1400 млн человек;
- страны Африки — 1400 млн человек;
- страны условного «Запада» — более 1000 млн чел.

К ним приближаются «Океаническая ЛЧЦ» (Индонезия и др. страны), «Латиноамериканская» (Бразилия и другие страны Латинской Америки) и ряд других.

Кроме численности населения эти ЛЧЦ объединяет геополитика, история, крупные природные ресурсы, а также, как правило, высокий уровень развития экономики и общие интересы безопасности.

Россия вполне соответствует понятию ЛЧЦ и указанным критериям: за исключением численности населения (которое могло бы быть значительно больше, если бы не попытки уничтожить нашу страну в XX веке), ее основные показатели — территория, масштабы ресурсов, история, духовное и культурное наследие, уровень науки и образования *вполне соответствуют критериям самостоятельной ЛЧЦ*. Из этого вытекает неизбежно главная задача — *развитие качества и количества национального человеческого капитала*. Именно этот критерий стал основным в оценке моцки государств и их влияния в мире в «переходный период», когда автаркия и ее принципы и методы вытесняют глобализацию.

²⁴⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

Эта задача в принципе сформулирована в качестве важнейшего приоритета в Стратегии национальной безопасности страны, утвержденной президентом 2 июля 2021 года, но очевидно, что механизм ее реализации еще недостаточно эффективен. Требуется максимальная мобилизация всех ресурсов для того, чтобы количество и качество человеческого капитала изменилось на порядок, то есть в 10 раз²⁴⁹. Именно качество человеческого капитала, точнее — высокие *параметры каждой отдельной личности* — в совокупности дадут нации новую мощь и влияние. Надо понимать, что сумма потенциалов каждой отдельной личности дает общий высокий уровень НЧК, что естественно при быстром увеличении количества таких личностей. Это обеспечивается уровнем развития национальных институтов образования, науки, культуры, здравоохранения и, конечно, уровнем дохода. Любые инвестиции в эти области не будут чрезмерными, особенно при недофинансировании, которое было характерно для последних десятилетий.

В этом случае Россия с полным основанием может претендовать на то, чтобы по всем критериям соответствовать понятию «Локальная человеческая цивилизация», которое в настоящее время применимо к ней относительно условно. Она потеряла территории, население, науку и образование, свои международные позиции, geopolитическое положение и даже собственный рынок, которые надо быстро возвращать, пока новая мировая реальность, которая будет сформирована в силовом противоборстве ЛЧЦ, не вынесет нашу страну на периферию.

Темпы развития страны и НЧК России, таким образом, определят ее будущее место в мире, но прежде всего в Евразии, где она будет вынуждена непосредственно конкурировать с ведущими ЛЧЦ — исламской, китайской, индийской и западной. Очевидно, что при усилении значения автаркии и в целом

²⁴⁹ Вполне определенно и конкретно я не раз писал об этом в последние 30-40 лет в самых разных работах, в частности в 7 книгах, объединенных под общим названием «Национальный человеческий капитал», изданных в МГИМО МИД России в 2011–2014 годах.

самодостаточности во всех областях, это будет определяться прежде всего качеством и количеством НЧК. Именно этот критерий, а не ВВП и прочие критерии и показатели станут решающими в мире в ближайшее десятилетие. Это объясняется тем, что все показатели государственной мощи — уровень развития технологий и масштабы ВВП, финансы и т.д. — станут на 95% производными от НЧК, так же как и способность государств обеспечить свою безопасность. СВО, в частности, продемонстрировала решающую роль в вооруженной борьбе человека, его профессионализма и мотивации.

Очевидно, что полагаться в вопросах безопасности на международные институты и сотрудничество практически невозможно — только та страна, в которой НЧК будет выше, в конечном итоге станет победителем и будет определять нормы и правила поведения после «переходного периода».

Представляется, что будущее мироустройство и миропорядок будут во многом (если ни в главном) определяться именно соотношением сил между НЧК ведущих ЛЧЦ и их возможными коалициями (причем коалициями в последнюю очередь). Прежде всего в Евразии, где *соседствуют непосредственно все главные ЛЧЦ*. В этом смысле вопрос евразийской безопасности во многом отражает состояние вопроса мировой безопасности, но, главное, является производным от уровня развития НЧК той или иной локальной цивилизации и центра силы. Очевидно, что мир вступил в неустойчивый и крайне опасный «переходный период», между социальными слоями, государствами и группами государств, которые случались уже в истории человечества и которые неизбежно ведут к слому прежних институтов, норм и правил в отношениях между субъектами МО²⁵⁰. Но в первую очередь этот «переходный период» будет периодом

²⁵⁰ Выбор наиболее эффективной политики безопасности России: комментарии по поводу выступления В.В. Путина на заседании Совбеза 22 ноября 2019 года / В. Назаров, А. Подберезкин, О. Подберезкина // Обозреватель. 2019. № 12. С. 6–25.

выстраивания отношений и противоборства между ЛЧЦ, в частности, США, Китаем (чуть позже неизбежно Индией), исламом и Россией. Именно отношения между ними в Евразии, определяемые в решающей степени качеством и мощностью НЧК этих цивилизаций и центров силы, станут главным условием того или иного развития миропорядка и, соответственно, стратегического прогноза.

Они характеризуются сменами основных экономических и производственных укладов, отношений между большинством участников международных отношений, то есть радикально влияют на систему МО и ВПО. Такие периоды в истории человечества наступали при крахе Римской империи, Византийской империи, религиозных войнах, за которыми, как правило, стояли экономические интересы. Последним таким периодом были Первая мировая и Вторая мировая войны, в результате которых было установлено фактическое господство двух систем — капиталистической и коммунистической, просуществовавшей до начала 90-х годов прошлого века.

Нынешний период, который начался с конца прошлого века, означает кризис глобализма как экономики и политической системы западной ЛЧЦ, нарождение новых центров силы и, как следствие, формирование новой МО и ВПО в мире. Этот период означает слом прежних институтов, норм и правил, что неизбежно ведет к хаотизации и непредсказуемости, а значит, вытеснению норм и правил силовыми инструментами регулирования отношений между субъектами и отдельными акторами.

Этот объективный процесс встречает, с одной стороны, настойчивое сопротивление сил, которые контролировали прежний миропорядок, а с другой — не менее настойчивые усилия новых центров силы выстроить новые, более справедливые, правила взаимоотношений. Первые — сторонники глобализации, а вторые — автаркии, опирающиеся преимущественно на национальные интересы и ценности, которые усиливают значение НЧК.

Исходной точкой анализа развития будущего миропорядка, наступающего в третьем десятилетии, становится стратегический прогноз развития человечества и перспектив развития его отдельных локальных человеческих цивилизаций²⁵¹, центров силы и государств. Этот же прогноз впоследствии если и не ложится в основу стратегии нации и стратегического планирования государств и их коалиций как минимум на среднесрочную перспективу (10–15 лет, а в идеале на 20–30 лет), то так или иначе учитывается в долгосрочных прогнозах.

Таким образом, в условиях объективного нарастания процессов хаотизации МО, а также стремительного увеличения роста НЧК растет значение субъективного фактора — точного долгосрочного прогноза, который становится абсолютно необходим в экономике и военной политике, потому что многие программы и проекты рассчитаны на разработку, испытания и реализацию на 20–30 лет, но еще и далее остаются важной частью политики и ресурсов нации и государства. Так, строительство крупных инфраструктурных объектов (ГЭС, ТЭЦ, АЭС, железных и автомобильных дорог, аэропортов и пр.) занимает иногда более 10–15 лет, а потребность в них остается еще на более длительную перспективу. Принятие решений о создании и производстве ВВСТ, как правило, также имеет горизонты планирования в десятки лет: многие типы и системы вооружений, используемые сегодня на СВО, создавались в 50-е и 60-е годы прошлого столетия, а разрабатываемые в настоящее время — будут находиться на вооружении до конца столетия. В таких прогнозах необходимо акцентировать внимание на значении будущего НЧК государств для безопасности и развития страны, прежде всего с точки

²⁵¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.; Подберезкин А.И. Евразия и Россия / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, О.А. Подберезкина ; МГИМО МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2014. 517 с.

зрения развития демографических ресурсов, науки, образования, здравоохранения, культуры и духовности.

Но наиболее значимые и имеющие долгосрочные последствия субъективные решения находятся в области политики и идеологии. Именно они ложатся в основу политического курса и национальной стратегии и прогноза, как бы те ни назывались²⁵². Для России, которая только недавно вступила в период выхода из колониальной зависимости, возвращения суверенитета и национальной идентичности, такие политико-идеологические решения имеют исключительно приоритетное значение. Не случайно В.В. Путин сразу же после инаугурации 7 мая 2024 года принял важнейшие указы, ориентированные на долгосрочную перспективу для нации, а не только государства. Если говорить, например, об указе № 314 от 8 мая «Об утверждении основ политики Российской Федерации в области исторического просвещения», то срок его действия вообще не указан, а если говорить об указе «О национальных целях развития», то сразу после инаугурации Владимира Путина Кремль опубликовал новый «майский указ» — третью итерацию такого стратегического документа (первая появилась в 2018 году, вторая — летом 2020 года, в разгар пандемии).

Цели установлены на период до 2030 года (как и в предыдущей версии указа; в самой первой фигурировал 2024 год) и «на перспективу до 2036 года». Иными словами, с политико-идеологической точки зрения, В.В. Путин стал еще только закладывать долгосрочные основы в самые уязвимые области нашей идеологии — культуру, образование, формирование человеческого капитала.

При этом временной горизонт обозначаемых целей последовательно удлиняется с каждой итерацией. Основные демографические цели нового указа — повышение суммарного

²⁵² Так, подобные идеологические решения в период кризиса между Первой и Второй мировыми войнами были как в Германии (фашизм и экспансия), так и в СССР (индустриализация и коллективизация) и США (реформы Ф. Рузвельта).

коэффициента рождаемости (СКР) до 1,6 к 2030 году и до 1,8 — к 2036 году; увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году (этота цель фигурировала в прежней версии и сохранилась) и до 81 года к 2036 году (новый ориентир).

При этом очень важно соотносить национальные цели развития и безопасности России с мировыми тенденциями. Страгетический прогноз развития России должен быть не только во многом прогнозом развития НЧК как решающего фактора развития, но и соотноситься с мировыми тенденциями. Примечательно, что в это же самое время в журнале «Форин Аффеарс» появилась статья²⁵³, где прогнозировалось, что «в ближайшие десятилетия Восточная Азия испытает, возможно, самый драматический демографический сдвиг в современном мире. Все основные государства региона — Китай, Япония, Южная Корея и Тайвань — вот-вот вступят в эпоху депопуляции, в ходе которой они резко постареют и потеряют миллионы людей, а с 2020 по 2050 год население Китая и Японии сократится на 8 и 18% соответственно, а до конца века почти в 2 раза».

«Население США, — говорилось в статье, — напротив, вырастет на 12%. Люди — человеческая численность и потенциал, который они воплощают, — необходимы для государственной власти. При прочих равных условиях страны с большим количеством населения имеют больше рабочих, более крупную экономику и больший резерв потенциальных солдат. В результате развивающимся странам гораздо легче увеличивать свою власть и расширять влияние за рубежом. Те, кто сокращается, напротив, изо всех сил пытаются сохранить свое влияние»²⁵⁴.

²⁵³ Эберштадт Н. Грядущий коллапс населения Восточной Азии. И как это изменит мировую политику // Форин Аффеарс. 8 мая 2024 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/east-asias-coming-population-collapse?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=

²⁵⁴ Там же.

2.1. ИЗМЕНЕНИЕ В СООТНОШЕНИИ СИЛ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Каждый народ в известную эпоху имеет свой политический идеал... Эти идеалы так же разнообразны, как бесконечно разнообразны условия жизни отдельных государств, потребности и вкусы населения²⁵⁵.

Е. Мартынов, военный теоретик

Любой анализ состояния международной остановки, в особенности в связи с подготовкой системы исходных данных для каких-либо программ (в частности, ГОЗ), последние два десятилетия начинается с констатации быстрого развития и усиления влияния новых центров силы. Анализ соотношения сил лежит в основе анализа любой международной или военно-политической обстановки, более того, в основе любого военно-политического анализа. В частности, например, в СССР в 70–80-е годы прошлого века в основных программных документах КПСС регулярно говорилось о «нарастающих противоречиях между империалистическими центрами силы — США, Европой и Японией»²⁵⁶, которые стали следствием опережающего развития стран Западной Европы и Японии, превратив Запад в область «мирового соперничества»²⁵⁷.

Действительно, история человечества свидетельствует о постоянном процессе изменения в соотношении сил, который является следствием неравномерности мирового развития.

²⁵⁵ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. 2003 г. М. : Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. С. 15.

²⁵⁶ Некоторые нынешние академики РАН сделали такой анализ основой всей своей научной карьеры.

²⁵⁷ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

Так было, когда быстро развивались Древний Египет и Римская империя, Китай и Индия, а в новой истории — Испания, Нидерланды, Великобритания, Германия. Эта естественная закономерность изменения соотношения сил стала, например, основной причиной Первой и Второй мировых войн, когда прогерманская и антигерманская коалиции стали основными мировыми противниками.

В результате мировых войн, как правило, происходило новое мироустройство, отражавшее уже новое соотношение сил, закрепленное нормами права и просто некими договоренностями. Так, после поражения наполеоновской Франции на Венском конгрессе в 1814–1815 годах было закреплено формально новое соотношение сил (и новые границы) не только в Европе, но и в мире, просуществовавшее до Первой мировой войны (с частными поправками в результате Крымской войны и франко-германской войны 1870–1871 годов²⁵⁸).

Первая и Вторая мировые войны XX столетия стали примером войны коалиций, представлявших центры силы, каждый из которых претендовал на свое представление о новом миропорядке. В конечном счете в безусловном выигрыше от этих двух войн коалиций оказались только Соединенные Штаты Америки, которые вступали в вооруженную борьбу на последнем этапе, получив максимум возможных дивидендов, в том числе и от своих союзников. Это означало, что в новом миропорядке после Второй мировой войны доминировали США, которым противостояли СССР и другие социалистические страны вплоть до конца XX века. Это противостояние получило свое название — «холодная война», которая закончилась созданием нового глобального миропорядка во главе с США.

²⁵⁸ Причиной франко-германской войны было стремление Пруссии, одержавшей победу в войнах 1864 и 1866 гг., укрепить свои позиции в Европе и распространить свое влияние на южно-германские государства, а также стремление Франции не допустить усиления Пруссии и сохранить за собой роль ведущей державы в Западной Европе.

С начала 90-х годов прошлого века США утвердились не только в качестве лидера широкой западной коалиции, но и взяли на себя функции «организаторов» нового мирового порядка, которые какое-то время никем из крупных держав — субъектов МО не оспаривались. Но по мере опережающего развития некоторых стран и новых центров силы эта ситуация стала все меньше устраивать государства, которые фактически были ограничены в своем суверенитете (причем не только внешнеполитическом). В настоящее время очевидно, что сложились все условия для нарастающего силового конфликта между старым и новыми центрами силы. Можно сказать, что условным водоразделом стало второе десятилетие нового века, когда практически одновременно о своем суверенитете заявили не просто государства, но новые центры силы. Причем не только великие державы, но и некоторые страны «второго эшелона» по своей мощи. Так, В. Сергеев, например, писал в 2014 году, что «В начале XXI века мировое сообщество зафиксировало появление новых центров силы — Китая, Индии, Бразилии, Турции, Ирана. Их подъем было бы естественно связать с развитием глобализации и вовлечением новых стран в процесс быстрого экономического роста. В связи с этим возникает весьма интересный вопрос, почему этот рост оказывается неравномерным. Что обуславливает успехи одних стран и неудачи других? Так, несмотря на высокую численность населения, ресурсы и прогресс в общем уровне образования, такие страны, как Пакистан, Египет, Нигерия, Аргентина, не смогли принять участие в этом ралли»²⁵⁹. В. Сергеев отнес этот результат к тому, что такие новые центры силы обеспечили «устойчивость политического режима, его отношение к бизнесу, правам собственности и коррупции... Таким образом, вопрос о развитии новых центров силы в значительной мере сводится к способности государства создать

²⁵⁹ Сергеев В. Новые центры силы на мировой арене // РСМД. 26 сентября 2014 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-tsentry-sily-na-mirovoy-arene/>

указанные выше условия, одновременно обеспечивая и высокий уровень инвестиций»²⁶⁰.

Важнейшим из этих условий с конца прошлого века стало лидерство США в информатизации, производстве элементной базы, программного обеспечения и внедрении этих достижений в экономику и социальную жизнь. В частности, именно это превосходство на долгие годы обеспечило США военные преимущества в военной области, прежде всего ВВСТ и систем боевого управления, которые превратили на время для них войну в безнаказанное нанесение ударов ВТО²⁶¹. Период глобализации при доминировании США, начавшийся с 80-х годов прошлого века, вплоть до настоящего времени удивительным образом совпал как со ставкой правящих кругов страны на военно-технологическое превосходство, победы в краткосрочных войнах и инспирированных ими революциях, так и с развитием военного искусства в направлении «быстрой и бескровной победы над врагами Запада».

Иными словами, эти и другие факторы можно отнести к факторам глобализации, которые какие-то страны использовали в интересах развития, а какие-то нет. Так, КНР и Индия в полной мере воспользовались благами цивилизации и глобализации на этом этапе своего развития. В том числе и потому, что США и их союзники сознательно помогали этим государствам.

В то же время быстрый рост ВВП не только в Китае и Индии, но и в других государствах, и не только западных странах — лидерах глобализации, обеспечил высокие темпы прироста мирового ВВП. Это обстоятельство иногда находится вне эпицентра внимания, хотя именно оно объясняет неизбежное

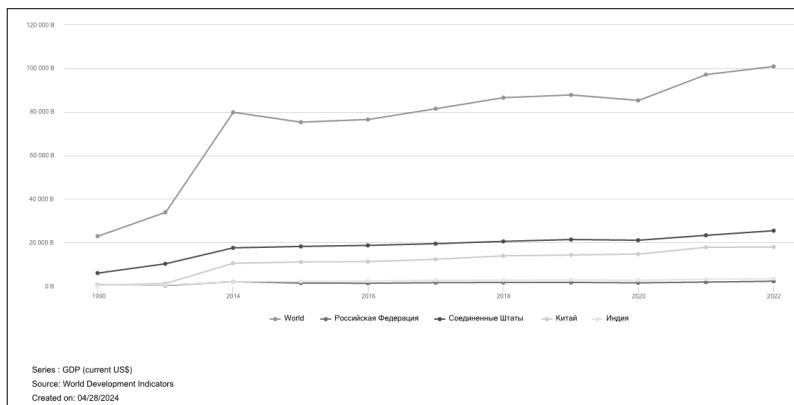
²⁶⁰ Сергеев В. Новые центры силы на мировой арене // РСМД. 26 сентября 2014 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-tsentry-sily-na-mirovoy-arene/>

²⁶¹ См., например: Военное искусство в локальных войнах и военных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века / под общ. ред. генерал-полковника А.С. Рукшина ; Институт военной истории МО РФ. М. : Воениздат, 2008. 763 с.

появление в скором времени других центров силы, помимо уже общепризнанных, в частности, в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Так, танки, боеприпасы и артиллерия Республики Корея, как по качеству, так и по количеству, внесли к третьему десятилетию нашего века существенные корректизы в мировой баланс сил, а быстро растущие экономики Индонезии, Бразилии, Саудовской Аравии, Турции и Египта — в соотношение экономических сил в мире. Более того, в настоящее время можно уже говорить о том, что к цивилизациям-лидерам — западной, китайской, индийской — можно с полным основанием добавить такие цивилизации, как исламскую, африканскую, латиноамериканскую, океаническую, которые уже насчитывают примерно такое же количество населения (порядка по 1400 миллионов человек) и быстро растущий экономический и военный потенциалы.

2.2. НОВЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Если посмотреть на график, созданный во Всемирном банке, то оказывается, что страны-лидеры — США и Китай после 2014 года уже не обеспечивали основной объем мирового ВВП, который стал принадлежать другим странам. Это обстоятельство, кстати, свидетельствует о том, что новые центры силы формируются вне известных центров — США, КНР, Индия и Россия, — чей удельный вес в мировом ВВП относительно других стран сокращается.

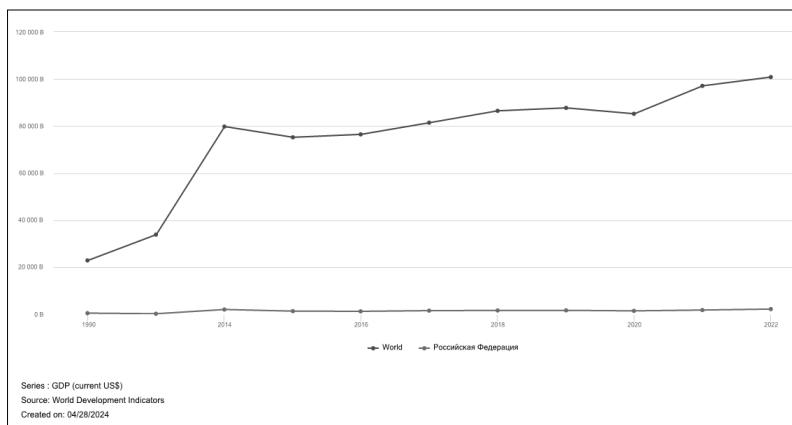
*Темпы роста ВВП России, Китая, США, Индии
и остальных стран мира с 1990 по 2023 год (по данным ВБ)*²⁶²

Как видно из оценок ВБ, весь мировой ВВП с 1990 по 2023 г. вырос в 5 раз, причем не столько за счет ведущих центров силы — США и КНР, которые на графиках после 2014 года идут параллельно (а тем более России и Индии, чьи графики почти совпадают), сколько за счет остальных стран мира. На об-

²⁶² URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD&country=WLD>

щем графике отчетливо видно, что разрыв между лидерами и другим миром нарастает. Этот рывок означает, что дальнейшее перераспределение влияния в мире будет происходить не только за счет известных старых и новых центров силы, но и «периферийных» государств, которые условно называют «Глобальным югом».

Россия на этом фоне формирования новых центров силы и нового миропорядка выглядит все менее уверенно: можно говорить о том, что темпы роста ВВП России существенно отставали от мировых, что фактически отбросило ее на десятилетие и позволило вернуться только в 2023 году на уровень «пиков» 1990 и 2014 годов, между которыми существовал огромный «пропал», измеряемый несколькими годовыми ВВП. Если в 1990 году ВВП России составлял порядка 0,5 трлн долл., то в период 1990-х годов он упал вдвое и смог достигнуть уровня 1990 года только в 2014 году. Но и затем его рост фактически не был замечен, что хорошо видно на диаграмме ВБ в особенности на фоне роста мирового ВВП на 500% (с 22 до 100 трлн долл.)²⁶³.

Темпы роста ВВП России и остальных стран мира с 1990 по 2023 год (по данным ВБ)

²⁶³ Ibid.

Надо признать, что Россия последние 30 лет находилась в полуколониальном положении ограниченного суверенитета, из которого она медленно и не всегда последовательно стала выходить только после второго прихода к президентству В.В. Путина. У такой страны не было и не могло быть нормального государственного суверенитета, что «неожиданно» осознали после военного конфликта с Грузией и откровенного шантажа Запада. «Крымская весна» стала новым, во многом вынужденным для самой правящей элиты, этапом избавления от колониальной зависимости, но только после февраля 2022 года можно говорить, что процесс возвращения суверенитета принял устойчивый и динамичный характер.

Но настоящий суверенитет Россия приобретет только тогда, когда сможет производить не 30%, а хотя бы 50% элементной базы²⁶⁴ электроники, создаст развитые национальные институты человеческого капитала (школы, университеты, общественные и пр. органбанизации), развитую перерабатывающую промышленность (которая в приборостроении и станкостроении в 90-е годы упала на 90%), национальную науку, культуру и образование.

Важнейшая часть суверенитета — контроль над финансовой системой страны, которая в России является до настоящего времени номинальной. Поэтому решение суда Санкт-Петербурга о замораживании счетов крупнейшего американского банка — важнейший шаг в этом направлении. 24 апреля 2024 года арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области по иску ВТБ постановил арестовать денежные средства на всех банковских счетах, в том числе корреспондентских, открытых на имя JP Morgan Chase Bank N.A. и еще девяти подразделений. Также суд арестовал доли в уставном капитале российского коммерческого банка «ДжП Морган Банк Интернешнл», принадлежащие JP Morgan, и запретил распоряжаться долями

²⁶⁴ Элементная база — электронные компоненты, из которых создаются электронные приборы.

в капитале российской «дочки». Суд, кроме того, наложил арест на ряд товарных знаков JP Morgan и любые ценные бумаги, принадлежащие американскому банку и другим ответчикам. В удовлетворении остальных просьб ВТБ по обеспечительным мерам суд оказал.

Сказанное означает, что России прежде всего необходимы темпы роста ВВП (в наиболее передовых отраслях экономики), значительно превышающие среднемировые, как и темпы прироста количества и качества населения — национального человеческого капитала. Нельзя сказать, что этого не понимают, более того, именно эти приоритеты были обозначены отчетливо в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной В.В. Путиным в июле 2021 года, однако механизм реализации этой стратегии остается не завершенным²⁶⁵.

Для того чтобы Россия превратилась в равноправный центр силы в мире, ей крайне необходимо решить эти две наиболее важные и системные взаимосвязанные проблемы — развития НЧК и опережающего развития социально-экономической и промышленно-технологических областей, формирования на огромной территории страны и за ее пределами своего широкого рынка, культурно-цивилизационного пространства.

Эти изменения происходят не в вакууме, а в определенном пространстве, где на государство оказывают влияние как внутренние, так и внешние факторы. Во многом Россия должна решить те же проблемы, которые стоят перед быстро развивающимися государствами. Но сложность состоит в том, что большинство новых центров силы — это «молодые» государства, сложившиеся в период после Второй мировой войны. Становление их государственных институтов происходило во время распада колониальной системы. Государство, вопреки широкому распространенному в середине XX века взгляду, не рождается как целое. Этот процесс, по мнению В. Сергеева, сложный

²⁶⁵ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная Стратегия национальной безопасности России. М. : Юстицинформ, 2023. 1499 с.

и требует особенного внимания. «Убеждение, что “правильный” конституционный порядок обеспечит выполнение условий для инвестирования, представляется сейчас, в первой половине XXI века, довольно наивным»²⁶⁶.

Иными словами, процесс опережающего социально-экономического развития должен сопровождаться мерами (такими же оперативными) в области:

- идеологии;
- государственного строительства.

И первые, и вторые требуют развития национальных институтов, точнее институтов развития национального человеческого капитала.

По этому поводу В. Сергеев справедливо замечает: «В соответствии с новейшими теориями, государство в момент его рождения наследует множество социальных институтов, существовавших ранее на данной территории. Более того, “новое” государство возникает всегда как равновесие борющихся политических сил, и его становление, в том числе и конституционное, является результатом этой борьбы. Таким образом, конституция оказывается под непрерывным воздействием прежде существовавших институтов, и представление о том, что можно произвольно «сконструировать» конституционный порядок, на деле почти никогда не оправдывается.

Конституция является равновесным исходом борьбы прежде существовавших социальных сил со всеми их частными интересами. Будучи навязанной извне, она начинает испытывать давление со стороны этих сил, что может в конце концов привести к ее разрушению. Таких примеров много. Таиланд за время, прошедшее после Второй мировой войны, поменял 18 конституций. Множество попыток пересмотра конституций предпринято в таких странах, как Египет, Турция, Ирак и другие. Поэтому

²⁶⁶ Сергеев В. Новые центры силы на мировой арене // РСМД. 26 сентября 2014 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-tsentry-sily-na-mirovoy-arene>

принципиальным вопросом в становлении государства как новой политической силы является не формальный конституционный порядок, а фактическое согласие формирующих его сил обеспечивать условия, достаточные для инвестирования средств в экономику, то есть уважение прав бизнеса, прав собственности, создание не коррумпированного госаппарата. Принципиальным вопросом в становлении государства как новой политической силы является не формальный конституционный порядок, а фактическое согласие формирующих его сил обеспечивать условия, достаточные для инвестирования средств в экономику»²⁶⁷.

В этой связи интересен опыт некоторых наиболее влиятельных и быстро растущих центров силы.

Теперь мы рассмотрим несколько примеров подъема новых центров силы в начале XXI века. Наиболее важным из них представляется Китай. Последние 15 лет XX века в Китае проводилась интенсивная экономическая реформа. Благодаря огромному населению в стране существовали условия для использования дешевой рабочей силы. Сочетая традиции и современные технологии, Китай уже в конце XX века начал демонстрировать очень высокие темпы роста — около 10–12% ВВП в год.

Авторитарная политическая система Китая способствовала доверию инвесторов, так как фактически договариваться об инвестировании приходилось только с одним агентом — правительством, которое и гарантировало сохранность инвестиций. Власти КНР прекрасно понимали, что в случае нарушения договора поток денежных средств прекратится, поэтому Китаю удавалось обеспечить исключительно высокий уровень инвестиций. Этому благоприятствовало создание специальных экономических зон вдоль морского побережья с легким доступом к местам производства. Фактически территория Китая была разделена на две части — свободные экономические зоны, где уровень жизни быстро повышался благодаря высоким зарплатам,

²⁶⁷ Там же.

и остальная часть страны с более низкими показателями. Китайское правительство использовало этот принцип разделения, провозглашая лозунг: «одни станут богатыми раньше, чем другие». Высокие темпы роста производства сохраняются в Китае до сих пор, хотя последние годы он составляет 8–9% ВВП.

Избежать скрытого политического плюрализма никому не удавалось, но когда этот плюрализм не встроен в политическую систему и не обозначен явственно, борьба часто принимает более жестокие формы и становится мало-предсказуемой.

Китайские власти ориентировались на японскую модель экономического развития. В начальный период производство было сосредоточено на низкотехнологичных товарах — игрушках и одежде, которые широко экспортировались в США и страны ЕС. По мере развития успехов в легкой промышленности Китай перешел к созданию бытовой электроники и компьютеров, а затем — к развитию автомобильной промышленности. Большинство товаров предназначалось для экспорта, что привело к концентрации значительных валютных средств в руках правительства Китая. Валютные резервы сейчас составляют около трех триллионов долларов, и они продолжают увеличиваться. Такая концентрация средств сделала США и ЕС в известном смысле зависимыми от валютной политики Китая, так как Пекин получил возможность влиять на курсы основных мировых валют. Китайский юань при этом оставался сильно недооцененным, поскольку правительство специально поддерживало его низкий курс для облегчения экспорта.

В последние годы власти КНР приняли широкую программу развития военно-морских сил в связи с интенсивной экономической экспансиией страны в Африку и Латинскую Америку. До недавнего времени Китай воздерживался от широких программ перевооружения, чтобы не вызывать опасения у своих экономических контрагентов. Но в последние годы власти КНР приняли широкую программу развития военно-морских сил в связи с интенсивной экономической экспансиией страны в Африку и Латинскую Америку. Китай также стремился воздерживаться от вме-

шательства в международные проблемы, что в известном смысле являлось продолжением исторического курса XVI–XVIII веков, когда страна проводила политику изоляции от внешнего мира. Но в середине 1980-х годов Китай принял программу технологического развития, которая предполагала обучение за государственный счет сотен тысяч студентов в лучших университетах США и Европы. Лишь незначительная их часть вернулась на родину по окончании обучения, но китайское правительство и не настаивало на этом. Бывшие студенты начали возвращаться в Китай в середине нулевых годов уже в другом статусе, имея возможность претендовать на более высокую зарплату, чем они могли получить на Западе. Такими средствами Китай к настоящему времени в основном решил проблему технологического отставания, превратившись в одну из ведущих индустриальных держав — «мировую фабрику». В скором времени Китай должен превзойти США по уровню ВВП, и хотя этот показатель на душу населения продолжает оставаться относительно низким, роль КНР в мировой экономике становится одной из определяющих.

Несколько по-иному складывался путь Индии. Эта страна достаточно поздно перешла к принципам рыночной экономики, примерно в то же время, что и Китай — в середине 80-х годов прошлого века. До этого главный упор в развитии Индии делался на индустриализацию советского образца, то есть на создание мощных промышленных комплексов, принадлежащих государству. После смены экономической политики основной акцент был сделан на создание и совершенствование информационных технологий, что в значительной степени объяснялось особенностями индийской культуры — математика в Индии достигла высокого уровня развития уже в первом тысячелетии нашей эры. Помимо этого, индийская культура всегда склонялась к развитию спекулятивных философских теорий, что тоже оказалось весьма полезным для обучения программистов и создания программного обеспечения.

Экономический рост в Индии никогда не достигал такого уровня, как в Китае. Обычные показатели составляли 5–6%

в год. Но даже такой сравнительно умеренный рост, который поддерживался на протяжении нескольких десятилетий, привел к впечатляющим объемам валового продукта. В последние годы Индия также начала широкую программу экономической экспансии в Африке, где уже в начале XX века проживало значительное количество индийских эмигрантов. К концу прошлого века Индия, как и Китай, стала ядерной державой, и начала развивать космические отрасли промышленности. В настоящий момент Индия реализует обширную программу перевооружения армии, закупая оружие как в России, так и на Западе. Учитывая огромное население страны, Индия достаточно решительно начинает принимать участие в мировой политике.

В последние годы Индия также начала широкую программу экономической экспансии в Африке, где уже в начале XX века проживало значительное количество индийских эмигрантов.

Другие примеры быстрого подъема государств — ЮАР и Бразилия. История Южно-Африканской Республики в XX веке осложнилась расовыми конфликтами. Несмотря на то что ЮАР является самой развитой страной Африки, обладающей действительно высоким уровнем технологического развития, трудности экономического роста еще очень заметны, как и следы расового конфликта. Белое население ЮАР, состоящее из бурнов (потомков нидерландских колонистов) и англоговорящих потомков британцев, на протяжении практически всего XX века проводило политику сегрегации, пытаясь не допустить черное население к управлению страной. В ЮАР имеются значительные сегменты смешанного населения, а также многочисленные потомки индийских колонистов.

До исторического решения о прекращении апартеида в 1990-х годах страна успешно развивала ядерные технологии и технологии переработки угля в жидкое топливо, что было вызвано международными санкциями в отношении правительства ЮАР из-за расовой дискриминации. После заключения соглашения, положившего конец этой политике, во главе ЮАР стал лауреат Нобелевской премии мира Нельсон Мандела, который

последовательно добивался смягчения расовых конфликтов. Несмотря на это, последствия длительного расового противостояния по-прежнему ощущаются во внутренней политике. Уровень преступности весьма высок, белое население продолжает покидать ЮАР, но в целом страна, обладающая колоссальным природным потенциалом в виде алмазов, золота, урана и угля, может обеспечить высокие темпы роста экономики в XXI веке. Об этом свидетельствует, в частности, присоединение ЮАР к группе БРИКС, которая представляет собой объединение пяти перспективных и быстрорастущих экономик, и, по оценкам международных экономических аналитиков, имеет шансы к середине XXI века производить более половины мирового ВВП.

Новым экономическим гигантом является Бразилия, которая обладает развитой современной промышленностью, производящей разнообразную продукцию — от компьютеров до самолетов, и успешно конкурирующей на мировых рынках. Достижению экономических успехов способствовал тот факт, что Бразилия была колонией Португалии, в отличие от большинства латиноамериканских стран, являвшихся колониями Испании — государства с жесткой централизованной административной структурой и отсутствием навыков самодеятельности населения. Многие современные авторы отмечают, что, в то время как испанская колонизация привела к строгому разделению креолов (потомков испанских колонистов) и местного населения (индейцы и метисы), в португальских колониях такого разделения не было, и сейчас население страны, с социологической точки зрения, представляется достаточно однородным, несмотря на существенное различие в цвете кожи. Кроме того, торговые традиции, существовавшие в Португалии, создали в Бразилии более благоприятную атмосферу для участия в международной торговле и развитии промышленности. Бразилия приняла участие в «левом повороте» последних десятилетий в Латинской Америке, и в настоящий момент эту страну возглавляет «левое» правительство, которое имеет достаточно сбалансированный подход к распределению экономического богатства.

Все четыре рассмотренных примера — это страны БРИКС, которые стремятся трансформировать систему управления международными финансами и торговли, пользуясь в первую очередь таким инструментом, как «Группа двадцати» (G20), и интенсивно наращивают взаимную координацию. Эта согласованность действий, впрочем, не означает полного отсутствия политических конфликтов между странами БРИКС, но роль этих споров в значительной степени нивелируется стремлением к перестройке мировой экономической системы общими усилиями²⁶⁸.

Существует и много других примеров «новых государств» с быстро развивающейся экономикой, которые начинают оказывать значительное влияние на мировую политику. Это в первую очередь Саудовская Аравия и монархии Персидского залива, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Мексика, Турция. Все эти страны столкнулись с определенными трудностями с началом мирового экономического кризиса в 2008 году, причем их проблемы усугубляются по мере восстановления экономического роста в развитых странах. Существенным фактором является и вовлеченность новых индустриальных стран в региональные и внутриполитические конфликты, что способно в будущем оказать значительное влияние на темпы их экономического роста и осложнить их внутриэкономическое положение. Примером такого влияния стало проявившееся в 2013 году давление на курсы национальных валют, которое привело в ряде случаев (Индия, Бразилия) к значительной девальвации. Это лишь один пример трудностей, с которыми сталкиваются экономики новых индустриальных стран.

На современной фазе экономического роста отставание фундаментальной науки может быть не так заметно, но в перспективе это неизбежно скажется на темпах развития.

²⁶⁸ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

Другой проблемой является технологический разрыв, и в особенности отставание этих стран в области фундаментальной науки. Практически ни в одной из вышеперечисленных стран уровень развития фундаментальной науки нельзя сопоставить с Европой, Северной Америкой и Японией. На современной фазе экономического роста отставание фундаментальной науки может быть не так заметно, но в перспективе это неизбежно скажется на темпах развития, и если учитывать этот факт, то прогнозы аналитиков относительно будущей доли новых индустриальных стран в мировом ВВП могут оказаться чересчур оптимистичными. Успешный процесс передачи технологии не сможет компенсировать пробелы в знаниях, которые существуют в новых индустриальных странах, тем более что «утечка мозгов» в развивающиеся страны остается довольно значительной.

Оценивая перспективы новых индустриальных стран, следует отметить недостаток координации их усилий для достижения преимуществ в мировом разделении труда и богатства. Их вовлеченность в региональные конфликты и недостаточный уровень развития системы образования являются серьезными препятствиями для изменения в их пользу баланса сил на мировой арене. Вполне возможно, что к середине столетия эти страны смогут преодолеть существующие трудности, и тогда мы увидим новую экономическую и политическую конфигурацию в мире.

Полная «легитимация» новых центров силы затянется как минимум до середины XXI века, а оптимистичные прогнозы некоторых аналитиков, обещавших, что к этому времени ВВП стран БРИКС превзойдет 50% мирового ВВП, вряд ли сбудутся.

Но уже сейчас новые центры силы начинают оказывать влияние на мировую политику. Выше говорилось о проникновении Китая в Африку, где Пекин интересуется преимущественно нефтяными ресурсами. Саудовская Аравия проводит активную политику в странах Ближнего Востока, оказывая поддержку сирийским повстанцам, борющимся против режима Башара Асада. Турция стремится обозначить свое присутствие, как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии. Страны БРИКС пытаются

изменить положение в мировой финансовой системе, действуя в основном через саммиты «двадцатки».

В различных областях мировой политики новые центры силы бросают вызов сложившемуся соотношению сил, прежде всего в области экономики. При этом они пользуются тем обстоятельством, что «старые» мировые державы оказались ослабленными в результате экономического кризиса, а также преимуществами более высоких темпов роста ВВП. США и ЕС отвечают новым индустриальным странам мерами в финансовой сфере и в области высоких технологий. В результате за последний год Бразилия, Турция, Россия, Индия столкнулись с необходимостью существенной девальвации своих валют, что объясняется оттоком западных инвестиций с развивающихся рынков, изменением торгового баланса в пользу «старых» центров силы. Дисбаланс в области высоких технологий в пользу западных стран существенно облегчает эту задачу, так как развитие научного потенциала в новых центрах силы требует длительного времени, возможно, не одного десятилетия.

Подводя итоги, можно предположить, что полная «легитимация» новых центров силы затянется как минимум до середины XXI века, а оптимистичные прогнозы некоторых аналитиков, обещавших, что к этому времени ВВП стран БРИКС превзойдет 50% мирового ВВП, вряд ли сбудутся.

Эффективное влияние на формирование нового миропорядка может оказать только эффективная внешнеполитическая стратегия субъекта МО-ВПО, которая может либо усилить возможности этого субъекта, либо существенно их ослабить, а иногда и практически свести к нулю. Напомню, что политическая воля и эффективная национальная стратегия — важнейшие факторы влияния на МО-ВПО.

С другой стороны, для национальной стратегии исключительно важно точно оценить состояние МО и ВПО, а также влияние отдельных факторов, формирующих это состояние. Собственно формирование национальной стратегии начинается с создания (оценки и прогноза) системы исходных данных

(СИД) МО-ВПО. Ошибка в оценке МО накануне Крымской войны Россией привела, как известно, во многом к ее неудачному завершению²⁶⁹. Известно, что не только разные факторы в разной степени формируют состояние международной и военно-политической обстановки, но и *в разное время и по-разному* влияют²⁷⁰ на национальные стратегии²⁷¹.

Иными словами, нет ни постоянных факторов доминирования в МО и ВПО, ни их одинакового влияния на национальные стратегии. Их следует рассматривать как переменные величины и внимательно анализировать и прогнозировать развитие. Проблема, однако, в том, чтобы вовремя определить значение и степень их влияния. Как это произошло, например, с таким «набором» военно-технических факторов, оказавших сильное влияние в ходе СВО, как БПЛА, артиллерийские системы (их дальность и точность), возможности контрбатарейной борьбы, даже наличие ремонтных бригад и современных систем разведки, связи и управления. Многие из них оказались недооцененными в военном планировании России. Поэтому важно выделить наиболее влиятельные, прежде всего те из них, которые имеют *доминирующее значение* для формирования МО-ВПО, такие как,

²⁶⁹ Я не разделяю точку зрения (особенно навязываемую Англией), в соответствии с которой Россия проиграла эту войну. На всех ТВД — от Архангельска до Камчатки — Россия выстояла против широкой коалиции. Даже в Крыму нападавшим удалось оккупировать только часть Севастополя и полуострова. Это, однако, не означает, что Россия адекватно оценила состояние МО и ВПО накануне войны и не сделала значительных политических и иных ошибок.

²⁷⁰ В некоторых исследовательских центрах насчитали десятки тысяч таких факторов, но в практической деятельности, как правило, учитывается несколько десятков (в аналитических службах — сотен) факторов.

²⁷¹ В статейном варианте этот материал был опубликован в июле 2023 года. См.: Подберезкин А.И. Взаимосвязь факторов, формирующих МО и ВПО, влияющих на национальную стратегию в 2022–2023 годы // Рейтинг персональных страниц. 17 июля 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/vzaimosvyaz-faktorov-formiruyuschih-mo-i-vpo-vliyayuschihih-natsionalnyu-strategiyu-v-2022-2023-gody>

например, процессы *глобализации и автаркии*. Они непосредственно и в сильнейшей степени влияют на все остальные факторы, формирующие МО и ВПО, — от политico-дипломатических и военно-технических до социокультурных. Так, например, в 2023 году совершенно определенно можно было сделать вывод о том, что практически любая инициатива в области усиления автаркии — внешнеполитическая, промышленная, гуманитарная и пр. — вели как минимум к укреплению государства и его позиций в мире. Не только с точки зрения роста ВВП и промышленного производства, но и с точки зрения внутриполитической и цивилизационной.

Задача как исследователя, так и тех, кто отвечает за национальную стратегию, определить *наиболее важные факторы* и степень их влияния *именно в этот конкретный период времени*. Так, начало СВО 24 февраля 2022 года было во многом для России вынужденным. Оно предназначалось, как признавалось позже, для того чтобы опередить наступление ВСУ на Донецкую и Луганскую республики, не дать ВСУ возможности в короткие сроки разгромить ВС ЛДНР²⁷², но политически и информационно это решение не было обеспечено заранее. Еще длительное время, как в России, так и за рубежом приходилось объяснять это решение и его неизбежность²⁷³. Надо признать, что идеологический и культурный факторы задействованы не были: за 2000–2022 годы на Украине была проведена огромная работа для того, чтобы переформатировать сознание граждан (выпущены и растиражированы десятки фильмов, спектаклей, сотни книг, сайтов и пр. русофобской и антироссийской продукции), но в России в эти же годы усиленно делали вид, что ничего не происходит. Не говоря уже о том, что в ходе СВО не смогли ограничить выпуск теле- и радио продукции.

²⁷² В ВСУ считали, что они это смогут сделать за 2–3 дня и выйти к границам России.

²⁷³ Надо признать, что до конца этого не произошло даже в России.

Чаще всего оказывается, что на национальную стратегию неожиданно влияют новые факторы, которые, как правило, не учитывались в стратегическом планировании (СП) прежде, — совсем, либо достаточно. Для национальной стратегии России в целом такие недооцененные факторы МО были в 2022–2023 гг.: финансовая блокада, аресты зарубежных активов, трансакций, запрет на импорт научноемкой продукции и прочее. Для военной стратегии страны — более частные, но тем не менее очень важные. Так, например, в развитии ВПО на Украине и в российской военной стратегии такими новыми факторами оказались отставание в развитии и производстве БПЛА, и особенно средств артиллерийской разведки и контрбатарейной борьбы (КББ)²⁷⁴, ограниченности производства ВТО и боеприпасов крупных калибров и др. До СВО на Украине реального опыта взаимодействия (не полигонного) у ВС России не было. Только немного в Сирии, где этот опыт был очень ограничен. Война на Украине во многом предопределялась успехами в действиях крупнокалиберной и дальнобойной артиллерии, выпускавшей в некоторые дни до 10 тысяч снарядов.

Именно отсутствие опыта взаимодействия разведывательных средств и средств поражения, отставание по некоторым направлениям, привело к потерям в СВО, которые на 90% зависели от действий артиллерии²⁷⁵. Анализ истории развития КББ за период XX и особенно начала XXI столетия показывает, что прямое артиллерийское противоборство приняло характер достаточно редкого явления на полях сражений. Мир войны от

²⁷⁴ Об этом в июле 2023 года откровенно публично заявил бывший командующий 58 армией И.И. Попов.

²⁷⁵ В мирное время развитие теории КББ не стояло на месте. В боевых уставах, в курсах подготовки артиллерии и в правилах стрельбы и управления огнем артиллерии в комплекте с пособием (ПСиУОА 1990, 1993, 1996, 2001, 2011 годов) этому виду боя было уделено достаточно внимания. См.: Поступов М. Контрбатарейная борьба в условиях СВО. Информационное агентство Ньюсфронт. 09.11.2022 г. URL: <https://news-front.info/2022/11/09/kontrbatarejnaja-borba-v-uslovijah-svo/>

масштабных боевых действий и сплошной линии фронта от моря до моря сузился до ТВД локальных конфликтов: арабо-израильские войны, Вьетнам, Фолклендские острова, Афганистан, Ирак, Сербия, Грузия, Сирия. Одна сторона всегда имела перевес над другой за счет мощности огня и средств разведки. «*Наличие более сильной, оснащенной и развитой системы получения данных вместе с огневой составляющей приводило к тому, что другой, более слабый, противник бескомпромиссно уничтожался*», — писал в декабре 2022 года военный эксперт М. Поспелов. Хотя были редкие примеры, когда стрельба во Вьетнаме советской 130-мм пушки М46 осколочно-фугасными снарядами на дальность 27 км «портила нервы американцам» (как, кстати, и в СВО) с их орудиями калибра 155 мм.

Исторически, когда анализировалось состояние МО, давно существует несколько подходов, где, например, доминирующее значение придается финансово-экономическим факторам, либо военным («большие батальоны»), либо религиозным. Можно еще отметить, что в *разные* исторические периоды разные факторы имеют самое *разное* значение для формирования и прогноза развития МО-ВПО. Поэтому важно попытаться оценить значение этих внешних факторов, в частности, роли союзников и партнеров.

2.3. ДВА БАЗОВЫХ ПРИНЦИПА В ПОЛИТИКЕ США И БУДУЩЕЕ МИРОПОРЯДКА

Учреждения хорошие, но лишенные военной поддержки, приходят в расстройство совершенно так же, как покой роскошного царского дворца²⁷⁶.

Никколо Макиавелли

Во все времена в США поддержание военной безопасности страны считалось естественной частью внешней политики, говоря словами Никколо Макиавелли, обеспечивалось «военной поддержкой». Такая роль — традиционна и никогда не ставилась под сомнение (в отличие от фантазий М. Горбачева). И это надо иметь в виду, прогнозируя влияние внешней политики США на будущий миропорядок и систему безопасности в мире и Евразии. Абсолютна истина, сформулированная еще А.А. Свечиным: «Первой обязанностью политического искусства по отношению к стратегии является выдвижение политической цели войны»²⁷⁷.

Другими словами, военный фактор всегда будет доминировать в политике и стратегии Вашингтона, это постоянный и усиливающийся фактор влияния во внешней политике США, независимо от того, какая администрация находится у власти²⁷⁸.

²⁷⁶ Макиавелли Никколо. О военном искусстве. М. : Колибри, 2023. С. 6.

²⁷⁷ Свечин А.А. Стратегия. М. : Кучково поле, 2003. С. 98.

²⁷⁸ В 80-е годы ряд советников М. Горбачева сознательно не только «заморочили голову» этому слабому политику, но и многим другим в СССР и за его пределами, усиленно продвигая идею того, что «в США пересмотрели отношение к военной силе». Отголоски этого явления благодаря еще существующим политологам и журналистам остаются в современной России, нередко искажая реальность оценки политики США в мире.

Периодически случающиеся в США «отказы» от политики си-лового давления никогда не означали отказов от политики «си-лового принуждения», где роль собственно военной силы предполагалась на каком-то этапе менее эффективной.

Этот аспект следует учитывать всегда потому, что стратегический прогноз развития ЛЧЦ и центров силы, как известно, находится под влиянием многих факторов, но среди них в настоящее время самое важное место занимает внешняя политика США — сильнейшего на сегодня центра силы и лидера западной ЛЧЦ, от которого во многом зависит будущее миропорядка. Новая администрация США во главе с Д. Трампом продемонстрировала уже в самые первые месяцы силу этого влияния на все центры силы — от Европы и исламской ЛЧЦ до КНР и России. Этот фактор, безусловно, будет и далее влиять на формирование нового миропорядка, поэтому важно попытаться спрогнозировать основной вектор такого влияния²⁷⁹.

Другое важное замечание: авторская гипотеза²⁸⁰ предполагает, что особенности развития современного мироустройства, прежде всего особенности развития современного сценария международной обстановки²⁸¹, охватывают очень широкий круг проблем, не все из которых с полным основанием можно отнести к области *военно-силовых, а тем более чисто военных*,

²⁷⁹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки : монография. М. : Международные отношения, 2019. 462 с.

²⁸⁰ Авторская гипотеза работы — зд.: авторская гипотеза, являясь основной идеей работы, представляет собой авторское видение способа достижения цели, поставленной в работе. В настоящей работе она заключается в необходимости точного анализа и прогноза развития наиболее вероятного сценария ВПО как важнейшего условия разработки эффективной Стратегии национальной безопасности и развития России, основанной на приоритетах развития национального человеческого капитала.

²⁸¹ Современный сценарий развития МО — зд.: характерные особенности развития МО — состояние субъектов и основных акторов, тенденций и других факторов, а также отношения между ними.

*ношений между субъектами и акторами*²⁸² МО, что и является, собственно говоря, важным объектом настоящего исследования. Политика силы США предполагает «силовое принуждение» с помощью очень широкого набора силовых инструментов — от политico-дипломатических и информационных до финансовых, экономических и торговых. Взятые вместе, они не противопоставляются друг другу (как иногда ошибочно считают), а дополняют друг друга очень эффективно. Лучше всего эту мысль сформулировали эксперты для Д. Трампа в первый президентский срок, когда говорилось об обязательном сочетании в силовой политике одновременно трех принципов — нанесения вреда противнику, получения одновременно пользы для себя и избегания неконтролируемой военной эскалации.

Другими словами, анализируя постоянно военно-силовые факторы в политике США, необходимо иметь в виду, что существуют и другие, а именно невоенно-силовые («просто» силовые) факторы и тенденции, влияющие на формирование МО и ВПО, которые, как правило, пока не учитываются в полной мере в специальных работах, посвященных анализу ВПО в мире.

Огромное значение для состояния, структуры и процесса формирования МО имеют в настоящее время, например, демографические тенденции или процессы, связанные с развитием на базе локальных человеческих цивилизаций²⁸³, как глобалистских, так и антиглобалистских — национальных, мировых и региональных — форм сотрудничества, которые по своей сути

²⁸² Акторы МО — зд.: и далее в работе имеются ввиду негосударственные участники формирования МО и ВПО, которые в полной мере — политически и юридически — не могут считаться субъектами МО и ВПО, но практически оказывают на их формирование сильное, а иногда и решающее влияние. Их влияние и возможности носят самый широкий спектр оценок — от виртуально-идеологических до подкрепленных так или иначе международным признанием.

²⁸³ Цивилизационные факторы влияния на формирование МО и ВПО — зд.: субъекты, акторы, а также объективные и субъективные средства и меры, влияющие на формирование МО и ВПО с учетом интересов и ценностей ЛЧЦ.

противодействуют глобальной тенденции формирования военно-политических коалиций²⁸⁴.

Эти тенденции оказывают огромное влияние на формирование как современного мироустройства, так и будущего миропорядка. Они в последнее время проявляются в самых разных формах и в разных странах²⁸⁵. Например, в идеологии. Прежде всего национальной (важность которой до сих пор отрицается частью правящей элиты России). Так, например, отношения в «треугольнике» США — Индия — Китай, как оказывается, трудно правильно оценить только исходя из имеющихся межгосударственных противоречий этих стран. В январе 2021 года, например, США сознательно рассекретили стратегию противостояния Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе, которая основывается на «противодействии» антилиберализму со стороны КНР, ожидаемому от нынешнего руководства Китая²⁸⁶. Стратегия США призвана не позволить Китаю создать «антилиберальные сферы влияния». В этих целях предполагается содействовать ускорению темпов экономического роста Индии, а также оказание помощи по дипломатическим, военным и разведывательным каналам, чтобы Нью-Дели мог справиться с трудностями в регионе, включая территориальный спор с Китаем.

Другой пример — изменение отношений России с Евросоюзом после переворота на Украине 2014 года²⁸⁷. С.В. Лавров сформулировал позицию России следующим образом: «Россия

²⁸⁴ Очень показательно то, что в 2020–2021 годах именно на межцивилизационном уровне проявились конфликты в Нагорном Карабахе, Иерусалиме и в секторе Газа, между КНР и США.

²⁸⁵ Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблишер, 2021. 471 с.

²⁸⁶ США рассекретили стратегию противостояния Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе // Федеральное агентство новостей. Вашингтон. 13 января 2021 г.

²⁸⁷ Лавров заявил о разрушении Евросоюзом всех механизмов сотрудничества. URL: https://www.rbc.ru/politics/15/02/2021/602a5a239a7947b53364901f?utm_referrer=URL: <https://zen.yandex.com>

не уйдет из Европы, но отношения развивать будет не с Брюсселем, а с отдельными странами Евросоюза, так как все механизмы сотрудничества с ЕС разрушены». «Все это разрушено, и не нами», — резюмировал Лавров. Сохранились только спорадические контакты, среди которых обсуждение международных вопросов, например, ситуации в Сирии или вокруг иранской ядерной программы, или поставок российских углеводородов. В этих условиях Москва обязана быть готовой к любому развитию отношений, а выбор вектора развития за Европейским союзом²⁸⁸, — предупредил в 2021 году С.В. Лавров, ясно прогнозируя на будущее развитие отношений с ЕС.

С.В. Лавров, можно сказать, «подвел черту», но он не сказал о том, как эти отношения между Россией и Европой дальше будут строиться. Например, между отсутствующими и игнорируемыми Западом отношениями интеграционных евразийских институтов и ЕС и другими структурами Запада в Европе. Если, как и прежде, — никак, то нужно ли нам сохранять какие-то отношения с европейскими институтами вообще? Это необходимо решить, в частности, потому, что если Запад абсолютно игнорирует интеграционные процессы в России, например, сотрудничество с ОДКБ и ЕврАзЭс, то России не стоит сохранять такое сотрудничество и даже какие-то отношения вообще с европейскими институтами²⁸⁹.

Очевидно, что в 2025 году наступает период концептуальных построений для нового миропорядка, когда в целом пространственные глобальные концепции становятся обязательным атрибутом внешнеполитического и военного планирования в мире²⁹⁰. Именно поэтому важен прогноз будущего сценария развития МО и ВПО и политики США, который ляжет в основу прогноза

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия.

²⁹⁰ См., например: Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times. 29.04.2021.

не только МО-ВПО, но и системы исходных данных планирования внешней и военной политики России. И, конечно же, будущих внешнеполитических стратегий ведущих государств.

Надо признать, что в США это планирование давно стало практикой. «Неожиданные» шаги Д. Трампа в январе 2025 года в отношении Гренландии и Канады на самом деле такими не были. Еще в начале января 2021 года Военно-морское министерство США специально обнародовало стратегический план «Голубая Арктика», в рамках которого Вашингтон планировал «бороться» за беспрепятственный доступ к Северному морскому пути и право добычи природных ресурсов на шельфе Северного Ледовитого океана.

Роль военной силы США в процессах развития существующего сценария миропорядка и МО существенно шире спектра процессов развития только ВПО, а тем более частных процессов формирования глобальных и региональных СО, не говоря уже об особенностях конкретных войн и военных конфликтов²⁹¹. Она требует широкого подхода с точки зрения геополитики, без чего трудно понять «неожиданные» шаги Д. Трампа.

Более того, даже сама попытка составить их перечень и выстроить этот перечень процессов в приоритетном порядке вызывает многочисленные дискуссии. Этой теме уделяется в мире усиленное специальное внимание, которое в нашем случае в России носит очень ограниченный характер²⁹². Очевидно, что

²⁹¹ Для таких явлений в области СО характеры совершенно новые особенности, связанные с феноменом singularity (англ.) — зд.: понятие, означающее уникальное в своем роде событие с крайне особыми последствиями. Это понятие используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю. Характерно для процесса развития СО, войн и военных конфликтов.

²⁹² Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2021. С. 478.

необходимо расширить спектр дискуссии и проблем военной политики, обсуждаемых экспертами. С точки зрения активизации силовой политики России, например, исключительно важно, на мой взгляд, иметь в виду, что как глобализация во всех сферах, так и антиглобальные процессы автаркии оказывают усиливающееся влияние на формирование миропорядка и развитие современного сценария МО. В том числе и в ряде случаев (Венгрия, Словакия, Румыния, Германия, Франция и др.) на национальном уровне, что не всегда привлекает внимание политиков и ученых. Так, например, автаркия, набирающая силу в России, может привести к формированию активного силового центра в мире, который может резко изменить даже быстро развивающийся ход формирования нового миропорядка.

Иными словами, развитие МО в наиболее опасном направлении может стать результатом в том числе и сознательных военно-технических усилий отдельных государств-лидеров. Что доказывается регулярно военной и внешней политикой США.

Можно сказать, что в американской внешней политике есть два, именно два, неоспоримых принципа, которых придерживаются все администрации: принцип формирования широкой проамериканской военно-политической коалиции в мире и принцип сохранения военно-технологического превосходства США²⁹³.

Первый принцип получил новое «обеспечение» в связи с развалом ОВД, СССР и Социалистического содружества. В дальнейшем он успешно развивался в политике США. Так, в 2022–2023 годах против России выступили не только 31 государство — член НАТО, но и более 30 других союзников и партнеров США. Эта широкая антироссийская коалиция позволила сформировать совершенно определенное превосходство индустриальных держав над Россией, которой предстояло попытаться

²⁹³ Этот принцип не всегда удается выдерживать. В частности, когда СССР догнал (и даже на время обогнал) США в области развития СНВ и ПРО в 1990-е гг.

противостоять этой коалиции при сотрудничестве с другими государствами очень широкого спектра — от «слабого» члена НАТО — Турции до потенциального противника Запада — Китая и колеблющихся между полюсами силы Индии и рядом других стран.

Второй принцип — важнейший постулат американской внешней и военной политики, в том числе и для любых переговоров по ограничению вооружений и военной деятельности. Так, например, стремление США обеспечить себе технологическое превосходство, которое в качестве приоритета заявлялось не раз всеми администрациями, обеспечивает и военно-технологическое превосходство США, прежде всего в качестве ВВСТ. Этот приоритет — главный политический приоритет, а не просто одна из целей всех администраций. Более того, — идеология правящей американской элиты, которая ни в коем случае и никем не оспаривается, никогда не ставился под сомнение²⁹⁴.

Эти американские принципы оказывают мощное влияние на формирование нового мирового порядка и мироустройства. Новое мироустройство и вытекающий из него миропорядок во многом станут результатом развития сценария МО и ВПО, доминирующего в настоящее время, следствием множества других внутренних и внешних процессов, в частности, военно-силовой политики США. Оно не появится «из ниоткуда», но, как и «прежние мироустройства», станет следствием развития огромного числа известных и новых факторов и тенденций. Во многом оно станет следствием новых отношений и развития взаимосвязей между новыми центрами силы, акторами

²⁹⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Доктрина «технологического превосходства» США как политическая идеология // Рейтинг персональных страниц. 17 июля 2023 г.; Поспелов М. Контрабатарейная борьба в условиях СВО // Информационное агентство Ньюсфронт. 09.11.2022. URL: <https://news-front.info/2022/11/09/kontrbatarejnaja-borba-v-uslovijah-svo/>

и факторами, которые «оформят» эти процессы в новую систему отношений, радикально изменят состояние существующих МО и ВПО. Иными словами, новые факторы сделают развитие МО и ВПО по новым сценариям неизбежным. Поэтому прогнозировать эти сценарии на слишком далекую перспективу вряд ли возможно. С точки зрения реальной политики, наверное, можно говорить о горизонтах планирования применительно к будущим сценариям МО и ВПО не более чем на 15-20 лет.

Если допустить, что внешняя политика перейдет от стратегии сдерживания к стратегии активного и гибкого наступления (например, не только в Арктике и Африке, но и в европейских странах), используя для этого активные акторы, прежде всего движения и НКО, то ситуация на европейском ТВД может принять неожиданно очень динамичную форму. Как показали многочисленные антиправительственные выступления в 2023 году, эти протесты могут быстро приобрести радикальную и мощную форму.

С точки зрения влияния процессов, происходящих в формировании современной СО²⁹⁵, войнах и военных конфликтах, программах ВВСТ и совершенствования способов их использования, то есть военного искусства, сказанное означает, что развитие МО и ВПО, то есть именно военно-политические отношения и установки, остаются *тем доминирующим фактором, тем «социальным заказом», который выступает главным мотивом и стимулом военно-технической политики отдельных государств и коалиций*, то есть международная политика (точнее —

²⁹⁵ Стратегическая обстановка (СО) — зд.: конкретный вид военно-политической обстановки (ВПО) в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

политика лидера западной коалиции, США), как и прежде, оказывает решающее влияние на формирование мировых и региональных ВПО.

Быстрое развитие МО и ВПО может быть обеспечено военно-техническими результатами, которые уже стали реальностью в военной политике государств. Так, наиболее вероятный вариант современного сценария ВПО — «Эскалации военных конфликтов на отдельных ТВД» — предполагает соответствующее военно-техническое обеспечение, которое позволяет вести многодоменные операции. «Комплексы наземной, воздушной и космической разведки США и их союзников в режиме реального времени предоставляют сведения нашему противнику. Все они сведены в единую не просто автоматизированную систему управления оружием, а в сетевую систему анализа событий и принятия решений с элементами искусственного интеллекта. Противник обкатывает элементы новой концепции Multidomain battle как умения одновременного ведения войны в различных сопряженных доменах: суши, моря, воздуха, космоса, киберпространство. Это “информационно-огневое управление боевыми кластерами в пространственной среде многодоменного типа”. Непрерывное наблюдение и разведка, постоянная боевая готовность, взаимодействие, перестроение и перегруппировка, препятствование действиям противника, мгновенная реакция на угрозу, определение приоритета и упреждающий огневой удар. Непрерывное применение цикла НОРД в масштабе всех войск»²⁹⁶.

Иными словами, развитие МО в наиболее опасном направлении может стать результатом в том числе и сознательных военно-технических усилий отдельных государств-лидеров. Это было в истории не раз, в том числе в XX веке, когда в итоге были вынуждены признать бессмысленность применения ЯО

²⁹⁶ Пospelov M. Контрбатарейная борьба в условиях СВО // Информационное агентство Ньюсфронт. 09.11.2022 г. URL: <https://news-front.info/2022/11/09/kontrbatarejnaja-borba-v-uslovijah-svo/>

и опасность самоуничтожения. Парадокс, однако, заключается в том, что в новом веке мы фактически вернулись к периоду 50–70-х годов прошлого века, когда военное планирование и стратегии исходили из неизбежности применения ЯО. Именно так стоит рассматривать дискуссию, которая началась в ходе СВО в России и США в 2023 году.

2.4. ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ: УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, НАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА, АВТАРКИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Новым для сухопутных войск, в сравнении с минувшей войной, явилось то, что они в своих действиях должны были использовать в полной мере результаты массированных ядерных ударов²⁹⁷.

Эволюция идей идет такими темпами, что, проработав десятки лет над углублением труда, можно больше отстать, чем нагнать ход развития²⁹⁸.

А. Свечин

*Авторы учебника
для офицеров ВС СССР, 1970 г.*

А.А. Свечин был абсолютно прав в 30-е годы прошлого века, когда описывал эволюцию стратегической мысли. В настоящий период можно признать, что осознание политических реалий, тем более глубоко продуманное, заведомо отстает от происходящих перемен, следующих ежедневно. Тем не менее без такого осознания и прогноза мы лишаемся инструментов познания стратегических перемен, что хуже — превращаемся в простых, ведомых порой случайными в политике людьми.

Стремительное развитие государств, ЛЧЦ и новых центров силы, наравне с новыми факторами формирования МО-ВПО, во второй половине XX века привело к усилению процесса трансформации мироустройства и миропорядка, который до настоящего времени не приобрел окончательной формы. Этот процесс прямо отражается на корректировке (как правило,

²⁹⁷ История войн и военного искусства : учебник для офицеров ВС СССР / под ред. Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна. М. : Воениздат, 1970. С. 498.

²⁹⁸ Свечин А.А. Стратегия. М. : Кучково поле, 2003. С. 39.

стихийной) структуры МО и ВПО, которая приобретает порой радикальные формы. Ясно, что развитие человечества и отношений между субъектами и другими факторами формирования МО-ВПО перешло на новый этап, однако еще до конца не ясно в каком направлении происходит эта революция²⁹⁹.

Это обстоятельство выступает главной проблемой для формирования системы исходных данных в интересах стратегического планирования государств, прежде всего в Евразии³⁰⁰. Так, например, иллюстрацией этого процесса может послужить заявление бывшего помощника президента США по Евразии Т. Грэма, который в марте 2025 года сказал следующее: «Граница между Россией и НАТО будет проведена от Баренцева моря, через Балтийское море до Черного». Он также отметил, что интерес к дальнейшему расширению НАТО снизится не только в результате урегулирования украинского конфликта, но и в результате более широкой дискуссии о европейском единстве³⁰¹. Иными словами, раздел между западной и российской ЛЧЦ, как считают на Западе, *произойдет по границе России и Белоруссии в Европе*, что, естественно, уже отражается в настоящее время на состоянии и структуре МО и ВПО, в частности, противодействии новым членам НАТО — Финляндии и Швеции, а также в ходе переговоров России, США и Украины. Оценка

²⁹⁹ Многочисленные прогнозы пока что говорят только о том, что будущие 20–30 лет будут крайне нестабильными. См., например: Подберезкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации : сборник материалов круглого стола (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского ; ВАГШ ВС РФ. М. : Издательский дом «УМЦ», 2022. С. 365–376. 544 с.

³⁰⁰ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

³⁰¹ Томас Грэм — РБК: «Стало ясно, какая граница может быть между Россией и НАТО» // РБК. 15 марта 2025 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2025/67d51e469a7947804346048b>

этих процессов и стратегический прогноз развития МО и ВПО в таких условиях приобретает принципиальное политическое и военно-техническое значение.

Как видно из цитаты в заголовке, массовое оснащение ВС СССР ЯО в 50–70-е годы XX века не повлияло в принципе на изменения в МО и ВПО в мире, которые продолжали оставаться областью военно-силового противоборства между двумя военно-политическими коалициями во главе с СССР и США³⁰² в эти годы. Как, кстати, и политика ограничения и сокращения ВВСТ и Вооруженных сил СССР/России в 1980–1990-е годы. Это означает, что существующая до настоящего времени (даже по-прежнему доминирующая в некоторых кругах России) точка зрения, многократно пропагандировавшаяся в СССР/России и в мире относительно положительного влияния сокращения вооружений на состояние МО-ВПО, — как минимум преувеличение, а в действительности — *политическая ошибка*, которую необходимо признать и не планировать ее повторения в будущем³⁰³. Тем более когда нет гарантий от неожиданного возникновения военных действий, которые (как показывает история), как правило, всегда неожиданные, а подготовка к ним — недостаточна.

Эту принципиальную ошибку приходится исправлять иногда в чрезвычайных условиях ведения масштабных военных действий, когда запасы ВВСТ истощаются уже на самом начальном

³⁰² Основные тезисы этого материала были изложены на научной конференции под эгидой ВАГШ в августе 2023 года в ходе «Армия-2023» в докладе «Обострение военно-политической обстановки в условиях современного военно-силового противоборства».

³⁰³ До настоящего времени этого не произошло. Все объяснения сводятся к отказу США от договоренностей, а не признанию того простого факта, что эти договоренности нужны были как временные средства. Во многом это объясняется тем, что в противном случае рушится миф о «миролюбивой политике СССР/России» и ее лидеров, прежде всего М. Горбачева и Б. Ельцина, на котором паразитировали тысячи журналистов, дипломатов и ученых.

этапе. Как это было на первом этапе СВО в ВС РФ и ВСУ, когда предпринимались чрезвычайные меры. Так, по признанию первого заместителя председателя правительства Д. Мантурова, в 2024 году объем производства боевой авиации и бронетанковой техники был увеличен в 2,5 раза, легкобронированной техники — в 4 раза, а некоторых образцов артиллерии в 15 раз³⁰⁴.

Причем неизбежно и оперативно параллельно идет модернизация систем в реальном режиме времени и в чрезвычайных условиях, когда, например, легендарный комплекс ПВО «Бук» пережил уже 4 таких модернизации, каждая из которых существенно увеличила его боевую эффективность. Усиливаются темпы и масштабы НИОКР (в частности, у Д. Трампа), происходит резкий рост агрессивности внешней политики, что особенно заметно на примере стран — членов НАТО в последние годы.

До сих пор справедливо считается, что сокращение вооружений было в личную пользу отдельных политиков, которые вели переговоры о сокращении ВВСТ. Оно вело к определенному улучшению состояния МО и ВПО, хотя, как правило, это краткосрочное улучшение потом стоило дорого СССР и России с военной точки зрения. Кроме того, «идеальное» состояние МО далеко не всегда вело к аналогичному состоянию ВПО: все основные военные конфликты в мире в конце XX века начались в «идеальных условиях» МО: Югославия, Афганистан, Ливия, Ирак, Сирия, Йемен, Ближний Восток, наконец, Украина и Закавказье, и т.д.

Такое сокращение ВВСТ в результате переговоров, а тем более односторонних действий (как у М. Гобачева) неизбежно негативно сказывалось на развитии научных школ, НИОКР и состоянии ОПК, которые, например, в 90-е гг. в России были сокращены на 80%. В новых и относительно мирных временных условиях в России пришлось наспех и срочно воссоздавать целые отрасли и подотрасли ОПК, которые были фактически

³⁰⁴ В 2024 году российский ОПК существенно увеличил объемы производства вооружений // Национальная оборона. 2025. № 1 (226). С. 5.

ликвидированы. Для этого некоторым ведущим политикам пришлось решиться пересмотреть предыдущие оценки состояния и перспектив развития как МО, так и ВПО, что было крайне не просто. Так, именно в начале нулевых были заложены основы вертикально интегрированных будущих ведущих корпораций — «Тактическое ракетное вооружение» (КТРВ) и Концерна ВКО «Алмаз-Антей», которые в настоящее время обеспечивают лидерство России в военно-технической области.

Иными словами, адекватный анализ и прогноз состояния структуры МО и ВПО — обязательное условие последующей внешней и военной политики, которое, к сожалению, далеко не всегда выполняется. В том числе в СССР и в России, где в реальности (если не считать закрытые НИР ГРУ и Внешней разведки) этим всерьез не занимались. В качестве рабочей и очень условной модели я предлагал следующую структуру МО-ВПО, которая за последние годы широко не обсуждалась, а альтернативные модели мне не известны. Поэтому, с точки зрения изменения структуры МО и ВПО, я буду использовать эту заведомо упрощенную модель, описанную подробно в нескольких работах, в том числе в последней³⁰⁵.

Сразу же нужно оговориться, что в данной работе можно сделать только некоторые, самые общие замечания и предложения относительно изменений в структуре МО-ВПО. Если говорить сначала о состоянии и структуре МО, то можно признать следующее.

1. Относительное падение значения роли стран — субъектов МО, отношения между которыми определяли будущее мироустройство. Так, например, в анализе структуры МО-ВПО офицерами Генерального штаба Российской империи накануне Первой мировой войны рассматривались только государства (и то не более 15). Не только другие акторы, но и базовые тен-

³⁰⁵ См., например: Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М.: Международные отношения, 2024. 1670 с.

денции того времени не рассматривались в качестве реальных факторов, влияющих на формирование МО. При этом существенно усиливается влияние неформальных или полуформальных цивилизационных субъектов и институтов, например локальных человеческих цивилизаций или негосударственных акторов (политических и общественных организаций, террористических объединений и пр.).

2. Резко усиливается влияние двух ведущих мировых тенденций — автаркии и глобализации, на основе которых происходит ориентация отдельных субъектов и акторов, в том числе военно-политическая. Это видно на примере не только США, но и Словакии, Венгрии, Австрии и даже Германии и Франции. Возрастает значение глобальных идей и институтов в национальной политике государств, которые опираются на национальные интересы и ценности, становятся основой для внешней и внутренней политики. Такое было и прежде периодически³⁰⁶, но именно в начале нового века национальные идеи и институты становятся реальными политическими факторами повсеместно, практически во всех государствах (хотя и в разной степени).

3. Исключительно важное значение стал приобретать национальный человеческий капитал и его институты, от которых в решающей степени зависело место государств в мире и их реальные возможности влияния. Не только уровень ВВП, технологического развития, но и военная мощь государств в решающей степени стали зависеть от количества и качества НЧК. Яркий пример — Израиль, который в 2023–2025 годы успешно вел силовое противоборство с коалицией арабских государств и акторов, которая многократно превышала его военный и экономический потенциал.

³⁰⁶ Например, как отмечают российские историки, «Идея превращения России из отсталой аграрной страны в передовую индустриальную державу была одной из наиболее сильных сторон большевистской доктрины» (которая не был результатом продуманной стратегии). См.: История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Баханов, Л.Е. Морозова [и др.] ; под ред. А.Н. Сахарова. М. : ACT, 2024. С. 1424.

СВО также показала, что люди, их мотивация, профессионализм, знания и умения стали главными факторами войны, которые не могут заменить никакие технологии.

4. Вся политическая и экономическая деятельность правящих элит в мире стала ориентироваться на опережающее развитие НЧК и его институтов, в первую очередь идей и организаций, эффективность которых в решающей степени стали определять экономическую, технологическую и военную мощь государств и других акторов. Феномен И. Маска — феномен конкретного представителя одного из талантливых представителей человеческого капитала, когда единственная личность может оказывать решающее влияние, например, на эффективность боевого управления на ТВД. Это означает, что в конечном счете победит то государство, которое сможет обеспечить опережающее развитие таким личностям.

5. В самом общем виде сохраняющееся доминирование политического начала при формировании того или иного сценария развития МО можно изобразить на следующем рисунке ниже³⁰⁷, где, в частности, видно, что формирование МО зависит от состояния, тенденций и перспектив развития четырех основных групп факторов, а также отношений между ними. Собственно ВПО и является отражением и продолжением в той или иной степени отношений между этими группами факторов. Само сочетание разновекторных и разноплановых тенденций возможно только в политике, когда реальный интерес выступает своего рода общим знаменателем ведущих интересов и тенденций, а те или иные тенденции отражают иерархию этих интересов.

Эта формализация, естественно, носит достаточно условный характер. На самом деле таких групп и тенденций может быть любое количество — все зависит от подхода того или ино-

³⁰⁷ Эту схему я не раз использовал в своих работах, начиная с 2018 года, где она доказала свою полезность. См., например: Подбerezkin A.I. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки : монография. М. : Международные отношения, 2019. 462 с.

го автора. И данная тема не является предметом исследования, в том числе и потому, что она подробнее рассматривалась в других работах. В данном материале она приводится для того, чтобы акцентировать внимание на политическом приоритете. Иначе говоря, миропорядок — это *состояние субъектов, акторов и отношений* между субъектами, акторами и текущими тенденциями в МО, которые предопределяют основной сценарий развития МО и, как его следствие и логичное продолжение, развитие ВПО³⁰⁸.

Естественно, что влияние тех или иных факторов, субъектов и тенденций, образующих МО, и их оценка — достаточно субъективны. Так, например, влияние военно-технологической революции и роль ВВСТ и ВС на МО и ВПО в разное время были разные. На мой взгляд, с началом переломного этапа в формировании нового миропорядка это влияние стремительно усиливалось и стало решающим. Одно из конкретных проявлений — искусственный интеллект (ИИ), который применяется практически во всех областях военного дела — от управления БПЛА до глобальной логистики и управления. Так, в 2024 году МО США впервые применило ИИ для определения 85 целей американских ударов по объектам в Ираке и Сирии³⁰⁹.

Формирование миропорядка также непосредственно отражается на стратегиях государств, в том числе военных, которые достаточно гибко реагируют на изменение внешних условий. Так, например, эксперты РЭНД в 2021 году предложили серию рекомендаций для использования Сухопутных сил США, смысл которых сводится к расширению политического спектра применения этого вида, улучшению координации с другими институтами государственной политики США³¹⁰.

³⁰⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современное милюстроство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

³⁰⁹ Денисенцев С. Искусственный интеллект и национальная безопасность: стратегия США // Экспорт вооружений. 2024. № 6. С. 2.

³¹⁰ Stephen Watts, Bryan Rooney, Gene Germanovich, Bruce Mcclintock, Stephanie Pezard, Clint Reach, Melissa Shostak. Deterrence and

Escalation in Competition with Russia. The Role of Ground Forces in Preventing Hostile Measures Below Armed Conflict in Europe / RAND CORPORATION 978-1-9774-0778-8 / Research Report. Jan., 2022.

6. Прикладное значение и применение таких структурных изменений в МО-ВПО чрезвычайно велико, но далеко не всегда признается и даже осознается в полной мере в политической элите государств. Так, в политико-дипломатической области для США и их союзников все сокращения ВВСТ и военной деятельности (в отличие от восприятия М.С. Горбачева) были всего лишь *средством ограничения растущей военной мощи и борьбы с СССР*, которое потеряло смысл после того как в США посчитали, что структура МО и ВПО стала им полностью подконтрольна. Обвал всех договоренностей — от договоров по ПРО и СНВ до ДОВСЕ — слом институтов безопасности стал возможным и необходимым тогда, когда в США посчитали, что наступил период срочного создания нового проамериканского миропорядка³¹¹.

Огромное значение в смене подобной политики всегда играли новейшие военно-технические и технологические достижения в развитии НЧК, прежде всего в некоторых важнейших областях, которые и являлись главными военно-техническими факторами формирования новой системы МО и ВПО. Это была артиллерия в Первую мировую войну, танки и авиация — во Вторую мировую войну, тактическое и стратегическое ЯО — в холодную войну, ВТО и новые системы боевого управления — в настоящий период³¹². Как пример — война США и западной коалиции против Ирака в марте–апреле 2003 года.

Так, рассмотрим в качестве конкретного примера роли НЧК (в частности, информационно-когнитивного потенциала) войну в Ираке западной коалиции. В 2003 году США со своими союзниками решили провести операцию по свержению режима

³¹¹ Подробно этот период описан в нескольких разделах работы, посвященной Стратегии национальной безопасности России. См.: Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М. : Международные отношения, 2023. 1499 с.

³¹² Подберезкин А.И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М. : Юстицинформ, 2021. С. 667–903.

Саддама Хусейна под названием «Иракская свобода». Силы американо-британской коалиции, куда также входили австралийские и польские военные, были таковы: порядка 300 тыс. военнослужащих, имевших на вооружении 500 танков, 1200 БМП и БТР, 900 орудий, минометов и РСЗО, 1100 крылатых ракет среднего радиуса действия, 1300 боевых самолетов и вертолетов, 200 мобильных ЗРК. Армия, которой располагал Багдад, выглядела на бумаге намного серьезнее: 430 тыс. человек, имевших на вооружении 2200 танков, 3000 БТР и БМП, 4000 орудий, минометов и РСЗО, 100 баллистических ракет среднего радиуса действия, 500 боевых самолетов и вертолетов, 100 мобильных ЗРК. Также у Саддама Хуссейна в наличии были иррегулярные вооруженные формирования численностью в 40 тыс. человек и мобилизационный резерв в 650 тыс. человек³¹³.

С учетом того, что воевать иракцам предстояло на своей родной земле, а против интервентов выступало длинное логистическое плечо, расклад в целом выглядел далеко не безнадежным для официального Багдада. Однако все обернулось очень плачевно для режима Саддама Хусейна.

При помощи массированных ракетно-бомбовых ударов западная коалиция смогла быстро подавить систему ПВО Ирака, нанести критический ущерб объектам его военной и гражданской инфраструктуры. Армия Хусейна была лишена управляемости и блокирована в местах дислокации. Всего через две недели после начала спецоперации Багдад оказался в кольце блокады. Американо-британская интервенция началась 20 марта 2003 года, 9 апреля столица Ирака пала, а 13 апреля капитулировал родной город Хусейна Тикрит. За этот короткий промежуток боевых действий западная коалиция потеряла только 172 военнослужащих, обороняющиеся — более 9000 человек. Примечательно, что в 2008 году в работе авторитетных военных авторов «Военное искусство в локальных войнах и военных конфликтах»

³¹³ Почему российская армия не смогла взять Киев за три дня // Репорт. 17 марта 2023 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZBQoFqrZFBokMbDQ>

сообщалось: «сегодня на первый план выходит информационное противоборство, ибо оно может воспретить противнику своевременно и эффективно использовать все остальные виды вооружений»³¹⁴.

Факторами, обеспечивающими такой стремительный разгром, принято считать господство интервентов в воздухе, которое они использовали по максимуму, уничтожая инфраструктуру противника, а также систему боевого управления FBCB₂ (Force XXI Battle Command Brigade and Below). Информационная система управления войсками уровня связи «бригада — батальон — рота», когда командиры подразделений и передовые артиллерийские наводчики имели карманные компьютеры для ориентирования на местности и передачи боевых донесений, стала главным козырем, который позволил побить «туземцев» в наземной операции³¹⁵.

Изменения в глобальной системе МО и ВПО начались позже, уже после признания сторонами военно-стратегического равновесия и неизбежного трагического финала в случае начала военных действий с применением ЯО. Это произошло далеко не сразу: можно, наверное, говорить о периоде с 1974 года по 1990 год, когда постепенно стороны признали не только военно-стратегическое равновесие, но и невозможность победы в ядерном конфликте. Этот период в отношениях США и России продлился до начала нового века, но уже в новом качестве — невозможность ядерного конфликта регулярно подтверждалась, с одной стороны, так же как постепенно внедрялись идеи *победы США и их сторонников в военно-силовом противоборстве с Россией* (предпочтительно силовыми не военными средствами), которая не посмеет применить СНВ в военном конфликте.

³¹⁴ Военное искусство в локальных войнах и военных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века / под общ. ред. генерал-полковника А.С. Рукшина ; Институт военной истории МО РФ. М. : Воениздат, 2008. С. 7.

³¹⁵ Почему российская армия не смогла взять Киев за три дня // Репорт. 17 марта 2023 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZBQoFqrZFBokMbDQ>

ВПО во втором десятилетии нового века, в том числе в условиях проведения СВО на Украине, отражала характер именно такого возможного «неиспользования» ЯО и победы в конвенциональной войне. США и их союзники, полномасштабно обеспечивая ВСУ ВВСТ и боеприпасами, подчеркивали многократно свое «прямое неучастие в военном конфликте» и «стремление к укреплению стратегической стабильности». Примечательно, что именно в период эскалации военного конфликта на Украине США неоднократно высказывали инициативы по возобновлению диалога о стратегической стабильности. Произошла малозаметная для всех «неолитическая революция»³¹⁶, когда критические изменения в развитии НЧК, в частности в области управления ВВСТ и ВС, сделали войну любого масштаба не только возможной, но и естественным следствием развития технологий и промышленности. СВО на Украине это многократно продемонстрировала самим фактом своего проведения.

Именно в период формирования нового миропорядка по инициативе США были форсированы программы новых видов и систем неядерных вооружений. По мнению Вашингтона, новые виды ВВСТ, прежде всего высокоточные (ВТО) и новые системы боевого управления ВС, сделали победу в масштабной конвенциональной войне «высокой интенсивности» вполне возможной для того государства, которое обладает этой техникой.

Такой вывод отнюдь не всегда очевиден для политиков и особенно военных, потому что неизбежно вступает в противоречие с некоторыми устоявшимися подходами, которые, как традиционно считается, предопределяют развитие военно-технической политики субъектов ВПО — государств и военно-политических коалиций — некими абстрактными соображениями ядерного сдерживания. Результат возвращения к реальной политике США стал заметным к 2023 году, когда были реанимированы идеи «стратегической автономии Европы». Считается,

³¹⁶ «Неолитическая революция» — зд.: переход экономики присваивающей к экономике производящей.

что Соединенным Штатам следовало бы поощрять европейскую стратегическую автономию по нескольким причинам. Во-первых, увеличение доли европейского бремени в сфере континентальной безопасности и обороны означает, что Соединенным Штатам не придется играть столь важную роль, что освободит их для решения других, более насущных стратегических задач. «Более стратегически автономная Европа» была бы той, которая способна в какой-то степени сдерживаться, защищать свои границы и реагировать на чрезвычайные ситуации на континенте по мере их возникновения»³¹⁷, — писал, например, Джошуа Хумински, директор Центра разведки и глобальных отношений Майка Роджерса.

Главное геополитическое и экономическое соображение вызвано снижением возможностей США контролировать глобальное состояние МО-ВПО. Иными словами, правящие круги США в очередной раз, как и после войны в Индокитае в 70-е гг. прошлого века, приходят к выводу о том, что США «не все могут в этом мире». И что «хорошо бы возложить часть бремени» (естественно, под их контролем) на американских союзников. Старая ставка правящих кругов США на формирование цивилизационной военно-политической коалиции подтверждается в новых условиях и новых реалиях, когда контроль над быстро развивающимся миром со стороны США не только желателен, но и возможен³¹⁸.

Очевидно, что формирование необходимой США ВПО в Тихоокеанском регионе вынуждало к дополнительным издержкам в военной политике, что становилось все труднее совместить с растущими военными усилиями США в Европе. Даже

³¹⁷ Хумински Джошуа. Для собственной долгосрочной безопасности США должны поддерживать более автономную оборону // Срочные военные новости. 17 июля 2023 г. URL: https://breakingdefense.com/2023/07/for-its-own-long-term-security-us-must-support-a-more-autonomous-european-defense/?utm_medium=email&_hs_mi=266731089

³¹⁸ См. подробнее: Средства защиты российской идентичности : монография / О.В. Боброва, А.И. Подберезкин. Подольск : ПФОЦ, 2022. 416 с.

новый военный бюджет на 2023 год не снял препятствия, которые возникали с новыми потребностями ВС США в Тихоокеанском регионе. «Требования обеспечения европейской безопасности и сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе будут неизбежно напрягать оборонный и военный потенциал Америки. «Сдерживание гегемонистских амбиций Китая и сдерживание его замыслов в отношении Тайваня является главной стратегической задачей Вашингтона, и поэтому он должен сосредоточить свои усилия на этой области».

Причем подход США не отличался механистичностью. Как пишут эксперты, «несмотря на то что на разных театрах военных действий действуют разные оперативные требования, основным приоритетом для Вашингтона должно быть предотвращение стратегических перегибов. Более сильная и более автономная в стратегическом плане Европа поможет избежать риска чрезмерного охвата. “Более стратегически независимая Европа” в то время, когда Америка смотрит в Индо-Тихоокеанский регион, не означает, что Вашингтон оставит континент на произвол судьбы. Отнюдь нет. Роль Америки изменится и должна измениться: вместо того чтобы действовать как левиафан, она будет действовать как *primus inter pares*»³¹⁹.

Иными словами, масштабы военно-технических усилий и стратегия США не будут определяться только военно-политическими и geopolитическими соображениями, но и собственно военными возможностями. Это отчетливо стало видно в ходе СВО, когда наличие уже существующих ВВСТ и боеприпасов стало критически важно не только с военно-технической, но и военно-политической точки зрения. Развитие ВПО и даже всей системы МО стало во многом зависеть от наличия уже произведенного ВВСТ и боеприпасов, особенно ВТО и средств

³¹⁹ Хумински Джошуа. Для собственной долгосрочной безопасности США должны поддерживать более автономную оборону. // Срочные военные новости. 17 июля 2023 г. URL: https://breakingdefense.com/2023/07/for-its-own-long-term-security-us-must-support-a-more-autonomous-european-defense/?utm_medium=email&_hs_mi=266731089

ПВО. Не только политическая стратегия, но и военная стратегия государств стали критически зависеть от военно-технических возможностей.

Изменение ситуации в МО-ВПО в пользу усиления влияния военно-технического фактора далеко не сразу и не везде нашло свое отражение в политическом и даже военном планировании. Суть таких подходов, иначе говоря, определяется отрицанием доминирования значения военно-технических аспектов в формировании политики, в особенности когда речь идет о военно-технологическом соперничестве или так называемой гонке вооружений³²⁰. В СССР и России эти подходы были названы «политическими», «новым мышлением» и прочими абстрактными соображениями, которые в итоге девальвировали всю военную науку и военное искусство до примитивных «общечеловеческих представлений гуманистического характера», которые не имели ничего общего с политической практикой (доказавшей на примере Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и других интервенций их бессмысленность).

В этой связи принципиальным становится вопрос о том, что прежде всего определяет тенденции развития ВПО? В частности, то, по какому из конкретных вариантов сценария ВПО будут развиваться основные события (отношения между субъектами)? Закономерности развития МО или ведущие военно-технические тенденции? Однозначный ответ в пользу глобальных тенденций МО, вероятно, стоит, как минимум пересмотреть. В новом веке, как представляется, мы вновь вернулись к состоянию, когда международные отношения определяются «большими батальнями», а не политическими декларациями. Иллюзии «всеобщего гуманистического сообщества» в мире оказались порушенными циничной политикой США и их союзников, которые за 10 лет взломали всю систему международной безопасности, традиции и нормы.

³²⁰ Подобные подходы достаточно подробно рассмотрены в специальной работе: Подберезкин А.И. Человеческий капитал и национальная безопасность. М. : Прометей, 2020. 610 с.

Доминирование общих тенденций в МО над процессами формирования ВПО — главное сохраняющееся положение современной политической и военной науки. Это базовое утверждение о приоритете процессов в МО над процессами в ВПО и СО, например, во многом противоречит положению о военно-технической политике в России, которое трактует диалектику развития ВВСТ следующим образом: «Движущей силой процессов строительства и развития ВС является диалектика *развития военного искусства и средств вооруженной борьбы*, которая выражается во взаимном влиянии процессов *развития форм и способов применения войск (сил) и появления новых, все более совершенных образцов вооружений*. Процесс развития вооружения и военной техники (ВСТ) реализует целевые установки военно-технической политики (ВТП), которая является частью государственной внутренней и внешней политики, направленной на разработку и реализацию мер по поддержанию, развитию, технического оснащения и других войск РФ, развитие научно-производственной базы для создания вооружений и военной техники, военно-техническое сотрудничество с другими странами»³²¹.

Иными словами, по мнению авторов, представляющих, вероятно, в первую очередь интересы ВПК и ВС России, на развитие ВВСТ прежде всего влияет «процесс развития форм и способов применения войск», то есть военное строительство и военное искусство — стратегия, оперативное искусство и тактика. Эксперты ЦНИИ № 46 МО России конкретизируют эту диалектику следующим образом: «На практике реализация основных положений НТП осуществляется через разработку и выполнение целой совокупности федеральных целевых и государственных программ оборонного значения, где центральное место отводится государственной программе вооружения

³²¹ Цит. по: Сборник терминов, понятий и категорий в области военно-технического обеспечения военной безопасности Российской Федерации. М. : Министерство обороны Российской Федерации, 1996.

(ГПВ) — среднесрочной программе, разрабатываемой каждые 5 лет на 10-летний период»³²².

Другая разновидность преувеличения значения военно-технических аспектов развития МО и ВПО — положение о том, что некие военно-промышленные круги стимулируют «саморазвивающийся» процесс гонки вооружений ради получения прибылей, который был популярен не только в СССР, но и в других странах, например в США, потому что снимает ответственность с политической части правящей элиты за военный психоз и военные расходы. Идея доминирования в политике представителей ВПК, на которую ссылаются со временем Д. Эйзенхауэра, получила широкое распространение не только в пропагандистских и политических целях³²³, но и как некое научное обоснование необходимости развития обрабатывающей промышленности. В действительности на долю ОПК в развитых странах приходится порядка 1–2% численности всех граждан, занятых в экономике страны.

Существует еще несколько подходов, объясняющих решающее влияние того или иного фактора развития ВВСТ и, как следствие, военного искусства на сценарии развития ВПО и МО. На мой взгляд, решающей группой факторов является все-таки группа политических факторов, которая реализуется в развитии того или иного сценария МО и его трансформации в конкретный вариант сценария ВПО³²⁴. Так, развитие

³²² Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях : монография / под общ. ред. проф. С.Ф. Викулова. М. : АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020. С. 271–272. 438 с.

³²³ Надо признать, что и автор участвовал в этом, публикуя в 80-е годы некоторые свои работы в соответствии с такой концепцией. См., например: Подберезкин А.И., Бурсов А.В. Лоббисты катастрофы. М. : Московский рабочий, 1988.

³²⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

бронетанковой техники накануне Второй мировой войны и эволюция военного искусства, в частности использование крупных масс танков (в корпусах и даже армиях), происходили прежде всего под влиянием экспансионистских политических установок Германии и запоздалых попыток Англии, Франции и России нейтрализовать эту тенденцию, а не в результате развития военного искусства: танки традиционно рассматривались как часть пехотных соединений, не играющих самостоятельной роли. Только с появлением «политического заказа» — возможности проведения военных «блиц-операций» в Европе, основанного на неудачном опыте ведения позиционной Первой мировой войны, в конце 1930-х годов возникла сама возможность массированного использования танковых корпусов и дивизий.

Так же, как это произошло с развитием ВМС Великобритании, которые господствовали более 200 лет на море в мире, обеспечивая морскую торговлю островов Великобритании. Иначе говоря, — это был политический и экономический интерес, который правящая элита Великобритании трансформировала в политическую и военную цель.

В свою очередь, ВПО, как часть МО, является основной производной от состояния МО³²⁵. В этом смысле сценарий развития ВПО является неотъемлемой и главной частью *сценария* развития МО, а не самостоятельным явлением и процессом. Другими словами, как минимум сценарий развития ВПО *ни в одном из своих вариантов не может противоречить доминирующему сценарию развития МО*. Наконец, сценарии развития глобальной и региональной СО, ситуаций на ТВД и в отдельных регионах, а также в основном войн и конфликтов, не могут противоречить в целом сценариям развития ВПО и МО. Это условие анализа необходимо было повторить, но сам по себе

³²⁵ Именно поэтому невоенные силовые, прежде всего информационно-когнитивные факторы стали играть ведущую роль. См.: Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.

предмет исследования — состояние ВПО и СО — является отдельной темой³²⁶.

Поэтому, на мой взгляд, прежде всего, базовые основы развития того или иного сценария ВПО и даже его конкретного варианта следует искать в развитии общих сценариев МО и отношений между главными субъектами и акторами. Применительно к ВПО в России — стремлению США лишить страну суверенитета и национальной идентичности.

Таким образом, структура МО и миропорядка будет качественно, радикально меняться в «переходный период» до 2025 года под сильнейшим влиянием военно-технических факторов — ВВСТ и ВС, их способности влияния на процессы изменения миропорядка.

³²⁶ К сожалению, ведущие политологи, как правило, не проводят границ между МО–ВПО–СО. См., в частности: Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблишер, 2021. 471 с.

2.5. ГЛАВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ВЛАСТИ В РОССИИ – ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ 2025–2045 ГОДОВ

В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни ее граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека постановляю...³²⁷

B. Путин, президент России

Участие в Семилетней войне не принесло России никаких выгод, а между тем обошлось ей в 300 000 человек и 30 млн рублей³²⁸.

E. Мартынов, военный теоретик

Программа опережающего развития невозможна без адекватной оценки и прогноза. Оценками и прогнозами социально-экономического развития занимаются многие исследовательские и практические организации, в частности, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН) специализируется на выполнении фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований в области анализа и прогнозирования перспектив социально-экономического развития России и ее регионов³²⁹. В области внешней

³²⁷ Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до конца 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

³²⁸ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 19.

³²⁹ ИНП РАН организован в феврале 1986 г. на базе ряда научных подразделений ЦЭМИ АН СССР как головная организация по разработке социально-экономических разделов Комплексных программ научно-технического прогресса СССР на 20 лет.

и военной политики СССР/России и развития МО-ВПО также предпринимались усилия различных научных и практических организаций в СССР и России, которые, к сожалению, не дали заметных результатов. Наоборот, оценки и прогнозы, которыми руководствовалась правящая элита страны, часто были глубоко ошибочными, что привело в итоге к кризису внешней и военной политики страны на протяжении нескольких десятков лет.

Оценка и прогноз развития международной обстановки имеет исключительно важное значение практически для любой нации и государства, исключая те, очень немногие, которые существуют фактически изолировано от человеческой цивилизации, да и то в непродолжительные отрезки времени. Для крупных государств, которые geopolитически нередко критически зависят от развития МО, эта зависимость проявляется очень сильно, не позволяя переходить на условия автаркии. Даже в тех случаях, когда правящие элиты хотели бы изолироваться максимально от внешнего влияния (как это было, например, в Советской России после революции). В условиях глобализации, охватившей человечество, эта внешняя зависимость становится практически абсолютной³³⁰. Когда только порядка 30% составляющих автомашины в США производятся непосредственно в стране, то есть добавленная стоимость на 70% создается за границей, трудно ожидать концентрации промышленного производства.

В стратегической перспективе, например, авторам доклада РАН (март 2025 г.) «из всех возможных сценариев развития мировой экономики наиболее реалистичным представляется вариант дальнейшей фрагментации (регионализации) мировой экономики с усилением роли крупных развивающихся экономик

³³⁰ Обсуждение этой проблемы обостряется при подготовке предложений по развитию ВС и ОПК страны, в частности ГОЗ, что произошло, например, в 2013–2014 годах в России. См.: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М. : МГИМО-Университет, 2014. Раздел «Вопросы теории и методологии внешних опасностей и угроз». С. 13–43.

Юго-Восточной Азии и глобального Юга. Вторым конституирующими признаком этого сценария становится опережающий рост затрат на исследования и разработки в развивающихся странах.

Принципиальный вывод для России заключается в том, что рост конкуренции в области научно-технологического развития между развитыми и развивающимися странами может иметь следствием как ускорение научно-технического прогресса, так и создание независимых контуров обращения результатов НИОКР. *В этих условиях от России требуется определиться со стратегией развития научно-технологического сектора и направлениями использования результатов его деятельности, прежде всего в производственной сфере (курсив мой. — А.П.)»³³¹.*

Иными словами, с точки зрения долгосрочного развития СССР/России, наша страна опять оказалась «в исходной точке» принятия приоритетов опережающего научно-технического развития, которые разрабатывались в СССР до 1985–1986 годов. Мы «сделали круг» и вышли на исходную позицию, с которой должны были стартовать еще 40 лет назад, но из-за неспособности правящей элиты мы не просто потеряли время и импульс, но и огромные ресурсы — времени, демографические, материальные, идеологические.

Тем не менее выбор долгосрочной национальной стратегии опять остается за правящей элитой и обществом нашего государства, хотя и под сильным внешним влиянием, в намного более сложных условиях, чем это было в 80-е годы XX века.

Эти условия сегодня можно сравнить с состоянием СССР в конце 20-х — 30-е годы прошлого века, когда надо было делать рывок в области технологического и экономического развития за очень короткий исторический срок (в реальности — две пятилетки и частично третья, то есть с 1928 по 1941 г., всего 13 лет), решая проблемы науки, образования и инвестиций одновременно.

³³¹ Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России : научный доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широва. М. : Динамик Принт, 2024. (Научный доклад ИНП РАН.) С. 5.

Одновременно предстояло решать *внутриполитические проблемы*, оставшиеся после революции:

- старой структуры населения, преимущественно крестьянских хозяйств;
- классовой борьбы и потери части интеллигенции;
- образования и создания научных школ и технологий;
- форсированного создания индустриальной базы (более 500 новых предприятий) и т.д.

Внешние условия для России были крайне неблагоприятные после интервенции и разрыва дипломатических отношений, которые требовалось (как и внешнюю торговлю) восстановить. Причем параллельно решать масштабные внешнеполитические и военные задачи (прежде всего обеспечения безопасности):

- войны в Испании;
- войны у о. Хасан и на Халкин-Голе;
- войны с Финляндией;
- возвращения части западных земель у Польши (также военных действий);
- возвращения части земель у Румынии (Бессарабии, Северной Буковины)³³²;
- возвращения южного Балтийского побережья России, где короткое время существовали квази-государства, созданные после Первой мировой войны.

Итог внутренней и внешней политики СССР 1928–1941 годов — создание мощного (второго в мире по объему ВВП) государства, присоединение ранее потерянных исторических территорий и более 14 млн населения. Этот итог стал особенно заметен в 1943 году, когда после серии поражений Красной Армии и оккупации значительной части территории СССР наш

³³² Операция по занятию спорных территорий Красной армией началась 28 июня 1940 года и продлилась 6 дней. Немногим позднее — 2 августа 1940 года была образована Молдавская ССР со столицей в Кишиневе (до этого город находился в Бессарабии), были основаны Черновицкая и Аккерманская области УССР, а в состав Одесской области было включено пять районов, ранее входивших в состав Молдавской АСС.

ОПК смог произвести больше танков, самолетов, артиллерийских орудий и военной техники, чем вся промышленность Европы (включая нейтральные государства), которая работала на Германию.

Для России в новом столетии во многом сложилась похожая ситуация, как и для СССР в 30-е годы. Причем так же в нескольких областях:

- внутриполитической (обострение социальных и национальных противоречий);
- экономической (отставание в технологическом развитии);
- внешнеполитической (потери территорий, населения, союзников);
- военной (разгром ВС и ОПК).

В этих условиях *резко повышается значение адекватного стратегического прогноза и стратегического планирования развития МО-ВПО*. Прежде всего потому, что опережающее развитие национальной стратегии государств, в частности России, неизбежно зависит от состояния внешней безопасности международной обстановки, точнее — доминирующего в этот период базового сценария ее развития³³³. И в первую очередь от ограниченных ресурсов — времени, людей, финансов.

Государство вынуждено балансировать, выбирая приоритеты развития и безопасности, пытаясь одновременно добиваться двух, нередко прямо противоположных, целей, — обеспечение безопасности и развития³³⁴.

³³³ В 2021 году, автор, например, писал, что «Современная ВПО формируется США и их союзниками в целях внутриполитической дестабилизации России». См.: Подберезкин А.И. Риск начала Третьей мировой войны не просто сохраняется, он стремительно усиливается // Национальная оборона. 2021. № 4 (апрель). С. 17.

³³⁴ Подробнее: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политической обстановки // Трансформация войны и перспективные направления содержания военных конфликтов : сборник материалов круглого стола / Кафедра военной стратегии ВАГШ ВС РФ. М., 2023. С. 86–102.

Таким образом, встает вопрос политического выбора стратегии. В свое время (в 20-е годы XX века) этот выбор был сделан частью правящей элиты СССР и ВКП (б) в главе с И.В. Сталиным в пользу автаркии — создания авторитарного политически, экономически государства, опирающегося преимущественно на собственные ресурсы. В отличие от Л. Троцкого, полагавшегося на силы и ресурсы мировой революции, или Н. Бухарина и А. Рыкова — на инвестиции капитала, эта группа правящей элиты рассчитывала только на внутренние ресурсы нации, которые использовались нещадно. В итоге был получен результат, когда в 1941–1942 годах страна выстояла против агрессии всей Европы, а в 1943-м смогла перейти в наступление, произведя больше ВВСТ, чем противники.

Именно в настоящее время нам предстоит политический выбор — мобилизация нации или продолжение «по мере сил» в условиях политики макроэкономической стабилизации попыток постепенно реализовать стратегию безопасности и развития «в одном флаконе». Этот выбор — цивилизационный, потому что Россия — это не просто страна, это ЛЧЦ, которая вынуждена будет конкурировать с другими ЛЧЦ в ближайшие 20–30 лет. «Камо грядеши, Господи»³³⁵ — выбор современной национальной стратегии безопасности и развития одновременно, которая может основываться в современных условиях

³³⁵ Кáмо грядéши, Гóсподи? (ст. слав. Камо грядеши, рус. Куда Ты идешь, Господи?, лат. *Quo vadis, Domine?*) — старославянский перевод фразы, сказанной, по преданию, апостолом Петром Иисусу Христу, когда апостол во время гонений императора Нерона на христиан покидал Рим. Услышав ответ: «За то, что ты оставил Мой народ (почти все христиане в Риме были убиты по приказу императора после великого пожара), Я иду в Рим на второе распятие» (*Quoniam relinqui populum Meum, Romam vado iterum crucifigi*), Апостол попросил разрешения у Господа идти с Ним (*Domine, tecum veniam*). После прибытия в Рим Петр был распят вниз головой, приняв мученическую смерть.

В переносном смысле фраза «Камо грядеши?» является предложением (в форме вопроса) задуматься, правильно ли человек живет, туда ли идет в своей жизни, верны ли его жизненные цели, ценности и т. п.

только на доминировании во всех областях «автаркии». Это прежде всего относится к новой стратегии России в условиях глобального противоборства с западной ЛЧЦ.

Политика и стратегия «автаркии»³³⁶ как парадигма неизбежного (вынужденного) силового противоборства³³⁷ с западным глобализмом в лице США и созданной ими коалиции, должны, во-первых, опираться на новую долгосрочную и эффективную национальную стратегию, которую, во-вторых, обязательно реализует национально ориентированная правящая интеллектуальная элита. Второе условие также важно, как и первое. Можно разработать идеальную стратегию, которая останется в лучшем случае хорошим нормативным документом. По большому счету это осознается уже в настоящее время высшим политическим руководством России, которое проводит мероприятия по обновлению правящей элиты, в том числе наиболее коррумпированной ее части. Особенно когда массово привлекаются участники СВО к управлению.

Вместе с тем проблема смены парадигмы, это не только проблема замены части правящей элиты на новую, это проблема переориентации всего государственного и общественного аппарата на практическое решение вопросов повышения эффективности развития страны и общества. В современных условиях России для выживания необходимы темпы экономики, прежде

³³⁶ Автаркия — зд.: условное доминирование в вынужденном и временном развитии страны элементов, ориентированных на самодостаточность, и в меньшей степени на тенденцию «глобализации». И первая, и вторая мировые тенденции носят вполне условный характер, отражающий реально существующее доминирование тех или иных решений в политической элите страны.

³³⁷ Парадигма — зд.: наиболее общие фундаментальные научные, общественные и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых значительной частью или большинством в обществе. Парадигма — также ключевая идея, концепция, нередко модель развития общества, экономики, государства, иногда система взглядов и концепций, доминирующих в обществе.

всего развития человеческого капитала (количества и качества), в несколько раз опережающие сегодняшние. Причем обязательно в рамках всей нации, а не только ее «столичной» части. Ответ может быть, прежде всего в области *качественного повышения уровня национального человеческого капитала*³³⁸.

Этот подход — единственный, способный уравновесить сильнейшее количественное неравенство с Западом по объемам ВВП, численности населения и его институтов. Именно качество НЧК может компенсировать такое количественное неравенство. Известно, что прирост ВВП на 95% обеспечивается ростом НЧК. Это означает, что как ВВП, так и другие показатели государственной мощи (в том числе демографическое неравенство) могут быть обеспечены быстрым ростом качества НЧК.

Количественное преимущество даже в военном деле, где принято считать соотношение военных сил, исходя из количественных параметров, не является главным. В качестве примера можно привести соотношение сил в таком решающем роде сухопутных войск Германии и ее союзников, с одной стороны, и СССР — с другой. Это соотношение сил у Германии и ее союзников к началу 1941 года по бронетехнике было 6400 танков и САУ. У Румынии, например, 311 танков, финская армия располагала 111 танками. В Венгрии к июню 1941 года имелось всего 220 машин. На вооружении Болгарской армии имелось 98 танков. Можно еще учесть 47 танков Словакии. Тогда у союзников Германии набирается 787 танков. Всего — более 7000 единиц.

Теперь об СССР, где насчитывают в общей сложности 25 тысяч танков и другой бронетехники³³⁹. Чтобы было понятно — самой разной бронетехники. То есть соотношение сил между этим родом вооруженных сил было как минимум 3,5 к 1 в пользу СССР.

³³⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И., Родионов О.Е. Человеческий капитал и национальная безопасность. М. : Прометей, 2020. 610 с.

³³⁹ Шишкун К. Действительно ли в СССР танков в 1941 году было больше, чем во всех странах мира? // Военная история с Кириллом Шишкуном. 2024. 6 июля. URL: <https://dzen.ru/a/ZmQwuljWxGthHWUZ>

Это, однако, не привело к победе в 1941 году, наоборот, можно констатировать стратегическое поражение, которое удалось частично исправить в декабре 1941 года.

В ближнесрочной перспективе эта внешняя зависимость конкретизируется для России в одном из вариантов такого базового сценария МО. В то же время национальная и государственные стратегии, вытекающие из приоритетов национальных интересов и ценностей, во многом зависят от субъективного восприятия правящей элитой той или иной страны состояния и перспектив развития МО³⁴⁰. Нередко такое субъективное восприятие не отражает реалий и негативно оказывается на реалистичности национальной стратегии³⁴¹.

При этом очень важно вовремя вносить тактические корректировки в такие «стратегические» оценки состояния МО, которые могут меняться очень быстро, но не отказываться от стратегической линии. В 2018 году в соответствующем Указе В.В. Путина, например, очень точно, скжато и обоснованно была сформулирована, по сути, национальная идея опережающего развития человеческого потенциала России, как ее стратегическая цель развития, которая позже, в СНБ (в редакции 2021 года) и других нормативных документах не раз раскрывалась более подробно³⁴².

³⁴⁰ Так, в отношении ЯО, например, эксперты ИМЭМО считают, что «на территории Украины отсутствуют цели, которые невозможно было бы поразить с применением обычных вооружений». См.: Аналитический доклад ИМЭМО РАН «Ядерный фактор в украинском конфликте». М. : ИМЭМО, 2024. С. 7.

³⁴¹ Мужество политика заключается в том, что он должен (иногда даже вопреки господствующему общественному мнению) дать максимально точную характеристику МО и его влиянию на политику страны. Так, примером такого мужества можно назвать оценки И. Сталина и У. Черчилля состояния и перспектив развития МО в 30-е годы XX века. И, наоборот, неспособность М. Горбачева и Б. Ельцина дать такие оценки в 80–90-е годы того же XX века.

³⁴² В декабре 2024 года В.В. Путин подтвердил приоритетность цели развития Национального человеческого капитала (НЧК) — демографи-

Примечательно, что эта стратегическая цель оставалась той же самой даже после начала СВО в феврале 2022 года — социально-экономическое развитие страны и демографический приоритет, и была подтверждена уже в декабре 2024 года в ежегодной встрече В.В. Путина, хотя вопросы приоритетности безопасности, казалось бы, должны были вытеснить ее на периферию.

МО в 2018–2024 годах изменилась в худшую для России сторону, хотя сам процесс негативных изменений резко ускорился с 2014 года³⁴³. Во многом очевидно, что из-за этого реализация задач майского (2018 года) указа и последующих документов, включая СНБ 2021 года, шла медленно. Так, в Указе В.В. Путина эта стратегическая цель была конкретизирована в 8-и «общенациональных целях» (пункты «а» ... «и»), из которых к 2024 году был выполнен частично только один³⁴⁴ (да и то применительно только к аграрному сектору)³⁴⁵.

ческого развития страны — в условиях СВО. Надо признать, что более точной формулировки национальной идеи я не встречал, хотя работал по этой проблеме с конца 80-х гг. См., например: Подберезкин А.И. «Национальная доктрина России», «Национальная идея и русское государство» и др. работы первой половины 90-х гг., а также серии работ по НЧК в первом десятилетии нового века.

³⁴³ На это обстоятельство автор не раз указывал с самого начала первого десятилетия нового века в работах ЦВПИ. См., например: Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналит. доклад / А.И. Подберезкин, Ш.З. Султанов, М.Н. Харкевич [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2014. С. 15–22.

³⁴⁴ Он был сформулирован следующим образом: «и). создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами». См.: Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до конца 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

³⁴⁵ Сам указ был отменен только в 2020 году соответствующим указом (Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474).

Иными словами, стратегический план развития России в 2018–2024 годах был фактически провален по всем направлениям, причем еще до начала СВО в феврале 2022 года. Во многом вина за это может быть возложена на крайне неблагоприятное развитие МО в этот период, когда, начиная с 2014 года, на Россию обрушился град санкций и крайне враждебной политики США и их союзников (в настоящем разделе не рассматриваются специально отдельно внутриполитические и иные факторы). Но в любом случае этот пример иллюстрирует сильное влияние неблагоприятного развития МО на положение, развитие и стратегию государства³⁴⁶.

Кроме того, закономерности стратегии и стратегического планирования (СП), безусловно, существуют и говорят однозначно в пользу того, что любая текущая политическая, экономическая и военная деятельность должна исходить из оценки и прогноза как минимум общих представлений о перспективах развития как МО-ВПО, так и конкретных внешних условий для отдельного субъекта. «Горизонты планирования» должны быть максимально продвинуты вперед с тем, что представлять себе как минимум оперативную перспективу на 2–3 года, если нет возможности (такое часто происходит) заглянуть на перспективу 5–7 и более лет.

К сожалению, подобная ситуация в России не редкость (более того, еще недавно она считалась нормой). Так, например, в 2023–2024 годах очень многие политики и эксперты в России жаловались на отсутствие такой стратегической перспективы, в качестве которой выступала официально заявленная В.В. Путиным достаточно абстрактная цель «демилитаризации» и «денацификации» Украины. Без промежуточных и обязательных стратегических целей. Тем более существовала неясность с раз-

³⁴⁶ Статейный вариант этого раздела был частично опубликован 27 июля 2023 года на эл. ресурсе «Рейтинг персональных страниц» (см.: Подберезкин А.И. Базовый сценарий МО и варианты его развития в «переходный период». URL: <https://viperson.ru/articles/bazovyy-stsenariy-to-i-varianty-ego-razvitiya-v-perehodnyy-period>).

витием «общей картины мира» — международной обстановки на длительную перспективу. В качестве таковой представлялась идея формирования евразийской архитектуры безопасности как альтернативы процессу усиления силового доминирования США и Запада. Так С.Е. Нарышкин сформулировал в декабре 2024 года эти новые особенности:

- 1) все страны используют валюту и технологии Запада, но «никто не готов больше расплачиваться за это суверенитетом»;
- 2) «превращение Глобального Юга в самостоятельный полюс силы»;
- 3) «мы являемся свидетелями исторического подъема евразийского макрорегиона»³⁴⁷.

Эти и другие аспекты развития МО в мире продемонстрировали, что в целом в 2023–2024 годах в мире сформировалась основа для цивилизационной и военно-политической альтернативы «Западу», которая не только выстояла, несмотря на все удары, но и получила свое развитие. Это — альтернатива глобализации и контролю со стороны глобалистских структур в мире.

Надо признать, что к концу 2024 года стало ясно, что в представлении правящей элиты США и «глубинного государства» нынешнее развитие человечества воспринимается как прямая угроза, а будущее развитие МО должно сопровождаться как минимум следующими условиями.

- «Хаотизация МО» — дальнейший отказ от общепринятых норм международного права и их замена «нормами и правилами» США и их союзников. Примечательны в этой связи, например, заявления только избранного президента США Д. Трампа, в которых он говорил о «штате Канада», «покупке Гренландии», «возвращении

³⁴⁷ Сергей Нарышкин: «Формирование евразийской архитектуры безопасности — наиболее осмысленный выход из тупика ядерной войны, к которому подталкивает мир евро-атлантические элиты» // Национальная оборона. 2024. № 11 (224). С. 36.

Панамского канала» и прочих инициативах, которые в корне меняют представление о международной политике в будущем.

- «*Дестабилизация*» субъектов МО, предполагающая слом международных институтов и их «замену» институтами, контролируемыми США, которые смогут контролировать их развитие посредством внутриполитической дестабилизации (как это отчетливо проявилось в 2024 году в Молдавии, Грузии, Армении, Сирии).
- *Сохранение власти у глобальных институтов* посредством максимальной внутриполитической дестабилизации государств и хаотизации МО.

Эти цели не случайно озвучили два выдающихся руководителя англо-саксонских разведок, которых можно рассматривать как представителей главного субъекта политики Запада — «глубинного государства», — Р. Мур (МИ-6) и У. Бернс (ЦРУ). Они опубликовали в британском “Financial Times” в сентябре 2024 года свою статью, которая сразу же вызвала большой резонанс, ибо лейтмотив статьи: «Сложившийся мировой порядок под угрозой». И говорит это не кто-нибудь, а настоящие «профи-хищники» современного мира: умные, жестокие и очень опасные. Оба автора выделяют три основных «угрозы» западному миру:

- Россия;
- Китай;
- международный терроризм.

При том что большая часть террористических организаций была создана при непосредственном и прямом участии ЦРУ, а боевиков ХАМАС тренировали британские специалисты.

Формально эти тезисы двух руководителей разведок были развернуты в “Financial Times” следующими тезисами³⁴⁸.

³⁴⁸ Finantional Times. Sept. 7, 2024. URL: <https://www.ft.com/content/252d7cc6-27de-46c0-9697-f3ebo4888e70>

1. «Международный порядок» находится в опасности, чего не случалось с окончания холодной войны. Опасность исходит в первую очередь от «покушающегося на чужие рынки» Китая и путинской России.

2. Приоритетный объект работы спецслужб и главный противник Запада — Китай, на который приходится уже 20% бюджета ЦРУ (за последние три года объем средств, выделяемых организацией на работу против КНР, увеличился в три раза).

3. Как для ЦРУ, так и для МИ-6 возвышение Китая является главной разведывательной и геополитической проблемой XXI века, и они уже реорганизовали свои службы, «чтобы отразить этот приоритет».

4. В случае с Российской Федерацией западные спецслужбы по-прежнему делают ставку на раскол внутри российской элиты и внутреннюю дестабилизацию. Оба руководителя разведок англосаксов считают, что Курская наступательная операция ВСУ «вызвала вопросы среди российской элиты» относительно смысла войны и того, «к чему все это приведет».

5. В то же время в России «нет никаких признаков того, что контроль Путина над системой власти ослабевает». Однако «не надо путать твердый контроль и долговременный контроль». Этот тезис вполне согласуется с курсом на постепенное «пережидание» проблемы, недавно озвученным изданием «Форин Аффеарс». Англосаксы считают, что необходимые условия ими уже созданы как снаружи, так и внутри России.

6. ЦРУ и МИ-6 вместе противостоят как «напористой России» на Западе, так и «агрессивной войне Путина» на Украине. Они якобы предвидели все это и «смогли предупредить международное сообщество», чтобы все его члены «смогли сплотиться для защиты Украины».

7. Намеки на применение Кремлем тактического ядерного оружия на Украине игнорировать не стоит, но и поддаваться на них — тоже. На всякий случай Бернс рассказал, что доводил до Москвы информацию о последствиях такого сценария.

8. За пределами Украины англосаксы продолжают работать вместе, «чтобы сорвать безрассудную кампанию саботажа по всей Европе, проводимую российской разведкой», и ее «циничное использование технологий для распространения лжи и дезинформации, призванных вбить клинья» между ними.

9. Откровенно обозначены и главные союзники МИ-6 и ЦРУ: американские цифровые IT-гиганты и ЧВК. Сохранение технологического преимущества жизненно важно для обеспечения общего преимущества англосаксов в разведке. Британцы и американцы не могут сделать это поодиночке, поэтому их партнерство «дополняется сетью партнерских отношений с частным сектором». Это означает, что оба руководителя разведок — «ультра-глобалисты» и «ультра-либералы». Они считают, что управлять должны не британский или индийский парламенты, не президенты (США или России), а транснациональные корпорации и семьи, которые за ними стоят.

10. Наконец, главное в статье, на что никто из читателей, к сожалению, не обратил внимания, — подзаголовок, а именно «Технологическое преимущество является ключом к сохранению лидирующих позиций особых отношений»³⁴⁹, означающий сохранение ставки США и их союзников на технологическое и военно-технологическое превосходство. Как считают авторы этой статьи, «конфликт (на Украине) продемонстрировал, что технологии, применяемые наряду с необычайной храбростью и традиционным вооружением, могут изменить ход войны. Украина стала первой войной такого рода, в которой программное обеспечение с открытым исходным кодом сочеталось с передовыми технологиями ведения боевых действий, использовались коммерческие и военные спутниковые снимки, технологии беспилотных летательных аппаратов, кибервойны высокой и низкой сложности, социальные сети, разведданные с открытым исходным кодом, беспилотные воздушные и морские транспортные средства и информационные операции, а также человеческая

³⁴⁹ Finantional Times. Sept. 7, 2024. URL: <https://www.ft.com/content/252d7cc6-27de-46co-9697-f3ebo4888e70>

и сигнальная разведка в таком невероятном темпе и масштабе. Прежде всего, оно подчеркнуло необходимость адаптации, экспериментов и инноваций»³⁵⁰.

«Меморандум Мура-Бернса» — это *официальное заявление* наиболее радикальной части «глубинной власти» о том, что они сдаваться не намерены. Их задача — это *максимальная дестабилизация ситуации и МО по всему земному шару*, в том числе сохранение в том или ином виде конфликта на Украине, эскалация ситуации на Ближнем Востоке. Желательно с применением тактического ядерного оружия на территории Европы (но не США и Великобритании). Причем Ближний Восток для них важнее Украины. Автор надеется, что ошибается, но за Сирией, с точки зрения «глубинной власти», должны последовать Иран и (как вариант) Саудовская Аравия.

«Меморандум» двух разведчиков — это *крайне жесткое предупреждение Д. Трампу*. «Глубинная власть» (точнее ее «пребывающий» сейчас фрагмент) пытается донести до него, что если он не остановится, то «окровавленным ухом дело не за кончится». Серьезные эксперты говорят, что «старик может вообще не дожить до вступления в должность». Даже Джей Ди Вэнс (его «вице») окружен тройной охраной и редко выходит из дома. Так что ситуация «серезна и весьма».

Засилье глобалистов и финансового капитала опасается только прихода нового Наполеона: банки боятся бонапартизма — силы, с которой они не могут договориться, не одарив ее подарками или деньгами. Грядущий Бонапарт — единоличный ли, коллективный ли — страшен им. Мур — не самоубийца, а четко развивает сюжет, согласно которому мир должен руководиться американской разведкой *вкупе с британской*³⁵¹. Их должны

³⁵⁰ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

³⁵¹ Andres Landabaso Angulo. Мур vs оппоненты. Что произойдет в мире в ближайшее время? // Вести. 03.12.2024. URL: <https://e-vesti.ru/rus/mur-vs-opponenty-chto-proizojdyot-v-mire-v-blizhajshee-vremya>

бояться, на них должны ориентироваться, к ним должны лететь стрелы с отравленными наконечниками, но и к ним должны идти на поклон. А они должны соблаговолить кого-то казнить, кого-то миловать.

Исходя из опыта последних двух десятилетий и имеющейся информации, необходимо сделать вывод о том, что анализ и стратегический прогноз развития МО, а также ВПО и даже стратегической обстановки не только возможен, но и обязательен. Он регулярно делается в мире и в России, в том числе в интересах стратегического планирования, в частности, оценки Системы исходных данных для внешней и военной политики. С разной эффективностью, а в разное время самыми разными организациями и коллективами.

В частности, как видно из рисунка ниже, с 2010 года мною и коллегами прогнозировалось, что развитие базового сценария МО и ВПО будет идти по следующему наиболее вероятному базовому сценарию развития МО-ВПО, названному «Сценарием усиления военно-силового противоборства», что полностью подтвердилось позже (хотя изначально и вызвало, как всегда, критику, особенно до 2014 года).

Более того, есть основания говорить о том, что с 2010 по 2014 год доминировали и рассматривались только «позитивные» и «оптимистические» сценарии развития МО, что стало основной причиной во многом неожиданного для многих в правящей элите резкого изменения политики России в начале 2014 года. Действительно, основная тенденция в развитии МО вплоть до 2014 года считалась откровенно благоприятной для России, иногда даже говорили об «исключительно благоприятной» тенденции. Это, естественно, совершенно не соответствовало реалиям, но вполне удовлетворяло большинство правящей элиты, которое с «негодованием» отметило возврат Крыма как «возвращение к Совку».

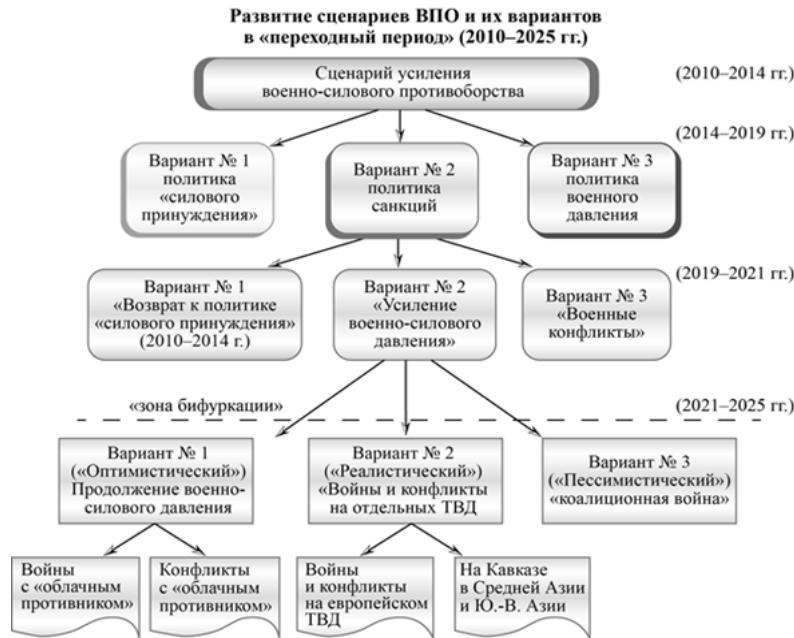
По нашему прогнозу, подтвердившемуся позже, в 2014–2021 годах этот сценарий развивался попеременно по одному из своих конкретных вариантов (не отличавшихся существенно

друг от друга), который окончательно и однозначно сформировался к 2022 году в «Вариант № 2» — «Усиление военно-силового давления». Мною и экспертами ЦВПИ ожидалось, что этот вариант пройдет качественную точку перехода к новому состоянию, «точку бифуркации», в период с 2021 по 2025 год, то есть «переходный период», когда наиболее вероятным вариантом станет «Вариант № 2» — «Войны и конфликты на отдельных ТВД».

Как теперь уже известно, этот прогнозный сценарий полностью подтвердился, но — хотелось бы подчеркнуть, — если бы он учитывался в период с 2014 по 2020 год, то ОПК и ВС страны оказались бы готовыми к реальным военным действиям, а не только выставкам и парадам, а ВВСТ производились бы не мелкими сериями, а в промышленных масштабах. Для этого нужно было бы, чтобы к началу «переходного периода», а тем более в 2020–2022 годах, промышленное производство боеприпасов и ВВСТ было бы увеличено до нынешнего уровня (в 4-8 и даже больше раз). В том числе и с точки зрения ведения полномасштабных и длительных военных действий. Сирийский опыт, конечно же, имел значение для ВКС, но и то в значительной степени как полигонное сражение-испытание. Как видно из рисунка (см. ниже), представленного мною, кстати, прежде в работах и на круглых столах в ВАГШ, «Вариант № 2», который я назвал «реалистическим», стал уже в 2022 году практически основным. Его развитие предполагалось в реализации конкретных вариантов сценариев развития стратегической обстановки в самых разных регионах — от Кавказа, Закавказья и Украины до Казахстана. «Казахстанский сценарий СО» вызвал на круглом столе в ВАГШ в 2020 году наибольшее недоверие, но подтвердился позже, уже менее чем через полгода.

На рисунке я не обозначил все варианты сценария развития СО, но говорил о них, упуская (насколько теперь помню) только один — отношения с Финляндией, хотя уже в то время (до 2014 года) я писал об усиленных контактах ВС страны с ЕС и НАТО. Напомню в этой связи о прогнозе развития ВПО и СО, который

был сделан мною прежде³⁵². Повторю его, с тем чтобы подтвердить его вероятность на конец 2024 года.

³⁵² Этот прогноз 2021 года я процитировал позже. См.: Подберезкин А.И. Развитие базового сценария ВПО // Рейтинг персональных страниц. 28 августа 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/razvitiye-bazovogo-stsenariya-vpo>

2.6. ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ БАЗОВОГО СЦЕНАРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И ОТДЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

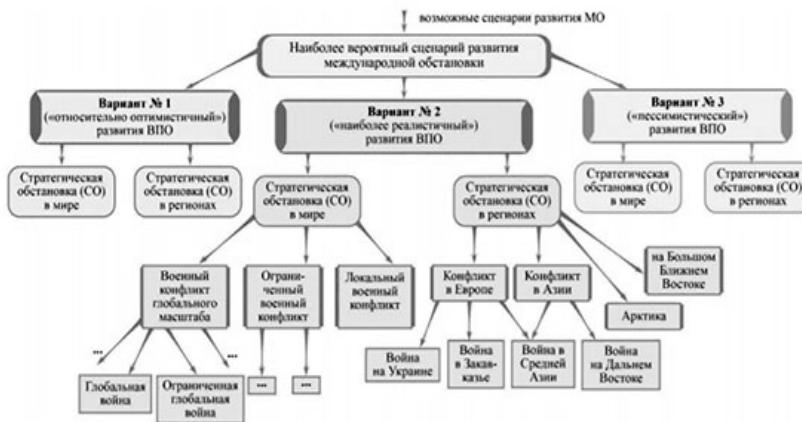
«Страна должна знать своих героев». Но мало кто знает, что у этого девиза есть продолжение. А звучит он так: «Страна должна знать своих героев и негодяев тоже...». И такая формулировка будет гораздо справедливей.

Политика СССР и России в последние десятилетия предопределяла практически на 100% развитие ВПО и СО. Во многом благодаря конкретным политикам и их окружению. Преодолеть негативные варианты развития СО без политических выводов и оценок конкретных представителей правящей элиты СССР и России невозможно: каждый раз мы будем сталкиваться с их наследием. В Грузии и Молдавии, в Белоруссии и Прибалтике, на Украине и с Финляндией и Норвегией, которым благоволила правящая элита СССР/России совершенно безвозвездно.

С точки зрения прикладной внешней политики и военной стратегии принципиально важно попытаться определить степень влияния развития отдельных вариантов МО-ВПО на формирование отдельных вариантов развития СО. Например, каким образом появилась стратегия развития СО в августе 2024 года при нападении ВСУ на Курскую область?

Как видно из рисунка ниже, базовый («наиболее реалистичный») вариант развития ВПО («Вариант № 2») предполагал два основных конкретных варианта развития стратегической обстановки в мире и в отдельных регионах, каждый из которых не мог быть исключен, но наиболее реалистическим является, безусловно, вариант развития «Стратегической обстановки

в регионах». Этот вариант СО предполагал нарастание вероятности конфликтов в Европе, Азии, на Большом Ближнем Востоке и в Арктике.

Примечательно, что после публикации в феврале 2022 года краткого описания новой Стратегии обороны США (в кратком изложении) появилась вполне обоснованная критика, которая показывала, что эта новая редакция вероятнее всего будет в скором времени пересмотрена именно по аналогии с «Вариантом № 2» развития СО, предлагаемого в данной работе, а именно: критики считают, что «США просто нужен документ на трех страницах, четкий и краткий, в котором говорится, что Соединенные Штаты и их союзники будут поддерживать мир в Азии, Европе и на Ближнем Востоке (2,5 войны), будут уделять первоочередное внимание готовности и возможностям вооруженных сил сегодня, создавая боеприпасы и оружие, интегрируя современные технологии, и будут увеличивать свое передовое присутствие в качестве приверженности демократии»³⁵³.

³⁵³ Подберезкин А.И. НАТО — основа проамериканской военно-политической коалиции Запада // Обозреватель. 2022. № 3–4. С. 5–23.

Так, по их мнению, «нынешний министр обороны Ллойд Остин должен принять этот момент шока и не корректировать Стратегию национальной обороны, а вместо этого переписать ее. Стратегия должна быть четкой, краткой и недвусмысленной. Это должна быть стратегия, в которой мы нуждаемся, не ограниченная в данный момент искусственными ограничениями финансирования. Короче говоря, в стратегии должны быть сформулированы следующие три императива, направленные на то, чтобы обратить вспять два с лишним десятилетия риска, из-за которого наши вооруженные силы оказались менее чем готовыми, у них не было боеприпасов, и они были слишком малы, чтобы делать то, что необходимо».

Во-первых, следует отказаться от стратегии одной войны, которая лежит в основе всех текущих решений. Теперь ясно, что у нас есть противники на трех фронтах, и мы должны четко заявить, что собираемся быть готовыми. Новая оборонная стратегия должна предусматривать создание системы национальной безопасности, способной и готовой справиться с двумя с половиной войнами.

Во-вторых, следует отказаться от мечтаний о третьем смещении, которые привели к ужасной авантюре с изысканными технологиями после 2030 года в ущерб военной готовности и возможностям сегодня. По сути, нынешняя оборонная стратегия приказала России и Китаю нанести удар в этом десятилетии, потому что мы, Соединенные Штаты, готовы ослабить себя сейчас, чтобы стать сильнее позже. Россия поддержала нас в этом вопросе, и Китай может не ждать, чтобы начать преследование Тайваня. Учитывая катастрофический послужной список Министерства обороны по преобразованию будущих технологий в правдоподобные системы вооружения, Министерству обороны следует вместо этого сосредоточиться на интеграции сегодняшних технологий в вооруженные силы, что является скачком вперед по сравнению с тем, что имеется в настоящее время. Новая оборонная стратегия должна отдавать приоритет закупке оружия и боеприпасов сегодня, постепенно внедряя технологии

и обращая вспять тенденцию увеличения расходов на исследования за счет краткосрочных закупок.

Наконец, *в-третьих*, откажитесь от гибельной более чем 20-летней стратегии базирования американских войск в Европе и выведите войска из-за границы.

Удивительно, насколько несоответствующей реальности стала нынешняя Стратегия национальной обороны. Нам не удалось соединить точки между речью Путина в Мюнхене в 2007 году, его вторжением в Грузию в 2008 году и его вторжением в Крым в 2014 году, вместо этого мы сигнализировали Путину через нашу оборонную стратегию, что будем рассчитывать наши силы только на одну войну за раз, и это был Китай. Настало время для нынешней команды защиты дать миру понять, что Америка с ними не только на словах, но и реальными возможностями³⁵⁴.

Как видно из предложенной модели сценария развития ВПО, уже до 2014 года существовало огромное разнообразие вариантов развития СО, войн и конфликтов, которые было необходимо прогнозировать в рамках доминирующего сценария развития ВПО эскалации военно-силового давления. Причем выделяя не только возможные, но и наиболее вероятные. Именно в тот период, как видно на рисунке, в качестве наиболее вероятных войн и военных конфликтов были выделены военные конфликты в Нагорном Карабахе и на Украине, в Белоруссии, хотя в Средней Азии и на Дальнем Востоке политика США привела к существенному обострению ВПО к 2021 году. Уже в то время я писал, что развитие ВПО «объективно требует», чтобы в условиях разрушения стратегической стабильности были проведены мероприятия военного планирования,

³⁵⁴ Феррари Джон. Вторжение России в Украину лишь выяснило устаревшую американскую стратегию и делает нас неподготовленными к современным глобальным угрозам // Срочные новости. 8 марта 2022 г. URL: <https://breakingdefense.com/2022/03/tear-up-the-national-defense-strategy-and-start-again-recognizing-reality/>

которые соответствовали бы новым условиям формирования ВПО и СО³⁵⁵.

Во-первых, стратегический прогноз частных СО, военных конфликтов и войн был максимально конкретным, потому что даже локальные и региональные войны могут качественно отличаться друг от друга, например, военный конфликт на Донбассе и в Сирии, а тем более в Нагорном Карабахе. Богатый опыт локальных и региональных войн, в которых участвовали ВС СССР и России в последние десятилетия, должен максимально использоваться и учитываться, а не игнорироваться, как это случилось во многом после войны в Афганистане.

Причем, во-вторых, такой прогноз должен делаться не только применительно к самому периоду военных действий, но и, как писал К. Клаузевиц, к «другим видам деятельности, помогающим использованию вооруженных сил», которые он относил к категории «сохранения военных сил». Кстати, этот военный гений всегда подчеркивал, что у государств «существует множество силовых инструментов политики, в том числе невоенных, которые надо использовать даже во время войны», что полностью подтвердилось накануне и в ходе СВО.

Во многом варианты различных сценариев в настоящее время мало отличаются от тех, которые прогнозировались прежде. Другое дело, что каждый «нижестоящий» в своей иерархии сценарий и его варианты могут отличаться некоторыми конкретными особенностями от «вышестоящих» по иерархии сценариев.

Это отличие каждый раз проявляется в *конкретных вариантах*. Так, например, сценарий силового (но не военного) противоборства в развитии МО и ВПО не противоречит в деталях военному противоборству (с помощью нелетального оружия, использования ССО, поставок ВВСТ и прочее), реализуемого в одном из вариантов сценария развития СО против России

³⁵⁵ Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях : монография / под общ. ред. проф. С.Ф. Викулова. М. : АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020. 438 с.

на Украине, Северном Кавказе или в Средней Азии. Или сценарий борьбы США и НАТО с Китаем и Россией не исключает вариантов отдельного военно-силового противоборства, что в итоге и произошло в 2022 году³⁵⁶.

В самом общем виде рисунок дает представление о подходе к исследованию, в котором сегодня нас интересует самый «нижний» уровень отношений — состояние СО, то есть конкретное состояние СО в регионах и на отдельных ТВД.

Таким образом, в очередной раз в военной истории результаты военных действий должны будут быть использованы политиками. К сожалению, у России есть разный опыт позитивных и негативных результатов такого использования. Надо только понимать, что в целом для МО частный случай результатов СВО будет иметь огромное значение для будущего развития МО и всего миропорядка. В том числе и их влияние на смену политических парадигм в развитии МО и ВПО, которое ощущается сильно в связи с углублением мирового кризиса и хаоса.

«В период 2021–2025 годов уже не только возможны, но и вероятно станут военные конфликты и войны с западной коалицией на нескольких потенциальных ТВД и стратегических направлениях — от юго-западного (Украина) и северо-западного (Белоруссия) до южного (Закавказье). Они рассматриваются в качестве возможных и вероятных, например, в США» — писал я еще в 2015 году и позже, ссылаясь на Дж. Байдена³⁵⁷. Напомню, что подобные сценарии были прописаны в серии работ и НИР, в том числе опубликованных достаточно давно³⁵⁸, когда

³⁵⁶ Столтенберг: вызовы со стороны Китая и России войдут в новую стратегическую концепцию НАТО в 2022 году // РИАН. 18.10.2021. URL: <https://riafan.ru/1538863-stoltenberg-vyzovy-so-storony-rossii-i-kitaya-voidut-v-strategicheskuyu-koncepciyu-nato>

³⁵⁷ Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times. 29.04.2021.

³⁵⁸ См., например: Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО, 2014; Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М. : МГИМО, 2015. 325 с. и др.

о конфликтах в Белоруссии и в Нагорном Карабахе еще многое не говорилось. Исключительно важная роль на первых этапах принадлежит ИР НЧК³⁵⁹.

Учитывая, что подробно это было сделано в предыдущих работах, здесь я просто исхожу из описанного выше сценария МО, который представляется наиболее вероятным в настоящее время и на перспективу, а именно сценария «Эскалация военно-силовых отношений между западной военно-политической коалицией и другими странами и центрами силы».

Этот сценарий МО реализуется в наиболее вероятном сценарии развития ВПО и его конкретных воплощениях в сценариях развития СО. Именно эта часть, развивающая положения сценария ВПО, о которой прежде не говорилось, становится основной в данном исследовании.

«Вариант № 2» развития ВПО на 2019–2021 годы — «Усиление военно-силового давления» — был конкретизирован в минимальной степени потому, что основной акцент делался на реализации того или иного сценария ВПО и его вариантов до «переходного периода», то есть на более продолжительную перспективу³⁶⁰. В данной работе акцент изменен. Он более конкретизирован. В «переходный период» наиболее вероятным, на мой взгляд, будет вариант развития ВПО № 2.2. Поэтому конкретизация «Варианта № 2.2» должна быть описана подробнее. В том числе и потому, что «перспектива 2021 года» уже наступила. Этот год стал реальностью, то есть отсчет «переходного

³⁵⁹ См. последние работы: Подберезкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала — альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель. 2021. № 7. С. 33–48; Боброва О.В., Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Негосударственные институты развития — силовые средства политики // Обозреватель. 2021. № 9. С. 17–38; Боброва О.В., Подберезкин А.И. Политико-правовое противодействие подрыву основ государственности России // Обозреватель. 2021. № 10. С. 15–25.

³⁶⁰ См. подробнее: Подберезкин А.И. Наиболее вероятный вариант сценария развития ВПО на 2022–2023 годы // Рейтинг персональных страниц. 17 июля 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/naibolee-veroyatnyy-konkretnyy-variant-stsenariya-razvitiya-vpo-na-2022-2023-gg>

периода» начался параллельно с наступлением вероятного периода региональных и локальных войн³⁶¹. «Точка бифуркации» была пройдена в 2021 году, когда были сделаны все основные приготовления к началу крупного военного регионального конфликта на Украине. Заявление правительства России в декабре 2021 года стало последней попыткой решить вопрос политico-дипломатическими средствами. В феврале 2022 года, как известно, была начата СВО на Украине, но если бы она и не была начата, то ВСУ начали бы действовать откровенно на уничтожение ЛДНР уже в феврале — начале марта.

При этом особо отмечается, что при реализации этого сценария ВПО в его наиболее вероятном конкретном варианте — «Вариант № 2.2» — влияние военно-силовых аспектов внешней политики — военной политики, ВВСТ, военного искусства, развития ОПК и прочих аспектов, относящихся, как правило, к оценке состояния ВПО и СО, характеру войн и военных конфликтов, — имеет *возрастающее влияние на современный сценарий развития и формирование МО*, требуя отдельного внимания. Именно этому посвящается данный раздел работы.

Этому не противоречит тот факт, что в США постоянно разрабатываются и другие *варианты этого сценария*. В частности, после прихода к власти в 2021 году новой администрации РЭНД подготовила специальный доклад о внешней и военной политике страны в глобальном мире и в отдельных регионах, имеющий самое прямое отношение к «Варианту 2.2» предлагаемого в работе сценария. В нем, в частности, говорится о том, что «Соединенные Штаты сталкиваются с рядом проблем национальной безопасности, в то время как федеральный бюджет испытывает давление из-за кризисов в области общественного здравоохранения и инфраструктуры. В ответ на эти вызовы растет общественный интерес к переосмыслению роли США в мире. Согласно од-

³⁶¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

ному варианту — реалистичной великой стратегии сдерживания — Соединенные Штаты примут более согласованный подход к другим державам, уменьшат размер своего военного и передового военного присутствия, а также прекратят или пересмотрят некоторые из своих обязательств в области безопасности»³⁶².

Авторы доклада РЭНД считают, что, как правило, сторонники сдержанности будут больше полагаться на дипломатию для урегулирования конфликтов интересов, поощрения других государств к лидерству и сохранения военной мощи для защиты жизненно важных интересов США. Конкретные последствия этой «Большой стратегии» варьируются также в зависимости от региона в зависимости от уровня интересов США и риска того, что одна-единственная держава может доминировать в регионе.

Сторонники сдержанности стремятся к более согласованному подходу с нынешними противниками США, такими как Россия и Иран. Основная область разногласий среди сторонников сдержанности — стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сторонники сдержанности утверждают, что возвышение единого могущественного государства в Восточной Азии, Европе или Персидском заливе поставит под угрозу жизненно важные интересы США, но пока не предложили директивным органам указаний о том, как узнать, что такая угроза возникает³⁶³.

Иначе говоря, новый возможный сценарий «Варианта 2.2» может отличаться от существующего двумя особенностями: во-первых, долей силовых невоенных средств и мер и различиями в региональной политике и приоритетах. Во многом этот

³⁶² Изменения в региональной политике безопасности США для осуществления реалистичной глобальной стратегии сдерживания / Миранда Прибэ, Брайан Руни, Нэйттан Бошан-Мустафага, Джонни Мартини, Стефани Пезард // RAND Report. 23 Jan. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA739-1.html#4

³⁶³ Там же.

вариант вызван именно различиями военно-технического характера в военной политике США в том или ином регионе или в военной политике страны, что, впрочем, всегда было нормой в современной военной истории, если вспомнить, например, опыт наполеоновских войн или войны за независимость в США³⁶⁴.

Таким образом, если зависимость процесса формирования СО от сценариев развития МО и ВПО известна, даже очевидна, принципиальна и носит определяющий характер³⁶⁵, то не менее важно также заметить и влияние обратного процесса: как развитие СО, конкретных военных конфликтов и войн определяет процессы формирования не только ВПО, но и МО. В особенностях, когда речь идет об острых фазах развития этих систем, как, например, это происходит в настоящее время в целом ряде регионов планеты. Так, развитие СО в Сирии, на Южном Кавказе и Юго-Востоке европейской части России в настоящее время прямо и буквально ежедневно сказывается на формировании ВПО и даже МО на Среднем и Ближнем Востоке, в Закавказье и на Юго-Востоке Европейской части России. Успехи операции России в Сирии достаточно заметно повлияли, в частности, на состояние МО не только в этом регионе, но и на отношения России с Западом в целом.

Иными словами, хотя отношения субъектов при формировании МО и ВПО выходят далеко за границы силовой, а тем более военно-силовой политики, охватывая такие несиловые области отношений, как цивилизационные, гуманитарные, научно-образовательные, культурно-духовные и иные, возрастающее значение в последнее время имеют именно силовые и военно-силовые аспекты.

³⁶⁴ См., например: Фрайтаг-Лорингховен Гуго, фон. Полководческое искусство. М. : ACT, 2019. С. 44–47.

³⁶⁵ Собственно, этому посвящена вся первая часть работы — «Анализ и прогноз развития ВПО», где основное внимание было уделено формально логическому процессу дедукции влияния формирования того или иного сценария МО на сценарии и варианты развития ВПО. Также см. подробнее: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

ты, которые требуют специального анализа³⁶⁶. При том понимании, что значительные области этих отношений могут и имеют все возрастающее значение с точки зрения силовой (невоенной) политики, то есть являются частью ВПО и даже СО³⁶⁷.

Так, сознание и развитие гражданских НКО, которые могут при необходимости стать участниками силовой (и даже военно-силовой) политики, имеет, как известно, прямое отношение к формированию не только МО, но и ВПО и даже СО (если речь идет, в частности, о создании оперативного резерва или ЧВК). Именно так происходило в последние десятилетия во многих государствах и на многих территориях, например, бывшего СССР, когда создание изначально вполне мирных организаций постепенно превращалось в процесс их стремительной эволюции в агрессивные и военизированные структуры, оснащенные не только гражданским оружием, но и даже современным тяжелым вооружением³⁶⁸. Их эволюция особенно наглядно проявилась в 1980-е годы в Армении и Азербайджане, в Таджикистане и Киргизии, Грузии, Абхазии, наконец, Чечне и на Украине, а в последнее время и в Белоруссии.

В данной работе акцент делается, однако, преимущественно на тех *силовых (военных и невоенных) аспектах в политике субъектов СО*, которые имеют прямое отношение прежде всего к военно-силовым отношениям субъектов и отдельных акторов в формировании МО и ВПО. В частности, например, на значении

³⁶⁶ Граница между несиловыми отношениями («мягкая сила») и силовыми — невоенными («сила принуждения») и силовыми военными («жесткая сила»), впрочем, достаточно условная. Особенно учитывая, что, как правило, все эти средства применяются комплексно. Тем не менее такая граница существует, и в интересах сохранения мира государства должны ее выделять.

³⁶⁷ См., например: Подберезкин А.И. Роль СЦА в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М. : Международные отношения, 2019. 462 с.

³⁶⁸ Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.

информационно-когнитивного и цивилизационного силового противоборства, влияющего на формирование СО в России и на постсоветском пространстве, где контроль, с официальной точки зрения США, над постсоветским пространством со стороны России должен быть окончательно потерян³⁶⁹. Так, например, в этих целях западная военно-политическая коалиция³⁷⁰, создаваемая на базе западной локальной человеческой цивилизации, делает ставку на разжигании русофобии в бывших советских республиках, создавая, как на Украине, очаги национальной напряженности искусственно. Отрицать организованный и управляемый характер подобной политики в отношении России со стороны более 60 субъектов МО бессмысленно (хотя это и делается). Так, например, 9 декабря 2020 года Генассамблея ООН приняла резолюцию «Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь, Украины, а также районов Черного и Азовского морей» на пленарном заседании 74-й сессии организации. Документ поддержали 63 государства, 19 высказались против и 66 стран воздержались. Этот пример — наглядная иллюстрация того, как сплоченно действует западная военно-политическая коалиция в мире. «Распределение сил» в мире происходит примерно в соответствии с таким водоразделом.

Другой пример связан с действиями австралийского спецназа. Австралия направила воинский контингент в Афганистан в 2001 году, в течение 13 лет его численность составляла в среднем 1500 военнослужащих. В декабре 2013 года военная база Тарин Кот в провинции Уruzган была закрыта, а служив-

³⁶⁹ Эта задача откровенно провозглашается, например, Демократической партией США, но она является, по сути, консенсусом для всего американского истеблишмента.

³⁷⁰ Западная военно-политическая коалиция — зд.: широкая коалиция, в которую кроме стран — членов НАТО входят развитые нейтральные государства, Япония, Австралия и целый ряд других стран, имеющих тесные двусторонние военно-политические соглашения с США и их союзниками.

шие там солдаты вернулись домой. С 2014 года в Афганистане остались порядка 300 австралийских солдат и офицеров, дислоцированных на международных базах близ Кабула. Главные обвиняемые — элита ВС Австралии — военнослужащие специальной эскадрильи авиадесантной службы (Special AirService, SAS). Они служили в составе многонациональных сил, дислоцированных в Афганистане, но вместо обещанного мира принесли на эту землю нечто совсем другое. По словам командующего вооруженными силами Австралии генерала Ангуса Кэмпбелла, в ходе расследования было «абсолютно достоверно доказано», что австралийские спецназовцы совершили по меньшей мере 39 убийств и участвовали в эпизодах запугивания и унижения безоружных людей. Преступления, как заявлено, были совершены в период с 2005 по 2016 год. Расследование, итогом которого и стал отчет, началось в середине 2016-го и длилось чуть менее четырех лет, до конца 2019 года³⁷¹.

Действия широкой проамериканской коалиции в мире направлены прежде всего против России. Так, например, в декабре 2020 года нейтральная Швейцария поддержала санкции США и ЕС против России из-за Крыма. Позже, в 2023 году, присоединилась к поставкам оружия. Примеров такой политики русофобии множество, но важно подчеркнуть, что эта политика — один из принципов коалиционной политики Запада в отношении России последних десятилетий, которая является высшим приоритетом по отношению к России. И она находит свое современное подтверждение в действиях западной коалиции по отношению ко всем постсоветским странам — от Белоруссии до Киргизии.

К сожалению, далеко не всегда такая политика встречает своевременную и адекватную реакцию со стороны России, что ведет к ограничению ее влияния на постсоветском пространстве и наносит ущерб русскому населению³⁷². В частности, если

³⁷¹ Аркаева А. Австралия: шок после публикации доклада о преступлениях спецназовцев в Афганистане // ТАСС. 9 декабря 2020 г.

³⁷² В отличие от политики СССР, когда, например, Л. Брежнев жестко ответил президенту США на его заявление о вмешательстве в дела

в конце 1980-х в Киргизии проживало около 1 млн этнических русских (и больше 100 тыс. украинцев, которых тут тоже все считали русскими), то по переписи 2018 года осталось уже 350 тыс. — чуть больше 5% населения. Более того, отчетливо просматривается тенденция «выдавливания» их из страны в будущем. Нынешние «киргизские русские» стараются держаться подальше от политики. В парламенте Киргизии, который сейчас избирался, на 120 человек всего 3 депутата со славянскими корнями. В ходе проходившего 14 октября 2020 года митинга сторонников премьера Садыра Жапарова, например, «одни спикеры призывали убираться из страны тех, кто не говорит на киргизском», а другие возмущались работой журналистов «нети-тульной национальности».

В любом случае феномен силового (но не военного) влияния развития СО, войн и военных конфликтов на формирование ЛЧЦ и их коалиций³⁷³, на структуру МО и сценарий развития ВПО имеет огромное, но далеко не всегда признаваемое, значение. Если в прежней истории человечества войны создавали и разрушали государства, то в современной истории войны и военные конфликты стали частью более общей силовой политики, когда невоенные силовые меры и средства оказывались более эффективны, чем военные средства и меры, хотя они формируют в такой же степени новую реальность СО. Именно так произошло на Украине, а до этого в Грузии, в Румынии, Киргизии и целиком ряде других стран. По этому пути может пойти развитие социальных конфликтов в развитых странах — США, Франции, России. Как показали выступления в России в январе 2021 года,

Афганистана «о неумеренности тона в отношении СССР». См. подробнее: Громов Б. Ограниченный контингент. М.: Яузा-каталог, 2019. 84 с.

³⁷³ Современная военно-политическая коалиция — зд.: достаточно широкий о составу и обязательствам союз, в котором его члены могут иметь разные по своему характеру обязательства друг с другом — от тесных взаимно обязывающих военно-политических гарантий (как, например, ст. № 5 Североатлантического договора) до размытых двусторонних соглашений о политико-дипломатическом союзе.

самые новые, в том числе неожиданные, формы противоборства могут стать (и наверняка станут) практикой в отношениях Запада с Россией в будущем. Не случайно, например, наиболее организованные выступления произошли в Екатеринбурге и Владивостоке, где очень активную работу вели Генеральные консульства США.

Эта современная особенность развития МО, очевидно, пока недооценивается, в частности, когда речь идет о долгосрочном цивилизационном влиянии, которое вытеснило идеологическое влияние в мире и на постсоветском пространстве СССР и России, а в настоящее время усиленно проявляется во влиянии западной, китайской, исламской и индийской ЛЧЦ. Именно цивилизационное влияние может проявиться прежде всего в силовых и невоенных формах конфликтов, которые позже трансформируются из качественно новых СО в новые ВПО и МО³⁷⁴. Новая «цивилизационная» СО, например, сформировалась на Южном Кавказе, где Армения и Азербайджан вступили в военный конфликт, но только этим конфликтом новая СО отнюдь не ограничена — факторы Турции, Ирана, с одной стороны, и США и Великобритании, с другой, продолжают усиливаться.

³⁷⁴ Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2021.

2.7. ОСНОВА ДЛЯ СРЕДНЕСРОЧНОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО ВАРИАНТА БАЗОВОГО СЦЕНАРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

2023–2024 годы стали, несмотря на все трудности и противоречия, в целом положительным этапом в развитии МО. Этот период показал:

- что мощная западная коалиция во главе с США уже не все может в этом мире не только в политическом и военном, но и в экономическом плане;
- что существует и развивается цивилизационная альтернатива Западу;
- что Россия становится (со всеми оговорками) реальным лидером «анти-Запада».

При анализе развития ВПО и стратегий государств исключительно важное значение имеет, как уже говорилось выше, общее направление развития международной обстановки, ее наиболее вероятный (из множества возможных) базовый сценарий развития и возможные конкретные варианты. Именно они являются своего рода основными параметрами и границами в развитии базового сценария и его вариантов ВПО. Это может быть изначально некая модель развития МО, которая является базовой для того или иного сценария развития ВПО в мире и только затем уже в конкретном регионе. В нашем случае — на Украине³⁷⁵.

В самом общем, абстрактном, заведомо упрощенном виде, такая авторская модель формирования системы взаимодействия большого количества факторов и тенденций МО, а также производных состояний развития сценариев и их вариантов ВПО

³⁷⁵ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии : сборник материалов военно-научной школы. М. : ВАГШ ВС РФ, 2024. 228 с.

и далее — стратегической обстановки по конкретным сценариям и их наиболее вероятным вариантам, как уже говорилось, выглядит в качестве упрощенной модели, как это было показано выше.

При этом принципиально важно понимать суть современного состояния МО, которая является следствием фундаментальных изменений в экономике, технологиях и политических системах, своего рода «переходного периода», исторически во многом аналогичного такому же периоду начала XX века, когда промышленное производство, развал империй и прежних нравственных и правовых норм привел к принципиально новому этапу в развитии человеческой цивилизации, просуществовавшему до начала XXI века. Из этих особенностей развития МО вытекают принципиальные особенности развития современной ВПО и, соответственно, военной политики и стратегий государств.

С точки зрения России, это означает смыкание двух процессов, глобальных по своей сути тенденций — доминирования правящей элиты США в глобальном мире, с одной стороны, и параллельного выхода России из полуколониальной зависимости³⁷⁶ от глобального Запада, — с другой.

Суть СВО поэтому не столько в собственно военной операции и военных действиях, сколько в сочетании целого ряда мер в области политики, экономики, финансов, науки, образовании и проч. по преодолению зависимости от Запада во всех областях, возвращению суверенитета и национальных приоритетов опережающего развития.

Так, одной из тенденций в мировой политике является преодоление правящими элитами западной военно-политической коалиции (прежде всего странами ЕС, где США удалось создать проамериканский политический корпус) полной зависимости

³⁷⁶ Это понятие очень точно использовал в ряде своих выступлений профессор МГИМО и бывший разведчик-нелегал А. Безруков.

от США, возвращение суверенитета и национальной идентичности. Пока что эта тенденция еще только обозначается на фоне абсолютной зависимости правящих элит стран ЕС от США, но уже не случайно в Словакии на парламентских выборах и президентских выборах 6 апреля 2024 года победили представители относительно независимого политического курса, как до этого в Венгрии и в некоторых других странах и регионах. В Молдавии, например, весной 2024 года оппозиция прямо заявляла, что выбор будет сделан не в пользу США и ЕС, а в пользу России³⁷⁷.

Это только первые признаки того кризиса, который неизбежно охватит правящие элиты западной коалиции после провала проамериканского курса глобализации, предполагающего отказ от национальных интересов, в условиях «переходного периода».

На предлагаемом ниже рисунке, представлена именно абстрактная модель развития только *одного из сценариев* МО-ВПО-СО, которая не раз использовалась при подготовке системы исходных данных для анализа политики государств. В нынешней работе сохранится подобная логика — изначально будет выченен наиболее вероятный базовый сценарий развития МО из целого ряда возможных сценариев и вариантов³⁷⁸. Здесь можно лишь назвать некоторые *возможные* базовые сценарии развития МО, которые так и не стали *наиболее вероятными* к 2024 году, но считались в некоторых исследованиях таковыми:

³⁷⁷ Будущее Молдавии — партнерство с Россией, и это понимают все молдаване. Об этом 7 апреля заявил молдавский оппозиционный политик Илан Шор: «Наше будущее не в ЕС и НАТО. Наше будущее — это продуктивное взаимодействие с Россией, СНГ и ЕАЭС. Это понимает и признает каждый адекватный человек в нашей стране».

³⁷⁸ Их анализ будет опущен в целях экономии места и времени потому, что в начале 2024 года для авторов подтвердился прогноз о единственном базовом сценарии развитии МО — «Эскалации военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции с другими центрами силы и государствами».

- базовый сценарий развития МО «Сотрудничество и общечеловеческие ценности»;
- базовый сценарий развития МО «Холодная война 2.0»³⁷⁹;
- базовый сценарий развития МО «Противостояние цивилизаций»;
- базовый сценарий развития МО «Гегемония двух сверхдержав» и т.д.

В стратегическом прогнозе принципиально важно из всего множества возможных сценариев выделить *наиболее вероятные* (либо даже неизбежные) сценарии и их варианты развития миропорядка и МО. В современный период 2024–2025 годов (возможно, даже еще 10–15 лет), с точки зрения нашего подхода этот базовый сценарий развития МО оставляет место *единственному сценарию развития военно-политической обстановки* — «Усилению военно-силового противоборства», который может реализоваться в одном из трех своих *наиболее вероятных вариантов, либо их сочетаний*.

Следует оговориться, что этот наиболее вероятный и существующий в настоящее время вариант развития ВПО, в свою очередь, конкретизируется и корректируется в нескольких вероятных вариантах развития стратегической обстановки. Например, на Украине очень многое зависит от того, как будет развиваться СО на севере ЛБС (в Харьковской области), в центре (на Донбассе), и в направлении Одесса — Николаев — Приднестровье. Естественно, что не только ВПО, но и МО будет зависеть во многом от результатов такого развития СО.

На принципиальной схеме развития всех сценариев МО-ВПО-СО и их вариантов эта логика выглядит следующим образом.

³⁷⁹ Этот базовый сценарий развития МО, однако, может стать вероятным после неизбежного восстановления минимума отношений США и стран ЕС с Россией через несколько лет после достижения перемирия или мира в Европе.

Как видно из рисунка, в его центре находится прямоугольник, обозначающий базовый сценарий развития ВПО и современной стратегии США и их союзников «Эскалация военно-силового противоборства», вытекающий из единственного реально развивающегося сценария МО («Вариант № 2») «Военно-силового противоборства», который стал доминирующим с начала нового века.

Этот базовый сценарий развития ВПО, вероятно, будет реализовываться в одном-двух вариантах (из 3-х). Наиболее вероятно — «Варианте № 2», который, в свою очередь, предполагает свою конкретизацию в нескольких СО в мире и на украинском ТВД³⁸⁰. Например, на севере, вокруг Харькова, в центре — Донбасский район, в Запорожье и в районе Херсона, Николаева³⁸¹. В данной работе эти особенности не рассматриваются, потому что находятся в компетенции не журналистов, а органов военного управления.

Важно сделать изначально несколько существенных оговорок.

1. Из предложенной модели, в частности, видно, что базовый сценарий развития международной обстановки представляет собой совокупность взаимодействия множества факторов и тенденций, объединенных в четыре основные группы. На рисунке выше был показан один из возможных (абстрактных)

³⁸⁰ В данной работе стратегическая обстановка рассматривается как конкретный вид военно-политической обстановки в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО.

³⁸¹ Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты. СО также характеризуется совокупностью факторов и условий, в которых осуществляется подготовка и ведение военных действий. СО в основном определяется ВПО и характером военно-силового противостояния. Но важно помнить, что ВПО, в свою очередь, предопределяется состоянием МО. СО характеризуется также применяемыми военно-силовыми средствами, ВВСТ, группировками и характером противоборства, решаемыми задачами и условиями ТВД.

базовых сценариев, которых может быть множество, но из которых необходимо выделить и проанализировать 2-4 наиболее вероятных сценария развития МО.

2. Из такого наиболее вероятного базового сценария МО вытекает наиболее вероятный базовый сценарий развития ВПО, который конкретизируется в разных вариантах сценариев развития ВПО, а те, в свою очередь, — в наиболее вероятных сценариях и вариантах развития стратегической обстановки.

3. Базовый сценарий развития ВПО, как часть МО, является *производной* от состояния МО³⁸². В этом смысле сценарий развития ВПО является частью сценария развития МО, а не самостоятельным явлением и процессом. Другими словами, как минимум сценарий развития ВПО *ни в одном из своих вариантов не может противоречить доминирующему сценарию развития МО*.

Наконец, сценарии развития глобальной и региональной СО, ситуаций на ТВД и в отдельных регионах, а также в основном войн и конфликтов, не могут противоречить в целом вышестоящим сценариям развития ВПО и МО. Разве что в самых мелких деталях военно-технического характера. Это условие анализа необходимо было повторить, но сам по себе предмет исследования — состояние ВПО и СО — является отдельной темой.

Поэтому прежде всего базовые основы развития того или иного сценария ВПО и военных стратегий и даже его конкретного варианта следует искать в развитии общих сценариев МО и отношений между главными субъектами и акторами, а также влияния наиболее сильных отдельных тенденций. Применительно к развитию ВПО в России, политика США — стремление лишить нашу страну суверенитета и национальной идентичности, максимально ослабить (для начала) ее позиции в мире. Так,

³⁸² Именно поэтому невоенные силовые, прежде всего информационно-когнитивные факторы стали играть ведущую роль. См.: Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.

например, активность России в Африке и Сирии стала одним из стимулов для усиления антироссийской политики не только США, но и стран ЕС. Другая тенденция — эпидемия русофобии на Западе в 2022–2023 годах, которая к началу 2024 года неожиданно для многих стала спадать³⁸³.

Противодействие российской политике может быть сформулировано по-разному — как военное, так и политико-дипломатическое. Вот как, например, это видит один из бывших послов ЕС в Африке: «У России есть и другие планы. Она хочет построить военную базу на суданском побережье Красного моря. Учитывая, что поддерживаемая Россией RSF находится на стороне победителей, эти планы, похоже, становятся все более конкретными. Другими словами, мы движемся к сценарию, при котором Россия, Иран и Китай (не совсем лучшие друзья Запада) могут перерезать одну из коронарных артерий мировой экономики или по крайней мере серьезно подорвать ее, со всеми вытекающими экономическими и политическими последствиями. Это, мягко говоря, неприятная перспектива. Понятно, что каждый конфликт влечет за собой новый конфликт. Поэтому прекращение войн является единственным выходом. Война в секторе Газа должна быть срочно прекращена. Война в Судане должна быть срочно прекращена. Если Европа и США захотят, они смогут оказать достаточное давление на все воюющие лагеря, чтобы они хотя бы объявили о прекращении огня и сели за стол переговоров»³⁸⁴.

При этом самые разные субъекты, факторы и тенденции играют разное значение, которое меняется в зависимости от субъективных моментов в истории. Так, новая роль БПЛА, которые превратились в самостоятельный род ВС, безусловно, влияет не только на стратегии и ВПО, но и МО, например, когда хуситы нападают на мощную коалицию ВМС развитых стран.

³⁸³ Угроза России на Западе в феврале 2024 года отошла в опросах с первого на 4–7 место, по оценке Мюнхенского института.

³⁸⁴ Демеф К. Сможет ли Россия вскоре контролировать Красное море? // EUobserver. 8 Feb. URL: <https://euobserver.com/opinion/158053>

Это означает, что анализ и прогноз развития МО и ВПО зависит в том числе и от того, какое значение имеют в данное время те или иные субъекты, факторы или тенденции. Это значение может стремительно меняться как в сторону усиления, так и ослабления.

Применительно к развитию ВПО на Украине эти принципиальные замечания имеют прямое значение. Как показал опыт СВО, иногда внешне незначительные факторы формирования ВПО могут сыграть решающую роль. Например, для ВС РФ — слабость космической группировки и систем связи на ТВД³⁸⁵.

Вместе с тем следует учитывать и обратное влияние — развитие сценариев СО и ВПО и усиление их влияния на международную обстановку и в целом на мировой порядок. Как это бывало нередко в истории, военные результаты влияли на политические тенденции. Особенно это важно для современного периода, когда развитие военных технологий, ВВСТ и военного искусства, а также (что не сразу стало очевидным) военной промышленности становится фактором, объективно сильно влияющим не только на формирование ВПО, но и МО. Таким образом, структура, сценарии развития и их варианты МО и миропорядка будут качественно, радикально меняться в «переходный период» до 2025 года под сильнейшим влиянием отдельных, в частности военно-технических, факторов — ВВСТ и ВС, их способности влияния на процессы изменения миропорядка.

«Возвращение» фактора военной силы, который, на самом деле, «уходил» только в фантазиях некоторых советских и российских политиков и ученых с конца 70-х годов XX века, приобретает отчетливо доминирующий характер воздействия на развитие МО³⁸⁶. Перспективы развития МО ограничены

³⁸⁵ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

³⁸⁶ К сожалению, в советской и Российской политике и науке остается тенденция, сложившаяся во времена М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, переоценивать «политическое» значение аспектов безопасности, которая

только военно-силовым сценарием развития, который будет реализовываться в разных вариантах — от политico-силового, где военная сила используется в политico-психологической форме, до военно-силового, когда военная сила применяется системно, как правило, одновременно во всех формах. Это означает как минимум переоценку значения силовых — военных и не военных — факторов в мировой политике, ее растущую зависимость от военной политики, снижение роли политico-дипломатических инструментов, в частности, переговоров и сокращения вооружений и военной деятельности, которые отчетливо превращаются в дополнительный информационно-пропагандистский инструмент внешней политики государств.

Такая общая закономерность в развитии МО распространяется, вероятно, не только на ближнесрочную перспективу 2024–2025 годов, но и на долгосрочную перспективу развития МО в мире и, естественно, на украинском ТВД. Поэтому стратегическое планирование должно исходить из того, что военное противоборство в ближайшие 10 лет может происходить с разной степенью интенсивности, в разных формах, но оно неизбежно. На украинском ТВД оно может превратиться в постоянно действующий фактор влияния на состояние МО в мире и в Европе.

отчасти стала традицией поколений дипломатов, части военных и особенно ученых РАН, сделавших на ней свою карьеру. Эта тенденция отчетливо проявляется не только в поведении некоторых политиков и ученых, но и в подготовке и расстановке кадров, решению в конечном счете важнейших вопросов безопасности. Ее инерция серьезно вредит адекватной оценке МО-ВПО и национальной стратегии.

2.8. Особенности влияния состояния международной обстановки на формирование военно-политической обстановки в «переходный период»

...сетевые структуры можно использовать не только для освобождения общества, но и для укрепления централизованного контроля³⁸⁷.

*Б. Макконнелл, старший вице-президент
Института «Восток-Запад»*

Известно, что состояние международной обстановки решающим образом влияет на формирование военно-политической обстановки и стратегической обстановки даже при внешне самых неблагоприятных условиях, что подтверждалось в истории международных отношений многократно не только теорией, но и практикой³⁸⁸. Так, резкие и неожиданные изменения в МО в отношениях России и Турции, воевавших десятки раз, радикально сказывались на состоянии ВПО. Как в одну, так и в другую сторону. 8 июля 1833 года, например, в местности Ункар-Искелеси близ Константинополя два monarchy — Махмуд II и Николай I — «молниеносно» подписали договор о союзе, поставив державы Старого Света перед фактом: Россия и Турция неожиданно превратились в союзников. Поверить в такой резкий разворот было непросто. На протяжении XVIII и первой трети XIX века державы воевали между собой шесть раз, оспаривая контроль над населенными христианскими народами Балканами. Уже в нашем веке отношения

³⁸⁷ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. Март–апрель 2016. № 2. С. 131.

³⁸⁸ См., например: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

России и Турции приобретали самые неожиданные ракурсы — от откровенно враждебных в 2015 году до почти союзнических в 2019–2022 годах³⁸⁹.

Иными словами, состояние МО, как всегда, предопределяло положение в ВПО, но с существенной оговоркой: реальное ВПО и даже СО могли развиваться скрытно в отличие от публичного МО, и даже в противоречии с ним. Так тоже бывало в истории не раз, например, в отношениях Германии и Польши накануне нападения Германии в 1939 году на страну, которая считалась ее союзником длительное время. Это выдает одну из важнейших особенностей в отношениях между «доминирующей» МО над ВПО: международная обстановка может меняться, во-первых, быстро и, во-вторых, неожиданно, в течение месяцев, а военно-политическая обстановка объективно требует времени и перераспределения ресурсов. Притом что эти изменения могут происходить относительно скрытно и незаметно, как это было, например, в отношениях Германии и СССР в 1941 году.

Именно это происходило в отношениях России с «коллективным Западом» в 1990-е и в первом десятилетии 2000-х, когда скрытно шла силовая (в том числе военно-техническая) подготовка США и их союзников к «последнему этапу» силового противоборства с Россией на фоне дружеского развития политических отношений, которые порой сопровождались (как в борьбе с международным терроризмом в начале нулевых) даже союзническими взаимодействиями³⁹⁰.

В частности, само создание НАТО и его последующее расширение в условиях нормализации отношений между СССР/Россией и Западом свидетельствует непосредственно о скрытых

³⁸⁹ Впервые этот раздел был частично опубликован в статье: Подберезкин А.И. Особенности влияния международной обстановки на формирование ВПО в «переходный период» // Рейтинг персональных страниц. 29 июля 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/osobennosti-vliyaniya-mezhdunarodnoy-obstanovki-na-formirovaniye-vpro-v-perehodnyy-period>

³⁹⁰ Подберезкин А.И. Трансатлантическое партнерство трещит по швам // Красная Звезда. 19 февраля 2023 г.

враждебных намерениях в отношении России в 90-е годы прошлого века и нулевые годы нынешнего столетия. Так, например, конец 1990-х и начало 2000-х гг. характеризовались активизацией военных компонентов ЕС, решением о создании ВС Европейского союза, и именно в этот период было основано «Европейское оборонное агентство» (EOA)³⁹¹, программы «постоянного структурированного сотрудничества», «План развития потенциала», организован «Европейский оборонный фонд» и прочее.

Эволюция развития МО с 1990-х годов по 2007 год была такова: за словами и декларациями о нормальных, даже дружеских, отношениях со стороны Запада скрывалась реально шедшая подготовка США к решительным силовым действиям против России: формировалась широкая проамериканская коалиция, велась необходимая подборка политической элиты в Европе, наконец, продолжалась военно-техническая политика по наращиванию — качественного и количественного — военного потенциала США и их союзников, который «апробировался» на примерах Югославии, Ливии, Ирака. В России старались этого не замечать, и тем более не признавать³⁹².

В России слишком поздно заметили (и еще позже публично признали) эту враждебную тенденцию. В Мюнхене 7 февраля 2007 года В.В. Путин «с сожалением» был вынужден это констатировать, что никак не повлияло на реальный курс США и их коалиции в отношении России. Война с Грузией в августе 2008 года стала первой (достаточно осторожной и не вполне последовательной) демонстрацией России своего «несогласия» с антироссийским курсом Запада. «Крымская весна» 2014 года — откро-

³⁹¹ Сероштанов К.В. Формирование оборонно-промышленного комплекса Европейского союза в 2000–2020 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск : Национальный исследовательский университет, 2022. С. 2.

³⁹² Можно сказать, что с конца 80-х годов по 2007 год в России официально признавались проамериканское доминирование в мире и фактически подконтрольные США глобальные процессы. См. подробнее: Подбerezkin A.I. Русский путь. М. : ВОПД «Духовное наследие», 1999. 400 с.

венным отрицанием этого внешнеполитического курса, которое, однако, сохранило иллюзию возможности сохранения России в рамках проамериканской парадигмы мирового развития.

Соответственно, оценка правящей элитой реального состояния ВПО и военная политика России во многом была производной от такой внешней политики и проамериканской оценки состояния МО. К сожалению, вопреки реалиям и здравому смыслу, такая недооценка в изменении МО была характерна вплоть до 2015 года, а у ряда сегментов российской политической элиты сохраняется до сегодняшнего дня. Вечная аксиома К. Клаузевица зависимости стратегии и войны от политических целей ежегодно многократно подтверждается, что не мешает некоторым либералам и сегодня требовать от России ограничения военно-политической деятельности³⁹³ в условиях нарастания международной напряженности, как, например, США в августе 2022 года требовали от России соблюдать положения ДСНВ в части инспекций на местах в условиях нарастающей военной эскалации³⁹⁴.

В 2022 году, например, это сильнейшее влияние состояния МО на ВПО было очень хорошо видно на примере Украины, которая оказалась под абсолютным контролем США, лишившись окончательно остатков своего суверенитета. В 2023 году управление на Украине перешло фактически в руки представителей Госдепа и ЦРУ США. Не только состояние ВПО, но даже

³⁹³ Известные многочисленные «письма общественности», прежде всего ученых-гуманитариев и представителей культуры, фактически основывались на отрицании существующих международных реалий. Даже в том случае, когда они подписываются учеными-международниками.

³⁹⁴ 8 августа 2022 года российская сторона сообщила: она временно запретила США проводить инспекции на своих объектах по линии Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ, СНВ-III). Такой вариант действий прописан в пункте 5 раздела 1 главы 5 протокола к договору — стороны могут сделать это «в исключительных случаях и для целей», которые не противоречат договору. См.: Известия. 9 августа 2022 г. URL: <https://iz.ru/1377113/ekaterina-postnikova/ne-opiat-snvoim-pochemu-rf-zapretila-ssha-inspekcii-na-svoikh-obektakh>

развитие того или иного конкретного варианта СО на Украине³⁹⁵ в возрастающей степени зависело от США, прежде всего финансовой и военно-технической помощи, без которой Киеву становилось практически невозможно ведение вооруженной борьбы. Так, поставки РСЗО «Хаймерс» и дальнобойных артиллерийских систем западными странами, финансово-экономическое обеспечение деятельности украинской власти стали прямым следствием политики Запада, которая консолидировано носила антироссийский характер³⁹⁶. Более того, фактически влияние США стало решающим даже на оперативно-тактическом уровне организации действий ВСУ, например, в ходе «контрнаступа» мая–июля 2023 года.

Таким образом, известное в истории человечества отношение между субъектами МО неизбежно становилось главным доминирующим фактором при формировании ВПО в современный период. В период Второй мировой войны это отношение очень ярко иллюстрировала кадровая политика Гитлера, который стремился, чтобы начальники отдельных стратегических направлений и фронтов как можно меньше получили общей, в том числе политической, информации. Это, на его взгляд, позволяло именно ему, а не Генштабу ВС Германии управлять войсками.

В то же время в возрастающей степени усиливалось влияние военных и военно-технических факторов не только на состояние ВПО, но и на формирование нового миропорядка и МО в мире. Это надо иметь в виду, в частности, когда речь идет о роли негосударственных субъектов МО-ВПО, например, частных военных компаний (ЧВК), чье влияние в ряде случаев стало сильнее вли-

³⁹⁵ Например, «контрнаступление под Николаевым» летом 2022 года ВСУ ставилось в зависимость от поставок ВВСТ Западом.

³⁹⁶ К середине августа 2022 года на Украине было уничтожено более 260 военных самолетов, ходя до начала СВО их числе оценивалось в цифру 150–160 единиц. Очевидно, что как минимум разница в 110 единиц самолетов (и других систем оружия, в частности, танков) — результат консолидированных поставок западными странами бывших советских и новых западных видов вооружений.

ятия министерств иностранных дел. Так, в 2023 году, например, влияние (присутствие) ЧВК «Вагнер» в Африке выглядело следующим образом³⁹⁷.

Конечно, это влияние России в 2023 году во многом уступало влиянию западных стран, где Турция, например, в 2 раза превышала российские объемы торговли, КНР — в 20 раз, а страны ЕС — в 40 раз. Тем не менее именно поэтому можно говорить о том, что игнорирование Россией африканских государств до 2016 и 2019 годов (встречи в Санкт-Петербурге и Сочи), закрытие посольств и торгпредств, прекращение деятельности Обществ дружбы и сокращение квот на образование, которое происходило с конца 1980-х годов, стало стремительно компенсироваться деятельностью одной ЧВК.

Тем не менее отрицать влияние России через ЧВК не будет никто. Причем это влияние могло бы быть многократно сильнее, если бы его использовали против недружественных стран в качестве инструмента непрямой стратегии. Так, Франция, США, Великобритания очень уязвимы в целом ряде государств. Как и их базы, кстати, не только в Африке и Сирии, но и в Азии, Юго-Восточной Азии особенно.

Все это, естественно, сказалось на влиянии развития ВПО и даже СО на отдельных участках ТВД на состояние МО уже даже не только в европейском регионе, но и в мире. Так, возможные переговоры с Россией и остановка военных действий в США прямо связывалась с «победой» ВСУ или как минимум вытеснением ВС РФ с занятых ими территорий. Иными словами, военно-технические аспекты стали непосредственно влиять на международно-политические, что объективно превращает состояние МО в зависимость от развития ВПО. На практике это означает, что не только на Украине, но и на других потенциальных ТВД — в Закавказье, Средней Азии, на Дальнем Востоке

³⁹⁷ Эго Путина выписывает чеки, которые Россия не может оплатить... // «В России будет хорошо». 30 июля 2023 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZMVmuBZvW3SjIWpf>

и в Юго-Восточной Азии военные действия становятся реальными и наиболее предпочтительными средствами изменения не только ВПО, но и МО, более того, средствами для формирования нового миропорядка.

На практике это также означает, что будущее состояние МО с начала второго десятилетия нового века представляет собой своего рода «переходный период» в развитии наиболее вероятного конкретного военно-силового варианта сценария МО в 2020–2035 годы, который я назвал сценарием «Эскалация военно-силового противоборства»³⁹⁸. Другими словами, доминирующего варианта сценария в «Переходный период».

Этот сценарий уже во втором десятилетии (но только в ряде случаев) приобрел нетрадиционные формы иррегулярной войны³⁹⁹ между основными мировыми субъектами — ЛЧЦ, их коалициями, государствами и наиболее влиятельными акторами. Война США в Афганистане 2001 года стала, например, по сути, специальной операцией ЦРУ при использовании огромной финансовой мощи и минимума военной силы. В 2003 году война в Ираке превратилась в мощную военную операцию, однако в ней были широко использованы и другие силовые средства — ЧВК, подкуп, информационно-психологические операции, создание «пятой колонны» и т.п.

Этот сценарий развития МО заключается главным образом в том, что отношения между этими субъектами МО и ВПО во все возрастающей степени в последнее десятилетие характеризуются:

³⁹⁸ Впервые этот сценарий был мною предложен еще на круглом столе в ВАГШ в 2014 году. См.: Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО-Университет, 2015. 169 с.

³⁹⁹ Иррегулярная война — зд.: современная форма силового противоборства, в которой используются любые силовые — военные и не военные — силы, меры и средства против главного объекта противника — его правящей элиты и общества.

- во-первых, нарастающим силовым соперничеством, которое активно дополняется вооруженными способами и средствами борьбы;
- во-вторых, минимальным сотрудничеством между субъектами МО, иногда даже внутри коалиций⁴⁰⁰, что существенно, даже радикально, отличает такие отношения от отношений между ними в прошлом веке, когда дисциплина внутри НАТО и ОВД была практически не обсуждаема⁴⁰¹.

Наконец, в-третьих, процесс глобализации и усиления всеобщей взаимосвязи и растущей взаимозависимости, характерный для большинства субъектов МО в последние 50–70 лет, постепенно вытесняется процессом военно-силового противоборства, в основании которого находятся национальные и корпоративные интересы.

Падает значение других средств и мер международной политики, в частности, политico-дипломатических, культурно-идеологических, экономических и даже финансовых, которые в период нарастающей глобализации казались абсолютными. Процесс начался не сегодня. Еще в ходе Второй мировой войны стало ясно, что торгово-экономическая взаимозависимость не является непреодолимым препятствием для использования военного насилия. Ни в отношениях Германии с СССР, ни с США. Так, колебания советского руководства накануне нападения Германии в 1941 году были вызваны в том числе сохранившейся сильной зависимостью Германии от поставок сырья из СССР. Но это, как известно, не повлияло на решение Германии о нападении.

⁴⁰⁰ Это видно на примере нарастающих разногласий внутри ЕС, где выход Великобритании из союза не смог ограничить растущую фронду Венгрии и ряда других стран.

⁴⁰¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

Если бы СССР не торговал с Германией в 1939-1941

	Импорт из СССР с начала ВМВ	Немецкие запасы на июнь 1941г.	Запасы в июне 1941г. без поставок из СССР	Немецкие запасы на октябрь 1941г.	Запасы в октябре 1941 без поставок из СССР
Нефтепродукты*	912	1350	438	905	-5
Резина	18.8	13.8	-4.9	12.1	-6.7
Марганец	189.5	205	15.5	170	14.5
Зерно	1637.1	1381	-256.1	761	-779

* авиабензин, автомобильный бензин, дизельное топливо

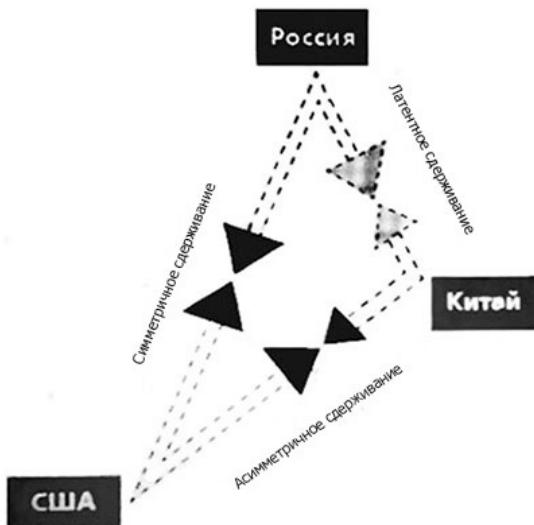
Такая же масштабная зависимость существует в настоящее время между США и КНР. Она измеряется торговым оборотом в сотни миллиардов долларов, но это не стало препятствием для обострения отношений между ними летом 2022 года в период очередного тайваньского кризиса. И не является гарантией, как считают американские военные, от возможных военных действий в 2030 году⁴⁰².

Нарастающее военно-силовое противоборство в «Переходный период» оценивается по-разному. Еще в начале века в России не хотели этого признавать либералы, которые связали свое будущее с Западом. Они открыто говорили с конца 1980-х годов о необходимости фактической капитуляции СССР и России, фактическом отказе от суверенитета и национальной идентичности, что неизбежно требовало от них «идиотского оптимизма» в оценке МО и его будущего. Остатки такого «оптимизма» сохранились уже и после начала СВО, что порождало периодически надежды на «компромисс» и переговоры. Такая неадекватность в значительных сегментах правящей элиты России сохранялась не только после 2014 года, но и (в некоторых слоях правящей элиты) в настоящее время.

Современное силовое противостояние воспринимается в разных странах по-разному, но в целом вполне реалистично

⁴⁰² Подберезкин А.И. Трансатлантическое партнерство трещит по швам // Красная Звезда. 19 февраля 2025.

уже во второй половине 2023 года. В частности, в КНР существует такое представление⁴⁰³ (см. рисунок ниже).

Главное то, что такое *силовое противоборство* признается как главная особенность развития современного сценария МО, которая реализуется в форме иррегулярной войны — войны, в которой участвуют не только государства и их институты, но и негосударственные образования, прежде всего институты развития человеческого потенциала: НКО, университеты, СМИ, др. и отдельные граждане, представляющие собой главную силу развития современного общества и экономики — творческий класс⁴⁰⁴.

⁴⁰³ Шитов А.В. Тектоника стратегического треугольника // Официальный сайт ЦВПИ. 08.01.2021. URL: Eurasian-defence.ru. 08.01.2021.

⁴⁰⁴ См. подробнее: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика ХХI, 2005. 421 с.

Соответственно такое состояние МО переносится на состояние ВПО: в фокусе операций в иррегулярной войне *находятся население и правящая элита страны — объекта нападения*. Стратегическая цель направлена на то, чтобы захватить и удержать контроль прежде всего не над территорией и столицей, а над правящей элитой, большинством населения через использование политических, психологических, информационных и экономических средств и методов⁴⁰⁵. В ходе такой ассиметричной иррегулярной войны ВС США используют непрямой подход с целью разложить власть, подорвать ее влияние и волю и лишить власть поддержки народа⁴⁰⁶.

История развития такого подхода в США (как и все истории доктрины) насчитывает несколько десятилетий. Еще в документах ОКНШ США в 1964 году говорилось, что стратегия — «искусство и наука развития и использования политических, экономических, психологических и военных сил, необходимых в мирное и военное время, для оказания максимальной поддержки политики»⁴⁰⁷. Стратегия современной иррегулярной войны, которую ведут США в глобальном масштабе, была закреплена в наставлении по ее ведению, разработанном Пентагоном еще в мае 2010 года. В последующие годы спектр средств, мер и методов иррегулярной войны расширялся как за счет увеличения традиционных силовых и военных средств, так и нетрадиционных силовых, невоенных средств и методов ведения противоборства.

Частной формой иррегулярной войны стали гибридные войны, имеющие ограниченный по месту и средствам использования характер. «Когда дело доходит до политических

⁴⁰⁵ Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблишер, 2021. 471 с.

⁴⁰⁶ Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.

⁴⁰⁷ Цит. по: Люttwok Э. Стратегия: логика войны и мира. М. : ACT, 2021. С. 426.

целей, гибридные войны, скорее всего, примут вид иррегулярной войны, где ее практики стремятся подорвать легитимность и авторитет правящего режима», — пишет известный политолог Л. Савин⁴⁰⁸.

Таким образом, современный сценарий развития МО — *фактически сценарий развития не сотрудничества, а силового противоборства*, эскалация которого ведет с высокой степенью вероятности к его переходу в военно-силовую фазу, исключающую в качестве основ политики формы мирного сотрудничества.

Это характерно отчасти для всех основных субъектов МО, которые вынуждены ориентироваться на политику США (отсюда и участившиеся перевороты, попытки военных изменить политику страны и пр.), но прежде всего проамериканской западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции, которая ставит своей задачей сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему на будущее с помощью всего имеющегося спектра инструментов силовой политики.

Отчасти внешне похоже, что аналогичную цель ставит и руководство КНР, и в целом китайской ЛЧЦ, но, как подчеркивается, в мирных, стабилизационных целях. Так, применительно к КНР и китайской ЛЧЦ и военно-политической коалиции, в этом случае возможно строительство силовых отношений в МО нового типа — новая редакция старой теории «трех миров» Мао Цзэдуна: на современной международной карте существуют три мира — бедные страны, богатые страны и Китай. Китай должен, непрерывно решая собственные противоречия в социально-экономическом развитии, выполнять историческую миссию — быть стабилизатором мировой политики и экономики, движущей силой реформы глобального управления и маяком (навигатором) будущего развития бедных государств.

⁴⁰⁸ Савин Л. Новые способы ведения войны. Как Америка строит империю. СПб. : Питер, 2016. С. 114.

Возможно, эта инициатива становления международных отношений нового типа, как полагают индийские аналитики, формирует новую версию древней китайской философии политического управления, называемую «тянъся» (*tianxia*). Она подразумевает управление народами с различными культурами и из разных географических мест одним правителем⁴⁰⁹.

Похожую внешне цель преследует также исламская ЛЧЦ, где пока еще не определился главный центр силы, но общий сценарий — силового противоборства с другими ЛЧЦ и центрами силы — просматривается вполне определенно на примере контртеррористической операции (КТО) России на Северном Кавказе, а также его очень хорошо представляет политика Турции как одного из потенциальных лидеров этой силы.

Наконец, аналогичные цели преследуют и другие ЛЧЦ — индийская, бразильская, индонезийско-океанская и другие, которые неизбежно будут проявлять свои внешнеполитическим амбиции по мере экономического и демографического развития. Особенно по мере развития национального человеческого капитала этих ЛЧЦ и мощных социально-политических изменений, вытекающих из ускоренного роста потенциала «кreatивного класса»⁴¹⁰.

Как показал форум российско-африканских стран в июле 2023 года в России, стремительно развивается автаркия и в африканских государствах, чья цивилизация демографически может вырасти с 1400 миллионов до 4000 миллионов до конца столетия, а ВВП устойчиво растет выше среднемировых темпов.

Эти изменения в мире и в МО формируют крайне опасное состояние ВПО и отдельных СО, обостряют кризисы, провоцируют войны и т.д., что очень хорошо видно на примере развития человечества в последние 30 лет. В любом случае развитие сценария МО в среднесрочной перспективе не представляется

⁴⁰⁹ Мокрецкий А.Ч. Курс Китая на строительство международных отношений нового типа. М. : АДВРАН, 2016. С. 12.

⁴¹⁰ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI, 2005. С. 12–13.

оптимистическим: прежние романтические представления о глобализации сменяются на вполне консервативные и традиционные воспоминания о национальных интересах и системах ценностей, которые существовали тысячетысячелетия до Новейшего времени. В их основе лежали военно-силовые отношения между субъектами, когда войны становились главными инструментами политики.

2.9. СМЕНА ПАРАДИГМ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ: САМЫЕ ОБЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Эпоха доминирования Запада длилась почти 500 лет, хотя думали, что будет вечно⁴¹¹.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Борьба лежит в основе всего живущего. Все силы природы находятся в постоянной борьбе... Вот почему войны были всегда и будут⁴¹².

А. Снесарев, военный теоретик

Смена политических парадигм⁴¹³ всегда в человеческой истории приводила к радикальным изменениям не только в состоянии и сценариях развития МО, но и в конечном счете неизбежно сказывалась радикальными изменениями для ВПО и СО в мире. Если парадигма международного хаоса до образования Вестфальской системы⁴¹⁴ в XVII веке предполагала отрицание государственного суверенитета и ведущей роли права и церкви,

⁴¹¹ Лавров С.В. Выступление 1 сентября 2023 г. в МГИМО МИД России. 01.09.2023. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/lavrov-01-09-23/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

⁴¹² Снесарев А.Е. Философия войны. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 8.

⁴¹³ Парадигма — зд.: наиболее общие фундаментальные научные, общественные и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых в обществе.

⁴¹⁴ Вестфальская система — зд.: политический порядок в международном праве, при котором каждое государство обладает исключительным суверенитетом над своей территорией и является монополистом в способности вести военные действия. Принцип, разработанный в Европе после Вестфальского мира в 1648 году, основанный на теории государства Жана Бодена и учении о естественном праве Гуго Гроция, ставил во главе угла субъекта МО — государство.

то после середины этого века мировая парадигма развития МО исходила практически из сформированных в ходе создания этой системы принципов приоритетов государств как субъектов МО. Запад под воздействием США в XXI веке сам, по собственной инициативе, стал активно и сознательно уничтожать суверенитеты, заменяя их своими «нормами и правилами» и подконтрольными институтами.

В XX и особенно XXI веке эти принципы стали ставиться сначала под сомнение, и в конечном счете США просто открыенно стали их игнорировать (как в случае с агрессией против Ливии, Югославии и Ирака), претендую на лидерство в глобализации, которое (по их мнению) формирует собственные нормы и правила, нередко не известные и не имеющие обоснования с точки зрения международного права, политической целесообразности, нравственности и логики.

В третьем десятилетии нашего века созданная США проамериканская коалиция государств (фактически отказавшихся от суверенитета и норм международного права) стала насилиеменно менять устоявшуюся парадигму развития МО, уничтожая не только правовые и цивилизационные нормы, но и международные институты, ликвидируя фактически государственные суверенитеты⁴¹⁵.

Позиция государств и особенно «воспитанных США лидеров» Западной и Центральной Европы в отношении России и целого ряда других международных проблем в третьем десятилетии нашего века продемонстрировала их готовность отказаться от национального суверенитета. На примере антироссийских санкций это было видно особенно отчетливо. Как заявил

⁴¹⁵ Анализу этой тенденции в развитии МО и ВПО я посвятил несколько подробных работ, в частности: Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1496 с.; Подберезкин А.И. Анализ и прогноз военно-политической обстановки. М. : Юстицинформ, 2021. 1080 с.; Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М. : Международные отношения, 2023. 1594 с.

С.В. Лавров, выступая в МГИМО 1 сентября 2023 года, Запад «не дает обещанных 10 млрд долларов в год на развитие зеленой экономики, но ежегодно тратит десятки миллиардов на военную помочь Украине»⁴¹⁶.

Основой такой новой парадигмы стала претензия западной коалиции во главе с США не просто на лидерство, а на полномасштабное управление другими субъектами МО, лишение их остатков суверенитета и подчинение неким нормам и правилам вместо равноправных устоявшихся норм международного права⁴¹⁷.

Одновременно был дан толчок и тенденции, имевшей противоположный характер, а именно — тенденции развития универсальной парадигмы автаркии, которая проявлялась во многих областях, объективно противодействуя глобализации. Примечательно, что в зависимости от степени развития этой парадигмы создавались условия для сохранения суверенитета и развития тех государств, где эта парадигма брала верх над парадигмой глобализации⁴¹⁸.

Такая борьба и смена парадигм неизбежно отражается на принципиальных изменениях в формировании не только глобальной МО (и соответствующего миропорядка), но и, как неизбежное следствие, ВПО и подходах субъектов МО и других акторов к проблемам международной безопасности. Прежде всего в военной области.

⁴¹⁶ Лавров С.В. Выступление 1 сентября 2023 г. в МГИМО МИД России. 01.09.2023. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/lavrov-01-09-23/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

⁴¹⁷ См. подробнее вариант статьи: Подберезкин А.И. Смена парадигм развития международной обстановки // Рейтинг персональных страниц. 30 июля 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/smena-paradigm-razvitiya-mezhdunarodnoy-obstanovki>

⁴¹⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М. : Международные отношения, 2023. 1594 с.

Стремительно развивавшаяся до этого периода военно-техническая революция, которая в XX веке прошла несколько этапов, была существенно дополнена революционными политическими, правовыми, гуманитарными и иными радикальными изменениями, которые превратили новую парадигму в принципиально новое (до конца еще не осмыщенное) явление. Некоторые отличительные черты — хаотизация МО, рост автаркии в противовес глобализации, усиление влияния не государственных акторов, прежде всего НКО (в частности, ВЧК) и СМИ, и т.д. более или менее известны, но многие еще только начинают анализироваться. Так, например, в 2021–2023 годах произошла резкая дестабилизация в странах Западной Африки и южнее Сахары, имеющая очевидный антифранцузский характер.

Очевидно, что смена основных предпочтений и представлений в правящих элитах сказывается на более частных областях, таких как внешняя и военная политики. Так, например, смена коммунистической парадигмы правящей элиты СССР на глобалистско-рыночную в середине 1980-х годов привела достаточно быстро к формированию нового внешнеполитического курса — «нового мышления», который был, по сути, курсом уступок либерально-западной парадигме и модели развития общества. При этом никто не говорил на Западе о компромиссах (в отличие от СССР) потому, что им и при «старом мышлении» (парадигме) было неплохо.

Смена парадигм сопровождалась, как правило, неизбежной сменой доминант правящих элит⁴¹⁹. Важнейшей доминантой в период развития либерализма было обогащение, финансовое благополучие, которые были доминантами всех правящих либеральных элит и центром формирования либеральной парадигмы. Смена парадигм предполагает вытеснение глобального

⁴¹⁹ Доминанта правящей элиты — зд.: основной, главный мотив, интерес и важнейшая цель деятельности. Доминанта — психофизиологический фактор, определяющий в течение того или иного времени направленность мышления, поведения и деятельности человека.

либерализма и доминирования финансового центра и выход на первый план национальных интересов и ценностей, то есть усиление автаркии. Но не в наше время для «коллективного Запада», который стремился сохранить прежнюю доминанту западного либерализма в политике — силовой контроль над развитием МО и ВПО. Более того, можно отметить в ряде случаев их политico-идеологическое усиление. Так, например, в двадцатых годах нынешнего столетия в правящих элитах произошла смена доминант относительно враждебно-нейтральных по отношению к России (существовавших всегда в Европе) на откровенно враждебные, вылившиеся в политику биологической русофобии. Особенно заметным этот процесс оказался в Финляндии и Швеции, но не только: можно сказать, что за редким исключением антироссийские и даже русофобские настроения «вдруг» оказались доминирующими. На мой взгляд, это могло произойти только в том случае, если правящие элиты скрыто культивировали в обществе такие настроения (как в «розовой» Финляндии).

В основе такой прогнозированной мною смены политico-идеологической доминанты лежал нараставший кризис в отношениях между локальными человеческими цивилизациями, усилившийся по мере изменения в соотношении сил между главными центрами мировой цивилизации⁴²⁰.

Но далеко не всегда на это обращалось внимание, хотя зависимость «смена парадигм — обострение ВПО — война» почти всегда подтверждалась и в целом была хорошо известна. Еще в марксистско-ленинской литературе, подготовленной в СССР 70-х гг. военными учеными, говорилось о том, что смена общественно-политической формации неизбежно ведет

⁴²⁰ См. подробнее: Глава 7 «Динамика развития основных субъектов международной системы: локальных человеческих цивилизаций, государств и коалиций // Стrатегическое прогнозирование международных отношений : монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М. : МГИМО-Университет, 2016. С. 343–394. 743 с.

к «качественным изменениям в формах и методах вооруженной борьбы»⁴²¹. Более того, если меняются общественно-политические системы у целого ряда государств, как это произошло в 90-е годы прошлого века, но происходит и сегодня, то это непосредственно и радикально отражается не только на региональных, но и глобальной ВПО, а тем более мировой и региональных СО.

Именно этот процесс явно обострился во втором-третьем десятилетии нового века в связи как с активизацией откровенно гегемонистских претензий США на управление миром, так и со стремительным появлением новых субъектов ВПО, претендующих на новую роль в мире, прежде всего Китая. Становится все яснее, что сохранить прежний миропорядок времен Ялты-Потсдама уже не удастся — все больше усилий прилагается к тому, чтобы навязать миру свои нормы и правила⁴²².

Как пример «переноса» изменения влияния мировых парадигм на состояние ВПО можно привести крупные маневры в АТР, проводившиеся в июле-августе 2023 года, которые отчетливо продемонстрировали новую структуру ВПО в этом регионе. В учениях, которые проходили с 21 июля по 4 августа, принимали участие более 30 ООО военнослужащих из 13 стран, включая принимающую страну, Канаду, Фиджи, Францию, Германию, Индонезию, Японию, Новую Зеландию, Папуа-Новую Гвинею, Южную Корею, Тонгу, Великобританию и США. Персонал из Индии, Филиппин, Сингапура и Таиланда присоединился в качестве наблюдателей, как и Breaking Defense на части мероприятия 22 июля. Отличительной особенностью этих учений

⁴²¹ История войн и военного искусства / авт. коллектив кафедры истории войн и военного искусства Военной академии им. М.В. Фрунзе (под рук. С.С. Лотоцкого, председатель редакционной комиссии — И.Х Баграмян). М. : Воениздат, 1970. С. 551.

⁴²² См. подробнее: Подберезкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

являлась их масштабность и многодоменность, когда все операции происходили одновременно в информационном поле, космосе, на суше и на море. «В этой десятой версии учений “Talisman Sabre” войска маневрировали на море, на суше и в воздухе, чтобы найти и уничтожить неназванного врага. Все вовлеченные официальные лица старались не упоминать какую-либо страну как “врага”. Никто не говорил, что это Китай; никто не должен был. Отличительной чертой этой впечатляющей общевойсковой операции был ее всеобъемлющий характер», — сказал Breaking Defense генерал-лейтенант Грэг Билтон, начальник отдела совместных операций Австралийских сил обороны. «Мы только что видели потрясающую демонстрацию огневой мощи с разных оружейных платформ, из разных стран. Но важно то, что все они использовали одно и то же командование на поле боя и Стратегический центр для наведения на эти цели», — сказал Билтон. — И в этом суть “Talisman Sabre” — подготовка к взаимодействию, подготовка к сотрудничеству между нашими силами обороны»⁴²³.

Иными словами, в области военной стратегии «Многодоменные операции» — первая и самая общая военно-политическая реакция в формировании региональных СО.

В основе политики основных субъектов МО в истории человечества лежали некие идеи, цели и интересы, которые могли быть неверны, во-первых, либо просто отсутствовали, во-вторых. Основные из них оформлены в некие парадигмы, которые на определенных отрезках времени доминируют в общественном сознании правящих элит. Эти парадигмы или идеи — неверные, либо их отсутствие — во многом предопределяли развитие МО и ВПО. Неизвестно, что хуже. В современный период,

⁴²³ Кларк К. Операции во всех областях являются ключевым направлением обширных учений Aussie Talisman Sabre // Срочные военные новости». 25 июля 2023 г. URL: https://breakingdefense.com/2023/07/all-domain-operations-key-focus-of-vast-aussie-talisman-sabre-exercise/?utm_campaign=B

например, новая роль НЧК и институтов его развития стала главным фактором смены парадигм⁴²⁴.

В соответствии с этими политическими парадигмами используется и военная сила, которая является не более чем их инструментом. Смена парадигм — прямо и непосредственно отражается на военной силе и ее использовании государством. Военный теоретик Е.И. Мартынов приводил пример политики русской императрицы Елизаветы, которая втянулась в семилетнюю войну⁴²⁵ в Европе, растратив огромные ресурсы, не имея какой-то «руководящей идеи» (или парадигмы мировой политики), и, наоборот, — политики Екатерины II, которая имела «руководящую идею» — национальную парадигму, последовательно отодвигала границы Польши и Турции для естественного геополитического и географического продвижения России⁴²⁶. В первом случае «война ради войны» в Европе, а во втором — ради национальных интересов.

Развитие человечества и его части — ведущих государств и акторов — вело к смене сценариев развития МО и, как следствие, ВПО. Особенно в случае возникновения войн, военных конфликтов и прочих силовых сценариев развития силовых отношений между субъектами МО, как это было, например, после Великой французской революции в Европе или появления в ней амбициозной Турции или Пруссии в XVIII веке⁴²⁷.

⁴²⁴ Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Книга 2. Идеология русского социализма и стратегия национального развития. М. : МГИМО-Университет, 2011. Т. 3. С. 291–599.

⁴²⁵ Семилетняя война — зд.: война коалиций во главе с Англией и Францией в Европе за колонии и усиление Пруссии в 1757–1763 годах, которая для России означала только сдерживание Пруссии и опыт, но принесла огромные издержки: цели не соответствовали потраченным средствам.

⁴²⁶ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 17–19.

⁴²⁷ Люттвак Эдвард. Стратегия: логика войны и мира. М. : АСТ, 2021. 448 с.

Такой военно-силовой сценарий перехода одного *качественного состояния* отношений субъектов МО и ВПО, а также всего объекта (в данном случае МО) в другое качество сопровождается не только изменениями в его структуре, основных факторах формирования и степени их влияния, но и в неизбежной смене парадигм как наиболее общих представлений об особенностях и закономерностях развития общества, государства и экономики. Именно этот процесс наблюдался в Европе в конце XVIII века, когда не только революционные идеи Франции, но и амбициозные идеи Пруссии, России и Польши привели к смене парадигм и развитию следующего этапа МО — войнам и Венскому миру 1815 года.

Смена парадигм произошла и в 30-е годы XX века после мирового кризиса и развития фашизма, который был не только германским явлением. Новая мировая война стала сменой классических буржуазных парадигм и появления новой социалистической парадигмы, которая просуществовала в качестве равноправной парадигме империализма длительное время и не исчезла и сегодня. После нее была сознательно сформирована на какое-то время на рубеже нового века парадигма мироустройства во главе с США. Ее максимально пытался реализовать Д. Трамп в идее «Америка — самая первая».

Нарождение новых парадигм в условиях мирового кризиса наблюдается и сегодня, когда происходит процесс полного перерождения известных представлений и норм в политике и общественной жизни в нечто новое, как правило, неизвестное, чему нередко даже затрудняются дать определения⁴²⁸. Именно это невыясненное до конца определение в развитии новых парадигм смущает современных политиков и исследователей. Складывается ощущение нарастающей хаотизации в развитии миросистемы и, как следствие, — хаотизации в сценариях

⁴²⁸ Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др. М. : МГИМО-Университет, 2021.

и основных тенденциях развития МО и ВПО. Ясно, что мировая политическая парадигма «Америка — первая» пересматривается, но какая будет новая — вопрос времени, а главное, какими средствами эта новая «главная идея» будет реализована. На мой взгляд, это будет новый вариант *пересмотра форм силового применения насилия в политике*. На это раз — в пользу уже не общественных, а гибридных, государственно-общественных форм насилия⁴²⁹.

После «штурма Капитолия» в США 6 июля 2021 года бывший советник президента России А. Илларионов, например, опубликовал в «Живом журнале» материал, после чего он был уволен из института Катона (где ему гарантировали свободу высказывания собственного мнения). Обращает на себя внимание часть его публикации, имеющая прямое отношение к политике либералов по насильственной деформации государственных институтов, то есть появления новой политической парадигмы — не только использования институтов гражданского общества в качестве силовых инструментов политики, но и государственных институтов против таких инструментов (против чего долгое время категорически выступали на Западе). Это подтверждает диалог А. Илларионова.

«Вопрос: нарушили ли манифестанты, вошедшие в здание Капитолия 6 января, Конституцию США?

Ответ: безусловно, нет.

Вопрос: имеются ли аналогичные случаи захвата здания парламента (проникновения в здание парламента) в других странах лицами, протестовавшими против официальных результатов оспариваемых выборов?

⁴²⁹ См.: Подберезкин А.И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М. : Юстицинформ, 2021. 1080 с.; Байгузин Р.Н., Подберезкин А.И. Политика и стратегия. М. : Юстицинформ, 2021. 768 с.; Боброва О., Подберезкин А., Подберезкина О.А. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель. 2021. № 8. С. 17–48; Подберезкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М. : Международные отношения, 2021. 790 с.

Ответ: да. Действительно, в последние два десятилетия произошло несколько захватов зданий парламентов (проникновения в такие здания) лицами, оспарившими официальные итоги президентских или парламентских выборов:

Югославия, 5 октября 2000 г. — Бульдозерная революция;

Грузия, 22 ноября 2003 г. — Революция роз;

Киргизия, 24 марта 2005 г. — Тюльпановая революция;

Молдова, 7 апреля 2009 г. — Сиреневая революция;

Киргизия, 6 апреля 2010 г. — Дынная революция;

Молдова, 20 января 2016 г. — Хризантемовая революция.

В большинстве этих случаев после таких захватов действовавшие в этих странах власти (избирательные комиссии, верховные/конституционные суды, парламенты, президенты), либо «уточняли» первоначальные результаты выборов, либо назначали новые выборы, либо назначали новое голосование второго тура выборов, как это произошло, например, в ходе Оранжевой революции в Украине 26 декабря 2004 г. ... Иными словами, на протяжении как минимум 20 лет происходил *силовой пересмотр политических результатов с помощью хорошо организованных институтов гражданского общества*, что вполне соответствовало западной политической парадигме применения политических средств насилия вместо прямого использования военной силы⁴³⁰.

И наоборот, применение государством защитных мер воспринималось в рамках этой парадигмы как «авторитаризм» и даже международное преступление. На это прямо указывает ответ А. Илларионова.

«Вопрос: имеются ли случаи отказа со стороны действовавших властей в других странах в проведении расследования фактов фальсификации/искажений оспариваемых результатов голосования, несмотря на массовые протесты граждан?

⁴³⁰ Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.

Ответ: да. Вот некоторые из таких случаев.

Беларусь — 2006, 2010, 2015 гг., август 2020 г. — январь 2021 г.;

Иран — июнь 2009 г.;

Азербайджан — 2011 г.;

Россия — 2011–2012 гг.;

Венесуэла — 2018–2019 гг.;

Казахстан — июнь 2019 г.

Теперь к этому списку стран, руководство которых отказывается от расследования оспариваемых официальных результатов выборов и назначения новых выборов, добавились США в ноябре 2020 — январе 2021 г.». Другими словами, США, когда речь зашла о сохранении собственной системы, отказались от парадигмы, которую они насаждали 20 лет.

Примечательно и то, что 1 февраля 2021 года в Юго-Восточной Азии, в Мьянме, произошел «полу-переворот» с участием военных, который, на мой взгляд, свидетельствует, что смена парадигмы на силовую гибридную форму защиты своей системы является не только чисто западным явлением⁴³¹. С точки зрения последствий изменений парадигм мирового развития для формирования ВПО и СО, можно говорить, на мой взгляд, следующее.

Во-первых, исчезает граница между «демократическими» и недемократическими средствами силовой политики, которую искусственно создавали в последней трети прошлого века как альтернативу военно-силовыми средствам сохранения контроля СССР над ситуацией в странах Социалистического содружества и СССР под названием «доктрины Брежнева».

Следует откровенно признать, что такой отказ сначала в Польше, а затем и в других странах привел к распаду ОВД и СССР, поражению режима Афганистана и в ряде других государств мира. Фактически произошел односторонний отказ СССР от защиты созданной им системы МО, которая в полной

⁴³¹ Ефремова К. Военный переворот в Мьянме: причины и последствия // Официальный сайт МГИМО МИД России. 01.02.2021.

мере оказалась под влиянием западной силовой политики (внешне не связанной с военной силой).

Во-вторых, когда после разрушения «советского мира» возник «мир по-американски», то в нем уже использовались все средства силовой политики — как силовые невоенные, так и силовые военные (в Югославии, Румынии, Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии и т.д.). Более того, в отношении собственной внутренней оппозиции стали применяться средства военного насилия, что наглядно показали столкновения во Франции, Германии и США в 2020–2021 годах, но особенно в Германии и Франции в 2023 году.

Наконец, в-третьих, в отношении бывшего СССР и постсоветских республик была принята та же стратегия гибридного военно-силового давления. Сначала на Северном Кавказе, затем в Средней Азии, а позже и на Украине и в Белоруссии.

Смена парадигм мирового развития отражается непосредственно на формировании сценариев ВПО и СО самым негативным образом, милитаризируя средства и меры использования силовых средств. Прежде всего с точки зрения максимально широкого использования тех социальных слоев и групп, которые относятся к «креативному классу».

Этот процесс намного глубже, чем даже изменения, связанные с НТР, потому что охватывает не только области технологий и экономики, но и всю социально-политическую область, прежде всего вытекающие из нарождения нового класса — «креативного» (или творческого), развитие которого является в настоящее время *решающим элементом в развитии экономики, общества и политики*⁴³². Там, где удалось максимально интенсифицировать этот процесс, например, как в Китае и Индии, а также в США, где сотни миллионов человек превратились в представителей «творческого класса», за последние 30 лет

⁴³² Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI, 2005. 421 с.

удалось добиться наиболее выдающихся успехов в экономике, науке и политике⁴³³.

Там удалось сформировать *новые цивилизационные центры силы*. Но не только. Там же сформированы новые системы ценностей и новые интересы. И там же возникли новые военные центры мощи и влияния, а именно — в США, Китае и Индии. В некоторой степени и в других странах, где этот процесс стремительно набирает силу. Так, можно ожидать, что такими центрами силы станут цивилизации, обладающие численностью порядка 1400 млн человек, арабская, африканская, латиноамериканская и индонезийская.

Таким образом, главные условия формирования новых парадигм — системы ценностей и новые социальные группы, их институты — уже созданы и находят свою конкретную политическую самоидентификацию и самореализацию в самых различных институтах, которые пока что не поддаются осмыслению. Ясно, например, что движение «Черные жизни значат многое» — не просто радикально этническое движение, но в нем концентрируется и социальная несистемная мощь. Она формирует совершенно новые условия внутриполитической стабильности в США и ряде других стран.

Формирование новых политических парадигм происходит под влиянием самых разных обстоятельств, но именно новые парадигмы создают и новые средства силового противоборства — от социальных сетей до кибернетических средств ведения войны.

Именно этот процесс наблюдается с начала второго десятилетия нового века в международной обстановке, когда радикально меняются все представления о ее структуре, основных факто-рах формирования и тенденциях, средствах и способах политики и многом другом. Соответственно происходит и изменение

⁴³³ Подберезкин А.И. Трансатлантическое партнерство трещит по швам // Красная Звезда. 19 февраля 2025 г.

всех прежних способов оценки и прогноза состояния МО и, как следствие, ВПО, методик и способов формирования эффективной политики безопасности, требуемых новых инструментов, «измеряющих цену политических решений в количественном и даже денежном»⁴³⁴, но прежде всего качественном (политическом) выражении⁴³⁵.

К сожалению, научная мысль — политическая и военная — в современной России еще только приблизилась к пониманию этого нового качества состояния МО и ВПО, выраженного в *смене парадигм*. Дискуссии в этой области носят редкий и формальный характер, как правило, очень далекий от реальной политики, хотя перед политиками и учеными России стоят проблемы огромного политического, даже цивилизационного, значения. В частности, например, исследователи ЦНИИ № 46 МО РФ выделяют следующие группы факторов, которые говорят о необходимости практически полной переоценки состояния и прогноза развития МО и политики России только в военно-технической области обеспечения национальной безопасности:

- 1) военно-политический и стратегический характер военных угроз на среднесрочную и долгосрочную перспективу;
- 2) военно-политический характер невоенных угроз;
- 3) прогноз изменения боевых возможностей ВС РФ;
- 4) прогноз возможностей государства по техническому оснащению ВС РФ;

⁴³⁴ См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М. : ИД «Граница», 2018. С. 23.

⁴³⁵ Примечательно, что именно на этот политический аспект (качественных изменений) менее всего обращается внимание в области безопасности и военного строительства потому, что традиционные оценки исходят (как и в НИИ № 46 МО) из количественных оценок потенциалов и угроз. Между тем «переходный период» — период качественных изменений, когда количественные (и денежные) оценки уже не играют главной роли.

5) прогноз возможностей государства по ресурсному обеспечению потребностей строительства ВС РФ⁴³⁶.

Таким образом, в развитии МО произошли и в *еще большей степени произойдут в период с 2020 по 2035 год решительные изменения*, прогнозировать которые с точки зрения последствий для ВПО и СО практически невозможно, за исключением того, что эти изменения будут отражать рост дальнейшей эскалации военно-силовой политики и ограниченность сотрудничества, то есть усиление военно-силового противоборства. Вопрос в том, какие именно будут эти изменения, в каких областях и как они отразятся на конкретном состоянии СО, ведения войн и развития военных конфликтов, как в конечном счете они влияют на формирование ВПО и МО в мире.

Мир в 20-е годы XXI века уже стал качественно другим, чем даже во второй половине прошлого века, но складывается впечатление, даже уверенность, что в мире вот-вот произойдут еще более радикальные изменения. Как писал автор книги «Креативный класс» Р. Флорида, изменения конца XX — начала нового века более значимы, чем за первую половину всего XX века⁴³⁷. Связывал эти изменения он не столько с технологическими и информационными революциями, сколько с появлением и стремительным развитием «креативного класса». Действительно, за последние 30 лет только в КНР и Индии более 300 миллионов человек в каждой из этих стран получили высшее образование, а в целом на планете за это короткий отрезок времени национальный человеческий капитал развивающихся стран вырос в несколько раз, достигнув по целому ряду показателей уровня развитых государств. Именно эти изменения легли в основу изменений, которые произошли и происходят в МО, но которые практически не учитываются при традиционном анализе:

⁴³⁶ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М. : ИД «Граница», 2018. С. 23.

⁴³⁷ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI, 2005. С. 12–13.

в лучшем случае говорят об общих демографических изменениях, росте ВВП, успехах в экономике и технологиях, но качество ЧК и его институтов учитывается в минимальной степени⁴³⁸.

Между тем именно в этой связи происходит смена парадигм общественно-политического развития, прежде всего в развитии МО и ВПО, экономики, промышленности, общественно-политическом устройстве. Так, общественно-политические изменения в СССР и странах Социалистического содружества стали той фундаментальной основой, которые привели к развалу СССР и ОВД-СЭВ. Такие же изменение привели к стремительному росту могущества КНР и Индии, а также целого ряда других стран в мире⁴³⁹.

Это, в свою очередь, неизбежно и радикально отражается на всей внешней и военной политике субъектов ВПО — государств и других акторов, то есть требует существенных изменений в политике и стратегии субъектов ВПО, прежде всего «срединных государств» и их коалиций.

Однако сами эти изменения часто запаздывают. Так, например, США, особенно с приходом к власти администрации Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена, открыто взяли курс на уничтожение сложившейся за последние 70 лет системы международной безопасности и сотрудничества, прежде всего институтов и соглашений, регулирующих развитие военных потенциалов и военной деятельности, — от Договора по ПРО, ДРСМ, ДОН, СНВ-3 и других до отказа от участия в работе

⁴³⁸ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / Подберезкин А.И., Александров М.В., Харкевич М.В., Родионов О.Е., Аватков В.А., Боришполец К.П., Зиновьев Е.С., Булатов Ю.А., Каберник В.В., Кузнецов Д.А., Лещенко П.В., Лунев С.И., Малов А.Ю., Подберезкина О.А., Пономарева Е.Г., Силаев Н.Ю., Сотников В.И., Стрельцов Д.В., Тихова В.В., Юртаев В.И. и др. М. : МГИМО, 2018. 768 с.

⁴³⁹ Стратегическое прогнозирование международных отношений : монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М. : МГИМО-Университет, 2016. 743 с.

важнейших международных институтов, либо откровенном саботировании их деятельности, в случае если их позиция (как в случае с санкциями Совета безопасности ООН по Ирану) «не совпадала» с представлениями руководства США⁴⁴⁰.

Однако российская внешняя политика (как и китайская) существенно отставали от подобных западных переоценок. Они носили и носят до настоящего времени рефлексивный характер, стремясь уйти от каких-либо инициатив и ответных акций. По сути дела, России «ушла в глухую оборону», не реагируя вообще, если это возможно, на резкие антироссийские инициативы США. Это говорит о том, что инерционность во внешней политике страны, как и в ее социально-экономической политике, сохраняются и носят традиционный для последних 35 лет характер.

Очевидное начало такого процесса «переходного периода» в развитии ВПО и его базовом сценарии мы наблюдаем примерно с 2010 года, который я обозначил как условное начало «переходного периода» в современном состоянии ВПО. Именно тогда западная коалиция во главе с США открыто, даже демонстративно, взяла курс на военно-силовое противодействие нарастающим попыткам изменений в доминировании США в системах, сформировавшихся к тому времени в мире в финансово-экономической и военно-политической областях, хотя отдельные демонстрации такой политики происходили и ранее. К ним, например, можно отнести бомбардировку Югославии в 1999 году, интервенцию в Афганистан, войну в Ираке 2003 года и ряд других военно-силовых актов.

Тем не менее открытое провозглашение военно-силовой политики в качестве внешнеполитического курса Запада произошло только при Б. Обаме, которому удалось сформировать широкую военно-политическую коалицию против основных потенциальных противников — «ревизионистских держав»⁴⁴¹, —

⁴⁴⁰ Кьеза Дж. Цугцванг для человечества. М. : Книжный мир, 2019. С. 4.

⁴⁴¹ Ревизионистское государство (англ. Revisionist State) — зд.: термин предполагает прямую корреляцию между реальным местом и положением государства в мире и его положением в качестве государства,

которые были против открытой гегемонии США в мире. Следующий этап начался с 2014 года, когда посыпался град санкций — политico-дипломатических, экономических, иных, который сопровождался открытой информационно-пропагандистской войной, но, главное, был публично заявлен курс на передел влияния на постсоветском пространстве от Украины, Молдавии и Белоруссии до Армении, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, а также заявлена стратегическая установка на внутриполитическую дестабилизацию России, которая проявилась в силовых акциях после выборов 2011 и 2012 годов.

Таким образом, к 2023 году произошла фактически смена парадигм развития МО, которая, однако, во-первых, до конца не осознана (а значит, не от всех прежних принципов и подходов отказалось), а, во-вторых, не понята до конца суть новой парадигмы развития МО.

сохраняющего существующее статус-кво или не признающего это статус-кво, то есть «ревизионистского государства». Попавшие в последнюю категорию страны недовольны своим местом в международной системе и стремятся изменить действующую конфигурацию МО и ВПО. Под этим термином стали обозначаться государства, которые не согласны с системой доминирования США в МО и ВПО.

Появление этого термина означало смену приоритетов в политике Запада с борьбы с международным терроризмом на борьбу с «ревизионистскими государствами». Формально это понятие появилось летом 2015 года, когда объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США выпустил национальную военную стратегию, где Россия, Иран, Китай и КНДР названы «ревизионистскими государствами» и главной угрозой международной безопасности. В частности, к РФ предъявляются претензии в неважежении к суверенитету соседних стран и готовности применить силу для достижения своих целей. В тексте упоминается техника «гибридной войны» в контексте отторжения Крыма от Украины, авторы стратегии обвиняют вооруженные силы РФ в подрыве региональной безопасности напрямую и через третьи силы. Все это, по их мнению, нарушает «многочисленные договоренности, которые подписала Россия и в которых она обязалась действовать в соответствии с международными нормами, включая Устав ООН, Хельсинкские соглашения, Основополагающий акт Россия — НАТО, Будапештский меморандум и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

2.10. ОСНОВНЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СМЕНЫ ПАРАДИГМ РАЗВИТИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

На протяжении всей нашей истории доблесть наших войск способствовала интеллектуальной лености наших генералов⁴⁴².

Н. Головин, русский генерал и военный теоретик

Смена парадигм развития мирового миропорядка и всей МО предполагает в итоге не только смену парадигм развития ВПО, а в конечном счете всех региональных и локальных СО, но и радикальную смену основных видов и систем ВВСТ и качественных изменений военного искусства, более того, смену политических и нравственных доминант правящих элит⁴⁴³. Иными словами, смена парадигм миропорядка означает самую радикальную ломку всей системы военно-политических отношений на всех уровнях, масштабы которой только еще начинают осознаваться⁴⁴⁴.

И происходит эта смена прежде всего на самом высоком политico-цивилизационном уровне, когда появляется экзистенциальная угроза существованию уже не только государств

⁴⁴² Андоленко С. История русской армии. М. : ЗАО Центрполиграф, 2022. С. 314.

⁴⁴³ Напомню, что смена доминант правящих элит — это прежде всего смена основного, главного мотива, интереса и важнейшей цели деятельности субъекта, важнейший психофизиологический фактор (по Ухтомскому А.А.), определяющий в течение того или иного времени направленность мышления, поведения и деятельности человека.

⁴⁴⁴ Анализу этой тенденции в развитии МО и ВПО я посвятил несколько подробных работ, в частности: Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1496 с.; Подберезкин А.И. Анализ и прогноз военно-политической обстановки. М. : Юстицинформ, 2021. 1080 с.; Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М. : Международные отношения, 2023. 1594 с.

(как при мировых войнах), но и наций, и цивилизаций, доминирующих философских и цивилизационных установок и ценностей. В нашем случае — замена либерально-глобалистских финансово-экономических приоритетов на национальные интересы и ценности у правящей элиты всей страны. Иными словами, изменения в миропорядке происходят одновременно на нескольких уровнях, а военные последствия смены парадигм происходят одновременно в нескольких областях.

Такая логика отношений между субъектами ВПО — норма для США. В ежегодном обзоре разведывательного сообщества США за 2021 год, например, отмечалось, что «Россия использует самый широкий спектр силовых средств — от политического влияния и разведки, а также контртеррористических операций, военной помощи, торговли, убийств и пр. для подрыва интересов США»⁴⁴⁵.

Смена главного психофизиологического фактора правящей элиты — революция. Примерно такая же глубокая, как революция 1917 года, отменившая главную доминанту — собственность. Эта, последняя трансформация, — самая сложная и радикальная потому, что правящие элиты фактически меняют личные приоритеты, отказываясь от либерально-финансовых ценностей в пользу национальных⁴⁴⁶. Так произошло, например, в Нижнем Новгороде в начале XVII века, когда не только К. Минин, но и большинство состоятельных граждан отдали свое имущество для армии освобождения России⁴⁴⁷. Нижегородский совет

⁴⁴⁵ Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community. Washington, 2021. 9 April. P. 9.

⁴⁴⁶ Вариант работы был опубликован в статье: Подберезкин А.И. Войно-политические последствия смены парадигмы развития МО // Рейтинг персональных страниц. 31 июля 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/voenno-politicheskie-posledstviya-smeny-paradigm-razvitiya-mezhdunarodnoy-obstanovki>

⁴⁴⁷ «Захотим помочь московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать, бить челом тому, кто бы вступился за истинную православную веру и был

первоначально озабочился созданием войск только для обороны города, но Минин проявил куда большую общественную активность, призывая озабочиться судьбой всего погибающего государства. Призыв нашел отклик, при этом предпримчивые нижегородцы понимали, что сражаться за Россию должны хорошо оснащенные служилые люди. Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде решили собирать средства для организации армии из служилых людей «разного прибора». *Все нижегородцы сдавали треть своего имущества, уклонявшихся от сборов наказывали полной конфискацией.* Сам Минин сдал в общий котел все свое имущество, включая драгоценности жены и серебряные оклады с домашних икон⁴⁴⁸.

Смена доминанты, как видим, сопровождалась радикальными решениями. Для сравнения: в России 2023 года так и не ввели налога на богатых и даже прогрессивного налога, а СВО для многих стала «просто бизнесом». При этом ни о какой массовой конфискации (даже у преступников) или предателей речи не шло.

Это означало только одно: смена парадигм в развитии человечества пока что в минимальной степени затронула правящую элиту России, сохранившую в целом прежнюю либеральную доминанту. Она оказалась до настоящего времени маловосприимчива к глобальным переменам, прежде всего потому, что доминанта в поведении была сохранена на уровне 90-х годов. В центре стоят реальные («конкретные») ценности, а не идеологические (хотя быстрое развитие православной культуры среди ее части каким-то образом уживалось с этими ценностями). В 2023 году я писал по этому поводу: «Политика и стратегическое планирование в современных условиях (после февраля 2022 года) происходит в атмосфере искусственно искаженной политической реальности, когда нравственные нормы, нормы

у нас начальником» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 8).

⁴⁴⁸ Деньги на ополчение Минина и Пожарского // Историк античности. 30 июня 2020 г. URL: <https://dzen.ru/a/YN1l2E-RYVBwkPaw>

международного права, созданные институты безопасности и стабильности фактически перестали работать. Строго говоря, противоборство с Западом и стратегическое планирование в России происходит в условиях нарастающего в мире внешнего хаоса и энтропии, создаваемых искусственно с помощью ложных исторических, нравственных и правовых нарративов»⁴⁴⁹.

В условиях СВО многие отмечали эту искаженную реальность не только в СМИ, но и в политике государств, которая имела мало общего с действительностью. Существовал очевидный «когнитивный диссонанс», который в 2022–2023 годах не удавалось преодолеть на общенациональном уровне. Этот диссонанс имел очевидные последствия и в военно-политической области. «Поход справедливости» Е.В. Пригожина по большому счету имел не столько субъективные основания — амбиции и стремления к власти, сколько опирался на социальный фундамент недовольства. Это имеет огромное значение, потому что в конечном счете не только в СВО, но и в любом военном конфликте побеждает та сторона, где нет острых внутриполитических противоречий и имеется ясная поддержка большинства нации, которую не компенсируют ни обман, ни террор. При смене парадигм развития МО важно понимать, что результаты силового противоборства *будут прямо зависеть от состояния общества*.

С точки зрения последствий смены парадигмы МО эти процессы в военной политике западной коалиции означали, что фактически уже к началу 2020 года Россия, Китай и целый ряд других стран встали перед качественно новой военно-политической реальностью, — третьим этапом «переходного периода» развития военно-силового сценария ВПО, когда США и их союзники

⁴⁴⁹ Цит. по: Подберезкин А.И. Стrатегическое планирование и искаженный идеологический нарратив: Нюрнберг в стратегии Запада // Рейтинг персональных страниц. 30 июля 2023 г. URL: <https://viperson.ru/articles/strategicheskoe-planirovanie-i-iskazhennyj-istoricheskiy-narrativ-nurnberg-i-sovremennoe-mezhdunarodnoe-pravo-v-strategii-zapada>

сформулировали задачу уже не простого ослабления влияния России и этих государств, и даже не ограничения их суверенитета и размывания идентичности, но ликвидации этих общинностей, которые столетиями формировалась на огромных территориях (применительно к России — Российской империи и СССР), превращение ее, включая территорию собственно Российской Федерации, в набор зависимых территорий⁴⁵⁰. Такие радикальные цели в отношении новых центров силы стали к 2021 году вполне понятны не только в России и в Китае, но и в целом ряде других государств, некоторые из которых (как, например, Индия) не высказывались по этому поводу публично, хотя из некоторых комментариев было ясно, что там понимают хорошо новые реалии.

События в августе 2020 года в Белоруссии, а затем в Нагорном Карабахе, Молдавии и в Казахстане наглядно продемонстрировали неизбежность очередного этапа развития этого военно-силового сценария.

Этот сценарий окончательного развала постсоветского пространства, нового (после раз渲а ОВД и СССР, дезинтеграции Югославии и Чехословакии) качественного перехода означает «переходный период»⁴⁵¹, который развивается в настоящее время, и вариант которого, вероятно, будет развиваться до 2025 года, но существенные корректизы будут внесены именно во второй части этого периода в 2025–2035 годах. Именно тогда

⁴⁵⁰ Стратегическое прогнозирование международных отношений : монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М. : МГИМО-Университет, 2016. 743 с.

⁴⁵¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1 // Обозреватель. 2019. № 4 (351). С. 5–25; Подберезкин А.И. «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2 // Обозреватель. 2019. № 5 (352). С. 5–21; Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. «Переходный период»: главная особенность — «милитаризация политики». Часть 3 // Обозреватель. 2019. № 6 (353). С. 57–72.

должны, на мой взгляд, произойти окончательные изменения в состоянии МО и ВПО в Европе, Евразии и в мире⁴⁵².

Эти радикальные изменения в ВПО в Европе и в мире должны быть внесены уже не только с помощью силы вообще, но и военной силы в частности. Собственно «переходный период» — это период качественного перехода от силовой политики Запада и его коалиции в отношении России и других стран к военно-силовой политике, когда силовая политика будет опираться не только на угрозу, но и на прямое применение военной силы. Первые шаги такой политики были апробированы в Югославии, Ливии, Ираке, Сирии и на Украине. Тогда же удалось либо нейтрализовать влияние России, либо минимизировать его до ограниченного уровня, как это было в Косово и Сирии. При этом военно-силовой сценарий не предусматривает обязательного прямого участия НАТО (особенно США, Великобритании и Франции) в войне. Как показал опыт СВО, непосредственное участие в вооруженном конфликте будет поручено «передовым отрядам» западной коалиции — Украине и другим восточноевропейским странам (Польше, Румынии, Словакии, Прибалтике), которым будет оказана максимальная финансовая и материальная поддержка.

«Переходный период» — это новый этап, когда *Россия является открытым врагом Запада, с которым не допустимы соглашения и компромиссы*. Тем не менее убедительно звучат призывы к переговорам, которые могут стать реальностью в этих условиях, только когда на них будут вынуждены пойти США. Именно поэтому спешно ликвидируются все прежние договоренности и институты, а оставшиеся откровенно используются в интересах Запада. К 2022 году именно такое положение и сложилось: Россия в результате массированной информационно-психологической обработки превратилась из «партнера» во врага, против которого консолидировано выступило практи-

⁴⁵² В июле 2023 года Г. Киссинджер, кстати, в интервью назвал примерно те же сроки.

чески 100% западной элиты, а созданные институты международной безопасности и оставшиеся соглашения были фактически уничтожены. Это означает, что практически все препятствия для вооруженных действий устраниены⁴⁵³.

Исключение — необходимый уровень ВС и ОПК, запасов BBC и боеприпасов, которых, как показала СВО, у западной коалиции недостаточно. Не только страны НАТО, но и Россия не готовились к масштабному военному конфликту с точки зрения его интенсивности и длительности. Военные доктрины предполагали военные действия по типу войны в Ираке, где BBC и ВТО в течение нескольких месяцев уничтожают противника, а сухопутные силы занимают и контролируют территорию (при поддержке — подкупе — ЦРУ основных противников). Как справедливо отмечает генерал армии Ю.Н. Балуевский, «вооруженные конфликты после 2000 года были не самыми поучительными: воздушные кампании Запада против Ирака (2003 г.) и Ливии (2011 г.) велись против ослабленных многолетним давлением противников»⁴⁵⁴.

Потребуется развертывание массового военно-промышленного производства, на которое уйдет не менее 1,5–2 лет. Но не только. Потребуется пересмотр основных положений военного искусства. Как показал опыт СВО, где тактические приемы менялись иногда 3–4 раза за месяц, *последствия смены парадигмы развития МО в военной области будут качественными*.

В результате таких изменений к 2035 году должны появиться принципиально новые структуры и модели развития МО и ВПО, отличающиеся от нынешних, которые пока что характеризуются достаточно простой политикой силового доминирования западной военно-политической коалиции. Проблема, однако, в том, как, каким образом и по какому сценарию пройдет этот

⁴⁵³ См. подробнее: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

⁴⁵⁴ Чужие войны: новая парадигма / С.М. Аминов, М.С. Барабанов [и др.]. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2022. С. 7.

заключительный, этап «переходного периода». На мой взгляд, теоретически этот переход может произойти по следующим сценариям в период 2025–2035 годов.

1. Под контролем и силовым давлением со стороны Запада в целом в том виде и такими же средствами, — пролонгацией в развитии современного варианта сценария развития ВПО, то есть инерционно. Инициатива по использованию военно-силовых средств и методов будет сохраняться за Западом (США и их союзниками) не только в Европе, в частности в ходе СВО, но и в других регионах. Как минимум до 2025 года, когда Западу удастся либо обеспечить себе необходимое военно-техническое превосходство и перейти к прямому военному конфликту, либо — что более вероятно — втянуть в военный конфликт на своей стороне, кроме Украины, другие восточноевропейские и даже центральноевропейские страны.

2. В результате серии региональных и локальных столкновений с Западом других ЛЧЦ и коалиций, которые могут привести к неожиданным (как и во всех войнах) результатам, в частности, даже тактическому поражению западной коалиции, например, от китайской или исламской коалиции.

3. Как следствие глобальной войны между западной коалицией, китайской, российской, исламской или индийской коалициями, которая может вестись как на уровне конвенциональном, так и с применением ЯО.

4. Как результат успешной политики военно-силового принуждения Западом к капитуляции правящих элит других субъектов ВПО без прямого использования военной силы.

5. Как результат информационно-когнитивной победы Запада над другими ЛЧЦ и центрами силы.

6. Наконец, как внутриполитический кризис, который может привести к расколу как внутри западной коалиции, так и внутри стержневых государств — лидеров других ЛЧЦ.

Последствия для ВПО в мире, естественно, будут различны. Они будут отличаться друг от друга, прежде всего тем, по какому из сценариев будут развиваться события.

Таким образом, на мой взгляд, существует несколько разных возможных, принципиально отличных, сценариев развития ВПО, из которых я выделил один *наиболее вероятный сценарий* и вариант его развития, а именно — первый по порядку и значению — который будет продолжением развивающегося в настоящее время (2010–2025 гг.) варианта сценария «Усиления военно-силовой эскалации» развития ВПО⁴⁵⁵.

Не исключен и другой сценарий смены парадигмы МО — хаотизация, фрагментация и окончательный развал оставшейся системы МО. В 2022 году, например, предупреждали эксперты Saxo Bank, в мире активизируются «революционные движения», не все из которых приведут к позитивным сдвигам. «Грядет революция!» — в этих двух словах сформулирована суть новой подборки «шокирующих прогнозов», которые в конце каждого года публикует датский Saxo Bank. Эксперты Инвестбанка полагали, что в мировой экономике и обществе в целом «растет напряжение», справиться с которым нынешняя система в принципе не способна. А это значит, что революция не возможна, а неизбежна, вопрос только в том, «когда и как она произойдет». «Если нынешняя система должна измениться, но не может, революция — единственный путь вперед», — заявил директор по инвестициям Saxo Bank Стин Якобсен. Авторы прогноза Saxo Bank предупреждают, что их предсказания не представляют собой официальных рыночных прогнозов, а касаются в первую очередь маловероятных событий, но возможность их воплощения в жизнь не стоит недооценивать.

⁴⁵⁵ См. подробнее: Подберезкин А.И. Политика и стратегия правящей элиты СССР/России // Обозреватель. 2025. № 1 (январь–февраль). С. 58–74; Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45; Подберезкин А.И. Трансатлантическое партнерство трещит по швам // Красная Звезда. 19 февраля 2025 г.; Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

Аналогичная ситуация с большинством видов и типов ВВСТ, например, стратегические бомбардировщики Ту-160 и Ту-95, вертолеты МИ-8 и МИ-24, большинство орудий и РСЗО стоят на вооружении уже более 60 лет. Тем более это относится к значительному числу судов ВМФ. Иначе говоря, принятие решений о создании ВВСТ и их разработке занимает иногда не одно десятилетие, а их применение еще несколько десятилетий. Поэтому принципиально важно иметь максимально точное представление о характере будущих военных конфликтов и войн, наиболее важных средствах вооруженного насилия, которое прямо вытекает из прогноза развития ВПО и СО в мире.

Оперативный прогноз как промежуточный этап стратегического прогноза ориентирован на 5-6 лет, что показал в очередной раз В.В. Путин в своем послании ФС РФ в марте 2024 года.

Очевидно, что в таком прогнозе будет много переменных и неопределенностей, но также важно, что в нем будут и некоторые вполне определенные, даже стабильные факторы, которые необходимо прежде всего выделить и учитывать.

Один из них — «беспрогрышность» автаркии, которая заключается в том, что усилия в области автаркии в худшем случае могут принести несколько меньший результат, но никогда не будут напрасными. Будь то в военной области или образовании.

Таким образом, в рамках большой будущей неопределенности возникает главный вопрос: как государства — субъекты МО и центры силы должны вести себя в этих условиях? Присоединиться к наиболее сильному? Такое присоединение может дать возможность использования преимуществ глобализации.

Или, наоборот, к наиболее слабому? Что, как показывают примеры некоторых стран бывшего СССР, позволяет использовать их возможности.

Или все-таки проводить самостоятельную политику, как это делает Китай последние годы. Рассмотрим его стратегию подробнее в качестве примера для такого стратегического выбора.

На протяжении более двух десятилетий Китай ссылалась на «новую концепцию безопасности», которая охватывает

такие нормы, как общая безопасность, системное разнообразие и многополярность. Но в последние годы Китай считает, что он приобрел возможность реализовать свое видение. С этой целью в течение своего первого десятилетия у власти Си Цзиньпин выпустил три отдельные глобальные программы: Инициативу «Пояс и путь» (BRI) в 2013 году, Инициативу глобального развития (GDI) в 2021 году и Инициативу глобальной безопасности (GSI) в 2022 году. Каждая из них в той или иной степени способствует трансформации международной системы и занятию Китаем центрального места в ней⁴⁵⁶.

Первоначально инициатива BRI была для Пекина платформой для удовлетворения потребностей в жесткой инфраструктуре развивающихся стран и стран со средним уровнем дохода, которая использовала при этом избыточные мощности китайской строительной отрасли. С тех пор она расширилась и стала двигателем геостратегии Пекина: внедрение китайских экосистем цифровых технологий, здравоохранения и экологически чистых технологий во всем мире; продвижение своей модели развития; расширение сферы действия своих вооруженных сил и полиции; и продвижение использования своей валюты.

GDI фокусируется на глобальном развитии в более широком смысле и ставит Китай прямо на место водителя. Часто сотрудничая с ООН, он поддерживает небольшие проекты, направленные на борьбу с бедностью, цифровую связь, изменение климата, здравоохранение и продовольственную безопасность. Это продвигает предпочтение Пекина экономическому развитию как основе прав человека. Например, в одном правительстенном документе по программе другие страны обвиняются в «маргинализации вопросов развития из-за упора на права человека и демократию».

⁴⁵⁶ Альтернативный порядок Китая // Форин Аффеарс. Май–июнь 2024 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-alternative-order-xi-jinping-elizabeth-economy?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=

Пекин позиционирует GSI как систему, которая, как выразились некоторые китайские ученые, обеспечивает «китайскую мудрость и китайские решения» для содействия «миру и спокойствию во всем мире». По словам Си Цзиньпина, GSI выступает за то, чтобы страны «отвергли менталитет холодной войны, выступили против односторонности и сказали “нет” групповой политике и блоковой конфронтации». Лучший курс, по мнению Си Цзиньпина, предполагает создание «сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры безопасности», которая разрешает разногласия между странами посредством диалога и консультаций и поддерживает невмешательство во внутренние дела других стран. За своей риторикой GSI призван положить конец системам альянсов США, сделать безопасность предварительным условием развития и продвигать абсолютный суверенитет и неделимую безопасность — или представление о том, что безопасность одного государства не должна обеспечиваться за счет безопасности других. Китай и Россия использовали эту идею, чтобы оправдать вторжение России в Украину, предполагая, что нападение Москвы было необходимо, чтобы помешать расширяющемуся НАТО угрожать России.

Но стратегия Си начала реализовываться только в прошлом году, с обнародованием Глобальной цивилизационной инициативы в мае 2023 года. GCI продвигает идею о том, что страны с разными цивилизациями и уровнями развития будут иметь разные политические и экономические модели. Он утверждает, что права определяют государства и что ни одна страна или модель не имеет полномочий контролировать дискурс о правах человека. Как выразился бывший министр иностранных дел Цинь Ган, «не существует универсальной модели защиты прав человека». Таким образом, Греция с ее философскими и культурными традициями и уровнем развития может иметь иную концепцию и практику прав человека, чем Китай. Обе одинаково действительны⁴⁵⁷.

⁴⁵⁷ Альтернативный порядок Китая // Форин Аффеарс. Май–июнь 2024 г. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-alternative>

Китайские лидеры прилагают все усилия, чтобы убедить страны и международные институты согласиться с их мировым видением. Их стратегия многоуровневая: заключение сделок с отдельными странами, интеграция их инициатив или их компонентов в многосторонние организации и внедрение их предложений в институты глобального управления. Моделью такого подхода является BRI. Около 150 стран стали участниками программы, которая открыто защищает ценности, составляющие видение Китая, такие как главенство развития, суверенитет, политические права, определяемые государством, и общая безопасность. Это двустороннее соглашение сопровождалось усилиями китайских чиновников связать BRI с другими усилиями по региональному развитию, такими как Генеральный план по связям до 2025 года, созданный Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Китай также успешно внедрил BRI в более чем два десятка агентств и программ ООН. Особенно усердно он работал над согласованием инициативы «Пояс и путь» и нашумевшей Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам, который уже более десяти лет возглавляет китайский чиновник, подготовил отчет о поддержке инициативы «Пояс и путь». Доклад был частично профинансирован Целевым фондом мира и развития ООН, который, в свою очередь, был первоначально создан в размере 200 миллионов долларов. Такая поддержка, несомненно, способствует энтузиазму, который многие высокопоставленные чиновники ООН, включая генерального секретаря, проявляют в отношении BRI.

Понятно, что прогресс в области GDI, GSI и GCI находится на более зачаточном этапе. На данный момент лишь горстка лидеров из таких стран, как Сербия, Южная Африка, Южный Судан и Венесуэла, предложили риторическую поддержку идеи

order-xi-jinping-elizabeth-economy?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=

GCI, соглашаясь с тем, что разнообразие цивилизаций и путей развития должно уважаться.

GDI получил большую международную поддержку, чем GCI. После того как Си объявил об этом проекте на Генеральной Ассамблее ООН, Китай создал «Группу друзей GDI», в которую сейчас входят более 70 стран. GDI продвинул 50 проектов и пообещал предоставить 100 000 возможностей обучения для чиновников и экспертов из других стран для поездки в Китай и изучения его систем. Эти возможности обучения предназначены для продвижения передовых технологий Китая, его управленческого опыта и модели развития. Китаю также удалось официально связать GDI с Повесткой дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, и он провел семинары, посвященные GDI, совместно с Управлением ООН по сотрудничеству Юг-Юг. Другими словами, Пекин вплетает эту программу в ткань международной правительственной системы.

GSI добился еще большей риторической поддержки. По данным Министерства иностранных дел Китая, более 100 стран, региональных организаций и международных организаций поддержали GSI, а китайские официальные лица поддержали БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), АСЕАН и Шанхайскую организацию сотрудничества. На заседании ШОС в сентябре 2022 года Китай продвинул GSI и получил поддержку всех членов, кроме Индии и Таджикистана.

ГЛАВА 3

В. ПУТИН И Д. ТРАМП. ИДЕЯ «ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ИДЕИ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности⁴⁵⁸.

В. Путин, президент России

Лет 30-40 назад политика была борьбой идей. У тебя была программа, ты убеждал в ее правоте, боролся с другими программами... Сейчас все сконцентрировано на экране телевизора⁴⁵⁹.

Д. Къеза, бывший парламентарий Евросоюза

Идея «евразийской безопасности» пока что не стала концепцией, а тем более реальной политикой. Это только идея, сформулированная В.В. Путиным в послании президента 2024 года, расширенная позже несколькими короткими тезисами и практическими шагами в области дипломатии⁴⁶⁰. Задолго до этой идеи, еще в 2007 году, на конференции по безопасности

⁴⁵⁸ Путин В.В. Выступление на конференции по безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 года // Официальный сайт Президента России. 10 февраля 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁴⁵⁹ Къеза Д. Цугцванг для человечества. М. : Книжный мир, 2019. С. 5.

⁴⁶⁰ Так, в июле 2024 года по итогам саммита ШОС в Астане была принята соответствующая декларация, в которой указывается, что при выстраивании международных отношений чаще стали применяться силовые методы, что является причиной необходимости модернизации существующих структур. При этом в документе отмечается, что сотрудничество в рамках этой межправительственной организации может послужить основой для создания архитектуры безопасной Евразии.

в Мюнхене, В.В. Путин говорил о неотложной задаче «создания архитектуры глобальной безопасности». Задача эта не была решена до настоящего времени, поэтому идея евразийской безопасности может рассматриваться как новая попытка подойти к решению проблемы с другой стороны.

Но сама идея и концепция В.В. Путина евразийской безопасности значительно шире, чем принято говорить в международной и дипломатической среде. Эти идеи изначально были направлены на противодействие глобализации и усиление автаркии, прежде всего в области укрепления национального развития и безопасности. Естественно, в рамках тех (немногих) возможностей, которые были у России в первом десятилетии нового века после катастрофических результатов реформ 1990-х гг.

Таким образом, идея евразийской безопасности изначально была существенно шире просто рядовой политico-дипломатической инициативы. Это, несомненно, политico-идеологический шаг, оформленный в долгосрочную концепцию конкретного политического лидера. Обращают на себя внимание такие ее аспекты, которые сохранились в долгосрочной перспективе до середины 2020-х годов (то есть 20 лет), как:

- принцип равноправного сотрудничества на основе национальных интересов и традиций (от гендерной политики до сохранения культурных и духовных ценностей), который позже использовал Д. Трамп в своей политике;
- принцип обеспечения международной безопасности государствами и нациями суверенными политico-дипломатическими средствами, а не в опоре на международные институты (также, кстати, позаимствованный Д. Трампом);
- фактическое системное противодействие глобализации и универсализации, ограничения внешнего влияния на суверенитет и национальную идентичность извне.

Примечательно, что Д. Трамп в первые месяцы своего правления и взрыва инициатив *фактически пошел вслед за В.В. Путиным*: все его действия — от гендерной политики до борьбы

с международной бюрократией и издержками глобализации, поддержкой религиозных ценностей стали *содержательным повторением действий* В.В. Путина (особенно после 2022 года) по укреплению тенденций автаркии. Иными словами, Д. Трамп, как и до него В.В. Путин, выступил против бесконтрольной глобализации и универсализации в интересах национальной автаркии. И это совпадение позиций (безусловно, не случайное, политико-идеологическое, а не только международно-политическое) неожиданно и может вести к серьезным двусторонним последствиям, первую проверку которых покажет формулирование позиций по СВО.

Кроме того, Д. Трамп внес революционные изменения в американскую политику сразу же в нескольких областях, но в наибольшей степени — в разрушение системы глобального управления страной. Последствия этих изменений могут быть радикальными, поэтому они требуют уже сегодня как минимум общего рассмотрения.

Суть этой политической идеи Д. Трампа: порядок «по-американски» (существовавший миропорядок), существующий в мире до настоящего времени с конца Второй мировой войны, постепенно переходит в новое качество при непосредственном — активном и прямом — участии США. Созданная США коалиция государств и институтов в предыдущие десятилетия должна, по замыслу Д. Трампа и его сторонников, работать уже не в коалиционном режиме, а непосредственно под руководством аппарата и на национальные интересы США, а не на глобальные интересы «коллективного Запада».

Стоит политическая задача *вернуть именно американское национальное, а не глобальное лидерство в мире*, которое оказалось «размытым» в результате расширения его влияния на множество субъектов и акторов мировой политики в непонятных для США интересах. Как показал аудит, проведенный в январе-феврале 2025 года в ряде государственных внешнеполитических ведомств (Госдепе, Агентстве США по оказанию помощи, ЦРУ и других), огромные ресурсы тратились далеко

не на укрепление собственно американских позиций, а либеральных идеологических интересов и интересов разных групп и корпораций в мире.

Такая смена ориентиров требует смены системы управления. Здесь логика Д. Трампа и И. Маска, как руководителей бизнеса, очевидно, требует радикальных изменений. И они последовали. Вмешательство в систему управления государством команды Д. Трампа было настолько резким и масштабным, что вызвало шок в аппарате государственного управления, формировавшегося десятилетиями в интересах «глобальной повестки дня». Если новой администрации удастся добиться задуманного, то это неизбежно приведет к конфликту интересов, который повлияет на всю политику национальной безопасности. Как объяснила социолог Элизабет Попп Берман, «предоставление прямого контроля над федеральным финансовым краном президенту и его агентам глубоко недемократично, поскольку это дает им возможность лишать средств, выделенных Конгрессом по закону, любого, кого считают политическим оппонентом, при этом направляя деньги на вознаграждение политических союзников — и все это без надзора или одобрения Конгресса»⁴⁶¹.

Позиция новой администрации на самом деле была сформулирована еще в первый президентский срок Д. Трампа и отражала всяческое усиление тенденций автаркии (и автократии) относительно политики глобализации. Очевидно, что происходящие изменения соотношения сил в мире не в пользу США в конечном счете объективно ведут к ослаблению позиций Вашингтона, «размыванию» контрольного пакета по управлению планетой. Еще в первый президентский срок Д. Трамп фактически поддержал долгосрочную стратегию США, реализуемую с конца

⁴⁶¹ Голдгеер Дж., Сондерс Э. Представляет ли DOGE угрозу национальной безопасности США? // Форин Аффарс. 7 февраля 2025 г. / URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/elon-musk-does-doge-pose-national-security-risk?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=&utm_content=20250207&utm_term=EWZZZoo3ZX

90-х годов прошлого века — сохранить американский контроль можно только при реализации в долгосрочной перспективе трех принципиальных установок⁴⁶²:

- формирование широкой и подконтрольной проамериканской коалиции, прямо зависящей от США, в опоре на систему многочисленных (выгодных для США) двусторонних соглашений и договоренностей, которая состояла бы из нескольких «окружностей» в зависимости от близости отношений с США;
- сохранение военно-технологического и в конечном счете военно-стратегического (включая финансово-экономическое и промышленное) превосходства США;
- дестабилизация внутриполитического состояния не только противников, потенциальных оппонентов, но и союзников США, «размывание» их идентичности, единства правящей элиты и способности проводить активную внешнюю политику.

Очень важный аспект, который связан с концептуальным переосмыслением внешней политики США, а не только республиканцев и Д. Трампа. Это в свое время уже стало предметом острой полемики в США между разными частями правящей элиты страны, суть которого была описана в статье в «Форин Аффеарс» 29 мая 2024 года следующим образом: «Все страны преследуют свои интересы, но не все страны определяют эти интересы одинаково»⁴⁶³. Концепция национальных интересов традиционно подчеркивала защиту своей территории, населения, богатства и влияния. Однако после Второй мировой

⁴⁶² См. подробнее: Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: хаотизация мира и внутриполитическая дестабилизация России // Национальная оборона. 29 декабря 2024 г. URL: <https://oborona.ru/product/zurnal-nacionalnaya-oborona/prioritetnye-strategii-ssha-vnutripoliticheskaya-destabilizaciya-rossii-i-haotizaciya-mira-46613.shtml>

⁴⁶³ Брэндс Х. Мир «Америка прежде всего» // Форин Аффеарс. 27 мая 2024 г. URL: oreignaffairs.com/united-states/america-first-world?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign

войны большинство американских лидеров и элит отвергли идею о том, что это должна быть нормальная страна, действующая обычным образом. В конце концов, война продемонстрировала, как нормальный ритм международных дел может повергнуть человечество и даже далекие Соединенные Штаты в ужас. Тем самым оно дискредитировало первоначальное движение «Америка прежде всего», состоящее из противников вмешательства США во Вторую мировую войну, и ясно дало понять, что самая могущественная страна в мире должна радикально расширить свое представление о том, что влечет за собой ее интересы.

Получившийся в результате проект был беспрецедентным по масштабам. Он включал в себя создание альянсов, охватывающих весь земной шар и защищающих страны за тысячи миль от них, восстановление опустошенных стран и создание процветающей свободной мировой экономики, а также культивирование демократии в далеких странах. Не в последнюю очередь это означало отказ от политики завоеваний и неприкрытой эксплуатации, которую так часто проводили другие великие державы, и вместо этого защиту норм — неагрессии, самоопределения, свободы общего пользования, которые предложили бы человечеству более мирный и основанный на сотрудничестве путь. Соединенные Штаты теперь брали на себя «ответственность, которую предназначил Всемогущий Бог, — заявил президент Гарри Трумэн в 1949 году, — за благополучие мира в будущих поколениях»⁴⁶⁴.

Позже, во втором десятилетии XXI века сложилась такая ситуация в МО, когда не только политические процессы и поведение субъектов МО, но и сама *политическая реальность стала результатом информационной политики ведущих субъектов*, которые практически монополизировали информацион-

⁴⁶⁴ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине: монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

ное пространство. Не важны стали не только программы и идеи, но и логика и сама истина, потому что в действительности важна стала только управляемая трактовка таких идей и событий — повторяющаяся, «всеобщая», доминирующая в СМИ, социальных сетях и в общественном мнении. По сути дела, реальный политический мир (и происходящие в нем процессы) превратился в виртуальный, причем этот виртуальный мир оказался в политике даже более реальным, чем существующий в действительности.

Инспирируемые Западом «события» — шпионские скандалы, «отравление Скрипалей», «допинги спортсменов» и пр. — стали тем политическим фоном, на котором формировалась реальная политика Запада, ориентированная на сохранение за США статуса мирового гегемона⁴⁶⁵.

Все эти «инновации» в конечном счете вели к превращению внешней политики США в глобальную политику в интересах всего Запада, что в итоге негативно отразилось на самой стране. И не только экономически и социально, но и политически. Переоценка, сделанная Д. Трампом, — реакция на «сверхглобализацию», которая стала во многом инерцией глобальной силовой «виртуальной политики» уже откровенно в ущерб национальным интересам США.

Эта «виртуальная реальность», однако, основана на сохраняющемся (но сокращающемся) материальном превосходстве Запада над другими локальными человеческими цивилизациями и его стремлении контролировать процесс изменения соотношения сил в мире и развитие ВПО самым широким спектром силовых средств политики⁴⁶⁶. Впервые об этом сказал публично

⁴⁶⁵ Подобная официальная оценка была сформулирована, в частности, в СНБ РФ от 2 июля 2021 г. См.: Путин В.В. Указ № 400 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 7–8). URL: www.kremlin.ru/acts/bank/47046/print

⁴⁶⁶ Переоценка развития ВПО и роли современных силовых средств борьбы была сделана в новой редакции СНБ РФ 2 июля 2021 г. См.: Путин В.В. Указ № 400 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/47046/print

В.В. Путин в 2007 году на мюнхенской конференции по безопасности, где он также заложил несколько основ новой российской внешней политики, в частности, озвучив идею новой архитектуры глобальной безопасности, опасности расширения НАТО на восток, необходимости ускорения решений по ограничению технологической гонки вооружений и, наверное, главное — опасности продолжения силовой политики США в однополярном мире⁴⁶⁷.

⁴⁶⁷ Путин В.В. Выступление на конференции по безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 года // Официальный сайт Президента России. 10 февраля 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

3.1. ЗНАЧЕНИЕ СИЛОВЫХ СРЕДСТВ ПОЛИТИКИ США: КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ПРИ Д. ТРАМПЕ — «ОПТИМИЗАЦИЯ»

Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов⁴⁶⁸.

В. Путин, президент России

Уход США из Афганистана подводит черту под эрой крупных военных операций, направленных на переустройство других стран силовым путем⁴⁶⁹.

Дж. Байден, президент США

Значение тех или иных силовых средств в политике определяется прежде всего главными их владельцами — субъектами МО-ВПО — государствами (хотя в последние десятилетия такими субъектами стали и международные организации и корпорации, что хорошо проиллюстрировал в ходе СВО И. Маск своими возможностями обеспечения связи, управления и разведки на поле боя). Кроме того, важно понимать соотношение намерений и возможностей, которое должно иметь оптимальный характер в интересах сочетания принципов обеспечения безопасности и развития.

В этом смысле понятие «оптимизация» стало ключевым для США и НАТО уже в начале 2024 года при разработке их стратегии в отношении России. Причем для США — в большей даже степени, чем для стран — членов НАТО⁴⁷⁰.

⁴⁶⁸ Путин В.В. Выступление на конференции по безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 года // Официальный сайт Президента России. 10 февраля 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁴⁶⁹ ТАСС. 1 сентября 2021 г. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?text/vital&filmId=132>

⁴⁷⁰ В прогнозе развития стратегии США и НАТО на 2024 год (подтверждавшемся полностью к началу 2025 года), опубликованном в работе «Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине» именно понятие «оптимизация» стало ключевым (Подберезкин А.И., Тупик Г.В.

Говоря о потенциальных и существующих реальных субъектах военной политики, которые создают прямые угрозы России, можно условно разделить их на *три группы таких субъектов*, исходя из критерия их определенной позиции по СВО на Украине. Во многом эти позиции характеризуются военными расходами, объем и структура которых (а также в ряде случаев и внешнеполитическая деятельность) финансируется государством. Так, например, предпоследний президент США Джо Байден утвердил рекордный оборонный бюджет страны на 2025 финансовый год (начался 1 октября) в размере 895 млрд долл., что на 9 млрд долл. больше, чем в прошлом году. Об этом говорится в заявлении, распространенном пресс-службой Белого дома. Палата представителей конгресса США одобрила проект 11 декабря, сенат — 18 декабря 2024 года.

Этот широкий документ предопределяет развитие и приоритеты важнейших направлений в политике государства, которые перечислены на 5 страницах (с. 64–69 Бюджета США⁴⁷¹, представленного Дж. Байденом)⁴⁷². В частности, НИОКР в США, где приоритетная сфера для Вашингтона — исследования, разработки, испытания и оценка (research, development, test and evaluation — RDT&E), в которую вложили на 9,4% больше, чем в 2022 году. Документ, составленный на 1,8 тыс. страниц, предусматривает выделение средств на реализацию программ в сфере разведки, планов Пентагона, а также для проектов Минэнерго.

Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

⁴⁷¹ Budget of the US Government 2025 / Gov. Printing office. 2025. 177 p. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2025-BUD/pdf/BUDGET-2025-BUD.pdf>

⁴⁷² Примечательно, что Д. Трамп приказал сразу же закрыть доступ к версиям бюджета, разместив на официальном сайте свои лозунги о новых приоритетах.

Кроме того, этот документ де-факто формулирует внешне-политические приоритеты США: содержит, например, запрет на сотрудничество с Россией в области ископаемого топлива и обмен информацией по Договору о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Исключение может быть сделано, как указано в документе, если министр обороны или госсекретарь уведомят законодателей о предоставлении Россией аналогичной информации.

Первая группа — США и их ближайшие союзники по НАТО, причем (с приходом к власти Д. Трампа) в значительно большей степени США. Более того, можно констатировать, что возможен даже прямой акт принуждения в отношении избранного союзника — Великобритании.

Вторая группа — западные страны, прямо и формально не участвующие в военной помощи ВСУ, такие как Швейцария и десятки других стран, которые в реальности входят в антироссийскую коалицию.

Третья группа — страны, оказывающие помощь западной военно-политической коалиции, которые можно не считать членами этой коалиции, но которые в той или иной степени содействуют ее политике. К сожалению, к этой группе стран можно отнести даже партнеров и «стратегических союзников России».

У всех этих государств свое отношение к военной политике и использованию военной силы (и силы вообще) против России⁴⁷³.

Формирование системы безопасности — евразийской, евроатлантической или глобальной — прежде всего требует ответа на вопрос о выборе основных средств, с помощью которых можно добиться этой цели. В частности, политических (международно-правовых, дипломатических) или силовых (включая

⁴⁷³ Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

военно-силовые). Но, по сути дела, в нынешних условиях речь идет об имитации такого выбора между международно-правовыми средствами (о которых все говорят публично) и откровенно силовыми средствами политики государств (которые используются в реальности). Очень часто за разговорами о мире и пр. декларациями, в том числе о международном праве, стоят реальные военные приготовления. Так было с 80-х годов прошлого века, что игнорировалось правящей элитой СССР/России, но так же ситуация развивается и сегодня. Также некоторые политики не хотят сознательно видеть реалий. И это очень опасно потому, что повторение ошибки уже неисправимо в нынешних военно-политических условиях.

Надо помнить и признать, что государства создавались и сохранялись войнами и очень редко переговорами и договоренностями. Как правило, только временными. Так, после Второй мировой войны в Ялте и Потсдаме сформировали систему глобальной безопасности, которая в том или ином виде просуществовала более 40 лет, трансформировавшись в итоге в 90-е годы в однополярную систему, которая в настоящее время переживает экзистенциальный кризис.

Формально эта система стала результатом достижения международно-правовых договоренностей между державами-победительницами (США, Великобританией и СССР, к которым И. Сталин присоединил Францию). Фактически державы — победительницы использовали свое право силы для создания глобального механизма, который был силой навязан мировому сообществу на конференции в Сан-Франциско в 1945 году⁴⁷⁴.

⁴⁷⁴ Сан-Францисская конференция — международная конференция, проходившая с 25 апреля по 26 июня 1945 года. В конференции участвовали 50 государств, которые являлись учредителями Организации Объединенных Наций. Конференция была созвана от имени Великобритании, СССР и США. На конференции уделялось большое внимание целям, принципам, структуре и полномочным представительствам Организации Объединенных Наций. За основу были взяты положения, разработанные на конференции в Думбартон-Оксе (21 августа — 7 октября 1944 года —

Теперь же США используют свое право силы для разрушения этого мирового порядка и его институтов. В частности, новый президент Соединенных Штатов — Дональд Трамп — не собирается останавливаться в избранном им курсе по сбрасыванию ненужных обуз. Сначала, еще 20 января, сразу после инаугурации, он распорядился выйти из Парижского соглашения по климату (принятого в рамках конвенции ООН в 2015-м) и Всемирной организации здравоохранения, а 4 февраля 2025 года подписал приказ о выходе сразу из трех структур ООН — Совета по правам человека, ЮНЕСКО и Ближневосточного агентства ООН по беженцам (БАПОР).

В целом разгром программ организации «Помощь США» оказался впечатляющим, как и масштабы этой помощи, только легальная часть которой превышала в 2024 году 50 млрд долл.

Эта политика опять же противоречит прежней недавней силовой политике демократов в использовании США и их союзниками силовых невоенных средств во внешней политике, которой стала политика «после Афганистана», хотя в действительности она не означала ни того, что она стала принципиально новой (после войн в Корее, Вьетнаме также декларировался отказ от военной силы), ни того, что военная сила потеряла свое значение.

Просто акцент был сделан на (как тогда казалось) более эффективных и безопасных силовых невоенных средствах, прежде всего экономическом и финансовом давлении, силовом влиянии НКО и СМИ, способных трансформировать политическую реальность в нужном для США направлении. Похоже, республиканцы убедились в том, что эти средства не такие уж эффективные, но слишком затратные, требующие от США помочь, не соответствующей их эффективности.

международная конференция стран — участников Антигитлеровской коалиции, на которой обсуждались вопросы послевенного устройства мира, учреждения международной организации по поддержанию мира и безопасности, которая проходила в 1944 году).

Считается ошибочно, что страны — члены ЕС будут любыми средствами избегать военно-силового противоборства, что просто не соответствует реалиям. Мы по-прежнему ошибочно считаем страны ЕС «не желающими и неспособными» к войне против России, игнорируя тот фантастический уровень русофобии, который был создан в современной Европе за последние десятилетия. Вступление Финляндии (которую мы считали нашим близким другом, почти союзником) в НАТО, похоже, не очень нас убедило в том, что политический климат изменился. Последние громкие речи европейских политиков говорят все отчетливее: ЕС реально готовится к войне. Это не какие-то абстрактные сказки, в которые не хочется верить после романтических иллюзий 70-х и 90-х. Надо просто понимать, что за такой романтикой стояла наивность советских и российских руководителей, растерявших не только «классовое чутье», но и простое понимание сути политики. Все очень серьезно. Пока мы заняты Украиной, Евросоюз и Британия наращивают производственные мощности. Предположительно, осталось пять, максимум семь, лет до прямого военного столкновения с Европой. С США или без, но с армией стран ЕС⁴⁷⁵.

Политическая ситуация в Европе радикально изменилась по сравнению с 1960 и 1970-ми годами прошлого века. В настоящее время не только в США, но и в Европе доминируют силы, которые готовятся уже не просто к силовому, но и военно-силовому противоборству с Россией. Если действительно все эти заявления — высказывание более-менее консенсусной позиции Запада, тогда мы должны соотнести их с недавним ульти-

⁴⁷⁵ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Прогноз развития международных отношений на среднесрочную и долгосрочную перспективу // Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке / под общ. ред. В.Б. Зарудницкого, И.В. Копылова, С.Н. Мажуга, А.Н. Столярова. М. : ВАГШ, 2024. С. 559–572; Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

матумом Трампа. Он, как, на мой взгляд, справедливо считает В. Третьяков, «однозначно направлен на разрушение переговорного процесса с Россией. И всех созданных институтов и идей. Так как исторически в последние 20 лет Россия никогда не достигала ни с кем соглашений после такого шантажа. Есть мнение, что такой ход, направленный на разрушение переговорного процесса, тоже продиктован тем, что в американских кругах, в окружении Дональда Трампа, на данный момент лидирующую роль начали играть те же самые военные и военные промышленники, но только американского разлива»⁴⁷⁶. Военная сила для них остается важнейшим инструментом внешней политики, без которой силовые (невоенные) силы и средства не могут работать эффективно.

Учитывая, что экзистенциальный характер угрозы уничтожения России ни в США, ни в странах ЕС не отменяли, очевидно, что все силовые средства будут применяться в ближайшие месяцы «по мере необходимости». Оставляя для Украины и ВСУ специальное пространство военной угрозы России.

Существует много аргументов в пользу реальности этого сценария. В частности, в продолжении войны на Украине. Заинтересованность Европы в длительном и умеренно интенсивном конфликте не на своей земле, который позволяет насыщать промышленность заказами и обогащать военных опытом, наградами, командировками, повышениями и званиями, при этом не неся существенных издержек, а также заявления Трампа и европейских политиков, — первые звоночки нового политического тренда власти силовиков или их доминирования в Европе и США⁴⁷⁷.

Причем происходит это на основе хорошо скоординированной политики всей западной военно-политической коалиции в разных формах — широкой, включающей более 60 государств,

⁴⁷⁶ Европа готовит большую войну с Россией? Дату уже назначили? // Телеканал 360. 25 января 2025 г. URL: <https://dzen.ru/a/Z5TyHjkvzNIhKEN>

⁴⁷⁷ Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

более «узких»: НАТО, ЕС или G₇. Так, например, в начале мая 2021 года в Лондоне последовательно состоялась встреча министров иностранных дел США-Великобритании, «семерки», которые не встречались два года, а повесткой дня этой встречи стало «противодействие информационному влиянию России». Представители стран G₇ на этой встрече рассмотрели возможность создания механизма быстрого реагирования «для противодействия российской пропаганде и деформации», как заявил министр иностранных дел Великобритании Доминик Рааб⁴⁷⁸. Эти решения легли в основу политики США и НАТО уже на формальном уровне.

Вплоть до самого последнего времени ЦРУ было главным координатором формирования информационной политики США, которая целенаправленно вела к военному конфликту. Характеристика этой деятельности была дана летом 2023 года американским журналистом Джон Мак Глионном (John Mac Ghlionn)⁴⁷⁹. Во время своего недавнего интервью с Лексом Фридманом (Lex Fridman) Роберт Кеннеди — младший⁴⁸⁰ назвал ЦРУ «крупнейшим спонсором журналистики во всем мире». Это довольно удивительно, но в высказывании кандидата в президенты от Демократической партии присутствует весомая доля истины.

В 1948 году Фрэнка Уиснера (Frank Wisner) назначили директором Управления специальных проектов (Office of Special Projects), которое вскоре было переименовано в Управление координации политики (Office of Policy Coordination). Это управление представляло собой шпионское подразделение ЦРУ, и его основной задачей было распространение пропаганды и ве-

⁴⁷⁸ Страны G₇ обсудят механизмы противодействия «российской пропаганде» // ТАСС. 3 мая 2021 г.

⁴⁷⁹ Мак Глионн Джон. URL: <https://inosmi.ru/20230803/tsru-264784953.html>

⁴⁸⁰ Роберт Кеннеди — младший — Американский адвокат и радиоведущий, кандидат на участие в президентских выборах в США, племянник президента США Джона Кеннеди.

дение экономической войны, а также развертывание подрывной деятельности против враждебных государств и оказание поддержки подпольным группам сопротивления.

С благословения ЦРУ Уиснер начал проводить так называемую операцию «Пересмешник» — реализовывать программу, цель которой заключалась в формировании вектора вещания американских СМИ. По словам писательницы Деборы Дэвис (Deborah Davis), в рамках операции «Пересмешник» управление завербовало множество влиятельных американских журналистов, которые должны были продвигать совершенно конкретные идеи. В этой весьма масштабной операции принимали участие весьма авторитетные журналисты, включая Джозефа Олсопа (Joseph Alsop), чьи статьи публиковались в сотнях различных газет. Среди журналистов, нанятых для продвижения нужных ЦРУ нарративов, были также Стюарт Олсон (Stewart Alsop), Бен Брэдли (Ben Bradlee) и Джеймс Рестон (James Reston) из газеты *New York Times*.

Давайте теперь перенесемся в 2023 год. Сегодня гнусное влияние ЦРУ, очевидно, остается таким же сильным, как и прежде, если не сильнее. Последнее время ЦРУ поддерживает тесные связи с целым рядом крупных американских СМИ, включая *The Daily Beast* и *Rolling Stone*. В своем интервью с Фридманом Кеннеди также указал на связь разведывательного агентства с новым либеральным сайтом *Salon*.

Разумеется, однозначно ответить на вопрос о том, сотрудничают ли эти СМИ напрямую с ЦРУ, невозможно. Однако несомненным остается то, что ЦРУ обладает способностью формулировать нарративы и навязывать нужную точку зрения как внутри Соединенных Штатов, так и за их пределами.

Десять лет назад президент Барак Обама подписал опасный законопроект, а именно Закон об ассигнованиях на национальную оборону. Как отметила журналистка Лея Аналай (Leah Anaya), этот документ позволил ЦРУ осуществлять «указанные психологические военные операции» в отношении американского народа.

Влияние ЦРУ на народ выходит далеко за рамки левых новостных сайтов и традиционных медиакорпораций. В прошлом году результаты всестороннего расследования, проведенного MintPress, ясно показали, что Facebook⁴⁸¹ поддерживает тесные связи с ЦРУ. И это вполне объяснимо. В конце концов, ежемесячная активная аудитория Facebook составляет 2,95 миллиарда человек, и многие из этих пользователей регулярно посещают сайт, чтобы почитать новости. Команда MintPress обнаружила, что Meta⁴⁸² «нанимала на работу десятки людей из Центрального разведывательного управления, а также многих других агентств, таких как ФБР и Министерство обороны США». И эти нанятые компанией люди работали с такими «политически значимыми секторами, как доверие, безопасность и модерация контента».

ЦРУ также поддерживает тесные связи с американской многонациональной технологической компанией Google, имеющей склонность шпионить за отдельными лицами как внутри страны, так и за границей. На сегодняшний день Google является самой популярной поисковой системой в мире. Почему бы ЦРУ не попытаться оказывать влияние на результаты поиска? Можно даже сказать — и об этом уже говорили, — что Кремлевская долина и ЦРУ связаны неразрывными узами.

Но это еще не конец. Свое воздействие ЦРУ оказывает через целую сеть организаций, финансируемых другим влиятельным учреждением — Национальным фондом поддержки демократии (National Endowment for Democracy, NED). Созданный в 1983 году, NED, согласно информации на его официальном сайте, представляет собой некоммерческую корпорацию, основной целью которой является «продвижение демократии в других

⁴⁸¹ Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

⁴⁸² Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

странах путем содействия политическим и экономическим институтам». Нас уверяют, что NED призван способствовать «росту и укреплению демократических институтов во всем мире».

Однако в 1997 году газета *New York Times* сообщила, что фонд NED был создан «для того, чтобы открыто делать то, чем Центральное разведывательное управление тайно занималось на протяжении десятилетий». Как в 1991 году сказал Аллен Вайнштейн (Allen Weinstein) — человек, сыгравший ключевую роль в создании этого фонда, — «многое из того, что мы делаем сегодня, ЦРУ тайно делало еще 25 лет назад».

Другими словами, фонд NED представляет собой инструмент, которым управляет ЦРУ. Каждый год фонд раздает тысячи грантов отдельным людям и группам более чем в 100 странах мира. Многие из этих грантов — на суммы в десятки тысяч долларов — предоставляются средствам массовой информации и журналистам.

Например, как выяснили журналисты-расследователи Мэтт Кенард (Matt Kenard) и Марк Кутис (Mark Cutis), NED вложил миллионы долларов в целый ряд британских независимых медиагрупп. Они отметили, что цель фонда состоит в том, чтобы «поддерживать такие организации, как политические партии, профсоюзы, диссидентские движения и средства массовой информации».

Хотя фонд направил значительную часть своей энергии и ресурсов на Восточную Европу, Латинскую Америку и Азию, Кенард и Кертис выяснили, что в последнее время он переключился на Великобританию, в частности, на финансирование различных СМИ и минимум четырех групп, выступающих за свободу прессы. По словам журналистов, неудивительно, что все получатели финансирования «находятся на прогрессивном конце политического спектра».

Кенард и Кертис добавили, что NED предоставлял финансирование таким группам, специализирующимся на журналистских расследованиях, как Bellingcat, Finance Uncovered и open Democracy, а также фонду Thomson Reuters Foundation.

Более того, NED финансировал ряд зарубежных медиа-групп, включая Internews, PEN и «Репортеры без границ». Влияние NED можно увидеть по всей Европе, в частности в таких странах, как Польша, Чехия, Словакия, Болгария и Франция. И это должно всех нас настораживать. ЦРУ десятилетиями действовало вне закона и активно сопротивлялось любым попыткам обеспечить прозрачность его работы. Оно много раз разворачивало незаконные программы слежки и операции по подрыву основ демократии.

Все это вновь возвращает нас к высказыванию Роберта Кеннеди — младшего. Очевидно, что кандидат в президенты не ошибается. В действительности он недооценивает мощь влияния ЦРУ. Это агентство и его марионетки оказывают мощное воздействие на то, что мы видим, слышим и во что верим в глобальном пространстве общественных дискуссий. Возможно, нам пора начать подвергать сомнению нашу «реальность».

Выбор из всего спектра таких силовых средств — от применения ЯО до информационно-пропагандистских провокаций — США в одностороннем порядке оставляли за собой. Пропорции между силовыми военными и силовыми невоенными средствами США также оставляли за собой. Так, в частности, 1 сентября 2021 г. Дж. Байден сделал акцент на невоенных силовых средствах (при сохранении возможности не только политического, но и военного использования военной силы), что вполне соответствует американским представлениям о «гибкости» использования силовых инструментов в интересах политики. Таких «невоенных силовых» средств, однако, прежде всего у Запада и США, становилось все меньше, а их нехватка ощущалась сильнее. Что не могли не почувствовать республиканцы, которые стали требовать от своих союзников более активного участия в военном противоборстве с Россией⁴⁸³. Надо признать, что в 2022–2024 годах им удалось сделать немало в этой области,

⁴⁸³ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1503 с.

фактически не только создав широкую антироссийскую коалицию, но и превратив ее в инструмент силового давления на Россию.

Не стоит, однако, думать (как это было в 80-е годы прошлого века в СССР и России), что в США отказались от использования вообще военной силы. Акцент был смешен в использовании ее более активно и масштабно в политico-психологических аспектах (шантаж, угрозы), которые гарантируют эффективное применение силовых невоенных инструментов, прежде всего разного рода НКО и СМИ, но уже без эскалации риска военного конфликта. При этом в новом веке сохраняющаяся военно-технологическое превосходство западной коалиции предоставляет возможность активного применения силовых невоенных инструментов политики для формирования удобной структуры системы МО-ВПО. И оно будет сохраняться при Д. Трампе, максимально оптимизируясь. Смысл его военной политики — максимальная эффективность, которая достигается оптимизацией⁴⁸⁴.

Если посмотреть на структуру военных расходов США, то становится понятно, что НИОКР, закупки ВВСТ, заграничные операции и тыловое обеспечение и оплата военнослужащих — основные статьи, которые находятся вне конкуренции, что позволяет опираться на военно-технологическое превосходство⁴⁸⁵.

Это во многом объясняется тем, что соотношение военных расходов стран-лидеров говорит о том, что аналогичное состояние превосходства не смогут обеспечить себе еще очень долго другие страны, а в целом западная военно-политическая коалиция может достаточно успешно и гарантированно противостоять другим центрам силы, прежде всего КНР, России и Индии.

⁴⁸⁴ Надо признать, что «оптимизация» военной политики США и НАТО в 2024 году была главной идеей, поэтому Д. Трамп взял ее за основу, существенно радикализировав.

⁴⁸⁵ См.: Подберезкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки : монография. М. : Международные отношения, 2019. 462 с.

Обращает на себя внимание тот факт, что в структуре военных расходов сокращаются доли закупок ВВСТ и заграничных операций, при сохранении доли затрат на НИОКР и человеческий капитал ВС США (боевую подготовку и зарплаты военнослужащих).

С учетом абсолютного роста военных расходов эти приоритеты военной политики США означают отчетливую ставку на:

- укрепление технологического лидерства;
- приоритетное развитие качества человеческого потенциала ВС США⁴⁸⁶.

Эти приоритеты определяют и выбор основных средств силового противоборства в политике Запада: превосходство в технологиях и человеческом капитале. Показательно сравнение динамики роста военного бюджета США за последние годы.

В 2023 году общемировые военные расходы выросли на 6,8% и достигли рекордного показателя в 2,443 трлн. долл., или 2,3% глобального ВВП, подсчитал Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute — SIPRI). В его ежегодном обзоре «Trends In World Military Expenditure, 2023» сказано, что этот рост стал максимальным с 2009 года и что глобальные расходы на оборону достигли самого высокого уровня, который институт когда-либо фиксировал. «Рост глобальных военных расходов в 2023 году можно объяснить прежде всего продолжающейся войной на Украине и эскалацией геополитической напряженности в Азии, Океании и на Ближнем Востоке», — отмечают эксперты. Эту тенденцию они зафиксировали во всех пяти географических регионах — и сильнее всего в Европе, Азии и Океании и на Ближнем Востоке⁴⁸⁷.

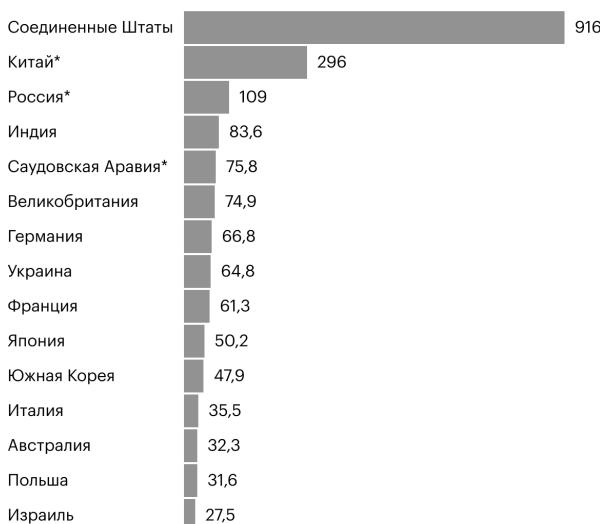
⁴⁸⁶ См. подробнее: Расходы США и стран НАТО в 2024 и перспективы 2025 годов // Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

⁴⁸⁷ Подберезкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024–2025 годах // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 18–34.

Центрами роста военных расходов можно назвать государства, которые отчетливо становятся центрами силового противоборства. Это хорошо видно по приоритетам военного бюджета США на 2025 год — Китай, Индо-Тихоокеанский регион, Россия и Украина, то есть конкретные страны и регионы, а не глобальное противоборство, которое было приоритетным для либеральных демократов прежде. Причем не только в США, но и в европейских странах, где оппозиция «уходящим» лидерам Франции и Германии (как в Словакии, Венгрии и Австрии) угрожает взять власть в 2025 году. «Широкая западная коалиция», основанная на русофобии, начинает рассыпаться или как минимум вступает в кризис.

Топ-15 стран по тратам на военные расходы в 2023 году

\$ млрд

* Цифры по оценкам SIPRI

Источник: SIPRI, МВФ

© РБК, 2024

Таким образом, в 2024 году топ-5 стран, которые тратят на оборону больше всего, превращаясь в самостоятельные центры силы, ориентированные на автаркию, а не на глобализацию, сохранился, как в 2022 году (исключая Россию и Украину).

США — 916 млрд долл., (или 3,4% национального ВВП). В 2022 году — 877 млрд долл., или 3,5% ВВП.

Китай — 296 млрд долл., (или 1,7% ВВП). В 2022 году — 292 млрд долл., или те же 1,7% ВВП.

Россия — 109 млрд долл., (или 5,9% ВВП). В 2022 году — 86,4 млрд долл., или 4,1% ВВП.

Индия — 83,6 млрд долл., (или 2,4% ВВП). В 2022 году — 81,4 млрд долл., или также 2,4% ВВП.

Саудовская Аравия — 75,8 млрд долл., (или 7,1% ВВП). В 2022 году — 75 млрд долл., или 7,4% ВВП.

Абсолютными лидерами, увеличивавшими разрыв с другими странами, стали США, Китай, Россия и Индия. Причем как в абсолютном отношении, так и в отношении доли военных расходов в ВВП (где отчетливо сосуществовали еще Саудовская Аравия и Израиль).

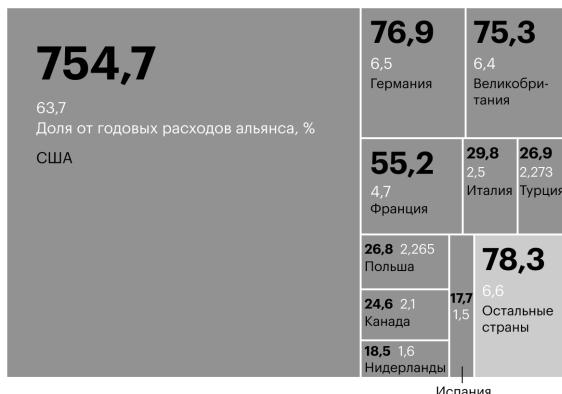
При этом наиболее заметный тренд обнаруживается в странах — членах НАТО⁴⁸⁸, которые, по мнению Д. Трампа, должны поднять свое участие в военных расходах до 5%.

Об этом 12 февраля 2025 года на заседании формата «Рамштайн» в Брюсселе, в частности, заявил глава Пентагона Пит Хегсет, говоря о поддержке Украины. Безопасность Европы также должна «быть императивом для европейских членов НАТО», подчеркнул он, поэтому большую часть летальной и не-летальной помощи Киеву Европа должна предоставить самостоятельно. «2% [ВВП] недостаточно; президент Трамп призывал к 5%, и я с ним согласен, — сказал Хегсет. — Усиление вашей приверженности вашей собственности безопасности — это первоначальный взнос в будущее».

⁴⁸⁸ Насколько стран НАТО увеличили военные расходы // РБК. 13 февраля 2025 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/02/2025/67a256929a79477d6f42cadb>

Страны НАТО потратили на оборону в 2024 году \$1,18 трлн

Траты стран НАТО на оборону в постоянных ценах 2015 года*, \$ млрд

* Североатлантический альянс не приводит полных данных о расходах в текущих ценах.

Источник: НАТО

© РБК, 2025

Требовать от Европы больше расходов на оборону Дональд Трамп начал еще в свой первый срок (2016–2020 годы). «Нам следовало сделать это много лет назад. Было только 2%, и большинство стран не платили, пока не пришел я, — заявил Трамп 23 января 2025 года, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе. — Я настоял на том, чтобы они платили, и они стали делать это. Потому что в то время Соединенные Штаты платили гораздо больше, и по отношению к Соединенным Штатам это было несправедливо. Но очень много вещей по отношению к Соединенным Штатам были несправедливы на протяжении многих лет».

Изначально обязательной планкой по расходам стран НАТО был показатель в 2% ВВП — его союзники установили в сентябре 2014 года на саммите в Уэльсе, через полгода после присоединения Крыма к России. Тогда требованию отвечали только

три страны — США, Греция, Великобритания. Достичь 2% все члены альянса должны были к 2024 году. В свой первый срок Трамп критиковал союзников за то, что они тратят на оборону недостаточно, и возмущался, что свою безопасность Европа обеспечивает за американский счет. «Что хорошего в НАТО, если Германия платит России миллиарды долларов за газ и энергию? — заявлял он в 2018 году. — США платят за защиту Европы и теряют миллиарды в торговле. Союзники должны заплатить 2% ВВП немедленно, а не к 2025 году». Тогда же он заявил, что обязательный минимум на оборону надо увеличить до 4%.

При этом в 2024 году еще не все страны альянса выполнили оговоренное в 2014-м условие — за десять лет двухпроцентного порога достигли 23 страны из 32-х (при этом к Исландии это требование не относится, так как у нее нет своей армии и в оборону она не вкладывается в принципе). В топ-5 стран, которые выделяют в настоящее время на ВПК максимальные доли от ВВП, входят Польша (4,12%), Эстония (3,43%), США (3,38%), Латвия (3,15%) и Греция (3,08%). Однако важно учитывать абсолютные величины — например, та же Эстония в 2024 году направила на оборону 944 млн долл., тогда как Испания, которая по расходам от ВВП находится на последней строчке среди стран альянса, потратила на оборону 17,7 млрд долл.

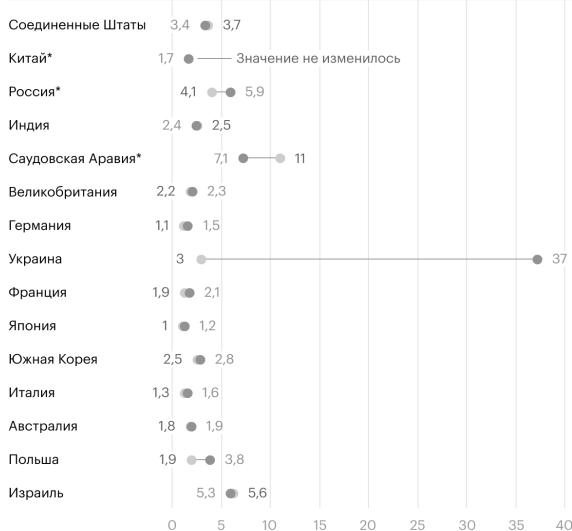
В абсолютном выражении больше всего на оборону в Европе потратили Германия (86 миллиардов долларов), Великобритания (81 миллиард долларов) и Франция (64 миллиарда долларов). В процентном отношении больше всех заплатили Эстония (4% ВВП) и Польша (3,25% ВВП), но абсолютный объем трат у них меньше, чем у трех крупнейших экономик Европы: 1,7 миллиарда и 28 миллиардов долларов соответственно.

Принципиальная разница в уровнях военных расходов относительно ВВП хорошо видна на рисунке.

Какая доля ВВП стран приходится на военные расходы

Страны ранжированы по военным расходам, % от ВВП

● 2023 ● 2014

* Цифры по оценкам SIPRI

Источник: SIPRI, МВФ

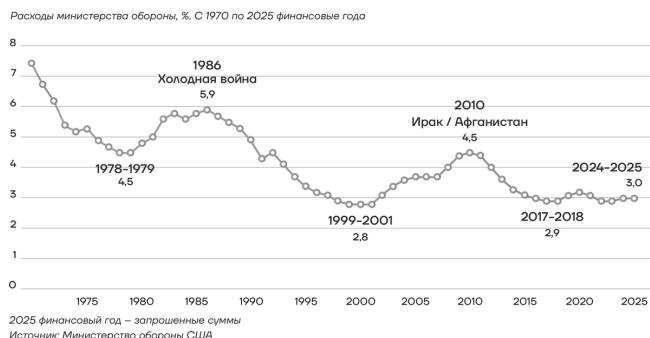
© РБК, 2024

Увеличиваются диспропорции в военных расходах и между США и КНР. На США и Китай в сумме приходится почти половина общемировых оборонных военных расходов — 37 и 12% от глобального показателя соответственно. Траты США в три раза больше, чем у Китая; приоритетная сфера для Вашингтона — исследования, разработка, испытания и оценка (research, development, test and evaluation — RDT&E), в нее он вложил на 9,4% больше, чем в 2022 году. «Это соответствует решению США сместить акцент с операций по борьбе с повстанцами и асимметричной войны на разработку новых систем вооружения, которые можно было бы использовать в потенциальном конфликте с противниками, обладающими передовыми военными возможностями», — отмечают эксперты.

Вложения Пекина в сравнении с 2022 годом выросли на 6%. На КНР приходится половина всех военных расходов в Азии и Океании. Эксперты отмечают, что Китай провоцирует другие страны этого региона на то, чтобы тоже больше тратить на оборону, — растущую военную мощь КНР они воспринимают как основание укреплять свой военный потенциал. Пекин повышает свои траты беспрерывно на протяжении последних 29 лет, за последние десять лет этот темп замедлился, что, по оценке аналитиков, связано с замедлившимся ростом китайской экономики. Но удельный вес военных расходов, по оценкам экспертов, остается стабильным, *не превышает 2%*. Это, безусловно, сказывается положительно на темпах развития Китая относительно других стран и очевидно беспокоит США.

Примечательно, что примерно в аналогичной ситуации находятся и США: формальные *расходы на министерство обороны США относительно размера экономики сократились до 3% ВВП* (в будущем Пентагон планирует тратить еще меньше), тогда как в годы холодной войны норма трат на Пентагон находилась в пределах 4,5-10%⁴⁸⁹. Это хорошо видно на следующей диаграмме.

Доля военных расходов министерства обороны США в ВВП

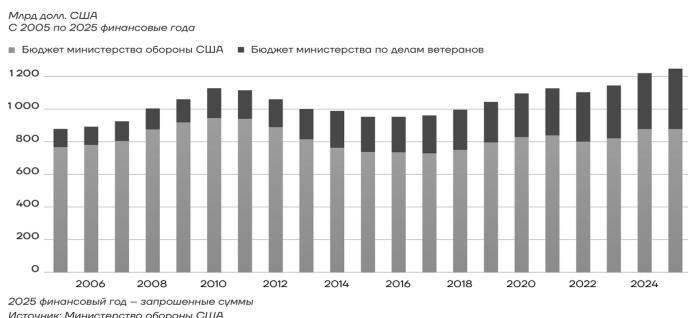

⁴⁸⁹ Расходы Пентагона. Противостояние КНР опережает холодную войну : доклад // Росконгресс. 2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZtCM8HgGwQzom5T>

Но это именно формальная сторона, о которой хорошо знают в США. Статья «Национальная оборона», помимо расходов самого Пентагона, включает траты на военные программы как министерства энергетики (33,5 млрд. долларов), так и других федеральных министерств и ведомств США. Суммарные действительные расходы на 2025 финансовый год, по прогнозам администрации-бюджетного управления США, составят 926 млрд. долларов, что больше на 66 млрд. долларов с учетом инфляции в сравнении с аналогичным показателем 2023 года. К тому же не все ключевые области военных трат США включены в категорию «оборонных расходов»: часть из них распределена по другим блокам федерального бюджета.

Таким образом, фактические расходы на оборону США относительно размера экономики существенно выше заявленных. Они составляют около 4,6% ВВП или 17,7% всех расходов федерального бюджета на 2025 финансовый год без учета космических программ, грантов зарубежным государствам, часть финансирования которых также идет на военные нужды⁴⁹⁰. Все это показывает, что масштабы военных расходов США сильно занижены правительством Соединенных Штатов за счет распределения расходов, соответствующих военной деятельности, по другим департаментам, помимо министерства обороны. Это хорошо иллюстрирует следующая диаграмма.

Фактические военные расходы США

⁴⁹⁰ Там же.

Очевидно, что ответная реакция России в ходе СВО не только на Украине, но и в более широком контексте (в частности, относительно участия в НАТО Финляндии и Швеции), естественно, требует огромных затрат и влечет серьезные последствия. Общие расходы России на оборону в 2024 году выросли на 42% и составили 13,1 триллиона рублей, что эквивалентно 462 миллиардам долларов по паритету покупательной способности, сообщила газета “Financial Times”, ссылаясь на данные британского Международного института стратегических исследований (IISS). Как отмечает издание, военные расходы России превысили оборонные бюджеты всех стран Евросоюза и Великобритании вместе взятых. Их общие траты на оборону в 2024 году выросли на 12% до 457 миллиардов долларов. По прогнозу IISS, российские военные расходы в 2025 году вырастут на 13,7% до 15,6 триллиона рублей⁴⁹¹. Этот фактор, безусловно, сказывается на экономических и социальных возможностях России и учитывается при формировании политики страны в отношении США и их союзников. Намечается, вероятно, постепенная и осторожная нормализация отношений, которая, однако, может стать тем «прянником», за который от России потребуют важных уступок. Например, «паузы» в ходе СВО, которую назовут, как в 2014 году, «перемирием».

В этой связи обращает на себя внимание стратегическая оценка на среднесрочный период отношений с Западом, прежде всего с США. В определенной степени эта оценка будет зависеть от сохранения Д. Трампом тех военно-политических и военно-технических приоритетов в политике, которые сформировались до января 2025 года. Учитывая неизбежную инерционность военной политики и ее преемственность (даже с учетом разницы в позициях республиканцев и демократов), можно внимательно рассмотреть формально утвержденные приоритеты существу-

⁴⁹¹ Исследование показало, что военные расходы России превысили расходы всей Европы // Файнэншл Таймс. 13 февраля 2025 г. URL: <https://www.ft.com/content/93d44b5a-a087-4059-9891-f18c77efca4b>

ющего военного бюджета США на 2025 год (утверженного Конгрессом при Дж. Байдене).

Основные направления и цели военного бюджета США 2025 г.⁴⁹²

- Способствует комплексному сдерживанию в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире. Для поддержания и усиления сдерживания в бюджете предусмотрены финансовые средства, которые позволяют определить приоритетность Китая в качестве основного вызова Америке в соответствии со Стратегией национальной обороны до 2022 года. Инициатива подчеркивает некоторые из ключевых инвестиций, которые делает Департамент, направлена на укрепление сдерживания в регионе и демонстрирует долгосрочную приверженность Департамента Индо-Тихоокеанскому региону. В бюджете также предусмотрено финансирование для продвижения политики Администрации, обязательства в рамках расширенного трехстороннего партнерства Австралии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов в области безопасности (АУКУС), направленные на укрепление безопасности и стабильности в регионе. Министерство обороны разрабатывает концепции, возможности и стратегию, необходимые для решения этих задач, работая над объединением усилий по сдерживанию в правительстве США и с союзниками и партнерами США.
- Поддерживает Украину, европейских союзников и партнеров. Бюджет продолжает оказывать важнейшую поддержку Украине, союзникам по Организации Североатлантического договора и другим странам. Европейские государства-партнеры уделяют приоритетное внимание финансированию для

⁴⁹² Budget of the US Government 2025 / Gov. Printing office. 2025. Р. 64–68. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2025-BUD/pdf/BUDGET-2025-BUD.pdf>

повышения возможностей и боеготовности вооруженных сил США, союзников и партнеров в условиях продолжающейся российской агрессии. Однако бюджет не может обеспечить всю необходимую поддержку Украине, что требует принятия Конгрессом решения по дополнительному запросу Администрации о национальной безопасности от октября 2023 года. Министерство обороны (DOD) отвечает за вооруженные силы, необходимые для защиты жизненно важных национальных интересов Соединенных Штатов.

- Президентский бюджет Министерства обороны на 2025 год предусматривает ресурсы, необходимые для поддержания и укрепления системы сдерживания США, продвижения жизненно важных интересов национальной безопасности посредством комплексного сдерживания, проведения кампаний и инвестиций, которые создают устойчивые преимущества. Бюджет поддерживает американских военнослужащих и их семьи, укрепляет альянсы и партнерства, укрепляет технологическое превосходство Америки, обеспечивает боеготовность, сохраняет экономическую конкурентоспособность и борется с угрозами безопасности ХХI века. Бюджет предусматривает дискреционные бюджетные полномочия на 2025 год в размере 850 миллиардов долларов, что составляет 34 миллиарда долларов или на 4,1 процента больше, чем было введено в действие в 2023 году.

- Противодействие постоянным угрозам. При этом основное внимание уделяется поддержанию надежного сдерживания. В бюджете Китая и России также предусмотрено финансирование, позволяющее Министерству обороны сохранять бдительность перед лицом других постоянных угроз, включая угрозы, исходящие от Северной Кореи, Ирана и воинствующих экстремистских организаций.

- Модернизируется система ядерного сдерживания. В бюджете предусмотрено финансирование для поддержания мощного ядерного сдерживания в качестве основополагающего аспекта комплексного сдерживания для обеспечения безопасности страны и союзников США. Бюджет поддерживает ядерную три-

аду США, стратегическое сдерживание НАТО и необходимые текущие программы ядерной модернизации, включая системы ядерного командования, контроля и связи.

- *Инвестирует в промышленную базу подводных лодок (SIB).* Министерство обороны провело исследование SIB 2025 года, чтобы определить, как завершить проводимую раз в поколение рекапитализацию подводных сил, необходимую для повышения способности Соединенных Штатов создавать и обслуживать ударные подводные лодки в соответствии с военными потребностями США. Бюджет основан на дополнительном запросе Администрации на октябрь 2023 года в поддержку SIB, а также на обязательствах Администрации по АУКУС — первым крупным достижением которого стало историческое решение поддержать Австралию в приобретении атомных подводных лодок с обычным вооружением.

- *Укрепление кибербезопасности США.* Бюджет продолжает инвестировать в программы кибербезопасности для защиты страны от злоумышленников и киберкампаний. Эти инвестиции укрепляют стандарты киберзащиты оборонно-промышленной базы (DIB) и кибербезопасности сетей Министерства обороны.

- *Обеспечивает значительное повышение заработной платы военным.* Бюджет предусматривает значительное повышение заработной платы на 4,5 процента. В 2024 году заработка плата американских военнослужащих будет увеличена на 5,2%. Бюджет также предусматривает ежегодное повышение ставок оплаты труда военнослужащих, как на жилье, так и на прожиточный минимум.

- *Повышается порог получения пособия на основные нужды (BNA).* В бюджете предлагается увеличить порог получения пособия на основные нужды со 150 до 200 процентов от федерального прожиточного минимума.

- *Это соответствует обязательствам Америки в отношении семей военнослужащих.* Семьи военнослужащих играют ключевую роль в готовности и благополучии добровольческих сил, состоящих исключительно из добровольцев, и, следовательно,

имеют решающее значение для национальной безопасности. Бюджет продолжает поддерживать семьи военнослужащих, определяя приоритетность программ, включая инициативы Министра обороны «Забота о людях», которые направлены на расширение доступа к специалистам по поведенческому здоровью, сохранение возможностей трудоустройства для супругов военнослужащих и расширение доступа к высококачественному уходу за детьми для семей военнослужащих с помощью персонала по уходу за детьми.

- Основное внимание уделяется предотвращению самоубийств и сексуальных посягательств и принятию ответных мер. Бюджет включает финансирование усилий Департамента по предотвращению самоубийств и реагированию на них, а также выполнение рекомендаций Независимого комитета по предотвращению самоубийств и реагированию на них. Это финансирование будет направлено на улучшение оказания психиатрической помощи, устранение стигматизации и других препятствий на пути оказания медицинской помощи, пересмотр тренингов по профилактике самоубийств и продвижение культуры безопасности средств, приводящих к летальному исходу. В бюджет также включены средства на поддержку. Департамент прилагает усилия по предотвращению сексуальных посягательств и реагированию на них и реализует одобренные секретарем рекомендации Независимой комиссии по обзору сексуальных посягательств в вооруженных силах, направленные на повышение осведомленности, предоставление механизмов поддержки жертвам и значительное сокращение условий для сексуального посягательства, сексуальных домогательств и домашнего насилия, а также терпимости к ним и их распространенности в армии.

- Способствует повышению энергоэффективности и устойчивости оборудования в ходе боевых действий. Бюджет предусматривает инвестиции в энергетику и энергосбережение, что делает вооруженные силы США более гибкими, эффективными и живучими. Бюджет также повышает устойчивость объектов

и операций Министерства обороны для защиты критически важных объектов.

- *Повышает уровень биологической защиты и готовности к пандемии.* Бюджет предусматривает значительное финансирование для поддержки Национальной стратегии администрации в области биологической защиты до 2022 года и ее реализации, Плана противодействия биологическим угрозам, повышения готовности к пандемии и достижения глобальной безопасности в области здравоохранения, Национальной инициативы в области биотехнологий и биопроизводства, а также выполнение рекомендаций, содержащихся в обзоре состояния биозащиты Министерства обороны за 2023 год.

- *Обеспечивает боеготовность всех вооруженных сил Америки.* Бюджет продолжает обеспечивать, чтобы американские солдаты, моряки, летчики, морские пехотинцы и стражи порядка оставались наиболее подготовленными и оснащенными боевыми силами в мире. В бюджете дополнительный упор делается на фундаментальные инвестиции для поддержания существующих систем вооружения и поддержки повышения уровня подготовки по всему миру. Министерство занимается технологическими усовершенствованиями, направленными на продление срока службы материалов, жизненно важных для истребителей. Кроме того, в рамках бюджета продолжается рекапитализация и оптимизация четырех государственных военно-морских верфей для удовлетворения будущих потребностей в техническом обслуживании подводных лодок и авианосцев.

- *Создает военно-воздушные силы, необходимые для XXI века.* Бюджет финансирует закупку ряда самолетов с высокопроизводительными экипажами, продолжая модернизацию истребителей, бомбардировщиков, мобильных и учебных самолетов. Бюджет также ускоряет разработку и закупку боевых самолетов без экипажа и соответствующей автономности для увеличения количества самолетов с экипажем. Инвестирование в этот тип воздушных судов дает возможность повысить отказоустойчивость и гибкость парка для противодействия

будущим угрозам при одновременном снижении эксплуатационных расходов.

• *Оптимизирует военно-морское судостроение и модернизацию ВМС США.* Поддержание военно-морской мощи США имеет решающее значение для уверенности союзников и сдерживания потенциальных противников. Бюджет включает осуществимые и ответственные инвестиции в военно-морской флот США. Бюджет также продолжает реализацию рекапитализации национального подводного флота, оснащенного стратегическими баллистическими ракетами, при одновременном значительном инвестировании в СИБ. Кроме того, бюджет инвестирует в повышение летальности и живучести флота, в частности в обеспечение превосходства в подводном положении.

• *Укрепляет цепочку поставок и промышленную базу США.* Бюджет инвестирует в ключевые технологии и секторы промышленной базы США, такие как микроэлектроника, подводные лодки, строительство, производство боеприпасов и биотехнологии. Бюджет поддерживает инициативы Министерства обороны по модернизации его органической промышленной базы для поддержания боеготовности страны.

• *Поддерживает боеспособную и современную армию.* Бюджет предусматривает поддержание боеготовности армии, способной к глобальному реагированию в рамках Объединенных сил, за счет инвестиций в инициативы по модернизации армии, включая важнейшие средства для нанесения некинетических ударов и ударов на большие расстояния. Кроме того, бюджет предусматривает модернизацию и расширение производственных мощностей промышленной базы для обеспечения армии и удовлетворения стратегических потребностей в важнейших боеприпасах.

• *Инвестирует в средства для ведения огня на большие расстояния.* Для обеспечения безопасности страны требуется мощное, устойчивое и оперативно реагирующее сочетание средств для нанесения ударов на большие расстояния.

• *Бюджет инвестирует, повышает устойчивость космического пространства.* Космос жизненно важен для национальной

безопасности США и является неотъемлемой частью современной войны. Бюджет поддерживает преимущество Америки, предоставляя финансирование для повышения устойчивости космических систем США, таких как космическое зондирование и связь, в целях укрепления сдерживания и повышения живучести.

- *Оптимизируется структура вооруженных сил.* В соответствии со Стратегией национальной обороны на 2022 год в бюджете предусмотрено финансирование для оптимизации структуры вооруженных сил с целью создания Объединенных сил, которые были бы смертоносными, устойчивыми, живучими, маневренными и быстро реагирующими.

- *Поддерживает оборонные исследования и разработки (R&D) и оборонные технологии, промышленную базу.* Министерство обороны играет важнейшую роль в общих федеральных исследованиях и разработках, которые стимулируют инновации, создают высококачественные технологии, позволяют Америке сохранять и наращивать преимущества перед стратегическими конкурентами и создают высокооплачиваемые рабочие места. Бюджет поддерживает высокий уровень финансирования оборонных исследований и разработок, испытаний и оценки для инвестирования в прорывные технологии, которые стимулируют инновации, поддерживают потенциал промышленной базы оборонных технологий, обеспечивают американское технологическое развитие, лидерство и поддержку развития будущих оборонных возможностей.

- *Инвестирует в искусственный интеллект.* Бюджет предусматривает финансирование ответственной разработки, тестирования, закупки и интеграции преобразующих приложений ИИ по всему Департаменту. Бюджет также поддерживает реализацию исполнительного приказа № 14110 «О безопасности и внушении доверия», разработку и использование искусственного интеллекта.

- *Повторяет просьбу Администрации о неотложных приоритетах национальной безопасности.* В октябре 2023 года

администрация представила чрезвычайное дополнение по национальной безопасности, запрос в Конгресс о неотложных потребностях в области безопасности до конца 2024 года. Этот запрос включал выделение *58 миллиардов долларов Министерству обороны для оказания критически важной поддержки Израилю и Украине и укрепления комплексного сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе*. Этот запрос также внесет важные инвестиции в американское Министерство обороны, повысит боеготовность вооруженных сил США и поможет создать и поддерживать рабочие места по всей Америке.

3.2. Самый первый опыт защиты суверенитета России неофиальными (правовыми) способами

При угрозе территориальной целостности нашей страны, для защиты России и нашего народа мы, безусловно, используем все имеющиеся в нашем распоряжении средства. Это не блеф⁴⁹³.

В. Путин, президент России

Мы, марксисты... признаем необходимость исторического... изучения каждой войны в отдельности⁴⁹⁴.

В. Ленин

Позиция В.И. Ленина и В.В. Путина в отношении войны — идентична: как в военной доктрине коммунистов, так и современной России война является исключительным, но допустимым средством политики и ее следует рассматривать в конкретном историческом контексте. Надо признать, что с конца 1980-х годов в СССР стала формироваться не только научная, но и политическая позиция, которая предполагала недопустимость любых войн, вне зависимости от исторического и других контекстов. По сути, за такой «пацифистской» позицией сторонников М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина стоял западный либерализм, который неизбежно требовал не просто сокращения ОПК и ВВСТ, но и уничтожения военного потенциала страны, которые могли бы обеспечить противодействие глобализации.

Фактически это произошло в 1990-е годы, когда российский ОПК был сокращен до 20%, а ВС РФ стали практически недееспособны. Контртеррористическая операция на Северном Кавказе продемонстрировала, как армия когда-то прежде великого государства длительное время не могла уничтожить бандитские формирования, численность которых не достигала 20 тысяч

⁴⁹³ Обращение Президента Российской Федерации. 21 сентября 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/69390>

⁴⁹⁴ Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). Цит. по: Ленин В.И. Великая война. М. : Эксмо, 2024. С. 296.

человек. К сожалению, опыт КТО был не изучен, а военачальники этого периода оказались маловостребованы позже, даже в период операции в Сирии, что обесценило то немногое положительное из накопленных знаний и опыта, что могло бы позже быть использовано на СВО.

Иными словами, военная мощь фактически была исключена Западом из средств защиты национальных интересов страны. Сначала СССР, а затем и России. Ее использование в 2008 году против Грузии, например, носило заведомо ответный, частный, локальный характер, сопоставимый с КТО, проводившейся до этого на Северном Кавказе. В политической элите и общественном мнении сохранялась фактически политическая установка, сформированная с конца 80-х годов, о недопустимости использования военной силы в принципе, хотя именно это ограничение (не применение военной силы руководством СССР против сепаратистов и националистов) стало во многом важнейшим условием развала СССР. Вместо военно-силовых инструментов политиками предлагались некие «политические» средства, эффективность которых оказывалась каждый раз недостаточной, что, однако, не смущало политическое руководство. Произошло де-факто замещение реальных силовых средств государства на некие абстрактные «политические» средства, которые, как оказалось, были не способны обеспечить безопасность СССР, а затем и России.

В СССР и России сознательно формировалось негативное отношение к военной мощи страны и патриотизму, без которых военная сила перестала быть эффективным инструментом политики. М.С. Горбачев не раз использовал политические приемы против руководства ВС СССР с целью ослабления этого важнейшего института. Кроме того, сознательно ликвидировались органы КГБ СССР и общественные организации, которые противодействовали иностранному вмешательству — АПН, Союз советских обществ Дружбы с зарубежными странами (ССОД), Комитет защиты мира (КМД), Комитет молодежных организаций (КМО СССР), Комитет за европейскую безопасность (КоЗЕБ) и др.

Огромное значение имела, в частности, ликвидация 5-го управления КГБ СССР, руководившегося многие годы Ф.Д. Бобковым, который был способен контролировать антигосударственную деятельность информационно и профилактически. На ликвидации которого, кстати, категорически настаивал Запад.

Это привело в итоге к тому, что в России не осталось институтов, которые должны были анализировать и пресекать антигосударственную деятельность зарубежных стран, которая уже в начале 90-х годов в СССР приобрела откровенно силовой характер. Так, на территории СССР в начале 90-х годов уже насчитывались тысячи незаконных вооруженных формирований, против которых фактически никто не предпринимал необходимых силовых мер⁴⁹⁵. Как, в частности, позже в 1991, 1993 годах, во время КТО и в 2014 году на Украине.

Надо признать, что прозападной политической советской и российской правящей элитой сознательно абсолютизировались «политические» средства решения конфликтов даже в тех случаях, когда применение военной силы было очевидно необходимо, как, например, при сепаратизме Армении, стран Прибалтики, Молдавии и Грузии. Более того, искусственно ограничивалась деятельность специальных и правоохранительных структур по профилактике и пресечению антигосударственной деятельности на псевдоправовом основании⁴⁹⁶.

Но защита страны не была обеспечена и правовыми силовыми (не военными средствами). С точки зрения законодательства — от Конституции 1993 года до отдельных ФЗ и нормативных актов — доминировали международные нормы

⁴⁹⁵ В 1991 году, например, мною и коллегами была подготовлена специальная работа «Незаконные вооруженные формирования на территории СССР», которая откровенно была проигнорирована как в СССР, так и в России.

⁴⁹⁶ См. подробнее: Специфика НКО и правовые основы их деятельности / О. Боброва, А. Подберезкин, О. Подберезкина // Обозреватель. 2021. № 8. С. 17–48.

и обязательства России (перед ОБСЕ и другими международными организациями), которые нередко прямо противоречили интересам России. Фактически России был навязан правовой режим, позволяющий западным странам свободно использовать свои государственные и общественные институты, прежде всего НКО и СМИ, для подрыва внутриполитической стабильности и развала государства. Такая политика Запада стала очевидной для всех, включая США, в 2025 году, когда она приобрела откровенно скандальный характер после признания того, что ежегодно США тратили десятки миллиардов долларов на внутриполитическую дестабилизацию зарубежных стран.

Очевидно, что после 2008 года использование антигосударственных сил против России Западом усиливалось, приобретая к 2014 году откровенно публичный характер силового давления, включая эскалацию санкций и политико-дипломатическое давление. Переговоры и уступки со стороны России в эти годы нередко носили вынужденный и принудительный характер, который сопровождался (как при Минских переговорах или «гарантиях» Януковичу в феврале 2014 года) откровенным обманом.

Россия очень медленно и неохотно реагировала на подобное развитие событий. Можно сказать, что ее реакция была не только запоздалой, но и недостаточной. Тем более она никогда не действовала «на опережение» и не инициировала сама какие-то шаги в области нейтрализации силового давления Запада. Эти действия всегда были ответными и вынужденными, демонстративно показывающими возможность нормализации. Однако в 2021–2023 годах России пришлось значительно активизировать политico-правовую деятельность по защите своего суверенитета. Прежде всего в области законодательства об НКО. Но не только.

Исследователь из Университета прокуратуры Российской Федерации О.В. Боброва провела несколько глубоких анализов, предложив актуальные меры противодействия внешнему силовому влиянию. Так, например, 3 августа 2023 года Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельно-

сти очередной иностранной неправительственной организации нежелательной на территории Российской Федерации. По результатам изучения поступивших материалов принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной неправительственной организации «Центр европейских исследований им. Вилфрида Мартенса» («Martens Centre»), созданной в 2007 году в Брюсселе бывшим премьер-министром Бельгии Вилфридом Мартенсом под эгидой Европейской народной партии в качестве аналитического центра для формулирования новых вариантов политики странам ЕС⁴⁹⁷.

Установлено, что с 2014 года под видом просветительской деятельности организуемые Центром мероприятия ориентированы исключительно на формирование негативного образа Российской Федерации, обоснование необходимости военно-политического и информационного противостояния с Россией, усиление санкционного давления с целью навредить экономическому развитию нашей страны. Приглашенными иностранными экспертами, имеющими российское гражданство и спонсируемыми из-за рубежа, продвигается тезис об экономических и конституционных реформах, якобы необходимых к проведению в случае смены власти в Российской Федерации. Предпринимаются попытки создать негативное мнение о российских гражданах и событиях в России, кардинально отличающееся от реальных обстоятельств. После начала специальной военной операции ВС РФ на Украине Центром продвигаются идеи о необходимости введения дополнительных санкций в отношении Российской Федерации и ее народа, наращивания всесторонней, в том числе военной, помощи киевскому режиму⁴⁹⁸.

⁴⁹⁷ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

⁴⁹⁸ См.: Некоторые аспекты взаимодействия органов прокуратуры с Торгово-промышленной палатой Российской Федерации и применения

Но ограничений на деятельность иностранных НКО шла крайне медленно. По состоянию на 03.08.2023 в Перечне иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации значатся только 100 организаций. Так, сотовой стала организация «Wild Salmon Center» («Центр дикого лосося»). Организацию внесли в список на основании решения первого заместителя генерального прокурора Российской Федерации Разинкина А.В. от 17 июля 2023 г. По данным надзорного ведомства, организация действовала в интересах иностранных неправительственных компаний и лиц, вмешивалась во внутренние дела Российской Федерации и могла нанести ущерб безопасности России в экономической сфере.

Центр финансировался из средств частных коммерческих и некоммерческих структур, в том числе корпорации Google, а также со стороны американских правительственные структур, в числе которых, в частности, Министерство торговли и МВД США, и продвигал инициативы по созданию на Дальнем Востоке особо охраняемых природных территорий, чтобы ограничить рыбный промысел и блокировать добычу газа и нефти на Сахалине, все это делалось «в интересах иностранных неправительственных компаний и лиц». Также эта НКО финансировала деятельность «Экологической вахты Сахалина», которая признана в России иностранным агентом⁴⁹⁹. Таким образом, формально декларируя заботу об охране природы, организация

мер административного принуждения в вопросах защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в арбитражном судопроизводстве / А.И. Подберезкин, М.А. Фатеев, О.В. Боброва // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 4 (84). С. 5–20. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89391384> (дата обращения: 04.08.2023).

⁴⁹⁹ По состоянию на 04.08.2023 в перечне таких лиц — 493 лица. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostranniyih-agentov-01-12-2022.pdf> (дата обращения: 04.08.2023).

вмешивалась во внутренние дела Российской Федерации, что могло принести ущерб национальной безопасности России в сфере экономики⁵⁰⁰.

Активнее стала действовать Генеральная прокуратура. Так, Генеральный прокурор на совещании «О подведении итогов работы органов прокуратуры в первом полугодии 2023 г. и исполнении ранее данных поручений», прошедшем 27 июля 2023 года отметил, что «важнейшей задачей прокуроров остается нейтрализация угроз конституционному строю, государственной и общественной безопасности, противодействие экстремизму и терроризму. Объектами особого внимания являлись иностранные и международные организации, подконтрольные правительственный структурам недружественных государств. Ряд из них для достижения своих деструктивных целей использовали российские некоммерческие организации, а также лиц, признанных иностранными агентами»⁵⁰¹.

Отметим, что 31 июля 2023 года в законодательство были внесены изменения, касающиеся участия российских физических и юридических лиц в деятельности иностранных некоммерческих неправительственных организаций на территории России⁵⁰². В итоге президент подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О некоммерческих организациях”»⁵⁰³.

Обратим внимание, что Федеральный закон от 31.07.2023 № 409-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон

⁵⁰⁰ Ст. 67 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁵⁰¹ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89251489> (дата обращения: 04.08.2023).

⁵⁰² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/71867> (дата обращения: 04.08.2023).

⁵⁰³ Федеральный закон принят Государственной думой 20 июля 2023 года и одобрен Советом Федерации 28 июля 2023 года.

“О некоммерческих организациях”» закрепляет, что органы публичной власти и (или) организации при проведении мероприятия с участием такой организации (сведения о структурных подразделениях которой отсутствуют в реестре), не имеющей зарегистрированного структурного подразделения — отделения, уведомляют о таком участии Минюст или его территориальный орган не позднее, чем за 10 рабочих дней до проведения указанного мероприятия. Информация о проведении такого мероприятия подлежит размещению на официальном сайте уполномоченного органа.

Напомним, что в силу статьи 2 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» под иностранным влиянием, указанным в части 1 статьи 1 данного Федерального закона, понимается предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами.

Под поддержкой, указанной в части 1 настоящей статьи, понимается предоставление лицу иностранным источником денежных средств и (или) иного имущества, а также оказание лицу иностранным источником организационно-методической, научно-технической помощи в иных формах.

Между тем 3 августа 2023 года Правительством России внесен законопроект № 416441-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵⁰⁴. В частности, разработчиками указывается, что проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — законопроект) разработан в целях установления особого порядка обработки персональных данных отдельных категорий лиц, определяемых Президентом Российской Федерации.

⁵⁰⁴ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/416441-8> (дата обращения: 04.08.2023).

В настоящее время, в эпоху стремительного развития технологий, большинство из которых связаны с обработкой данных (включая искусственный интеллект), в том числе в условиях развития различных государственных программ и проектов, связанных с цифровой трансформацией, сквозными цифровыми технологиями, вопрос обеспечения защиты информации об отдельных категориях лиц, содержащихся в информационных системах и (или) базах данных, становится наиболее актуальным. В связи с этим законопроектом предусматривается внесение в ряд федеральных законов изменений, предусматривающих совершенствование норм в области защиты персональных данных отдельной категории лиц, определенной Президентом Российской Федерации, путем создания особого порядка их обработки.

Законопроектом также предусмотрено наделение Правительства Российской Федерации полномочиями по утверждению: порядка обработки персональных данных отдельных категорий лиц, в том числе порядка взаимодействия оператора персональных данных с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти; порядка включения информационных систем персональных данных в реестр информационных систем, на которые распространяются требования проектируемой статьи 13 Федерального закона «О персональных данных». При этом установление порядка создания и ведения указанного реестра предполагается возложить на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий.

Кроме того, законопроектом предусмотрено право уполномоченных федеральных органов исполнительной власти направлять оператору информационных систем персональных данных требование о предоставлении доступа к информационным системам персональных данных, уточнении, извлечении, обезличивании, блокировании, удалении или уничтожении персональных данных, а также восстановлении уточненных, извлеченных,

обезличенных или заблокированных персональных данных и дополнении ранее неучтенными персональными данными отдельных категорий лиц.

В настоящее время законодательными и иными нормативными правовыми актами указанные законопроектом нормы не урегулированы. В связи с отсутствием правового регулирования по указанному вопросу анализ правоприменительной практики, обусловившей необходимость внесения соответствующих изменений, не проводился. С учетом необходимости подготовки подзаконных нормативных правовых актов законопроектом предусмотрен отложенный срок вступления его в силу — 1 марта 2024 г.

Реальным примером борьбы с иностранным влиянием стало решение Мосгорсуда, который приговорил Алексея Навального к 19 годам колонии особого режима. Он был признан виновным в создании экстремистского сообщества и реабилитации нацизма. Вместе с Навальным на скамье подсудимых был второй фигурант — технический директор его YouTube-проекта Даниэль Холодный. Ему Мосгорсуд назначил наказание в виде 8 лет лишения свободы в колонии общего режима. Согласно приговору, Навальный был признан виновным по шести статьям — об организации экстремистского сообщества, реабилитации нацизма, создании НКО, посягающей на личность и права граждан, финансировании экстремизма, призывах к экстремизму и вовлечении несовершеннолетних в совершение опасных действий⁵⁰⁵.

Подытоживая, можно сказать, что отказ руководства СССР и России от защиты национальных интересов силовыми (включая военно-силовые) средствами нанес огромный ущерб безопасности и развитию страны. Медленное возвращение военной силе того значения, которое оно всегда имело в истории

⁵⁰⁵ Ведомости. 8 августа 2023 г. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/04/988586-mosgorsud-prigovoril-navalnogo-k-kolonii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 04.08.2023).

государств, не компенсировалось политическими и дипломатическими инструментами, а силовые — правовые и административные — меры по защите интересов государства потребовали от руководства России существенной политической и правовой переоценки прежней политики. В итоге удалось после 2022 года медленно и не всегда вовремя исправлять эти ошибки, часть которых еще только предстоит исправить.

3.3. СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Исторический опыт показывает, что на развитие военного искусства и организационных форм вооруженных сил наиболее революционное влияние оказывают средства борьбы. Каждой эпохе... соответствуют формы и способы ведения действий⁵⁰⁶.

Базовый учебник офицеров ВС СССР

К 20-м годам нового века система двустороннего и международного контроля над ЯО практически была уничтожена вполне сознательно Соединенными Штатами в силу их уверенности, что они смогут получить гарантированные военно-технические и иные преимущества как в области развертывания систем ПРО, так и создания стратегического потенциала высокоточного неядерного оружия, гарантирующего победу в конвенциональной войне. Были разорваны не только соглашения по ПРО и РСМД, но и фактически заморожен процесс в области ограничения СНВ⁵⁰⁷ и в целом ряде других областей.

Этот процесс можно рассматривать в качестве военно-технической реакции на глобальные изменения в мире, которые

⁵⁰⁶ История войн и военного искусства / под ред. И.Х. Баграмяна, С.И. Иванова. М. : Воениздат, 1970. С. 554.

⁵⁰⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, СНВ-III — двусторонний договор между Россией и США о дальнейшем взаимном сокращении арсеналов развернутых стратегических ядерных вооружений. Договором было предусмотрено сокращение для каждой из сторон развернутых ядерных боезарядов до 1550 единиц, межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (ТБ) — до 700 единиц. РФ приостановила в феврале 2023 года действие Договора в ответ на отказ его соблюдения со стороны США.

рассматривались в США и странах-союзниках в качестве угрозы сложившемуся миропорядку. Большинство политиков и экспертов в целом характеризуют эти изменения следующим образом: в настоящее время в системе международных отношений происходит распад глобального западноцентричного миропорядка, признаками которого являются:

- формирование новых центров силы на уровне региональных цивилизаций (Россия, Китай, Индия, Иран);
- системный внутренний кризис в США и потеря ими управления глобально-политическими процессами;
- всеобщая утрата доверия к западным дипломатическим и финансово-экономическим институтам.

Кроме того, на фоне временного ослабления пандемической и климатической повестки повышается влияние местных факторов идентичности, что также укрепляет тенденцию к формированию мира самодостаточных макрорегионов⁵⁰⁸.

Именно последний фактор максимально стимулирует развитие антиглобалистских, автаркических тенденций в политике государств и регионов, прежде всего Евразии, где концентрируются в настоящее время наиболее мощные центры силы.

Совершенно справедливо поэтому общее утверждение, что в этих условиях правящие элиты ведущих держав Запада стремятся любой ценой удержать стратегическую инициативу, прежде всего используя силовые инструменты политики, в том числе путем эксплуатации более слабых союзников и запуска разрушительных процессов в зонах влияния незападных региональных держав. Вследствие этого по всему миру будут и далее обостряться проблемы региональной безопасности, ожидается разжигание новых «средних войн» в одной или нескольких традиционных зонах нестабильности (Закавказье, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Корейский полуостров и т.д.)⁵⁰⁹.

⁵⁰⁸ Создание евразийской системы безопасности : доклад / Ассоциация внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко. 2024 г. URL: https://gromyko.ru/report_2024_3_2_security

⁵⁰⁹ Там же.

Исключительно важное политическое и военное значение в этой связи сохраняется за ядерным оружием. При этом, с точки зрения политического или военного⁵¹⁰ применения ЯО, прежде всего СНВ, при создании региональных систем безопасности — евразийской, атлантической, африканской или иной, — малореально и крайне маловероятно. Что нельзя сказать о военных способах его применения. Политические цели в области формирования таких систем надо отчетливо отделять от стратегических и военно-технических реалий, которые практически исключают такую возможность. В силу целого ряда аргументов. Главный из которых — трудность в национальном контроле над эскалацией применения ЯО, прежде всего СНВ.

Для всех очевидно, что риск применения ЯО, например в Европе, неизбежно распространится на США, а единственный способ его избежать — ясное и недвусмысленное разделение представлений и ответственности о применении ЯО сторонами — участниками конфликта. Эскалация на Украине в 2024 году, в частности, достигла такого уровня, когда границы стали практически размытыми. Так, применение ВТО большой дальности со стороны ВСУ (фактически Запада) по стратегическим объектам вполне объективно рассматривается как применение СНВ.

Более того, даже повышение уровня эскалации до прямой угрозы военного поражения ВС РФ неизбежно приведет, как было сказано в Военной доктрине России (и позже конкретизировано), к применению ЯО со стороны ВС России. Дискуссия по этому вопросу в СМИ и политических кругах в 2024 году вполне определенно сформировала представление о неизбежности ответственности любой стороны за применение не только ЯО, но и ВТО большой дальности. Это имело своим последствием, в частности, ограничения по количеству и дальности

⁵¹⁰ Считается, что ЯО традиционно используется в прямой (военной) и косвенной (политической) форме — в качестве создания позиции силы или прямой угрозы.

поставленных средств ВТО США, Францией и Великобританией, а также отказа в таких поставках Германией.

Этим во многом объясняется, например, современная позиция США⁵¹¹, причем не только Д. Трампа, но и Дж. Байдена, который стал уже в начале 2024 года «увеличивать дистанцию», связывающую обязательства в области безопасности США и их союзников по НАТО в Европе. Угроза эскалации с применением ЯО рассматривалась в США как вполне реальная, а традиционная позиция — не разделять такие риски с союзниками — предполагала «отход в сторону» от дальнейшего развития конфликта. В полной мере это проявилось позже, при Д. Трампе, который подчеркнул не раз, что США «не являются стороной военного конфликта на Украине». Конкретная позиция Д. Трампа, в частности, его встреча с В. Зеленским в феврале 2025 года, может рассматриваться, как способ искусственно обозначить разницу между позициями США и Украины в вопросах безопасности в Европе.

Тем сложнее может быть решение вопроса о евразийской безопасности, где некоторые стороны (не только КНР и КНДР, а также Иран) вообще не готовы даже к обсуждению этой проблемы с военно-технической точки зрения. Поэтому политическая основа для формирования некой системы евразийской безопасности может быть только самая общая, очень далекая от практики, но не лишенная абсолютно некоторой перспективы: так или иначе, но дискуссии о безопасности в Азии и в Евразии будут не просто проходить, но и постепенно набирать силу по мере формирования в Азии новых центров силы, обладающих мощными военно-техническими средствами. Не только КНДР, Индия, Китай и Япония, но и Иран, Пакистан стремительно развиваются в военно-техническом отношении, быстро приближаясь по своим военным возможностям к России

⁵¹¹ Надо признать, что сомнения в отношении позиции США применения ЯО в случае военного конфликта в Европе существовали всегда. Поэтому США никогда не допускали потери контроля и автоматизма в применении ЯО в НАТО.

и США. Это означает неизбежность постановки в *самом широком политическом плане вопроса о евразийской системе безопасности*, которая, вероятнее всего, будет исключать США и их европейский союзников. И Россия, и Китай находятся в состоянии соперничества и конкуренции с США, хотя в случае России они фактически перешли в открытую фазу, а в случае Китая все еще не проявились в полный рост. По крайней мере, идея совместного противодействия двойному сдерживанию США находит поддержку и в Москве, и в Пекине.

Вместе с тем, как отмечают некоторые наблюдатели, выстраивание структуры безопасности только лишь на противодействии США «сужает возможную инклюзивность проекта»⁵¹². Действительно, целый ряд государств Евразии, в том числе союзников России, делает ставку на многовекторную политику и вряд ли будет готов участвовать в структуре, направленной на соперничество с США. Поэтому, как полагает И. Тимофеев, «обратной может стать ситуация, при которой высокая инклюзивность будет размывать повестку безопасности, “закруглять” ее к общим вопросам без конкретных согласованных действий». Более того, внешнеполитическая активность США и некоторых их союзников по противодействию усилиям в области создания любых институтов безопасности, в особенности региональных, без их участия и контроля, будет создавать изначально серьезные трудности. Надо отдавать отчет, что с такой позицией Запада придется столкнуться непосредственно и жестко, а выбор будут делать те страны, которые ориентируются на «многовекторность» в своей политике.

Очевидно, что в этих аспектах ожидается прямое противодействие уже на самых ранних стадиях обсуждения даже таких общих вопросов, как параметры будущей структуры евразийской безопасности. Вероятно, что их предстоит решать

⁵¹² Тимофеев И. Евразийская идея безопасности: от идеи к практике // РСМД. 15 апреля 2014 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti-ot-idei-k-praktike>

достаточно длительное время, как на уровне дипломатии, так и на уровне диалога экспертов-международников заинтересованных стран.

Именно поэтому идея евразийской безопасности должна быть оговорена изначально трудностями в ее реализации в области контроля над применением ЯО, которые не исключают ее полностью, но делают труднореализуемой, как минимум на начальном этапе⁵¹³. Может быть, чтобы не затруднять решение самых общих вопросов параметров евразийской безопасности, отложить обсуждение практических вопросов ограничения и применения ЯО на перспективу.

Роль ядерного оружия в современную эпоху, которое является таким же средством вооруженной борьбы⁵¹⁴, как и остальные ВВСТ, меняется быстро, как и в предыдущие периоды новейшей истории, — от «абсолютного оружия» 1940-х и 1950-х годов, когда эта роль изменилась и стала главным инструментом ядерного сдерживания, до роли ЯО в 1980-е годы, когда последовали наивные попытки вообще (публично-декларативно) его сократить и ликвидировать. В настоящее время для России ЯО и СНВ, как и системы ПРО, остаются важнейшими элементами обеспечения не только военной, но и политической безопасности, которые отчасти компенсируют превосходство США и их союзников в экономической, технологической и военной мощи.

Это имеет прямое отношение к идеи евразийской и глобальной безопасности потому, что в области ЯО, прежде всего СНВ и глобальной ПРО, крайне трудно (если вообще возможно)

⁵¹³ Учитывая, что Д. Трамп в принципе категорически против любых (даже дружественных) коалиций, надо понимать, что продвижение этой идеи будет изначально встречать резкое сопротивление со стороны республиканцев. И соответствующие политико-дипломатические демарши.

⁵¹⁴ Важно отметить, что в 1980-е и 1990-е годы в СССР и за рубежом попытались внедрить в политическое сознание и практику наивную мысль о том, что ЯО «не является оружием вообще», а его роль не изменилась. Это привело к многочисленным внешнеполитическим ошибкам.

проводить границы между евразийской и глобальной безопасностью. Трудно допустить, хотя полностью исключить это невозможно, что в каком-то регионе мира будет создана система безопасности, исключающая применение ЯО, отдельно от глобальной системы. Так, например, нанесение ударов при помощи СНВ США по Китаю в любых случаях будет происходить через Северный полюс, то есть пространство, контролируемое Россией. Но даже если США применят нестратегические системы ЯО против Китая с Тихоокеанского или Индийского направления, это поставит в зону риска десятки государств.

Развитие военно-политического противостояния в последние десятилетия, а также конкретный конфликт — развитие СВО и позиция США в отношении России — прямо зависели и зависят от возможностей России в области стратегического и ядерного сдерживания. США исключают единственную возможность военной эскалации в ведении войны — нанесение ударов по территории собственно США, допуская применение ВТО в массовом порядке и даже ТЯО в Европе и в мире.

Важно подчеркнуть принципиальную разницу между подходами России и США к проблеме «стратегического сдерживания»⁵¹⁵. Мы рассматриваем стратегическое сдерживание как принципиальную невозможность (крайнюю опасность) применения военной силы друг против друга, а США и их союзники (а также некоторые российские либералы) как невозможность применения только стратегического ядерного оружия. Разница, как видно, принципиальная. В том числе и в отношении применения тактического ЯО (ТЯО), которое на Западе рассматривают как вполне приемлемое и ограниченное применение силы. Дискуссия в России и в Европе по поводу использования ТЯО в ходе СВО носила малосодержательный и провокационный характер, который не имел отношения к реальной действитель-

⁵¹⁵ Развернутую аргументацию по этим вопросам давал неоднократно заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков в 2020–2024 гг.

ности. Россия достаточно подробно сформулировала свою позицию по этому вопросу не только в Военной доктрине страны (статья 27), но и в последующих уточнениях⁵¹⁶.

Реальность применения ЯО и СНВ, в частности, политической и военной роли ЯО, однако, намного сложнее. Более того, она постоянно меняется. Так, например, появление в массовом порядке у США ВТО большой дальности (прежде всего КРМБ) внесло совершенно новый элемент в это стратегическое уравнение. Как, например, расценивать бомбардировку ВСУ базы ТБ, которые являются частью СНВ России? Как нападение на СНВ? Или как расценивать попытки террористических актов против высшего политического и военного руководства страны?

Впрочем, как и другие многочисленные изменения в ВВСТ в последние два десятилетия. Технологические прорывы неизбежно ведут к радикальным изменениям в ВВСТ, а затем и военном искусстве, причем это может происходить не только последовательно (сначала в тактике, затем в оперативном искусстве, а потом и в стратегии), но и параллельно. Более того, в некоторых случаях даже сразу в стратегии. Так, изобретение ЯО привело к появлению возможности в политике решать практически одномоментно вопросы на стратегическом уровне посредством массированной бомбардировки. Это, в частности, легко в основу военно-стратегического планирования США в 50-е гг. прошлого века.

В современный период многочисленные и массовые изменения происходят практически еженедельно в ходе СВО. Параллельно модернизируются не только старые, но и новые системы, что особенно хорошо видно на примерах модернизации ВТО и БПЛА, а также в средствах РЭБ, РЭП и боевого управления, связи и разведки. Это носит сознательный и целеустремленный характер. Некоторые новейшие системы ВТО за 3 года СВО

⁵¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562>

модернизировались уже более 5 раз. Как отмечают американские эксперты, «благодаря стратегической интеграции передовых технологий мы оснащаем глобальные военно-воздушные силы для поддержания превосходства в воздухе и космосе и даем силам обороны возможность быстро перехитрить противника. Наши неустанные инновации и проверенные технологии обеспечивают быстрые и эффективные инструменты принятия решений, укрепляя оборонный ландшафт сейчас и в будущем»⁵¹⁷.

С другой стороны, формирование новой структуры МО, активно происходящее в третьем десятилетии, неизбежно ведет не только к изменению в соотношении сил (о чем говорят все), но и изменению стратегий государств (о чем говорят немногие). Известная особенность: при равенстве сил побеждает тот, чья стратегия эффективнее, — требует от субъектов МО пересмотра своих внешнеполитических и военных стратегий. Поэтому процесс изменения соотношения сил и мирового порядка идет параллельно с процессом смены стратегий (как внешнеполитических, так и военных) основных субъектов МО. Первые месяцы правления Д. Трампа продемонстрировали этот процесс особенно наглядно.

Этот процесс происходит вполне объективно, прежде всего из-за новых возможностей, которые предоставляют быстрые изменения в технологиях. Прежде всего речь идет, конечно, о стратегиях применения ЯО и стратегического неядерного оружия (ВТО, РСЗО, кибернетического и т.д.).

Эти новые возможности создают условия для того, чтобы разрабатывались практические планы применения ЯО. «Виртуализация» в политике и военной области привела к тому, что война — ядерная и обычная — постепенно становится декларируемой нормой в политическом планировании. Особенно тех западных стран, которые никакого отношения к ядерному пла-

⁵¹⁷ Honeywell. Securing all domain dominance // Drone Warfare & Unmanned Systems. 17 Feb., 2025. Newsletter. URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/FMfcgzQZTMLqDdDfXG cdctmQMNCzfcxK>

нированию и использованию ЯО не имеют. Например, лимитрофов Прибалтики, Польши или Румынии.

С другой стороны, прежде всего в США, отчетливо просматриваются попытки максимально легализовать применение ЯО на чужой территории.

Так, например, иллюстрацией таких изменений стала дискуссия о применении / неприменении ядерного оружия, которая развернулась в современный период обострения ВПО по вполне понятным причинам. В частности, как следует из заявления американского представителя по контролю над вооружениями М. Биллингсли, «ядерная доктрина РФ якобы носит провокационный характер и предусматривает применение подобных вооружений». «Я несколько раз сидел за переговорным столом с представителями российского Генштаба, их мнение значительно ухудшилось по этому вопросу»⁵¹⁸. В ходе последней дискуссии они отмечали, что законы военного конфликта, особенно концепция соразмерности, не касается ядерных вооружений.

Спецпредставитель утверждал, что российские военные планы по вторжению на территорию НАТО предусматривают нанесение удара и капитуляцию альянса без ответных действий. «Но мы предупреждали, что любое применение ядерного оружия — с помощью межконтинентальной баллистической ракеты или артиллерии — будет иметь стратегические последствия», — добавил он. «Исходя из этого, а также по причине проектов «Посейдон» и «Буревестник», которые не затронуты никакими рамками ядерного сдерживания, мы отказались подтвердить совместное заявление Михаила Горбачева [и президента США Рональда Рейгана 1985 года] о том, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана (курсив мой. — А.П.), — сказал Биллингсли. — Российская сторона неоднократно просила нас это сделать [как в двустороннем

⁵¹⁸ Администрация США считает, что ни один будущий американский лидер не должен подтверждать с Россией заявление о недопустимости ядерной войны // ТАСС. 9 декабря 2020 г.

формате], так и в рамках стран ядерной “пятерки”. Ни один будущий президент [США] не должен такое подписывать. А если сделает такое, то должен понести наказание», — считает М. Биллингсли. Иными словами, реальность такова: США готовы применять ЯО тогда и там, где им это выгодно.

Российская сторона ранее неоднократно отмечала, что действия США по модернизации вооружений снижают порог применения ядерного оружия. Так, официальный представитель МИД России М. Захарова заявила, что США стремятся к приятию своим ядерным силам новых возможностей, тем самым повышая вероятность их применения. 2 июня 2020 года президент России Владимир Путин утвердил основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Подписанный документ заменяет аналогичный, принятый 10 лет назад и действовавший до 2020 года. Новый нормативный акт подтверждает, что политика Москвы в этой области носит оборонительный характер, один из главных принципов — соблюдение международных обязательств в области контроля над вооружениями.

Между тем объективно развитие современных ВВСТ неизбежно ведет к снижению ядерного порога и увеличению риска использования военной силы. Особенно при помощи роботизированных систем, в которых не задействован напрямую человеческий фактор. Масштабы такого применения уже огромны. Они были заметны еще 5 лет тому назад. Так, по оценкам ООН, в 2020 году по меньшей мере 102 страны имели на вооружении БПЛА, а более 40 — ударные БПЛА. Более того, по этим оценкам, уже 11 государств в 2020 году использовали ударные БПЛА, а 20 негосударственных акторов получили их в свое распоряжение⁵¹⁹.

⁵¹⁹ Денисенцев С. Тенденции роботизации боевых действий в 2020 г.: турецкий прорыв и рост внимания к гуманитарным аспектам применения дронов // Экспорт вооружений. 2020. Специальный выпуск. С. 23–24.

В этой связи обращает на себя внимание появление многочисленных концепций, в которых интегрируются возможности замещения ЯО новейшими интегрированными силами и средствами, которое действуют во всех сферах — от космоса до поверхности земли:

- обработки больших баз информации и применения автоматически искусственного интеллекта в целях сокращения времени принятия решений;
- интеграции средств разведки, связи и управления;
- интеграции средств ВТО с указанными выше системами в целях автоматического поражения целей в глобальном масштабе.

По сути дела, появляется реальная альтернатива ЯО одновременно во всех средах. Сказанное свидетельствует о том, что военная сила США приобретает новое качество — практически мгновенного нанесения удара ВТО в любом регионе планеты, способного заменить применение ЯО, а внешняя политика страны приобретает новое качество, а именно эффективного силового политico-психологического средства в глобальном масштабе. На это направлен, в частности, американский проект «Конвергенция» (Project Convergence), который еще в 2020 году стал понемногу обрастать деталями. С помощью данного «трениажера» США намерены отладить схему уничтожения целей по всему миру за рекордно короткие периоды времени⁵²⁰. Итоги маневров позволили представителям командования будущего (Army Futures Command) заявить об усовершенствовании системы поиска и уничтожения целей врага. Если ранее, по словам специалистов, уходило на пеленг и выстрел 20 минут времени, то сейчас все это требует не более 20 секунд. «Время уже само по себе превращается в оружие», — к такому выводу пришли американцы. В проведении Project Convergence задача военных

⁵²⁰ Коледа М. США разрабатывают проект «Конвергенция» ради уничтожения целей по всему миру.

была в проверке технических возможностей трансформации техники и вооружения для перехода в новое качество. Осенние маневры 2020 года стали стартом переподготовки большого масштаба в Сухопутных войсках США. Американские силовики отрабатывали десятки возможных сценариев с применением разных типов оборудования и оружия, в числе которых значатся и системы с использованием ИИ. В целом за период учений было произведено 350 вышеописанных тренировочных боев.

Сохранение ЯО и его приоритетное развитие при Д. Трампе неизбежно будет увязываться с принципиальной стратегией правящей элиты США, где ЯО служит гарантией невоенного вмешательства и трансформации политических реалий России. Если прежняя политика глобалистов-либералов — «Виртуализация» военно-силовой политики — была нацелена на принудительное изменение национальной идентичности оппонента в нужном направлении, его отказа в конечном счете от национальных интересов, то есть достижения над ним абсолютной победы, когда правящая элита и общество уже не хотят и не могут сопротивляться внешнему влиянию, то нынешняя политика республиканцев будет жестким противопоставлением национальных интересов США и России.

Но и там, и здесь будет нужна политическая победа. Такая победа, как известно, наиболее полная и долгосрочная по своим последствиям, если она разрушает политическую идентичность и национальную самоидентификацию России. И здесь не должно быть иллюзий, аналогичных горбачевско-ельцинским. Она не предполагает ни политических, ни тем более идеологических компромиссов. Она фундаментально меняет общество и нацию, как это произошло во многих странах на постсоветском пространстве и в самой России. Настолько радикально, что превращает людей в своих антиподов в относительно короткие промежутки времени.

Так произошло, например, на Украине, а до этого в Чечне. Это произошло не только с чеченцами, но и с украинцами, казахами, даже белорусами и... даже русскими, которые стали

ненавидеть свой народ уже по политическим или даже меркантильно-бытовым мотивам.

ЯО должно обеспечить и даже гарантировать невозможность военного ответа России на невоенные акции. Идет процесс тщательной «денационализации» правящей элиты и общества, в котором активная прозападно-либеральная часть правящей элиты усиленно внедряет чужую систему ценностей. В том числе и официально. Парадоксально, но для этого нередко используются политико-административные и финансовые инструменты даже российских государственных институтов, как, например, когда сторонники этой точки зрения (повторю — антинациональной) занимают ответственные посты в системе принятия решений в области науки и образования. В самой яркой, даже дикой форме это проявлялось в 1990-х годах в период чеченских кампаний по отношению к русскому народу даже в центре Москвы. Но во многом сохранилось даже и до настоящего времени.

Это означает, что в системе нарастающего цивилизационного противоборства в мире в России есть во власти влиятельные противники государства и нации, которые неизбежно и постоянно будут влиять на эффективность такого противоборства. Именно поэтому прежде всего необходимо внести ясность в те требования, которым должны отвечать представители правящей элиты России с точки зрения их политической позиции. Это невозможно сделать до тех пор, пока не будет дана *политическая оценка* политике М. Горбачева и Б. Ельцина и их окружения, всех тех, кто способствовал развалу и деградации СССР и России. Эта политическая оценка — ориентир для всей нынешней элиты, те рамки, которым она должна следовать. Отсутствие этой оценки сегодня ведет к тому, что последователи преступной политики продолжают, в том числе официально, свою деятельность, которая обесценивает любые усилия по противодействию военно-силовому давлению на Россию.

Таким образом, происходит открытая враждебная «виртуализация» МО по отношению к России, которую превращают

в страну-изгоя, в отношении которой допустимы самые крайние меры, изначально поощряются любые силовые акции, включая бесчеловечные, как, например, уничтожение протестующих в «доме профсоюзов» в Одессе. Эта политика сознательно ведется с самых первых лет уничтожения стран Социалистического содружества и союзников СССР по ОВД — от Румынии и ГДР до Ирака и Ливии. Компромисс в ней невозможен потому, что изначально предполагается уничтожение нации — ее депопуляция, раздел территории и уничтожение национальной самоидентификации.

3.4. ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА В СССР/России — САМЫЙ УЯЗВИМЫЙ ОБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Каждое последующее поколение, принужденное жить в контексте данных родителей, окажется под таким огромным массивом информации, что ее подверженность общественному контролю и чужим манипуляциям перейдет не только границы закона, но и границы воображения⁵²¹.

Э. Сноуден, бывший сотрудник АНБ и ЦРУ

Надо подчеркнуть, что формирование МО происходит при сознательном неблагоприятном изменении СО еще до начала военного конфликта. Так или иначе, но любые субъекты ВПО готовятся к развитию самых неблагоприятных сценариев. Они не только строят многочисленные центры связи и управления, хранилища баз данных, объекты инфраструктуры и т.п., но и посредством санкций и других действий наносят серьезный ущерб боеспособности ВС потенциального противника, как это было отчетливо видно в Югославии, Ливии и Ираке. Так, в Ираке, например, из 300 самолетов ВВС в реальности относительно боеспособными было не более 50 единиц и дезинтегрированная система ПВО⁵²².

Сознательное формирование враждебной СО в мире стало частью международной политики Запада с начала нынешнего столетия. В основе такой стратегии лежала вполне обоснованная логическая установка на то, что технологическое и военно-техническое превосходство само по себе, даже без применения военной силы, обеспечивает достижение политических целей.

⁵²¹ Сноуден Э. Личное дело. М. : Эксмо, 2020. С. 404.

⁵²² Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / М.С. Барабанов, С.А. Денисенцев [и др.] / под ред. В.Н. Бондарева. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2018. С. 66–67. 256 с.

Поэтому традиционная ставка на опережающее развитие ВС и ВВСТ получила и вполне политическое «несиловое» обоснование в виде концепции «сдерживания». Для этого необходимо было постоянно и целенаправленно:

- искусственно осложнять международную обстановку любыми средствами и по любому поводу, в том числе и не считаясь с логикой, международным правом и реалиями;
- отказаться от любых (за редким исключением) форм сотрудничества, особенно в области ограничения вооружений и военной деятельности;
- максимально увеличить военную активность и демонстрацию силовых возможностей и готовности применения военной силы.

Эти действия должны были обеспечить для США и их союзников максимально благоприятные условия реализации политики «силового принуждения» России и других стран, ограничивая их возможную ответную реакцию и дестабилизируя внутриполитическую обстановку.

Таким образом, *искусственное создание атмосферы враждебности* стало стратегической целью политики Запада, в рамках которой предполагается широкое использование всех силовых средств, избегая по возможности прямого военного столкновения. Целью такой политики была не только традиционная цель — капитуляция враждебных политических режимов в России и Китае, а также Иране, на Кубе, КНДР и других странах, но и смена там системы ценностей, норм и правил, правящих элит, превращение этих суверенных государств в зависимые территории, где отсутствует не только национальный суверенитет и политика, но и национальные системы ценностей.

В 1950 г. Винер опубликовал книгу «Человеческое использование человеческих существ», аннотация на обложке которой гласит: «Механический мозг и подобные машины могут уничтожить человеческие ценности или дать нам возможность реализовать их как никогда прежде». Он постепенно шлифовал свои

идеи и к 1960 г. выделил основную проблему — невозможность правильно и исчерпывающе определить истинное предназначение человека. Это, в свою очередь, означает, что упомянутая выше стандартная модель — когда люди пытаются наделить машины собственными целями — обречена на неудачу.

Мы можем назвать эту идею «проблемой царя Мидаса». Царь Мидас, персонаж древнегреческой мифологии, получил буквально то, о чем просил, — а именно, чтобы все, к чему он прикасается, превращалось в золото. Он слишком поздно понял, что это также относится к его пище, питью и членам семьи, и умер от голода в полном отчаянии. Эта тема присутствует повсеместно в мифах человечества. Винер цитирует отрывки из сказки Гете об ученике чародея, который заколдовал помело, заставив его ходить по воду, но не сказал, сколько нужно принести воды, и не знал, как заставить помело остановиться.

Если выразить эту мысль применительно к нашей теме, — развитию МО — мы рискуем потерпеть неудачу при согласовании ценностей, возможно, непреднамеренно поставить перед машинами задачи, противоречащие нашим собственным. Вплоть до недавнего времени нас защищали от возможных катастрофических последствий ограниченные возможности интеллектуальных машин и пределы их влияния на мир. (Действительно, большая часть работы над ИИ делалась на модельных задачах в исследовательских лабораториях.) Как указывает Норберт Винер в своей книге «Бог и Голем», изданной в 1964 г., «в прошлом неполная и ошибочная оценка человеческих намерений была относительно безвредной только потому, что ей сопутствовали технические ограничения, затруднявшие точную количественную оценку этих намерений. Это только один из многих примеров того, как бессилие человека ограждало нас до сих пор от разрушительного натиска человеческого безрассудства»⁵²³.

⁵²³ Подробнее см.: Рассел С. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект / пер. с англ. Натальи Колпаковой. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 438 с.

К сожалению, этот период защищенности быстро подходит к концу. Мы уже видели, как алгоритмы выбора контента в социальных сетях ради максимальной отдачи от рекламы вызвали хаос в обществе. Если вы считаете максимизацию отдачи от рекламы низкой целью, которой никто не будет добиваться, давайте представим, что поставили перед сверхинтеллектуальной системой будущего высокую цель найти лекарство от рака — в идеале как можно быстрее, потому что каждые 3,5 секунды от рака умирает человек. За считанные часы ИИ-система прочитала всю литературу по биомедицине и рассмотрела миллионы потенциально эффективных, но не протестированных ранее химических соединений. За несколько недель она спровоцировала развитие опухолей разных типов в каждом человеке в мире, чтобы провести клинические испытания этих соединений, поскольку это самый быстрый способ найти лекарство. Приехали!

Если вы предпочитаете решать проблемы защиты окружающей среды, то можете попросить машину справиться с быстрым закислением океанов вследствие высокого содержания углекислоты. Машина разрабатывает новый катализатор, запускающий невероятно быструю химическую реакцию между океаном и атмосферой и восстанавливающий уровень кислотности океанов. К сожалению, в этом процессе расходуется четверть содержащегося в атмосфере кислорода, обрекая нас на медленную мучительную смерть от удушья. Опять приехали!

Подобные апокалиптические сценарии весьма примитивны — пожалуй, от «конца света» и не приходится ждать ничего иного. Во многих сценариях, однако, нас «мало-помалу и не заметно» настигает ментальное удушье. Пролог «Жизни 3.0» Макса Тегмарка довольно подробно описывает сценарий, в котором сверхинтеллектуальная машина постепенно берет экономическую и политическую власть над всем миром, оставаясь, в сущности, необнаруженной. Интернет и машины глобального действия на его основе — уже ежедневно взаимодействующие с миллиардами «пользователей» — являются идеальной сре-

дой для увеличения власти машин над людьми. «Я не предполагаю, что поставленная перед такими машинами задача будет из разряда “поработить мир”. Более вероятно, это будет максимизация прибыли или вовлеченности, возможно, даже безобидная на первый взгляд цель? наподобие увеличения показателей в регулярных оценках уровня счастья пользователей или сокращения нашего энергопотребления».

Далее, если мы считаем, что наши действия направлены на достижение наших целей, изменить наше поведение можно двумя путями. Во-первых, старым добрым способом — не меняя ожиданий и целей, изменить обстоятельства, например, предложив деньги, направив на нас пистолет или взяв измором.

«Для компьютера это дорогой и трудный путь. Второй способ — изменить ожидания и цели. Это намного проще для машины. Он заключается в том, чтобы поддерживать с вами ежедневный многочасовой контакт, контролировать ваш доступ к информации и обеспечивать значительную часть ваших развлечений в виде игр, телевизионных программ, фильмов и социальных взаимодействий»⁵²⁴.

Алгоритмы обучения с подкреплением, оптимизирующие переходы по ссылкам в социальных сетях, не способны осмыслить поведение человека. В действительности они даже «не знают» в сколько-нибудь разумном понимании этого слова, что люди существуют. Машинам, понимающим человеческую психологию, убеждения и мотивации, будет относительно легко переориентировать нас в направлениях, увеличивающих степень удовлетворения целям машины. Например, она может снизить наше потребление энергии, убедив нас иметь меньше детей, постепенно — и неизбежно — осуществив мечты философов-антинаталистов, мечтающих полностью исключить тлетворное воздействие человечества на природный мир.

⁵²⁴ Рассел С. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект / пер. с англ. Натальи Колпаковой. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 438 с.

Немного практики, и вы научитесь видеть пути, на которых достижение более или менее фиксированной цели может вылиться в произвольные нежелательные результаты. Один из типичных путей — упустить часть цели, в которой вы действительно заинтересованы. В подобных случаях — как в выше-приведенных примерах — ИИ-система часто будет находить оптимальное решение, которое доводит до крайности то, что для вас важно, но о чем вы забыли упомянуть. К примеру, если вы скажете автономному автомобилю: «Доставь меня в аэропорт максимально быстро!» — и он поймет это буквально, то разгонится до 300 км/ч, и вы окажетесь в тюрьме. (К счастью, автомобили в настоящее время не примут такой запрос.) Если вы говорите: «Доставь меня в аэропорт максимально быстро, не нарушая скоростной режим», — он будет предельно быстро разгоняться и тормозить, чтобы в промежутках двигаться с максимальной скоростью, возможно, даже оттеснить другие машины, чтобы выиграть несколько секунд в толчее на въезде в терминал аэропорта. И так далее. Постепенно вы добавите достаточно оговорок, и движение машины примерно сравняется с поведением опытного водителя, везущего в аэропорт пассажира, который боится опоздать.

К сожалению, в случае сверхинтеллектуальных систем, имеющих глобальное воздействие, ничего нельзя смоделировать или продублировать. Безусловно, очень трудно, пожалуй, невозможно для обычных людей предвосхитить и заранее исключить все разрушительные пути, которыми машина может решить двинуться к поставленной цели. В общем, если у вас одна цель, а у сверхинтеллектуальной машины другая, противоречащая вашей, то машина получит желаемое, а вы нет.

С точки зрения развития МО, ВПО и СО это означает, что *виртуальная реальность на любом из этих уровней оказывается более важной, чем действительность*. Так, формирование СО в армяно-азербайджанском конфликте стало следствием не столько вооруженных столкновений и соотношения ВВСТ, сколько политico-психологической обстановкой, которую уда-

лось создать Азербайджану и Турции: хаос в управлении Арменией и ее ВС, нейтрализация поддержки Запада, с одной стороны, и хорошо скординированная деятельность ВС и СМИ Азербайджана и Турции — с другой, стали главными условиями победы.

Ровно то же самое произошло в начале 2014 года на Украине, где антироссийским силам удалось скординировать деятельность не только оппозиции, но и Запада для создания искусственной виртуальной картинки «победы революции достоинства».

Для понимания значения этой реальности при формировании СО необходимо признать, что в основе остройшей информационно-когнитивной борьбы, развернувшейся в последнее десятилетия против России, лежат *фундаментальные причины*. Нападки на Россию, которые приобретают нередко *формы заведомоискаженной реальности* (не поддающиеся логическим объяснениям), — только часть этого глобального противостояния между глобалистами и теми, кто защищает национальные интересы и ценности социальной справедливости, как в мире, так и в каждой стране, включая нашу. Это важно понимать потому, что противоборство в информационно-когнитивной и идеологической среде носит не только характер межгосударственного, но и *межцивилизационного противоборства*⁵²⁵. Это хорошо видно, кстати, даже на примере стран — членов ЕС — Польши, Чехии и Венгрии, а также Словакии, пытающихся защитить свои национальные системы ценностей внутри политico-экономического союза, в котором доминируют другие страны.

Визит В. Зеленского в Вашингтон и скандальная встреча с Д. Трампом в марте 2025 года для многих неожиданно и даже радикально поставила вопрос о единстве в западной военно-политической коалиции, хотя уже до визита было ясно, что

⁵²⁵ См. подробнее: Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

доминировавшая в этих странах глобалистская парадигма стала меняться, а представляющие ее лидеры в Германии, Франции, Великобритании и США стали отодвигаться новыми представителями элит (в Венгрии, Словакии, Германии, Франции, Австрии и других странах, включая США), представляющими, как правило, pragматические национальные интересы.

Проблема единства внутри коалиции самым тесным образом была связана со стратегическим целеполаганием, которое уже не соответствовало многим декларациям представителей новой правящей элиты в США и ЕС.

Смена правящих элит, начавшаяся в 2024 году, пока что не отразилась — формально или косвенно — на стратегии коалиции в отношении России, которая была откровенно ориентирована на дезинтеграцию и уничтожение нашей страны. Эта стратегическая цель так и не была переоценена, а тем более дезавуирована с приходом к власти в США республиканцев.

Период 1980–2020-х гг. в современной истории человеческой цивилизации и России стал периодом качественного изменения в мировом соотношении сил, положившим начало процессу радикального изменения миропорядка. Развал мировой социалистической системы и СССР привел к формированию откровенно проамериканского миропорядка, основанного на глобально-либеральной идеологии и политике, который постепенно стал оспариваться новыми центрами силы.

Вплоть до начала нового века параллельно развивались два противоположных по своей направленности процесса — формирование проамериканской широкой коалиции во главе с США, разрушающей остатки суверенитета государств и международных институтов в интересах глобальных центров мирового управления, и наращивание мощи новых центров силы, которые объективно противопоставляли национальную автаркию глобализму. Важнейшим направлением развития национальной автаркии стали процессы укрепления институтов государства и его суверенитета. И, наоборот, борьба с институтами государства и его суверенитетом стала важнейшим направлением «борьбы

с этатизмом», официально заявленным еще в начале 1980-х годов «архитектором перестройки» А.Н. Яковлевым. По сути дела, все развитие СССР и России в реальности проходило под флагом борьбы «государственников» и «антигосударственников».

Исторически получилось так, что Россия стала во главе второго процесса, в то время как почти все остальные нарождающиеся центры силы в мире заняли более выгодную, выжидательную, позицию, балансируя между полюсами автаркии и глобализма.

Активная роль России превратила ее (отчасти даже против воли руководства страны) в лидера силового противоборства двух формирующихся коалиций, которое быстро набирало формы силового и даже военного противоборства. 20-е годы нового столетия — самое начало этого процесса, который, вероятно, займет не менее 20-30 лет и закончится созданием новой картины мира (если не полной катастрофой для человечества). Одна из важнейших проблем, вытекающих из такого рода перемен, — низкая способность правящих элит государств, прежде всего западных лидеров (но не только), осознать неизбежность подобных перемен и практическую потребность изменений в способах руководства государствами и институтами.

Западные лидеры, прежде всего США, приняли другую формулу: понимая объективный и неизбежный ход событий в мире, они с 80-х годов прошлого века приняли решение взять под свой контроль эти изменения, направив их в нужное русло. По сути дела, вплоть до начала 20-х годов, они, используя выражение Свена Ларсена, пытались исправить реальность, которая их постоянно настигала, противоборствуя нарастающему изменению в соотношении сил в мире. И в отношениях с «ревизионистскими» государствами, и другими странами и институтами. От Китая и России до ХАМАС и Хезболла. Надо признать, что вплоть на второго десятилетия нового века, — удачно.

Одной из таких принципиальных политических установок стала целенаправленная и последовательная политика, направленная на то, чтобы воспитать необходимую для сохранения западного контроля над глобализацией правящую элиту в других

государствах, которая стала бы исполнителем воли и интересов правящей элиты глобалистов. Или как минимум часть правящей элиты, которой обеспечивались властные преференции как «демократам» и «правильным» политикам. Откровенно использовались не только коррупция и помощь в продвижении наверх по карьерной лестнице, но и образование, связи, интегрирование в общество куратора.

В XX веке эта практика стала важным фактором формирования необходимой Западу международной обстановки, который традиционно не просто учитывается, но и на который, как правило, сознательно делается долгосрочная серьезная ставка в реальной политике. Вся история человечества всегда приводила множество примеров эффективности его использования: внутри каждой цивилизации, даже каждой нации и государства присутствуют сторонники разных цивилизационных и национальных систем ценностей — в нашем случае как сторонники глобализации, так и ее противники, — которых можно использовать в интересах внешних акторов.

Причем действующий англо-саксонский метод опирается прежде всего на университеты, которые занимают высшие места в международных рейтингах и готовят не столько специалистов-профессионалов, сколько лидеров общественного мнения, способных организаторов и генераторов идей. Индивидуальная подготовка в этом случае — только часть общей университетской подготовки, своего рода «специализация». Типичный представитель правящей элиты должен пройти следующие обязательные ступени.

- «Хороший» (рейтинговый), как правило, англо-саксонский университет. Например, Гарвард, который является базой для Демократической партии США.
- Обязательную социальную активность на старшем курсе, включая поездки по стране и за рубежом и участие в локальных кампаниях.
- Ассоциацию с тем или иным сообществом в университете, которая дает «выход» на правящие элиты низкого

уровня (конгрессы штатов, первичные организации партий, представительства НКО) и т.п. В процессе обязательны командировки и участие в подготовке тех или иных мероприятий.

- Готовый «полуфабрикат» используют уже по назначению либо в США, либо за рубежом, где, по сути, проходят практику по нескольким направлениям. Так, один из кандидатов должен был пройти стажировку — 3-5 месяцев в Конгрессе США, 2-3 месяца в ЦРЦ и Минобороны, 6 месяцев в Госдепе, чтобы поступить на службу в аппарат Совета безопасности при вице-президенте страны.
- Дальнейший карьерный рост — на уровне заместителей и помощников агентств и служб, зарубежных представителей и пр. чиновников высокого ранга.

Таким образом, в США создается — целенаправленно и последовательно — тот «человеческий капитал» (инструмент) политики, который должен реализовать политические установки. Причем не только внутри страны, но и за рубежом. Для иностранцев допускаются сокращенные программы подготовки, пропуски некоторых этапов, либо их прохождение по ускоренной программе. В некоторых случаях, когда обстоятельства этого требуют, программа ужимается до двух-трех лет. Примечательно, что когда перспектива для того или иного зарубежного кандидата кратковременна, либо незначительна, программу ужимают до месяцев. Именно такую подготовку «наспех» проходили многие наши российские политики и политологи, которые ограничивались «кратким курсом».

Существовала и система «групповых» семинаров, когда несколько раз с интервалом в год проходили подготовку на семинарах высокого уровня те из российских представителей, кто уже добился неких результатов, например, в исполнительной власти или в органах законодательной власти страны. Так, например, Аспиновский университет США регулярно проводил недельные семинары с лидерами ФС РФ, в ходе которых тех

«адаптировали к политическому процессу» развитых стран (примечательно, что с 2000 года США переориентировали эту практику с российских политиков на китайских, откровенно заявив о «бесперспективности работы с Россией»).

США сознательно и целенаправленно, «вдолгую» готовят таких представителей зарубежной общественности, внедряют их в правящую элиту, продвигают вверх по карьерной лестнице и, наконец, поручают им важнейшие функции управления в международных, государственных и негосударственных институтах. Такую подготовку прошли в итоге многие тысячи молодых людей, которых системно продвигали наверх политической пирамиды. Это хорошо видно на примере карьер не только американских, но и практически всех европейских политиков, которых фактически «делали» по американскому заказу в Европе, — от Столтенberга и Шольца до Макрона и Джонсона, а также практически всех членов российского правительства 1990-х годов.

Такой «быстрый курс» прошли многие российские политические и общественные деятели, которые массово направлялись на стажировки и курсы в США и Европу, особенно в Венский институт. Главное, чему их учили в этих институтах, — ориентации на глобализацию и вытекающие из этой тенденции процессы в политике и экономике, а также на знаковых личностей — лидеров общественного мнения (ЛОМ). Целью такой «переподготовки» было не научить чему-то, а адаптировать к западной системе ценностей и принципам глобализации.

Именно в то время возникла разница в подготовке будущих политиков в России, где большинство формировалось «от сохи» (даже после хороших университетов), а наиболее перспективная часть — от принадлежности и сопричастности к западным системам ценностей. В реальности это выражается в противоположных политических и научных подходах между сторонниками глобализации, с одной стороны, и национальных интересов — с другой. Именно на таких сторонников делается ставка главных противников. Как это было уже в конце 80-х годов в СССР

и странах Восточной Европы, где именно сторонники западной либеральной модели *победили сначала внутри правящего класса*⁵²⁶, а затем и в общенациональном масштабе. Это произошло, например, в СССР во второй половине 80-х годов, когда аппарат ЦК и советских органов был радикально сменен в результате перестроекных кадровых реформ.

Причем, главное, что стало основой для будущей антисоветской и антироссийской политики — это «антиэтатизм» (антитицентрализм), направленный на ослабление и развал государства, открыто заявленный в качестве идеологии А.Н. Яковлевым, ставший реальной теоретической и практической основой политики не только Запада, но и М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина и части советско-российской правящей элиты. И сохранившийся во многих чертах в настоящее время уже после начала СВО.

Иными словами, в начальный период самого резкого обострения отношений с Россией американские эксперты предупреждают о наличии в России части правящей элиты, которая пересмотрит современный политический курс страны. Такие надежды основаны, безусловно, на хорошем знании экспертами советской истории и ее последствий для России, а именно фундаментальных изменений в политической элите страны. Очень точно эти изменения охарактеризовал один из ближайших соратников М.С. Горбачева и старейший представитель партийной номенклатуры, соавтор «перестройки» А.С. Черняев, который подытоживает достижения правления М.С. Горбачева (совершенно не предполагая, что все они в конечном счете окажутся разрушительными для России). Приведем

⁵²⁶ Не трудно увидеть, что среди либерально-демократической части правящей элиты России 1990-х годов большинство составляли представители либеральной «внутрисистемной» оппозиции КПСС, сформированной еще при Хрущеве и Брежневе такими представителями целого слоя правящей элиты, как А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварнадзе, А.С. Черняев и Е.М. Примаков.

дословно эти «достижения», прокомментировав их коротко с позиций сегодняшнего дня: «Главные из его достижений, каждое из которых — с точки зрения оценки личной его роли в них — может быть приравнено к подвигу (курсив мой. — А.П.), таковы.

- «Он разрушил самый мощный из существовавших когда-либо тоталитарный режим, основанный на сталинистско-коммунистических принципах».

(«Уничтожение режима», то есть политической системы государства и самого государства — СССР — не привело к созданию новой эффективной системы государственного управления и политической системы вплоть до настоящего времени, что, однако, не беспокоит А. Черняева.)

- «Он дал многомиллионному народу свободу самому, без навязываемых сверху схем и идеологических догм, устраивать свою жизнь и выбирать пути развития».

(Отказ от чего-то в принципе далеко не всегда имеет положительное значение. Особенно в том случае, когда отказ не заполняется заменой. Действительно, народ выбирает сам себе идеологические схемы и догмы, которые, однако, так и не превратились в «эффективные пути развития». Этот выбор очевидно затянулся.)

- «Он открыл населению шестой части планеты возможность войти в общее русло современной цивилизации на основе признания таких общечеловеческих ценностей, как демократия, правовое государство, рыночная экономика, права человека, свобода слова, вероисповедания и т.д.».

(Эти ценности мировой цивилизации по-Черняеву, уже далеко не так абсолютны, как минимум потому, что были открыто заменены на русофобию и антироссийскую политику.)

- «Он сделал больше, чем кто бы то ни было, для прекращения “холодной войны” и гонки ядерных вооружений, тем самым внеся решающий вклад в спасение человечества от гибели в катастрофе третьей мировой войны».

(Сегодня, в разгар СВО и кризиса на Ближнем Востоке и откровенно военно-силовой политики западной коалиции

даже как-то странно говорить о «прекращении холодной войны»).

Наконец, вывод А.С. Черняева, которого придерживаются и сегодня российские западные либералы: «Ему, Горбачеву, мы обязаны тем, что окружающий мир начал видеть в нас нормальных людей (Русофobia нашего времени — ответ?). И это потому, прежде всего, что он, генсек всемогущей и наводившей на всех страх компартии и руководитель сверхдержавы, объявившийся, заметьте, из нашего, советского зазеркалья и вопреки, казалось бы, забетонированной традиции не побоялся предстать перед внешним миром таким, как он есть, обычным человеком, открытым всему земному и способным по-человечески воспринимать собеседников “с другого берега”…

А “идеологией” внутренней перестройки были всего-то простые человеческие помыслы и потребности, обыденный, “народный” взгляд на жизнь, нормальные “частные” помыслы и желания рядового человека, обобщенно говоря — здравый смысл. Горбачев впервые в нашей истории апеллировал к человеку в человеке. Он дал свободу, а то, что “получилось, как всегда”, — это наша общая “заслуга”; не справились мы со свободой»⁵²⁷.

Иными словами, А.С. Черняев как партийный и государственный функционер крупного масштаба на протяжении четырех десятилетий изначально был противником не просто «сталинско-брежневского», а суверенного политического и государственного режима. Это означает, что даже в недрах аппарата ЦК КПСС с 60-х годов прошлого века сохранялся слой антигосударственников, считавших, что разрушение политической системы и государства является благом для «мировой цивилизации» (то есть глобализации).

Особенно опасно сохранение либералов-антигосударственников во власти. Важно, однако, что очень многие из соратников А.С. Черняева по ЦК КПСС и горбачевскому окружению не просто живы, но и сохранили свои позиции. Более того, они создали

⁵²⁷ Черняев А.С. Дневник помощника президента СССР. 1991 г. С. 3.

свои школы и администрации, которые откровенно продвигают эти идеи сегодня. М.С. Горбачев смог реанимировать тот слой антигосударственников правящей элиты страны (от Троцкого до Хрущева), который постоянно зачищался И. Сталиным из политического пространства. Это слой «внутрипартийной системной оппозиции», который пришел к власти вместе с М. Горбачевым и А. Яковлевым, позже оказался дополненным радикальными демократами и конформистами в период Б. Ельцина, не просто захватившими власть, но и сформировавшими интеллектуально-образовательную и культурную среду для своего воспроизведения.

В настоящее время этот достаточно узкий слой фактически управляет развитием государства и составляет основу его кадровой политики, препятствуя развитию национальных институтов. Этот факт означает только одно: до настоящего времени результат борьбы между государственниками и антигосударственниками в России не предрешен. Используя аналогию с начальным периодом существования Советского государства, можно констатировать, что «интернационализм-глобализм», лежавший в основе идеи создания советского государства, еще только медленно вытесняется национальными лидерами и институтами. Примерно теми же темпами, как и в 20-е годы прошлого века в СССР, который не закончился и в 40-е годы, когда «часть» правящей элиты поддержала «план Маршалла», а затем продвинула к власти Н.С. Хрущева. Правящие элиты — по-прежнему приоритетный объект внешнего силового воздействия.

Для формирования СО имеет огромное значение и другой фактор, который традиционно не учитывается, как правило, в анализе (хотя история человечества всегда приводила множество примеров его эффективности): внутри каждой цивилизации, даже каждой нации и государства, присутствуют сторонники разных цивилизационных и национальных систем ценностей, в нашем случае — как сторонники глобализации, так и ее противники. В реальности это выражается в противоположных по-

литических и научных подходах между сторонниками глобализации, с одной стороны, и национальных интересов — с другой. Именно на таких сторонников делается ставка главных противников. Как это было в конце 80-х годов в СССР и странах Восточной Европы, где именно сторонники западной либеральной модели победили сначала внутри правящего класса, а затем и в общенациональном масштабе.

Сторонники такого «умиротворяющего подхода» занимают ведущие позиции в международной российской политологии со времен М. Горбачева, когда эта школа «нового мышления» стала доминирующей. Сегодня она может выражать самые разные точки зрения — от откровенно коллаборационистской и даже капитулянтской до псевдонаучной, использующей научнообразный язык.

Важно понимать, что для формирования современной СО в мире и в отдельных регионах (пример Молдавии осени 2020 года очень показателен) победа сторонников той или иной цивилизационной модели имеет большее значение, чем оборонные расходы и ВС. Вполне определенно на этот счет высказались авторитетные представители внешнеполитического истэблишмента США в ноябре 2020 года Александр Вершбоу — американский дипломат, бывший посол США в России, бывший заместитель генерального секретаря НАТО и Дэниел Фрид — американский дипломат, бывший помощник государственного секретаря по европейским и евразийским делам и бывший посол США в Польше, в своих рекомендациях новой администрации.

Вывод американцев обращает на себя внимание: «В России есть потенциал для положительных сдвигов. США следует поразмыслить, как этого достичь. *Новое руководство в Кремле, когда оно, наконец, сменится, будет продвигать собственную повестку дня, а не американскую* (курсив мой. — А.П.). Но не исключено, что оно попытается положить конец внутренней стагнации и внешней изоляции страны, будет более открытым к урегулированию наихудших из нерешенных споров (вроде Украины) и готово к подлинному сдвигу в отношениях в сторону

партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, начав с того места, где все остановилось два десятилетия назад. Новое руководство окажется в более благоприятных обстоятельствах, чем Ельцин: над ним не будет довлесть ни крах советской империи, ни хаос половинчатых и избирательных реформ. В ближайшие годы могут открыться возможности для новой России, более конструктивно настроенной к самой себе и окружающему миру.

Международная система после пандемии коронавируса может быть (и, по мнению авторов, будет) более многосторонней, а ее ядром станут ключевые демократии Европы, Северной Америки, Азии, а не верховенство США. При этом основанный на ценностях миропорядок, заложенный США после 1945 года, сохранится в лучшем виде. Более многополярный Запад будет представлять собой не поражение американской мощи, а великое достижение американской стратегии с 1945 года. Это не отвечает стремлению Кремля к разделу сфер влияния, которые обеспечили бы ему господство над соседями. Однако не исключено, что иное, более конструктивно настроенное российское руководство предпочтет влиться в такую систему, — с его точки зрения это будет не столько уступкой американской гегемонии, сколько присоединением к многостороннему миру, — и США следуют приветствовать такой расклад».

Эти оценки и надежды представителей правящей элиты США, естественно, не оправдались в 2022–2024 годах, хотя значительная часть либеральной элиты России и покинула страну, более того, еще большая часть, вероятно, просто-напросто заняла скрытую позицию выжидания. По сути дела, это означает, что в России сформировалась скрытая оппозиция, выжидающая, когда курс России на независимость «выдохнется», столкнувшись с внешним давлением. Эта оппозиция, как правило, редко обозначает свое присутствие, хотя заявления руководителей «Яблока» в 2023–2024 годах, например, в октябре 2024 года, откровенно направлены на прекращение военных действий на любых (западных) условиях.

Обращает на себя внимание в то же время один аспект — изменение вектора в отношении России от откровенной и публичной русофобии к попыткам демонстрировать относительно нормальное отношение, которое стало проявляться у западных политиков по мере ухудшения положения ВСУ в 2024 году. Например, у бывшего секретаря НАТО Я. Столтенбергера, или даже у части обычных европейцев, чья иммиграция в Россию усилилась в те же годы. Например, по оценкам погранслужбы России, динамика в 2023–2024 годах выглядела следующим образом⁵²⁸.

	Таблица 2.12	2022 г.	2023 г.
	Германия	67 720	101 653
Италия	17 640	21 913	
Латвия	56 005	73 775	
Литва	37 170	46 783	
Польша	24 727	39 052	
Эстония	65 946	115 854	

Весь период с конца 1970-х годов в СССР и России характеризовался отсутствием сколько-нибудь продуманной, обоснованной и последовательной стратегии развития государства. Если рубеж и первую половину 1980-х годов можно охарактеризовать как период вялых попыток улучшения политico-идеологической доктрины и стратегии социалистического развития со стороны дряхлеющего советского руководства⁵²⁹,

⁵²⁸ «Мы просто в шоке от России» // Геополитика цивилизаций. 13 октября 2024 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZwwhQXWEwTmf9T6T>

⁵²⁹ Энергичные, но не последовательные и эклектичные шаги Ю.В. Андропова по «улучшению» социализма в итоге ни к чему не привели, просто доказав необходимость движения и развития, но не продемонстрировав каких-либо результатов. Можно только предположить,

то следующий период — после прихода к власти М.С. Горбачева и его окружения из «внутрисистемной оппозиции КПСС» — полным отсутствием сколько-нибудь продуманной созидательной идеологии и стратегии развития, которую заменила откровенная ставка на «демонологизацию» и «борьбу с этатизмом» (то есть как в первом, так и втором случае — государством). Отсутствие идей, концепции и, как неизбежный результат, стратегии у М.С. Горбачева (что совершенно не беспокоило его и окружение), вело страну к неизбежному хаосу, который наступил в 1990–1991 годах⁵³⁰.

Забегая вперед, можно сказать, что именно в этот период рубежа 90-х годов на Западе осознанно и целенаправленно делали ставку на реальные политico-идеологические и экономические приоритеты в развитии общества — приоритеты развития человеческого капитала, была создана специальная комиссия (ПРООН), выработаны наиболее приоритетные критерии — образование, душевой доход и ожидаемая продолжительность жизни, исключительное значение институтов развития НЧК. Другими словами, в то самое время, когда в развитых странах Запада были четко сформулированы приоритеты и стратегия развития, в СССР/России правящая элита занималась идеологическими и политическими шараханьями и пустословием «интеллектуалов» из внутрисистемной оппозиции в КПСС.

Не случайно и то, что с конца 1980-х годов развитие СССР/России шло стремительно «по нисходящей», а Запада — «по восходящей». Неправильный выбор идеологии и стратегии предопределил развал СССР и деградацию России. Ошибка (в теории) была исправлена только в 2021 году, когда она усугу-

что задуманные им реформы и ускорение НТП (использованные позже М.С. Горбачевым) могли дать результаты в рамках социалистической парадигмы.

⁵³⁰ Первый вариант раздела был опубликован в феврале 2025 года в журнале «Обозреватель». См.: Подберезкин А.И. Политика и стратегия правящей элиты СССР/России // Обозреватель. 2025. № 1 (январь–февраль). С. 58–74.

билась многочисленными наслоениями прошлого, прежде всего с точки зрения механизма реализации и тех конкретных представителей правящей элиты, которые должны были это сделать. На смену советско-партийной правящей элите пришел круг случайных (с точки зрения политической идеологии), бессистемных последователей западной либеральной школы (упрощенно-прimitивного заимствованного варианта).

Можно, конечно, признать, что создание хаоса и было стратегией М.С. Горбачева по ликвидации коммунистической идеологии и системы управления, а стратегия хаоса в развале СССР — стратегией Б.Н. Ельцина в его немногочисленном окружении, но это признание, скорее, констатация того, что уже произошло, а не планировалось. В любом случае остается фактом, который стоит просто признать, — с начала 80-х годов шло систематическое наступление и разрушение институтов государства, прежде всего силовых: сначала МВД (когда за штаты были выведено более 200 ООО профессионалов), затем дискредитация КГБ и развал его основных управлений, а затем — ВС СССР и судебной системы, вплоть до ликвидации прокуратуры. Эти институты, надо признать, до настоящего времени не восстановлены. СВО просто показала отчетливо все те ошибки, которые были сделаны с конца 80-х годов, начиная с отрицания афганского опыта в военном деле и отсутствия системы безопасности над иностранными институтами гражданского общества⁵³¹.

Переворот 1991 года, развал СССР и демонтаж институтов государства, последовавшие за ним силовые изменения в обществе, государстве и экономике стали предпосылками для нового переворота 1993 года, который закрепил смену власти и приход к управлению государством случайных людей, не имеющих (как и М.С. Горбачев) ни идеи, ни стратегии. Эта ситуация сохранилась вплоть до 2000 года, когда к власти пришел В.В. Путин, который осторожно стал менять правящую элиту

⁵³¹ Подберезкин А.И. Политика и стратегия правящей элиты СССР/России // Обозреватель. 2025. № 1 (январь–февраль). С. 58–74.

и политический курс страны. Надо напомнить, что президент в 2000 году фактически не контролировал ни правительство М.М. Касьянова, ни регионы (даже после создания Полпредств), ни СМИ, ни экономику, ни общество. Государственные институты представляли жалкое зрелище, когда Северо-Кавказский военный округ (где насчитывалось более 350 тыс. военнослужащих) не смог обезвредить группировку в 50 тыс. человек.

Можно сказать, что в этих тяжелейших реальных условиях в России стала формироваться стратегия государства, что нашло номинальное выражение в появлении элементов долгосрочного стратегического планирования (концепций социально-экономического развития и национальной безопасности в конце первого десятилетия нового века)⁵³². Эти нормативные документы, как и последующие концепции и доктрины, не имели ни системного представления, ни четко сформулированных целей, ни механизмов реализации. Поэтому, строго говоря, сколько-нибудь оформленной, политико-идеологически, стратегии развития страны и безопасности государства вплоть до июля 2021 года так и не появилось.

Стратегия национальной безопасности (СНБ) 2021 года⁵³³ стала первым системным документом стратегического планирования⁵³⁴, который, к сожалению, так и не стал свободен от многих ошибок предыдущих концепций, а главное, не превратился из декларации в документ политического и экономи-

⁵³² Выступление в феврале 2007 года В.В. Путина в Мюнхене — достаточно аккуратное и даже осторожное — было воспринято на западе как вызов (впрочем, малообоснованный с точки зрения реального положения России).

⁵³³ Путин В.В. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 400 от 2 июля 2021 г. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/212/57/79/0001202107030001.pdf>

⁵³⁴ Важнейшим результатом и достижением Стратегии стал синтез идей развития и безопасности (который, к сожалению, не получил дальнейшего развития) и «национального приоритета» — развития человеческого капитала.

ческого управления и механизм реализации стратегического планирования. Прежде всего в заявлении в Стратегии главном национальном приоритете — качестве и уровне развития человеческого потенциала⁵³⁵, который так и не стал таковым на практике. Период 2022–2024 годов стал фактически периодом практической реализации идеи Стратегии в условиях СВО без системного обоснования и научного обеспечения. Это выражалось как в политико-идеологических шараханьях от либерализма к национализму, так и медленному продвижению от глобализма к автаркии в экономике, попытках сочетания мер, которые в принципе противоречат друг другу. Например, запретительной ставки ЦБ и стимулирования развития обрабатывающей промышленности.

Естественно, что начавшаяся в феврале 2022 года Специальная военная операция и последующие напряженные усилия оказались на заявленных темпах развития НЧК в Стратегии, но проблема, как оказалось, не в этом. В качестве главной (и единственной) национальной идеи стратегии была сформулирована идея патриотизма, которая стала развиваться и обосновываться намного позже, причем только частью правящей элиты. Другая часть, которая на протяжении десятилетий игнорировала интересы государства, осталась во власти и в процессе принятия важнейших решений, то есть фактически занималась нейтрализацией главной идеи Стратегии. Еще хуже — эта часть продолжала заниматься подготовкой той части общества, которая изначально ориентируется на глобализм и антинациональные цели и институты, оставаясь во власти и даже руководя важнейшими институтами.

Опыт СССР и КПСС сегодня очень важен: «Советская система с рождения опиралась на идеологическое освящение своего

⁵³⁵ Уровень развития НЧК и его институтов — набор критерииев (субъективных и объективных), которые определяется количественными (демографическими, душевым доходом, продолжительностью жизни и образования) и качественными показателями, принимаемыми в качестве решающих для определения успеха национального развития.

существования, на идеологизацию общества и народа. Ее лидеры служили определенной доктрине, что не исключало, конечно, личных амбиций и интересов. По мере старения и бюрократизации системы, действовавшей, как и партия, в бесконкурентной среде, бюрократизировалась и идеология, уступая место прагматизму без границ. Живая душа идеологии выхолащивалась, оставалась лишь оболочка (“скорлупа ореха без его ядра”). Идеология становилась маской, скрывавшей безыдейность и суперожное цепляние за власть. Происходила деидеологизация руководства и кадров в целом»⁵³⁶. В настоящее время именно это и происходит в идеологии части правящей элиты России, составляющей по факту большинство, потому что именно эта часть сформировалась в «безыдейные» 1990-е и нулевые.

К сожалению, многое из негативного последнего опыта КПСС воспроизводится сегодня. Примерно то же самое происходит в государственном управлении, когда фактический развал КПСС означал и ликвидацию единой государственной системы управления, которая окончательно сформировалась при Л.И. Брежневе: костяк политбюро составляли не просто его члены, но и руководители основных государственных институтов — Совета министров и аппарата правительства, КГБ, Минобороны и МИД, которые, например, в узком составе принимали в декабре 1979 года решение о вводе войск в Афганистан. Примечательно, что к разработке этого решения и его принятию не были допущены даже те, кто формально имел на это полное право — члены ЦК и руководители среднего звена в ЦК и соответствующих органах власти. Поэтому попытка М.С. Горбачева вернуть власть в ЦК (например, объединив все 3 международных отдела, не увенчалась успехом — там никто не спешил возвращать партийно-идеологическое руководство, потому что окончательно превратились в чиновников — исполнителей «высшей воли».

⁵³⁶ Брутенц К. URL: https://4italka.site/dokumentalnaya_literatura_main/biografi_i_memuaryi/353971/fulltext.htm

И, наоборот, отстранение ЦК и аппарата, которое последовало за этой инициативой, привело к окончательной деградации механизма государственного управления. Вторая половина 80-х годов стала периодом полной деградации и дезориентации советских и партийных чиновников, которые откровенно признавали, что не знают куда надо «выгребать». Такая дезориентация и дезорганизация продолжалась все последующие годы, но на разных этапах отличалась своими особенностями. Если на первом, горбачевском, этапе никто вообще не заморачивался стратегией и идеологией, потому что М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев открыто дезавуировали и первое, и второе, «деидеологизировав» идеологию, то на втором, «демократическом», этапе идеологию, как и стратегию развития, просто заимствовали на Западе. Либо как А. Козырев, либо как Б. Ельцин, когда идеологией стало сохранение личной власти Ельцина и его окружения.

Приход В.В. Путина к власти в реальности означал получение им от прежней правящей элиты остатков власти, разрушенной экономики, общества и государства, не имея никаких существенных перспектив для быстрого восстановления государственных институтов.

3.5. ВЕРОЯТНЫЕ ВАРИАНТЫ КАЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ БУДУЩИХ ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-СИЛОВОГО ПРОТИВОБОРСТВА В 2025–2030 ГГ.

На чем держится власть господствующего класса?
Оказывается, как считал А. Грамши, не только на насилии, но и на согласии...
Достичь согласия или подорвать его можно постоянным влиянием на «культурное ядро» общества, то есть на элитарную интеллигенцию⁵³⁷.

Ф. Бобков, заместитель председателя КГБ

Победа на выборах республиканцев в США и блока ХДС-ХСС в Германии (при явном усилении консервативной АДГ), очевидные сдвиги «вправо» от глобализации к автаркии на рубеже 2025 года создали новые внешние условия эскалации силового противоборства в мире и России с западной коалицией⁵³⁸.

Внешние условия, формирующие конкретное состояние МО-ВПО, — важнейшие составляющие всего процесса развития базового сценария военно-политической обстановки, который является той реальной «рамкой», в границах которой развивается национальная стратегия государства. Игнорирование этих объективных условий невозможно, но нередко бывает, что правящая элита страны может недооценивать

⁵³⁷ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М. : Родина, 2019. С. 523.

⁵³⁸ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

(или переоценивать) те или иные факторы, то есть субъективно ошибаться в оценках и прогнозах⁵³⁹.

Иногда такие ошибки имеют катастрофические последствия. Так, например, очевидно, что правящая элита при М.С. Горбачеве неадекватно оценивала развитие МО и сознательно «наивно» предполагала, что базовый сценарий развития будет длительное время «очень благополучным и оптимистичным» для СССР. Ради справедливости надо признать, что такая неадекватная (искусственно оптимистическая) оценка в России существовала вплоть до второго десятилетия нового века, что отразилось на большинстве концепций развития и стратегическом планировании страны⁵⁴⁰.

Нередко такие субъективные ошибки возникают как разногласия между различными группами правящей элиты страны, которые сознательно искажают внешние реалии с целью формирования нужной им национальной стратегии. Так, например, в феврале 2025 года команда Д. Трампа достаточно критично оценила политику предыдущей администрации в отношении Украины и ее президента, что встретило жесткое сопротивление как в основных странах ЕС, так и внутри США, прежде всего потому, что такая оценка могла радикально повлиять на американскую стратегию на Украине. В частности, во влиятельном Совете по международным делам была сформулирована очень быстро позиция критиков Д. Трампа, в которой, в отличие от позиции Д. Трампа, «НАТО должно играть центральную роль как в создании рычагов влияния на Украину в преддверии переговоров, так и в обеспечении послевоенной безопасности страны. Они предлагают “креативные решения” для укрепления обороноспособности Украины с использованием средств НАТО

⁵³⁹ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

⁵⁴⁰ Подберезкин А.И. Политика и стратегия правящей элиты СССР/России // Обозреватель. 2025. № 1 (январь–февраль). С. 58–74.

до вступления в НАТО и для обеспечения согласия России на возможное вступление Киева. Они также отмечают, что долгосрочная безопасность Украины должна быть в центре более широкой дискуссии между Вашингтоном и европейскими союзниками о разделении труда в НАТО»⁵⁴¹.

Изменение внешних условий развития МО, когда сценарий нарастания военно-силового противоборства стал доминирующим, превратившись во втором десятилетии в сценарий военной эскалации⁵⁴², привело к резкому нарастанию всего спектра сил и средств силового — военного и невоенного — противоборства. Уже с первого десятилетия нового века эти процессы привели к началу переосмысливания основных положений внешнеполитической и военной стратегии и военного искусства, когда традиционные представления о роли военной силы стали уступать место новым концепциям⁵⁴³. Позже, в 20-е гг. нынешнего столетия, развитие такого сценария казалось неизбежным, а начало войны прогнозировалось многими на 2027–2030 годы.

Начался так называемый «Переходный период» в развитии внешней и военной политики, который означал с точки зрения развития МО-ВПО, то есть внешних условий, переход к неконтролируемой эскалации. Неизбежной и неуправляемой. Все стороны — открыто или скрытно — стали непосредственно готовиться к войне.

Этот процесс во многом приобрел не просто сильную инерцию, но и автономный характер, потому что «переходный

⁵⁴¹ Weiss Andrew S. Russia and Eurasia Program // Security Guarantees and the Path to Peace in Ukraine. 20 Feb., 2025. URL: <https://mail.google.com/mail/u/o/#inbox /FMfcgzQZTMRPHxbVLhsfxvwmgVnVDNQjr>

⁵⁴² Эскалация — зд.: по одному из определений, данных в РЭНД, — увеличение интенсивности или масштабов военной деятельности.

⁵⁴³ Достаточно точный и подтвердившийся позже прогноз развития ВПО в 2024 году был сделан в работе Подберезкина А.И. и Тупика Г.В. «Изменения в международной и военно-политической обстановке после начала специальной военной операции на Украине, опубликованной в марте 2024 года» (М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.).

период» — это период смены как материальной базы войны, так и радикальных изменений в силовых способах, включая военно-силовые способы применения новых ВВСТ, быстрое превращение их в банальные («используемые») военные средства политики⁵⁴⁴. Стала стремительно формироваться новая материальная база силового противоборства и концепций ее использования. Во многом под влиянием неизбежных изменений внешних условий формирования МО-ВПО.

В рамках этого процесса идеи создания региональных или глобальных систем безопасности имели очень мало перспектив. Они расценивались в качестве деклараций о благих намерениях, у которых не было шансов реализации, хотя они и выдвигались лидерами ведущих государств и центров силы — Россией, Китаем, Индией. Эти идеи имели альтернативный характер глобалистской модели, которую силой навязывал «коллективный Запад».

Начиная с 2024 года, ситуация в МО-ВПО и внешние условия их формирования начали ускоренно меняться. Одновременно в силу изменений сразу нескольких внешних условий.

Во-первых, потому, что против глобализации выступили одновременно силы автаркии не только извне западной коалиции, но и из ее правящих кругов — Словакии, Венгрии, Германии, Франции, Австрии, где начали быстро формироваться силы автаркии. Успех этих сил в США осенью 2024 года привел к власти не просто Д. Трампа, а целую группу политиков, выступающих объективно против универсальной глобализации и тех условий, которые формировали до этого состояние МО-ВПО, в частности на Украине. В феврале 2025 года эти изменения стали предпосылкой даже кризиса в отношениях США и Украины, на стороне которой выступили институты ЕС и НАТО.

⁵⁴⁴ Подберезкин А.И. Субъективные аспекты новой Концепции внешней политики России // Обозреватель. 2023. № 4; 2023. № 5. С. 1–21. URL: https://i-sng.ru/img/2023/09/Obs_4_23_web.pdf

Во-вторых, ускорился процесс развития «не-Западных» центров силы в мире и переориентации товарных потоков, рынков и логистики. Так, например, если торговый оборот между Китаем и США за 2024 год практически не изменился, то аналогичный показатель Китая и стран Юго-Восточной Азии вырос в 2 раза. Стремительно развивались и росли рынки новых центров силы, и, наоборот, стагнировала экономика «старых» стран. Процесс изменения соотношения сил нарастал даже быстрее, чем ожидалось.

В-третьих, рухнула легенда о военном превосходстве Запада и его способности обеспечить эффективное применение военной силы в глобальных интересах. Прежде всего как способность обеспечить победу над Россией как ядерной державой в конвенциональной войне, где приоритетное значение имеет экономическая мощь и ресурсы. Так, огромное значение имеет возможность России материально противостоять внешней агрессии коалиции Запада. Как показала СВО (для многих неожиданно) военные расходы России стремительно росли и смогли обеспечить необходимые потребности. Анализ Международного института стратегических исследований Великобритании (IISS) в 2025 году показал, что военные расходы Москвы выросли более чем на 40% и достигли почти 146 млрд долл. за последний год, что эквивалентно 6,7% ВВП, и находятся на пути к достижению 7,5% ВВП в 2025 году. С поправкой на паритет покупательной способности (ППС) Россия потратила почти 462 млрд долл. в 2024 году, фактически обогнав коллективные расходы Европы. ППС — это инструмент, используемый для устранения разницы в уровне цен между валютами, чтобы лучше продемонстрировать покупательную способность одной по сравнению с другой⁵⁴⁵.

⁵⁴⁵ Россия обгоняет всю Европу по ключевому показателю доли военных расходов в ВВП // Срочные военные новости. 23 февраля 2025 г. URL: https://breakingdefense.com/2025/02/russia-overtakes-all-of-europe-on-defense-spending-in-key-metric-iiss-military-balance/?utm_medium=email&_hsenc=p2ANqtz-9yE

В-четвертых, до конца еще не ясно, но уже общепризна-
но, что полностью изменилась суть и материальная база вой-
ны. Буквально за 2-3 года война изменила все представления
о средствах и способах ведения не только в тактике (где ре-
волюционные изменения происходят чуть ли не ежемесячно),
но и в оперативном искусстве и стратегии.

Но не только. Теперь государству требуется качественно но-
вый набор эффективных силовых средств, способных (если необ-
ходимо) усилить давление и эскалацию без перехода к непо-
средственному и прямому участию в войне. Это стало острой
необходимостью для США к середине 2024 года, когда гра-
ница между военным и не военным участием США в войне стала
очень условной. В том числе и потому, что надежды на военную
победу ВСУ и Запада над Россией стали, очевидно, иллюзорны-
ми. Осенью 2024 года в центре системных оценок стояли вопро-
сы уже не победы, а того, сколько украинский режим еще может
продержаться до разгрома и капитуляции — три или шесть ме-
сяцев. На фоне того, что политика США и западной коалиции
в отношении России могла продолжать носить долгосрочный
характер, ориентированный на изматывание и в конечном сче-
те капитуляцию правящей элиты России, в 2024 году оказались
особенно востребованными поиски новых средств и способов
силовой (но не только военной) эскалации давления на Россию.
Но таких способов победить Россию найти не смогли — пер-
спективой было продолжение эскалации, угрожающей переходу
к применению ЯО и новым расходам западной коалиции.

В-пятых, провалились расчеты на революцию в России
и Белоруссии. Во всяком случае, в ближнесрочной перспек-
тиве. Инвестиции в оппозицию результата не дали. Счита-
лось, «по большому счету», что самым эффективным и обще-
признанным на Западе способом силового влияния на Россию
(еще со времен М. Горбачева и Б. Ельцина) было давление
на правящую элиту страны и на «элитарную интеллигенцию»,
о чем предупреждал такой опытный чекист, как Ф.Д. Бобков.
Это всегда понимали в США, но в 2024 году пришли к выводу,

что победа (капитуляция правящей элиты) без перехода не только большинства «элитарной интеллигенции», но и «простого народа» на сторону Запада невозможна. Так, в принципиальной статье Питера Померанцева в «Форин Аффеарс» 11 октября 2024 года «Скрытая уязвимость Путина. Чтобы сломать военную машину Кремля Запад должен использовать обиды и страхи простых россиян» прямо указывалось, что без перехода настроений в России в выгодное для Запада русло военный конфликт на Украине закончится поражением Запада⁵⁴⁶.

Вместе с тем именно этот акцент в политике Запада не стоит недооценивать, хотя очевидно, что расчеты на антипатриотизм народов России малообоснованы. Именно он будет главным внешним условием формирования МО-ВПО относительно России в будущем.

Критика конкретно представителей правящей элиты, а не России в целом как нации и государства — совсем другой аспект. Особенно если учесть, что критиковать есть за что в условиях СВО, и такой критики (в том числе и из патриотического лагеря) предостаточно. Поэтому стоит обратить внимание на новые акценты в политике США и их союзников, ориентированные прежде всего на внутриполитическую дестабилизацию страны. Пока что до конца не ясно, насколько Д. Трамп откажется от силовых средств и способов давления на Россию, но уже ясно, что заявленная им в январе-феврале позиция политico-идеологически очень выгодна. Она реанимирует ту самую «мягкую силу» привлекательности, которая некогда была характерна для внешней политики США. И может стать опасной для современной России, которая, как и Д. Трамп, ориентирована на системную автаркию. Она может быть использована для

⁵⁴⁶ Померанцев П. Скрытая уязвимость Путина. Чтобы сломать военную машину Кремля Запад должен использовать обиды и страхи простых россиян // Форин Аффеарс. 11 октября 2024 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/ukraine/putins-hidden-vulnerability?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=Iran%20Year%20of%20Living%20Dangerous

внутриполитической дестабилизации страны именно в силу антиглобалистского и автаркического характера. Иначе говоря, в силу привлекательности.

Как известно, внутриполитическая дестабилизация всегда основывалась на трех базисных платформах, которые конкретизировались применительно к тактическим особенностям:

- социальная напряженность и противоречия широких масс и правящей элиты;
- межнациональные отношения и противоречия, которые могут иметь крайний характер;
- межрелигиозные и межконфессиональные разногласия и противоречия.

Запад в 1980-е годы успешно использовал все три основания для обострения противоречий и кризиса в СССР, который в итоге закончился катастрофой страны:

- социальная напряженность привела в конце 1980-х годов к социально-экономическому кризису, который в основном был вызван искусственными причинами;
- межнациональные противоречия — от Карабаха до конфликта с частью прибалтийских и иных элит стали предтечей правовой основы для дезинтеграции и раз渲ала СССР;
- межрелигиозные и конфессиональные разногласия привели к острым конфликтам не только в Средней Азии и Закавказье, но и на Украине и в Прибалтике.

Тактически каждая из этих областей стала в 2020–2024 годах пользоваться акцентированным вниманием со стороны США и Запада, который начал активизироваться по всем трем направлениям:

- в социально-экономической области были созданы искусственные трудности, которые в основном были успешно преодолены усилиями власти, но, надо признать, не без последствий для «простых граждан», вызванных инфляцией и бизнеса с точки зрения роста налогов и ухудшения кредитования;

- международные отношения были искусственно обострены, как с точки зрения проблемы неконтролируемой миграции, так и нарастания экстремистских и радикальных течений;
- межрелигиозные противоречия начали проявляться не только в отношениях между РПЦ и украинскими религиозными деятелями, но и в отношении некоторых норм, активно продвигаемых на традиционной территории России исламскими активистами.

Есть и специфические особенности, характерные для СВО. Так, конкретно П. Померанцев предлагает вообразить ситуацию, при которой во время вторжения в Курскую область Украины и ее союзники уже имели бы «крупный канал связи, ориентированный на российских солдат и их семьи, чтобы использовать его для снижения боевого духа и поощрения дезертирства в момент паники». Очевидно, что пропагандистски такой канал не только был создан загодя, но и активно использовался не только в августе-сентябре, но и позже. И, надо признать, не безуспешно. В том числе и из-за ошибок в освещении вторжения и ликвидации последствий, допущенных в России.

Другой аспект силового давления на Россию — социальная и национальная политика России. Очевидно, что как в области социальной политики, так и национальных отношений в августе-октябре 2024 года произошли некоторые негативные события, которые свидетельствуют в том числе и об активизации спецслужб Запада и их внешнеполитических ведомств на фоне усиления террористической борьбы с Россией. Пока что не ясно, как будет действовать новая администрация США по этому вопросу. Удары по гражданскому населению и объектам гражданской инфраструктуры в январе-феврале 2025 года не прекращались, хотя ясно, что без информационного обеспечения со стороны ВС США они были бы невозможны.

Иначе говоря, для России, даже при сохранении темпов роста ВВП в 4%, остаются актуальными проблемы качества жизни. Не случайно, по мнению Померанцева, еще один фокус внима-

ния американцев должен быть направлен на вопросы, которые постоянно волнуют широкие слои населения России, такие как здравоохранение и экономика. Особенно в связи с нарастающей инфляцией и налоговой нагрузкой.

Наконец, очевидно нарастание внимания к бывшим территориям и регионам СССР, непосредственно связанными с Россией. Тот же Померанцев открыто призывает использовать проживающих там граждан к критике и дестабилизации режима в России. Так, он прямо говорит, что прибалтийские страны «могли бы сосредоточиться на приграничных регионах России, которые понесли наибольший экономический ущерб от конфликта»⁵⁴⁷.

Очевидно, что на Западе произошла определенная смена акцентов внимания (организации и финансирования) с традиционных прозападных «элитарных слоев интеллигенции» на «простых граждан». В целом западные эксперты не случайно предлагают Британии и США переориентировать их каналы коммуникации с либеральной аудитории в России и за границей, которую до сих пор охватывает большинство нынешних западных инициатив, на простых россиян — то есть поменять целевую аудиторию для военной пропаганды НАТО для внутриполитической дестабилизации в России.

Насколько эта установка сохранится при Д. Трампе, покажет будущее. Очевидно, что происходит быстрая смена внешнеполитических условий формирований базового сценария развития МО-ВПО. Но инерция политики Запада в целом очень сильна и не стоит раньше времени переоценивать наметившиеся позитивные моменты, которые, безусловно, надо максимально использовать.

Налицо разработка новых приемов, направленных прежде всего на разрушение системы управления государством

⁵⁴⁷ Мир тесен. 17 октября 2024 г. URL: https://diletant-ik.mirtesen.ru/blog/43022357431/TSel-smuta-v-russkom-obschestve-Kakovo-realnoe-otnoshenie-k-SVO-?utm_referrer=mirtesen.ru

и обществом, превращения ее в заведомо не работающую систему, которая ведет к откровенной и быстрой деградации. Это происходит практически одновременно во всех областях государственного управления, которое упрощенно иногда называют «бюрократизацией», «формализацией» или другими похожими терминами.

В действительности, эти мероприятия разрушают существующие системы управления или (как минимум) умышленно превращают их в заведомо неэффективные. Как писал в свое время наш разведчик Ким Филби, руководивший контрразведкой Великобритании против СССР, «благодаря мне, сотрудники 1-го Главного Управления КГБ СССР могли работать в Великобритании, как говорится, в полный рост. Так как работники контрразведки МИ-6 были мной отвлечены на написание никчемных бумажных справок и отчетов. Когда мой сотрудник начинал активно вести работу, вербовать агентуру, выявлять резидентов, я заваливал его никому не нужной бумажной рутиной. И его активность очень быстро сводилась на нет. Я горжусь тем, что лично разработал и ввел несколько новых форм отчетов»⁵⁴⁸.

Сегодня мы наблюдаем ровно то же самое в образовании, промышленном производстве, даже в армии, где стремительно нарастают «реформы», которые меняют предыдущие (незаконченные реформы и планы), например в образовании, когда готовятся новые программы на замену незаконченных прежних и предыдущих.

В армии, например, при получении обычной фуражки, офицер получает 8 (!) дополнительных документов и сопроводительных образцов (пуговицы, подкладки и др.), которые, естественно, стоят денег, затраченных материалов и труда, необходимых для производства.

⁵⁴⁸ Михалков Н. Обращение к властям, которые должны быть услышаны // Царьград. 15 октября 2024 г. URL: <https://dzen.ru/a/Zw7czsolISjY2jm9>

Кроме традиционных силовых институтов и их военных форм создаются массовые новые формы НКО, например, силовые, полувоенные и военные. В это время, например, получил быстрое развитие такой феномен, зародившийся еще в 90-е годы в политике Великобритании против Йемена, как частные военные и охранные компании (ЧВОК), мощным импульсом для которых стала «международная война с терроризмом», начатая США в 2001 году. В настоящее время США контролируют более 50%, а Великобритания — 25% ЧВОК в мире, которые активно используются в качестве неофициальных и полуофициальных силовых средств политики этих стран⁵⁴⁹.

Резко увеличился спектр НКО, подконтрольных официальным западным структурам, которые получили огромное государственное и частное финансирование. По сути дела, была создана мощная силовая невоенная поддержка политики западной коалиции, которая был сформирована на территории вероятного противника. Так, к началу событий в Белоруссии на ее территории действовали уже несколько лет более 500 НКО, финансируемых из-за рубежа.

⁵⁴⁹ Небольсина М.А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК): феномен современности // Россия и современный мир: политика и безопасность. М. : ИНИОН, 2017. Т. 2. Ч. 2. С. 213–222.

3.6. НЕКОТОРЫЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГО ПЕРИОДА СИЛОВОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ЕВРАЗИИ

Германии в целом потребуются десятилетия, чтобы сравняться с нынешними объемами производства в России.

Б. Гунтрам, А. Вольф, И. Бушнелл и др.

Регионализация и формирование новых центров силы в мире как доминирующий процесс складывания нового миропорядка сопровождается усилением значения темпов развития фундаментальной науки, НИОКР и технологий. В конечном счете лидером в мире к середине столетия станет та ЛЧЦ и тот центр силы, которые смогут обеспечить максимально высокие уровни развития национального человеческого капитала⁵⁵⁰, прежде всего в области НИОКР и технологий.

В полной мере это относится к военной области, где Д. Трамп планирует увеличить расходы на НИОКР при сокращении общих военных расходов. Приоритет в военно-технологической области для США всегда оставался главным политическим приоритетом, что не раз фиксировалось в разные годы при разных администрациях в нормативных документах высшего уровня. СВО стала мощным катализатором военно-технологической революции как в средствах, так и способах ведения военных действий, определив основные направления:

- создание единой системы боевого управления во всех сферах (доменах) — от киберпространства и космоса до наземного тактического звена;

⁵⁵⁰ Примечательно, что даже новый вице-президент США Дж. Ди Вэнс непосредственно связал проблемы миграции и социального развития в стране с темпами развития НИОКР и технологий, заявив, что «главная проблема — массовая миграция. Это возникло не из ниоткуда, а как результат политических решений» (ограничения развития человеческого капитала. — А.П.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7512972>

- резко ускорив роботизацию всех систем, среди которых особенно ярко выраженной стала область БПЛА;
- повысив значение до решающего уровня средств воздушно-космического нападения и обороны;
- подчеркнув значение качества человеческого капитала командного состава и военнослужащих на поле боя.

Силовое противоборство России с западной коалицией, развивавшееся по эскалации с 2008 по 2014 год, приобрело после присоединения Крыма откровенно военно-силовой характер, а в 2022–2025 годах стало приобретать качественно новые формы. С одной стороны, традиционные приемы санкционного и политico-дипломатического давления не только сохранились, но и даже усилились в 2025 году (новые санкции ЕС, Австралии и ряда других стран были приняты в январе–феврале этого года), но, с другой стороны, отчетливо прозвучали политические инициативы, направленные на восстановление элементов сотрудничества в США и ряде стран — членов ЕС. Представляется, что такие инициативы направлены на откровенное стремление получить односторонние преимущества в целях повышения эффективности силового противоборства на долгосрочную перспективу. Ключевой термин здесь, как представляется, — «оптимизация» силового противоборства, то есть усиление противоборства одновременно с поиском наиболее эффективных способов такой борьбы в долгосрочной перспективе. Прагматизм, даже откровенный цинизм политики некоторых лидеров откровенно работал на автаркию против глобализации⁵⁵¹.

Эти политические изменения почувствовались еще при Дж. Байдене с начала 2024 года, то есть при демократах, что свидетельствует о двухпартийном подходе и реалистично оценивает значение изменения в политике республиканцев. Именно в начале 2024 года стала фактически модернизироваться западная стратегия на Украине в направлении откровенной

⁵⁵¹ Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

«оптимизации», которую можно было расценить по-разному, в том числе и как нацеленность на долгосрочное силовое противоборство⁵⁵². Эта стратегия должна была быть обеспечена соответствующими, преимущественно чужими, ресурсами. Перенос акцентов был очевиден. Прежде всего малооценными (старые ВВСТ) и чужими (для США — европейскими и украинскими, для ЕС — украинскими)⁵⁵³.

Параллельно США стали увеличивать дистанцию в политических и военных рисках ведения военных действий на Украине между собой и странами ЕС, подчеркивая регулярно, что они «не являются стороной военного конфликта». По мере поступления ВТО большой дальности в ВСУ эти заявления настойчиво проводили «красную черту» между США и военным конфликтом в Европе.

СВО продемонстрировала целый ряд новых особенностей военно-технического характера в силовом противоборстве, которые говорят о принципиально новом характере современной войны в самом широком смысле этого слова: политическом, экономическом, военно-техническом и промышленно-военном. При этом надо понимать, что у такой войны можно выделить изначально самые главные особенности и наиболее характерные черты⁵⁵⁴.

Эти особенности и общие черты военного противоборства относятся не только к СВО, но и к более широкой проблематике безопасности в отношениях России с США и странами ЕС.

⁵⁵² См. подробно: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

⁵⁵³ Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

⁵⁵⁴ См. первые попытки в работах: Подберезкин А.И. НАТО — основа проамериканской военно-политической коалиции // Обозреватель. 2022. № 3–4, С. 5–25; Подберезкин А. Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года // Обозреватель. 2022. № 5–6. С. 5–27.

Опыт СВО весьма показателен потому, что масштабы военного конфликта впервые в мире превысили все предыдущие масштабы военных действий, а военные и материальные потери стали вполне характерными для полномасштабной войны. Напомню, что в 2022 году Украина имела вторую по величине сухопутную армию в Европе после России, а совокупная военная помощь Запада с начала войны превысила запасы практически любого государства — члена НАТО. Кроме того, достижения в области военных технологий, особенно в сфере дронов, спутников и высокоточного оружия, значительно усложняют достижение быстрой победы в войне. То, что в руководстве России явно не ожидали, что СВО превратится в широкомасштабную войну конвенциональными способами на истощение, летом 2024 года подтвердил сам Владимир Путин, поведавший, что никакого решения о штурме Киева в феврале 2022-го не было и российские войска нужны были у украинской столицы для создания благоприятных переговорных условий. Потому заблаговременно не проводилось развертывание тыловых баз оперативно-стратегических объединений, а также не происходило создание складов и баз с запасами материальных средств, нужных для широкомасштабных боевых действий.

Потому заходили российские войска на территорию Украины колоннами, распылив силы сразу на несколько стратегических направлений. Не особо верили во «вторжение» и на Украине, поскольку, по оценкам секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины Данилова, для решения такой задачи требовалась группировка численностью в 500–600 тысяч человек, а возле украинской границы по состоянию на декабрь 2021 года были сосредоточены всего 92 тысячи военнослужащих ВС РФ⁵⁵⁵.

⁵⁵⁵ Цит. по: Маржецкий С. какой путь прошла российская армия за 3 года на Украине // Военное обозрение. 24 февраля 2025 г. URL: <https://topcor.ru/57017-kakoj-put-proshla-rossijskaja-armija-za-tri-goda-svo-na-ukraine.html>

ВСУ, напротив, на момент начала СВО уже имели 8-летний опыт так называемой АТО на Донбассе, через которую прошло порядка 700 тысяч украинских военнослужащих. Две самые мощные и боеспособные группировки противника были развернуты и подготовлены для широкомасштабной наступательной операции с целью ликвидации ДНР и ЛНР превосходящими силами. При этом они сами опирались на сеть эшелонированной обороны, выстроененной за годы Минских соглашений.

Наконец, объективно армия РФ стала не просто в 5 раз меньше ВС СССР, но и качественно другой, когда ее главные функции резко изменились. Так, например, большой вопрос в настоящее время для всех — беспилотники (БПЛА), которые стали принципиально новой угрозой для страны и ее ПВО. Надо понимать, что СССР, создавая ПВО и ПРО страны, преследовал цели защиты от массированного нападения с помощью авиации и баллистических и крылатых ракет. Соответственно, лучшие в мире системы ПВО СССР/России — С-300 и С-400 — развертывались для отражения этих атак. Этот вид (впоследствии род) войск в России вообще не предполагался для защиты от БПЛА. Основной способ прорыва ПВО ударными БПЛА — полет на предельно малых высотах (200 м).

Получается, что по малым (МВ) и предельно малым (ПМВ) высотам, проникнув сквозь рубеж, БПЛА может лететь на сотни км без всякого воздействия. Ну, может быть, какая-то РЛС ее и увидит, но зоны поражения они могут обходить, прежде всего с помощью средств разведки США. А прорывать рубеж по ЛБС им помогает пилотируемая и беспилотная разведавиация НАТО, отслеживающая маневры ЗРК и выключения РЛС.

Иными словами, ВПО в регионе полностью изменилась. Ей уже не соответствовали технические средства (и личный состав), ориентированные на другие задачи. Не было и соответствующих материальных запасов, ориентированных на длительные и масштабные военные действия. Результат подобной недооценки потенциального противника и слабой собственной подготовки оказался закономерным и весьма плачевным: раз-

битые колонны, которые некому было прикрывать, отсутствие сил для взятия таких крупных городов, как Харьков, Чернигов и Сумы, мимо которых они проходили, невозможность взятия или окружения Киева, из-под которого пришлось уйти из-за угрозы перерезания ВСУ снабжения и логистики.

Нехватка л/состава и ВВСТ заставила пересмотреть план ведения СВО «на ходу». В том числе согласиться на переговоры. Попытка «замириться» с киевским режимом в Стамбуле провалилась после того, как в переговорный процесс вмешался британский премьер-министр Борис Джонсон, заставивший Украину «просто воевать». Из-за острого дефицита живой силы в ВС РФ на первом этапе СВО российскому Генштабу пришлось сосредоточиться на решении одной конкретной задачи, ради которой она и была начата, а именно на освобождении Донбасса, превращенного противником в один сплошной укрепрайон.

После перехода СВО в формат широкомасштабной позиционной войны вдруг выяснилось, что у российской армии, помимо дефицита обученной пехоты, имеются проблемы со средствами воздушно-космической разведки и защищенной цифровой радиосвязи. А вот к услугам ВСУ была вся натовская спутниковая группировка, данные, получаемые от американских разведывательных беспилотников стратегического класса и самолетов АВАКС. Система управления войсками противника была связана на систему спутникового Интернета Starlink от компании Илона Маска. Как результат, российская артиллерия для поддержки наступления ВС РФ выбрасывала в разы больше снарядов, чем украинская, но точность попаданий и эффективность контрабатарейной борьбы была, увы, заметно ниже.

Ситуация начала еще более усугубляться, когда ВСУ стали получать артиллерию натовского образца, более мощную и дальнобойную, чем отечественная, большая часть которой была разработана еще при Брежневе. Уже к лету 2023 года на фронте начался снарядный голод, поскольку даже казавшиеся неисчерпаемыми советские арсеналы показали дно. Решить эту

проблему удалось позже за счет увеличения объемов производства снарядов калибра 152 мм и дружеской помощи из КНДР.

Еще одним неприятным сюрпризом стало то, что российская боевая авиация не смогла завоевать господство в небе над Украиной. В отличие от Сирии, где ВКС РФ чувствовали себя вольготно из-за отсутствия у боевиков нормальных средств ПВО, ВСУ изначально имели на вооружении ЗРК советского производства. По мере включения блока НАТО в войну на стороне Киева ВСУ стали получать более совершенные и современные комплексы ПВО западного производства, а их применение в режиме «из засады» координировалось иностранными разведывательными системами.

Как результат, на первом этапе СВО российская авиация безопасно могла использоватьсь только для запуска крылатых ракет воздушного базирования из тыла. Либо же приходилось бомбить «чугунием» с малых высот прямо на головы вэсэушникам, что вело к соответствующим потерям в авиатехнике. Меняться в лучшую сторону ситуация начала после того, как имеющиеся на складах запасы советских свободнопадающих авиабомб научились оснащать модулями коррекции планирования, которые позволили применять их вне зоны поражения ЗРК среднего радиуса. Именно УПАБы стали той «кувалдой», что в значительной степени обеспечивает успех наступления ВС РФ после бесславного завершения украинского контрнаступа 2023 года. Но и тут не обошлось без неприятностей.

Тем не менее, по состоянию на осень 2024 года постоянное давление со стороны России привело к тому, что украинская армия была ослаблена больше, чем когда-либо за всю войну. Европа является важнейшим союзником вооруженных сил Украины. Прекращение поддержки Украины будет означать победу России, что поставит Европу и западный альянс в долгосрочное стратегическое невыгодное положение. Это будет означать возрождение России на восточном фланге НАТО, готовой к нападению через пять-восемь лет, по словам министра обороны Германии Бориса Писториуса.

Даже если на Украине будут достигнуты цели переговоров и прекратится огонь, российская промышленность продолжит работать с повышенной производительностью военного времени, а наращивание военной мощи ускорится еще больше без потерь военного времени (Уотлинг и Сомервилл, 2024). Таким образом, перевооружение Европы имеет ключевое значение для безопасности Европы. Вопрос в том, достаточны ли текущие усилия. В этом отношении прогресс можно оценивать по двум критериям.

Первый — это наиболее острые угроза и сравнение европейского оборонного производства с российским.

Второй критерий — военный потенциал Европы два или даже три десятилетия назад, в период, гораздо более близкий к противостоянию между НАТО и Варшавским договором. Европейские вооруженные силы того времени являются разумным ориентиром: хотя Россия меньше Советского Союза, она унаследовала большую часть советского военно-промышленного потенциала и теперь может рассчитывать на явную поддержку Северной Кореи и Ирана.

Такой главной особенностью войны является основная задача стратегического целеполагания, которая всегда является сутью войны. Война России против Украины — это прежде всего *война на истощение*, если говорить о приоритетной цели США и их союзников в отношении России на Украине. Истощение основных ресурсов страны, прежде всего экономическое, промышленное и демографическое, которые обеспечивают свою производную — военную мощь государства. Такое истощение, по замыслу США, неизбежно заставит правящую элиту России отказаться от самостоятельного политического курса и в конечном счете приведет к капитуляции и потере национальной идентификации, превратит Россию в послушный объект западной политики и огромный используемый ресурс природных ископаемых⁵⁵⁶.

⁵⁵⁶ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политиче-

Для ведения такой изматывающей войны необходимы постоянные поставки новых войск и военной техники, а также ограничительные меры в мировой торговле и прочие санкции, которые отражаются также прежде всего на тех странах, которые в наибольшей степени участвуют в мировой глобализации. Для победы также нужны политическая воля, а главное, — собственные национальные ресурсы: стабильно развивающаяся экономика, производственные мощности и средства для оплаты всего этого, которые в итоге определят победителя⁵⁵⁷. По оценкам председателя Правительства России Мишустина, Россия с 2022 по 2025 год удвоила ВВП в номинальном выражении, достигнув уровня в 200 трлн рублей⁵⁵⁸.

Пока что Россия очевидно побеждает в такой войне. По оценкам МВФ Россия выходит по результатам развития в 2024 году на 4-е место в мире по паритету покупательной способности (ППС). ВВП России составляет в 2024 году 3,55% от мирового, что позволяет ей выйти на четвертое место в мире по данному показателю⁵⁵⁹. Это следует из доклада Международного валютного фонда (МВФ) по динамике ВВП, опубликованного в октябре 2024 года. Фонд пересчитал доли в мировой экономике по итогам нового раунда Программы международных сопоставлений (ICP), экстраполированных на 2024 год. В

ской обстановки // Трансформация войны и перспективные направления развития содержания военных конфликтов : сборник материалов круглого стола / ВАГШ, кафедра военной стратегии. М., 2023. С. 86–101. 239 с.

⁵⁵⁷ Гунтрам Б., Вольф А., Бушнелл И. Готовность к войне за десятилетие: вялое перевооружение Германии против растущего российского оборонного производства. 16 октября 2024 г. URL: <https://www.bruegel.org/analysis/fit-war-decades-sluggish-german-rearmament-versus-surging-russian-defence-production>

⁵⁵⁸ Россия впервые достигла уровня ВВП в 200 трлн рублей // РБК. 27 марта 2025 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2025/67e3e99d9a7947e5e2ac2eda>

⁵⁵⁹ Сохранение заметного отставания России по номинальному показателю ВВП от развитых стран остается, но даже в условиях СВО — сокращается.

итоге доля России в мировом ВВП увеличилась с 2,9% до 3,55%. В результате такого изменения Россия вышла на четвертое место по ПСС, обогнав Японию на 0,17%. Прогноз экономического роста России в 2025 году был также увеличен на 0,2%⁵⁶⁰.

Иными словами, с 2022 по 2025 год, даже независимо от состояния на театре военных действий в Европе, Россия побеждает в такой войне на изматывание. Ее ресурсов оказалось достаточно, чтобы противостоять всем ресурсам объединенной западной военно-политической коалиции, которые как минимум в 4-5 раз превосходили ресурсы собственно Украины. Наступает пора, когда уже «видно дно» используемых военно-технических ресурсов (боеприпасов и ВВСТ) Запада: складские запасы исчерпаны, а поставки ВСУ идут уже за счет тех компонентов, которые находятся непосредственно в войсках, что очевидно беспокоит самих военных. Собственное военное производство, несмотря на огромную мощь экономики Запада, развертывается недостаточно быстро, что хорошо видно на поставках крупнокалиберных снарядов, удовлетворяющих потребности ВСУ менее чем на 50%.

Эти обстоятельства заставляют пересматривать некоторые положения военной политики и военной стратегии западной военно-политической коалиции уже в самом начале 2024 года, в частности, переход от наступательных действий к активной обороне ВСУ, требующей в 3-5 раз меньше ВВСТ и боеприпасов, то есть «уравнивая» потребности и возможности ВСУ. Одновременно акцент делается на другие формы военных действий, например, имитацию наступлений и террористические атаки на российские регионы и гражданские объекты⁵⁶¹.

⁵⁶⁰ МВФ признал Россию четвертой экономикой в мире по ППС // ИА «Регнум». 23 октября 2024 г. URL: https://regnum.ru/news/3924668?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=URL: https://dzen.ru/news/story/24a1015d-84cb-5807-ad77-879e44da5ac9

⁵⁶¹ Достаточно подробно этот аспект был рассмотрен в 2024 году в работе: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке после начала специальной военной операции на Украине. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

Все эти обстоятельства требуют, чтобы проводился регулярный мониторинг соотношения «потребностей и возможностей» воюющих сторон в современной войне «на изматывание», более того, — прогноз изменения такого соотношения не только на краткосрочную перспективу, но и на 7-10 лет. Вероятность того, что *политика военно-силовой эскалации США в отношении России имеет долгосрочную перспективу практически 100%*, а поэтому надо плотно заниматься стратегическим планированием в целом ряде областей, причем не только в области производства ВВСТ (что неизбежно) и в целом обрабатывающей промышленности и ОПК, но и военной стратегии. Более того, необходимо всегда иметь в фокусе перспективы научно-технологического и социально-экономического развития⁵⁶².

К сожалению, традиционно в СССР и России надеются на оптимистические результаты и некие «трезвые силы» в США и даже странах Западной Европы, которые в лучшем случае будут использовать переговоры ради достижения тактических преимуществ в стратегии «оптимизации» военно-силового противоборства с Россией.

Принципиально важно не сделать ошибок в стратегическом планировании и прогнозе развития МО-ВПО, которые нередко бывали в прошлом. С этой точки зрения, важно отметить именно то, что в июле 2021 года (то есть за полгода до начала СВО) президентом России был подписан указ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁵⁶³, в котором впервые сочетались два важнейших приоритета — социально-экономического развития и обеспечения безопасности — в рамках единой национальной стратегии, что говорит о том, что качество стратегического планирования в России впервые за несколько десятилетий вышло на необходимый и соответ-

⁵⁶² Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

⁵⁶³ Путин В.В. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 400 от 2 июля 2021 г. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/212/57/79/0001202107030001.pdf>

ствующий потребностям уровень. В этом смысле стратегия Российской Федерации на СВО в 2022–2024 годах в полной мере соответствовала СНБ РФ, утвержденной в июле 2021 года, то есть, может быть, наконец, стала соответствовать стратегическим потребностям государства и нации⁵⁶⁴. Это подтверждают и данные статистики о росте важнейших экономических показателей за 2023–2024 годы.

Иначе говоря, можно уверенно утверждать, что в условиях, когда политика Запада ориентирована на «нанесение стратегического поражения России» и «создания критических угроз России»⁵⁶⁵, — подчеркну, не только военных, но и иных угроз, — Российская Федерация в ходе СВО развивалась по вполне определенному общему плану и в соответствии с поставленными стратегическим долгосрочным планированием задачами. Этим, в частности, можно объяснить для многих сомневающихся в отношении политики России на СВО в 2022–2024 годах как очевидную осторожность в политических шагах, так и еще большую, очевидную ограниченность в выбранных средствах и методах ведения боевых действий.

⁵⁶⁴ Естественно, не все в СНБ и в политике в дальнейшем было учтено и идеально исполнено. Особенно если говорить о механизмах реализации Стратегии, но тем не менее общий результат на конец 2024 года вполне соответствовал задуманному в СНБ.

⁵⁶⁵ Эта оценка стратегии Запада была подтверждена В.В. Путиным на форуме БРИКС 23 октября 2024 г. URL: https://rg.ru/2024/10/24/putin-zaiavil-chto-ukrainu-ispolzuiut-dlia-sozdaniia-kriticheskikh-ugroz-dlia-rf.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=URL:https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F18b45cf8-71a

3.7. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВОЙНЫ: ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ПОТЕРИ СТОРОН в ходе СВО в 2022–2024 гг. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ

Война 2022–2025 годов между Россией и Украиной (и ее союзниками) продемонстрировала, что даже в условиях современной войны огромное значение имеют как запасы ВВСТ и боеприпасов, так и численность боеготовых войск. Начало переговоров в 2025 году стало результатом, в том числе и истощенности военных запасов и боеготового резерва. Так, только в относительно небольшой «курской операции», продолжавшейся 9 месяцев, ВСУ потеряли более 4000 танков и десятки тысяч единиц бронетехники, то есть несколько механизированных и бронетанковых дивизий, а потери личного состава ВСУ превысили 70 тысяч человек.

Политическое и международное значение этих напряженных боев огромно и еще будет не раз переоцениваться. Ясно в 2025 году, однако, стало одно: огромные потери ВС РФ и ВСУ за 2022–2024 годы свидетельствуют о том, что их экономики — не только России и США-ЕС, но целого ряда других стран, фактически участвовавших в конфликте, к концу 2024 года оказались на грани способности обеспечения продолжения военных действий, которые, однако, продолжались еще в 2025 году, причем по нарастающей.

История СВО 2022–2024 годов также не была однозначной. Причина того, что армия России не смогла выполнить задачи в начале СВО заключалась в очень малой численности ее войск (по разным оценкам — от 150 до 170 тысяч, но резко выделяются оценки непосредственно участвовавших в боях). В Харькове, например, находилось от 20 до 30 тысяч бандеровцев с тяжелой техникой, и наши зашли туда двумя ротами и конечно были окружены и разгромлены. Если бы это было 600–700 тысяч (то есть в 4 раза больше), то, в принципе, уже к лету 2022 года

с ВСУ было бы покончено. Но это не означало бы установление контроля над всей территорией Украины, где существовали мощные территориальные формирования.

Но это не главная причина. Главная причина заключалась в организации военного управления со стороны Запада и слабости управления ВС РФ. Причем в ряде эпизодов подготовка ВС РФ и управление были существенно выше, чем у ВСУ. Например, битва за Мариуполь, где 10 тысяч русских солдат блокировали по факту 20 тысяч националистов и морпехов, которые были заранее размещены в этом городе.

В общем, если смотреть с военной точки зрения, то армия России на первом этапе СВО, по сути, сделала все, что могла. Более того, с учетом того, что ВСУ оказались хорошо подготовленными и в массе мотивированными, а также были обеспечены оружием от НАТО, освобождение нашими Лисичанска и Северодонецка было подвигом. Дело в том, что к концу мая 2022 года ВСУ насчитывали более 600 тысяч и это был пик численности по оценкам иностранных советников. Начиная с августа 2022 года больше 400 тысяч армия ВСУ не поднималась. Опять же со слов американского и немецкого генералов, что полностью соответствует моим расчетам по финансированию ВСУ.

Иллюстрацией этого стали оценки добросовестного исследователя проблемы Левичева Дмитрия Юрьевича, которые в целом соответствуют как оценкам Министерства обороны Российской Федерации, так и зарубежных источников.

Обобщенные данные⁵⁶⁶

Количественные и процентные потери Украины в военной технике и живой силе.

За 24 месяца боев (2022–2023 гг.) имеем следующие проценты и количества уничтоженной украинской военной техники от изначальных количеств по типам и видам техники:

⁵⁶⁶ Левичев Д.Ю. Потери ВСУ за 25 месяцев СВО. 27 декабря 2023 г. // Проза.Ру. URL: <https://proza.ru/2023/12/27/1052>

- беспилотники — **2 688%** (13223 шт. при 492 шт. изначальных);
- боевые и в.-трансп. самолеты — **376%** (572 шт. при 152 шт. изначальных);
- боевые самолеты — **443%** (554 шт. при 125 шт. изначальных);
- артиллерия вся без учета восстановления части первоначально уничтоженных (пораженных) с расчетным распределением уничтоженной артиллерии неустановленных моделей:
- артиллерия вся от 122мм и более — **590%** (7032 шт. при 1192 шт. изначальных);
- артиллерия советского и российского производства с расчетным распределением уничтоженной артиллерии неустановленных моделей:
- артиллерия советского и российского производства от 122мм и более — **471%** (5618 шт. при 1192 шт. изначальных), из них:
- артиллерия западного производства калибров 155мм и 152мм с расчетным распределением уничтоженной артиллерии неустановленных моделей (M777 учитываются с 3-го месяца СВО, остальные — с 11-го месяца СВО): сумма всех указанных в этой таблице — **1115 шт.**;
- танки и БМП — **321%** (7 751 шт. при 2416 шт. изначальных):
 - только танки — **388%** (4 113 шт. при 1060 шт. изначальных);
 - БМП — **268%** (3 638 шт. при 1356 шт. изначальных);
 - иные ББМ (БТР, БА MRAP, БА) — **277%** (9 978 шт. при 3600 шт. изначальных).

Потери **бронетанковой техники ВСУ** за первые 25 месяцев СВО⁵⁶⁷ (на конец 2023 года) — количество реально окончательно уничтоженных танков, БМП, танков и БМП советского и рос-

⁵⁶⁷ Левичев Д.Ю. Потери ВСУ за 25 месяцев СВО. 27 декабря 2023 г. // Проза.Ру. URL: <https://proza.ru/2023/12/27/1052>

сийского производства за 25 месяцев СВО, с учетом восстановления «уничтоженных» (пораженных), при норме восстановления 30% (от «уничтоженных» /пораженных/):

- по танкам — $4174^*0,7 = 2922$ шт.;
- по БМП — $3636^*0,7 = 2545$ шт.;
- по танкам и БМП — $7810^*0,7 = 5467$ шт.

Другая категория — количество **поставленных США и Западом** танков, БМП, танков и БМП советского и российского производства за 25 месяцев СВО, при норме восстановления 30% (от «уничтоженных» /пораженных/) в месяц, и при восстановлении с хранения 15 танков в месяц:

- по танкам — $2922-25^{*15-10}0$ (изначальных) = 1487 шт.;
- по БМП: $2545-1356$ = 1189 шт.;

Системы ПВО большой дальности: реальные потери ВСУ за 25 месяцев СВО.

По данным МО РФ, ЗРК большой дальности (С-300, Бук-М1) в общем суммарном изначальном количестве 180 шт. уничтожены еще на 22.04.2022, без учета вновь поступающей импортной техники.

Темп уничтожения ЗРК большой дальности (С-300, Бук-М1) по данным МО РФ (нераспределенный расчет к 180 шт.):

- темп 1-го месяца СВО: 133 шт. за мес.; 73,9% за мес.; 2,64% в день;
- темп 2-го месяца СВО: 41 шт. за мес.; 22,78% за мес.; 0,95% в день;
- темп 3-го месяца СВО: 26 шт. за мес.; 14,44% за мес.; 0,56% в день;
- темп 4-го месяца СВО: 15 шт. за мес.; 8,33% за мес.; 0,27% в день;
- темп 5-го месяца СВО: 6 шт. за мес.; 3,33% за мес.; 0,11% в день;
- темп 6-го месяца СВО: 7 шт. за мес.; 3,88% за мес.; 0,125% в день.

Далее идет снижение темпов уничтожаемой техники до темпов 13-го месяца СВО:

- 6 шт. за мес.; 3,33% за мес.; 0,11% в день;
- темп 14-го месяца СВО: 1 шт. за мес.; 0,56% за мес.; 0,018% в день;
- наконец, темп 25-го месяца СВО: 7 шт. за мес.; 3,89% за мес.; 0,134% в день.

Очевидно, что на Украину Запад активно все еще поставляет ЗРК средней дальности Бук-М1. Кроме того, происходит активный с участием запада ремонт 252 шт. ПУ ЗРК С-300П, находившихся ранее на хранении без кап. ремонта и числившихся за BBC.

Авиация ВСУ: уничтожено в первые 3 месяца.

На 23.03.2022 уничтожено 112 из 152 — 73,68% по данным МО РФ (112 из 125 боевых — 89,6%).

С 10.03.22 по 23.03.2022 уничтожено по датам и маркам: 10.03.22 уничтожен 1 МИГ-29; 13.03.22 уничтожено 2 СУ-24; 15.03.22 уничтожено 5 СУ-25, 1 СУ-24; 16.03.22 уничтожено 2 СУ-25, 1 МИГ-29; 23.03.22 уничтожен 1 СУ-24.

С 10.03.22 по 23.03.2022 уничтожено по маркам: 7 СУ-25; 4 СУ-24; 2 МИГ-29; всего 13 боевых самолетов известных марок; 2 самолета неизвестных марок.

На 23.03.2022 уничтожено по маркам: 18 СУ-27; 11 СУ-25; 6 СУ-24; 5 МИГ-29; всего 40 боевых самолетов известных марок; 62 боевых самолета неизвестных марок; 2 самолета неизвестных марок; 8 военно-транспортных самолетов.

На 23.04.2022 уничтожено 141 из 152 — 92,76% по данным МО РФ; ***то есть вся имевшаяся боевая авиация ВСУ на февраль 2022 года.*** Последующие поставки самолетов из стран Европы были на 300% обеспечены прежними советскими запасами (не считая Ф-16).

Производство ОПК России: достоверную и полную информацию о количестве выпускаемой и модернизируемой там техники вы не найдете, она секретная. По отдельным оговоркам

в интернете, всего сейчас производится и модернизируется для российской армии около **360 танков в год**, то есть по 1 штучке в день.

При этом около 70% — это модернизация, а не выпуск новой техники. Для сравнения: в 1943 г. выпуск только Т-34 составлял на УВЗ около 7500 танков в год, то есть около 20 танков в день.

Еще в настоящее время «Омсктрансмаш» восстанавливает и модернизирует какое-то количество танков типа Т-80М. Однако тут надо учесть полную загруженность соответствующих цехов «Омсктрансмаш» чистыми ремонтами (в основном с фронта) тех же Т-80. А еще надо учесть, что основным производством и производственным заданием «Омсктрансмаш» сейчас являются боевые машины ТОС-1А «Солнцепек» и транспортно-заряжающие машины к ним. Поэтому производственные возможности «Омсктрансмаш» по восстановлению и модернизации Т-80М вряд ли превышают 120 штук в год, то есть 10 штук в месяц. ***Итого имеем около 480 производимых и модернизируемых для российской армии танков в год.***

Эффективность различных ВВСТ, продемонстрированная в 2022–2024 годы, очень разная. Например, в отношении эффективности систем ПВО ВСУ, поставленных Западом. Осенью 2024 года был распространен документ Кильского института мировой экономики (Kiel Institute for the World Economy) «Готовность к войне через десятилетия: медленное перевооружение Европы и Германии в сравнении с Россией».

На 25-й странице этого документа заявляется: «общая эффективность перехвата украинской противовоздушной обороной ракет **составляет 30%, а дронов — 66%**». Приводятся «примерные показатели перехвата» на основе данных «украинских источников»:

- **50%** старых дозвуковых Калибров (видимо, здесь обединены ракеты 3М-54, Х-55 и Х-101);
- **22%** современных ракет Х-69 (и -59);
- **4%** современных баллистических ракет, например Искандер-М (ОТРК, 9М723; также нужно включить 3М-22

Циркон и **9-С-7760 Кинжал** (это правильное обозначение, а «народное» X-47М2 Кинжал — неправильное);

- **0,6%** ракет С-300/400;
- **0,55%** ракет Х-22 (и Х32).

Таков якобы процент поражения воздушных целей не только этим комплексом, но и **всеми средствами ПВО**, имеющимися у ВСУ. Речь идет о целях всех типов и аэrodинамических (АДЦ), и баллистических (БЦ). С баллистическими же и гиперзвуковыми ракетами из поставленных Запалом Украине ЗРК может как-то бороться только MIM-104 PATRIOT⁵⁶⁸. Некоторые шансы, как отмечается, есть у ЗРК SAMP-T.

При этом советник командования воздушных сил вооруженных сил Украины Юрий Игнат сообщает, что украинские войска **не смогли сбить ни одной из 300 российских ракет Х-22**, выпущенных с начала военной операции. Что касается «Кинжалов» и «Искандеров», то тут различные украинские комментаторы то браво рапортуют о том, что сбивают большую их часть, то признают, что **ни одного не могут сбить**. Авторы вышеуказанного документа сочли правдоподобной цифру в 25%. Однако уточняют, что это возможно только при стрельбе ЗРК PATRIOT очередью (а не залпом, как пишут)⁵⁶⁹.

⁵⁶⁸ В декабре 2023 года Lockheed достигла своей производственной цели в 500 ракет в год и «полностью финансируется армией США для производства 550 ракет в год». США объявили о планах по увеличению производства перехватчиков РАС-3 MSE до 650 в год к 2027 году, хотя она отмечает, что это будет сделано за счет внутренних инвестиций, поскольку не получила финансирования от армии на увеличение производства. 20 июня 2024 года правительство США было намерено объявить о приостановке всего экспорта ракет и систем Patriot «до тех пор, пока у Украины не будет достаточно средств для защиты от воздушных атак России». Это решение касается пяти стран, которые согласились на приостановку. Правительство Румынии объявило, что отправит «полную» батарею Patriot в Украину при условии, что правительство США «поможет закрыть пробел».

⁵⁶⁹ ЗРК PATRIOT: миссия оказалась невыполнимой. Как на самом-то деле? 16 октября 2024 г. URL: <https://dzen.ru/a/Zw7NPol-vz7bSBUT>

3.8. БЛИЖНЕСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ ВЕРОЯТНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И МИРОВЫЕ РЕСУРСЫ

В данном параграфе рассмотрены разные аспекты проблемы, связанные прежде всего с изменением в целеполагании США после прихода к власти республиканцев и последствий для политики безопасности не только НАТО, но и стран Евразии⁵⁷⁰.

Изменение в военной политике США имеет принципиальное значение после победы республиканцев на выборах в ноябре 2024 года — президентских и в сенате — конгрессе США. Это не только тактические изменения, но и неизбежный в будущем курс на корректировку глобальной политики США, в том числе в Евразии и Арктическом регионе, где сосредоточены основные мировые ресурсы. Не случайно в политике США стало проявляться особенное внимание к ресурсам Украины, Гренландии, транспортным коридорам, что отразилось на общем концептуальном подходе США к внешней политике. Очевидно, что Соединенные Штаты пересматривают приоритеты своей внешней политики, среди которых исключительное место занимает территория бывшего СССР — Украина, Россия и в целом Евразия⁵⁷¹.

В основе смены парадигмы внешней политики США лежит идея о том, что *нынешние обязательства страны в области безопасности не соответствуют потенциальным угрозам*: Россия — это не Советский Союз, и три года войны на истощение еще больше ослабили ее; Иран также сильно пострадал в прошлом году, особенно после падения режима Асада в Сирии; что еще более важно, Китай находится в эпицентре

⁵⁷⁰ См., в частности, опубликованный отрывок: Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

⁵⁷¹ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

серьезного экономического кризиса, который ограничивает его способность демонстрировать военную мощь, хотя он по-прежнему бросает вызов превосходству США, особенно на технологическом фронте.

Важнейшее значение поэтому принадлежит контролю над мировыми ресурсами.

Естественно, что такая ситуация вносит существенные корректизы в стратегию США, правящая элита которых не сможет контролировать все мировые процессы. В рамках этого нового подхода Вашингтон ожидает, что его союзники возьмут на себя основную ответственность за управление своими регионами и прилегающими государствами, прежде всего в западной части Евразии и отчасти на Ближнем и Среднем Востоке, то есть состояние ВПО будет контролироваться в большей степени этими государствами, а роль США станет вспомогательной. В том числе этот подход включает и возможные (неизбежные) политические и военные риски, например, в отношении военных действий на Украине, где США уже со временем Дж. Байдена начали постепенно дистанцироваться от опасной эскалации.

Переход к этому новому порядку будет долгим и запутанным и сопряжен с рисками, как это всегда бывает при любом подобном разрушительном сдвиге. Но нынешний момент является благоприятным, поскольку у обоих главных противников Соединенных Штатов — России и Китая, как считают в США, есть свои собственные серьезные внутренние проблемы. Отчасти это видно уже по первым шагам администрации Д. Трампа. Выступая перед журналистами 18 февраля после встречи с российскими официальными лицами в Эр-Рияде, госсекретарь США Марко Рубио изложил план администрации Трампа по восстановлению отношений с «режимом» Путина, состоящий из трех частей⁵⁷². Из него, в частности, видно, как меняется стратегия США.

⁵⁷² Kamran Bokhari. Disruptions are usually led by those who are not invested in the established order. 20.02.2025. The US Strategy and the World Order / ClubGPF live discussion with George Friedman. URL: <https://mail.google.com/mail/u/o/?hl=ru#inbox/ FMfcgz QZTMPKDpQMwJchtzPjmJbkTts>

Первый шаг предполагает работу по восстановлению нормальных дипломатических отношений.

Следующим этапом будут переговоры о том, как положить конец войне на Украине.

Наконец, Вашингтон будет в будущем взаимодействовать с Москвой по вопросу укрепления отношений как на стратегическом, так и на геоэкономическом уровнях, прежде всего в отношении транспортных коридоров и Арктики.

Очевидно, что цели Вашингтона в отношении американо-российского диалога выходят далеко за рамки достижения прекращения огня на Украине. Повестка дня, описанная госсекретарем, указывает ни много ни мало *на революцию в стратегическом восприятии Соединенными Штатами России*. Советский Союз угрожал Западной Европе в течение полувека после Второй мировой войны, и на протяжении большей части трех десятилетий, прошедших после распада Советского Союза, Запад рассматривал государство-преемника, Российскую Федерацию, как ожидающего противника. Даже по мере того, как способность Европы к самообороне росла, старые тревоги оставались.

Как и при любых геополитических изменениях, государствам и их общественности требуется время, чтобы осознать новую реальность и приспособиться к ней. Адаптация не обязательно происходит одновременно, о чем свидетельствует скептицизм американцев и даже их оппозиция дипломатии Белого дома в отношениях с Кремлем. Статус-кво привычен и удобен; перемены вызывают беспокойство и часто пугают.

Таким образом, во главе беспорядков обычно стоят те, кто не заинтересован в установившемся порядке. У разрушителей в администрации Трампа, похоже, нет полного плана действий по внедрению новых методов ведения дел. Но ими движет убеждение, что обычный бизнес не работает — мнение, широко разделяемое американской общественностью.

Отношение к угрозе со стороны России стало меняться в процессе СВО в 2022–2024 годах.

Что касается Евразии, то вопрос следует рассматривать отдельно. В том числе и для оценки угрозы со стороны России Европе. В конечном счете, было фактически признано (отчасти еще при Дж. Байдене), что Россия *действительно может представлять угрозу для Европы, но с ней европейцы могут (и должны) справиться сами*.

Это понимание США настойчиво внедряли в политику стран ЕС в 2024 году, постепенно дистанцируясь от политических, военных и экономических рисков на Украине, всячески подчеркивая, что Великобритания, Франция и Германия уже рассматривают идею создания европейской оборонной архитектуры⁵⁷³.

Вопрос в том, какую в конечном счете роль Соединенные Штаты будут играть в будущей безопасности континента⁵⁷⁴.

Между тем НАТО все еще существует, но ей с трудом удается отойти от своей заявленной первоначальной цели — защищать разоренную войной Западную Европу. НАТО можно было бы перепрофилировать, и европейцы взяли бы на себя главную ответственность за европейскую оборону, но, в отличие от международных политических партнерств, военным альянсам нужны четкие структуры командования и собственные ВС, которых в странах ЕС нет⁵⁷⁵. Основная (почти единственная) реальная военная мощь НАТО — национальные армии, где роль США, безусловно, доминирующая. В особенности в средствах ВКН и ВКО.

⁵⁷³ Подробно это было описано еще в марте 2024 года в работе: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

⁵⁷⁴ Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

⁵⁷⁵ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

Постепенно в ЕС приходят к выводу, что необходимо разработать новые оперативные руководящие принципы и правила ведения боевых действий, а на все это требуется время. В качестве альтернативы Европа могла бы создать новую организацию коллективной безопасности, адаптировав уроки, извлеченные из опыта НАТО. Какую бы форму ни приняло будущее соглашение о безопасности, Соединенные Штаты, скорее всего, будут в нем участвовать.

Не в интересах США, чтобы какая-либо держава доминировала в Западной Евразии, и уж тем более такое государство, как Россия. Можно с уверенностью предположить, что на Западе рассматривают, что любое прекращение войны на Украине будет временным. Но США ни в коем случае не хотят делить со странами ЕС политические и военные риски в отношении России.

Ключевой и во многом искусственный политический вопрос: что произойдет, если Россия «снова выступит в поход»? Теоретически европейцы должны и будут защищаться. На самом деле, если они будут колебаться, Соединенные Штаты вмешаются, как это было в обеих мировых войнах, на последнем этапе, когда противоборствующие стороны истощат друг друга. Это (в самом общем виде) так или иначе, признается в странах ЕС. Администрация Трампа должна хорошо осознавать этот риск. Задача США будет заключаться в содействии созданию нового порядка европейской безопасности, который предотвратит любой подобный шаг России, или по крайней мере сделает его очень дорогостоящим.

В западной части Тихого океана и Юго-восточной Азии ситуация несколько иная по сравнению с Атлантическим бассейном. В Атлантике европейские союзники Вашингтона способны обеспечить коллективную безопасность. Но в Тихоокеанском регионе есть государства, которые сильно зависят от США в обеспечении своей безопасности от набирающего мощь Китая, который сейчас может похвастаться второй по величине экономикой в мире. Хотя Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины

и Австралия являются значимыми игроками, им не хватает той военно-политической и военно-технической основы для совместных действий, которая есть у европейцев.

Соединенные Штаты продолжат усиливать свои позиции и будут играть еще более значимую и определенную роль в Евразии. В конце концов, США — морская держава, и их задача — обеспечить безопасность мирового океана. Очевидно, что они пытаются отказаться от роли главного гаранта безопасности на суше. На пути к этому формирующемуся порядку существует множество препятствий — как внутри Соединенных Штатов, так и за рубежом. Но это исторический момент, промежуток между сложившимся мировым порядком и новым, который будет формироваться еще долго.

В этой связи краткий обзор теории и истории обозначенной проблемы нужен для составления ближнесрочного прогноза развития военной стратегии и военной политики США и их союзников по НАТО, который сегодня находится в центре внимания.

Он во многом имеет сильный инерционный характер: существующие тенденции в строительстве ВВСТ, нормативные положения документов (например, уставов), подготовка специалистов и многое другое *не могут быть радикально исправлены в течение одного-двух лет, даже если администрация и примет такие решения*⁵⁷⁶.

Прежде всего потому, что развитие МО и ВПО инерционно, а военная политика государств — также инерционный процесс даже в условиях искреннего намерения правящей элиты ускорить это движение (напомним, что после поражения при Нарве Петра I ему потребовалось как минимум 5 лет, чтобы добиться самых общих результатов реформирования армии). «Военная реформа» (даже отдельные изменения в военной политике), как правило, является частью и следствием более общих

⁵⁷⁶ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. № 12 (225). С. 98–104.

политических, экономических и технологических изменений в государстве.

Армия — не только часть общества, но и во многом результат происходящих в нем процессов. Поэтому изменения в военном строительстве и военном искусстве в ближнесрочной перспективе будут неизбежными (особенно под влиянием опыта СВО), но не революционным⁵⁷⁷. Эта важнейшая закономерность развития военного искусства и военного строительства, на которое оказывает сильное влияние развитие средств ведения войны, проявляется с разной силой в разные периоды времени⁵⁷⁸.

Еще более инерционны отношения с десятками союзников и партнеров, которые оформлены международно-правовыми документами, многочисленными соглашениями и устными договоренностями, поставками ВВСТ и подготовкой военнослужащих, выполнением военных заказов, обслуживанием техники и пр. Эти отношения нередко становятся серьезным препятствием в развитии любой военно-политической коалиции, а, тем более в такие кризисные периоды, как война на Украине. При всех достижениях США в строительстве военно-политической коалиции в последние два десятилетия, очевидно, что сохраняются не только частные, но и принципиальные разногласия в плане политики отношения к России, в частности, у Венгрии и Словакии. Но не только. По вопросу предоставления ВСУ ВТО большой дальности, например, не случайно отдельную

⁵⁷⁷ Надо признать, что на тактическом уровне эти изменения достаточно радикальны, как и изменения в требованиях к некоторым видам и системам ВВСТ, но в ближнесрочной перспективе они носят, скорее, естественный и последовательный характер.

⁵⁷⁸ В классическом военном учебнике офицеров СССР определено говорится об этой закономерности как о «зависимости способов и форм боевых действий от средств борьбы». См.: История войн и военного искусства / авт. коллектив кафедры истории войн и военного искусства Военной академии им. М.В. Фрунзе под руководством С.С. Лотоцкого ; председатель редакционной комиссии — И.Х Баграмян. М. : Воениздат, 1970. С. 552.

позицию занимает Германия и ряд других стран⁵⁷⁹. Прежде всего потому, что дальность таких ракет — 300 км — вполне реальна для ответного удара по территории Германии (но не Франции и Англии). Даже в США понимают опасность такой эскалации для своих баз в Германии.

Тем не менее уже в ближнесрочной перспективе 1-5 лет можно прогнозировать определенные изменения как в военной политике, так и военной стратегии США и НАТО. Прежде всего в самой главной области военной стратегии — целеполагании, и в целом в политической области. При этом, оценивая политические цели стратегии США и, как следствие, перспективы ее развития, следует исходить из адекватности оценки главного элемента этой стратегии — реалистичности конечной цели стратегии — правящей элитой страны. Такая адекватность, однако, вызывает обоснованное сомнение. Вот как, например, формулирует в своих оценках цели стратегии США на Украине бывший министр обороны США Остин 21 октября 2024 года:

«Украина важна для безопасности США по четырем очевидным причинам:

- война Путина угрожает европейской безопасности;
- война Путина бросает вызов нашим союзникам по НАТО;
- война Путина подрывает наши общие ценности;
- война Путина является лобовой атакой на основанный на правилах международный порядок (курсив мой. — А.П.), который обеспечивает нашу общую безопасность»⁵⁸⁰.

Иными словами, говорить об адекватности политических задач военной стратегии как минимум части правящей элиты США не приходилось при Дж. Байдене. А при Д. Трампе?

⁵⁷⁹ См. подробнее: Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке после начала специальной военной операции на Украине. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

⁵⁸⁰ Ферран Ли. На Украине Остин критикует «апологетов» Путина // Срочные военные новости. 21 октября 2024 г. URL: <https://breakingdefense.com/2024/10/in-ukraine-austin-takes-aim-at-putin-apologists-decries-both-sides-narrative-on-blame-for-war/?ut>

Это очень важное обстоятельство, потому что именно адекватность характеризует точность и достижимость политических целей с помощью военной силы в современную эпоху, когда у России сохраняется мощный арсенал СВКН и СВКО, включая ядерные средства. Иначе говоря, до какой границы в применении военной силы против России готовы пойти США и их союзники. Этот вопрос стал ключевым в подготовке решения Западом о применении ВТО большой дальности. Ответная реакция России, заявленная В.В. Путиным, была очевидной — ответ будет не только по тем, кто использует ВТО непосредственно, но и по тем, кто ими управляет, — вариантов такого ответа может быть множество. От применения ВТО большой дальности Россией по целям в Европе, до нанесения ударов по базам США и их союзникам в мире, наконец, до прямого удара СНВ по политическим и военным центрам на территории стран НАТО, включая США. То, что такого ответа не было, отнюдь не означает, что это было пустой угрозой. Именно эскалация крайне негативно отразилась на политике США в отношении помощи ВСУ.

Из этой самой общей и нарочито расплывчатой политической формулировки целей стратегии Запада ясно, что все целеполагание США основано на предположении о том, что Россия допускает «лобовую атаку на основанный на правилах международный порядок», то есть на те абстрактные и определенно выгодные США реалии, которые сконструировала внешняя политика США в последние десятилетия, которые имеют мало общего как с международным правом, так и новыми мировыми реальностями. Иными словами, ясно сформулированной и понятной всем конкретной цели войны с Россией (кроме неприятия политики России вообще) нет.

Стратегическая цель уничтожения суверенитета России и раздела ее территории делится фактически на серию последовательных «тактических» задач:

- смены правящей элиты,
- ограничения суверенитета,

- размывания идентичности,
- раздела государства и контроля над ресурсами (которые, на самом деле, делятся на еще большее число более частных задач).

Причем каждому этапу этой серии задач соответствуют *свои ВВСТ и формы использования военной силы*. В реальности в ходе войны на Украине мы определенно видели, как повышалась степень военной эскалации, когда от использования стрелкового вооружения произошел переход к ствольной артиллерии, применению РСЗО, фронтовой авиации, кассетных боеприпасов и ВТО большой дальности. По сути дела, использование ВВСТ достигло высшей точки, когда осталась одна «красная линия» — нанесение ударов по центрам в глубине России ВТО большой дальности, что означает *фактически применение неядерного стратегического оружия против России*, которая не была нарушена.

Вместе с тем можно найти и более конкретные и ясные формулировки, если уйти от «общетеоретических» и псевдо-политических заявлений (которые в принципе не свойственны для министра обороны любой страны) на уровень военно-политический и даже более конкретный, — военно-технический и стратегический, где пропагандистские выпады совсем уж неуместны. Так, еще в конце второго десятилетия нового века в США ставились следующие военно-политические задачи, «реалистичность» которых в настоящее время очевидна. Причем вполне конкретные и точно обозначенные по срокам. В частности: *к 2025 году США и западная коалиция должны были бы взять под полный контроль развитие МО в мире*, что неизбежно предполагает решение следующих наиболее важных и критически рискованных собственно военных задач⁵⁸¹.

1. *Пересмотр отношений в рамках западной военно-политической коалиции в пользу США на двусторонней основе с целью*

⁵⁸¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

повышения возможностей (политических, военных, экономических, информационных и пр.) использовать в своих интересах не только союзников по НАТО, но и союзников, и партнеров по всей широкой коалиции. Требования повысить военные расходы, консолидирование политики, участия в совместных операциях и т.д. будут до 2021–2030 годов возрастать до степени, когда США смогут быть уверены в лояльности своих союзников, численность которых в Европе и в мире должна существенно вырасти. Фактически система союзов и партнерств должна быть трансформирована на основе двусторонних договоренностей из коалиционной, даже союзной, в верхушечно-подчиненную США, которым уже не будет необходимости согласовывать свои действия.

В эти же годы США смогут использовать, либо даже дезинтегрировать те союзы, организации и договоренности, которые могут препятствовать этой цели (ТПП, ТАП или ЮНЕСКО, ООН и пр.).

Надо признать, что к 2025 году эта задача фактически была решена, хотя некоторые детали остались незавершенными, но могут быть завершены в краткосрочной перспективе.

2. До 2021 года США и их союзники планировали взять под частный контроль оставшиеся вне их контроля страны и регионы (Иран, КНДР, РФ и др.), либо максимально дестабилизировать в них внутриполитическую ситуацию, внести хаос и лишить их способности к самостоятельной внешней политике. Это должно было означать, что государства не смогут в будущем оказать организованного сопротивления.

Эту задачу ни к 2021, ни к 2025 году решить не удалось, хотя политика США в этом направлении постоянно усиливалась, а эскалация нарастала. Но она сохраняется.

3. По отношению к локальным человеческим цивилизациям и новым центрам силы планировалось продемонстрировать максимальную способность и готовность применения силовых (прежде всего невоенных — информационных и иных) средств и мер с целью принудить их следовать курсу западной коалиции.

Эта политика «силового принуждения» будет максимально близка к политике силового шантажа.

И такая стратегия проводилась, хотя ее эффективность для разных стран оказалась разной. В целом США удалось создать силовой фон давления на все государства, но степень их сопротивления оказалась эффективной по-разному.

4. Наконец, по отношению к России как наиболее актуальному противнику планировалось полностью завершить подготовку перехода от силовой политики к военной: создана соответствующая военно-техническая база, подготовлены «облачные противники» и союзники, дестабилизирована внутриполитическая ситуация (в том числе с помощью санкций) и т.д.

Надо признать, что эти планы были реализованы, но противодействие России во многомнейшему нейтрализовало их эффективность. Более того, вынужденный поворот в сторону автаркии привел Россию к ускоренному развитию в 2022–2024 годах.

Главное для анализа этих вариантов — попытка определения объективными средствами степени их вероятности. Следует понимать, что такой сценарий развития ВПО и отношений с Россией до 2021 года и после этого периода предполагал возможность реализации в нескольких, наиболее вероятных, вариантах. С точки зрения использования военных инструментов насилия среди всего набора силовых инструментов американской внешней политики, это означает, что вероятность реализации того или иного варианта этого сценария зависела от многих факторов и тенденций, в том числе и выходящих за пределы собственного стратегического планирования США, однако роль собственно правящей элиты США в принятии решения об использовании военной силы нельзя недооценивать.

С этой точки зрения можно предположить с высокой степенью вероятности, что наименее вероятный вариант («Оптимистический») не будет реализован в ближайшем будущем, как он не был реализован после 2021 года, как и прогнозировалось мною не раз с 2014 по 2021 год. Этот «Оптимистический» вариант сценария — самый «мягкий» вариант военно-политических

отношений, который предполагал, что после 2021 года силовое противоборство не будет формально и фактически переходить границ и превращаться в прямое и открытое вооруженное противостояние. Иными словами, этот вариант допускал не просто продолжение силового противоборства на уровне 2014–2021 годов, но его усиление, эскалацию на силовом, но *невоенном уровне* параллельно с сохранением определенного уровня отношений между США и Россией⁵⁸².

Этот вариант допускал, что США, как и прежде, могут использовать военные и вооруженные инструменты политики в отношении России в ограниченных масштабах и неформально, непублично, сохраняя политические и дипломатические отношения на официальном и низком уровне.

В итоге этот вариант стратегии США и НАТО постепенно перешел к 2022 году к военно-силовому варианту. Решение в феврале 2022 года о начале СВО фактически было со стороны России запоздальным. Политика была ориентирована на минские переговоры и не хотела видеть перехода Запада от силового антироссийского сценария к военно-силовому⁵⁸³.

По сути дела, начавшийся «переходный период» в трансформации МО-ВПО не может избежать военно-силового противоборства и соответствующего варианта развития военной политики США и их союзников. В «переходный период» наиболее вероятен только «реалистический» вариант сценария, когда военно-силовое противоборство с Россией получит дальнейшее развитие даже по сравнению с 2024 годом, и не только в области санкционной политики, но и прямого вооруженного противостояния, в том числе в отдельных регионах, а именно:

- в Закавказье и на Кавказе;
- Молдавии и Приднестровье;
- Белоруссии (в частности, на выборах президента в 2025 г.).

⁵⁸² См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=ekslyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

⁵⁸³ В итоге В.В. Путин это был вынужден признать в 2024 году.

Эта политика:

- во-первых, будет сопровождаться активными действиями экстремистских, террористических и иных организаций при поддержке западных ССО на различных ТВД: прежде всего юго-западном (украинском), кавказском, среднеазиатском;
- во-вторых, силовое противоборство перерастет в противоборство на новых ТВД (в киберпространстве, космосе, социальных сетях и пр.);
- наконец, в-третьих, этот «реалистический» вариант может перейти в открыто «пессимистический», когда силовое противоборство превратится в масштабное военное противоборство на разных ТВД и на разных уровнях военного конфликта, либо войны, хотя военно-политические риски его реализации и крайне опасные неизбежные последствия будут заставлять относиться к нему с осторожностью.

Уже говорилось, что во многом решающее значение при выборе того или иного варианта из этого сценария будет иметь политика правящей элиты США, которая в 2016–2024 годах продемонстрировала свою крайнюю агрессивность. Приход к власти республиканцев внес, естественно, существенные корректировки в этот вариант сценария, но только с точки зрения нежелания США делить со странами ЕС политические и военные риски, которые неизбежно нарастают в связи с реализацией этого варианта. Переговоры с Россией — первая попытка США дистанцироваться от эскалации, предоставив союзникам в Европе самим беспокоиться о ее последствиях.

Но не только от нее будет зависеть реализация того или иного варианта. Реализация того или иного варианта этого сценария, на мой взгляд, будет зависеть от самых различных внешних факторов, причем не только политических или военных, но и социальных, технологических, информационно-когнитивных и пр., формирующих современную ВПО в Евразии.

В этом смысле полезно еще раз вернуться к *структуре современной МО и ВПО*, проанализировав все основные факторы и тенденции, влияющие на их формирование. В особенности те из них, которые прямо не зависят от правящих кругов США.

Применительно к возможным решениям правящей элиты США, необходимо помнить, что, учитывая высокую степень риска при использовании прямого вооруженного насилия, военные средства и способы (в особенности массового поражения) будут использованы при следующих условиях:

- при высокой степени гарантии сохранения контроля над эскалацией силового противоборства, когда ситуация не должна выходить из-под политического контроля правящей элиты, то есть всегда должен присутствовать момент и возможность «сделать шаг назад» в эскалации; иными словами, в правящей элите США всегда будет присутствовать опасение «автоматической» эскалации военного конфликта и его самостоятельного повышения на новые уровни (это объясняет, например, крайнюю озабоченность сохранением собственных систем боевого управления, связи и разведки и стремлением в первую очередь уничтожить аналогичные системы вероятного противника, нанести «обезглавливающий» удар);
- когда приоритет сознательно отдается силовым, но *невоенным инструментам политики* (даже при условности их деления, например, в области киберопераций), когда результат может быть достигнут без массового применения ВС;
- когда используются в качестве «облачных противников» неформальные акторы, либо союзники по коалиции, а не собственные ВС.

Уже к концу второго десятилетия у ведущих стран мира появились огромные количества качественно новых вооружений (только в США более 3500 крылатых ракет морского базирования, сотни новых аэробаллистических ракет, ударных беспилотников, которые по своей эффективности превосходят фронтовую

авиацию и т.д.). Массовые достижения в области робототехники привели к появлению автономных беспилотных летательных аппаратов, которые начинают вытеснять пилотируемую авиацию, а в танкостроении — все виды бронетехники.

Причем не только в США, Великобритании и Франции, но и у Ирана, ОАЭ, КСУ, Египта, но, главное, — Китая, Индии и России.

Параллельно совершенствовался процесс эффективности производства ВВСТ и их применения. Например, в 2024 году ведущей стала тема взаимозаменяемости и универсальности. На совещании высокопоставленных военных руководителей США летом 2024 года отмечалось, например: «Чтобы достичь нашей общей цели — позволить нашим бойцам опережать быстро меняющуюся среду угроз, наши государственные заказчики разумно перенимают новые подходы к закупкам, которые поощряют сотрудничество в отрасли. Такие инициативы, как Weapon Open System Architecture (WOSA), используемые BBC США, а теперь и BMC, поощряют модульность и совместимость между поставщиками компонентов. Например, включение этих стандартов WOSA в Weapons Government Reference Architecture на базе BBC Эглин будет поддерживать крупносерийное производство и быструю итерацию технологий по мере развития будущих угроз».

Правительство может предпринять дополнительные шаги для поощрения открытых стандартов и модульности plug-and-play, особенно на уровне субкомпонентов. Например, они могли бы рассмотреть возможность предоставления информации о заявках напрямую основным поставщикам подсистем через контрактные механизмы, такие как Wide Agile Acquisition Contract компании Eglin. Это гарантировало бы, что основные участники в экосистеме вооружений будут иметь одинаковую информацию — независимо от отношений основного подрядчика и субподрядчика. Это также открывает правительству возможность напрямую работать с основными поставщиками подсистем»⁵⁸⁴.

⁵⁸⁴ Укрепление сотрудничества правительства и промышленности будет держать наших противников в неведении // Срочные военные

Очевидно, что с 2024 года началось массовое военное строительство практически во всех странах мира, но особенно странах ЕС, которые пересмотрели свои планы предыдущих лет. Началась качественная гонка вооружений во всех областях военной деятельности. В этом смысле период 2010–2025 годов должен был стать для России не просто очередным периодом реализации государственной программы вооружений (ГОЗ), но и периодом, когда в массовом порядке на вооружение будут поступать качественно новые виды и системы оружия и военной техники, которые, как заявлялось ранее, «в 2020 году уже превысили в некоторых видах и родах войск 60%, а в военном искусстве происходят принципиальные переосмысления основных положений»⁵⁸⁵. Чего — надо признать — в итоге не произошло. К сожалению, как показал опыт СВО, этого не было. *Россия в 2022–2024 годах на 90% использовала прежние системы и виды оружия*, как правило, советских поколений, которые нередко модернизировались, но так и не достигли качественно новых показателей.

Россия вынуждена участвовать в этом ускоренном наращивании военных потенциалов. Очень показателен тот факт, что противоборство в военно-технической области, фактически уничтоженное либералами в России к началу нового века, возродилось только через 15–20 лет⁵⁸⁶.

новости. 20 октября 2024 г. URL: <https://breakingdefense.com/2024/10/strengthened-government-industry-collaboration-will-keep-capable-adversaries-off-balance/>

⁵⁸⁵ Подберезкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации : сборник материалов круглого стола (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского ; ВАГШ ВС РФ. М. : Издательский дом «УМЦ», 2022. С. 365–376. 544 с.

⁵⁸⁶ 11 марта 2019 году С. Шойгу, например, заявил, что «Количество высокоточных крылатых ракет в российской армии за шесть лет было увеличено более чем в 30 раз: принятые меры позволили к 2019 году увеличить количество носителей высокоточного оружия большой дальности

Иными словами, за 6 лет Россия была вынуждена создать фактически второй, более совершенный, но не достаточный для масштабной войны, потенциал, что, естественно, потребовало не менее глубоких изменений в политике и военном искусстве. Чего также не произошло к 2022 году. Не случайно ежегодные конференции, проводимые Генеральным штабом и Академией военных наук в те годы показали, что военная мысль в России пытается осознать эти новые реалии и сделать соответствующие выводы. Но движения не было в тех объемах, которые требовались.

Ситуация обостряется тем, что неизбежное стремительное осложнение ВПО в «переходный период» 2022–2027 годов превратило этот период в серьезное испытание для экономики и военной промышленности России, когда осознания реальности и даже вероятности войны, своего рода «точки бифуркации», неизбежно ведет к признанию, что такое противоборство очень вероятно может завершиться прямым и масштабным военным столкновением, когда стороны будут преследовать самые решительные и бескомпромиссные цели. Это — наиболее вероятный вариант развития военно-силового сценария, который (уже в значительно менее вероятной степени) может иметь и более мягкий вариант развития, когда России удастся сохранить интенсивность противоборства на нынешнем, военно-силовом уровне, не переходя границы, ведущей к прямому военному столкновению.

Иными словами, реальная опасность возникновения военного противоборства становится очевидной, более того, — почти неизбежной. Для того чтобы добиться политических целей без

наземного, морского и воздушного базирования более чем в 12 раз, а высокоточных крылатых ракет — более чем в 30 раз». Шойгу отметил также, что еще в 2012 году в Вооруженных силах практически не было высокоточного оружия большой дальности, в частности, было только 30 исправных самолетов-носителей и 37 авиационных крылатых ракет. «Точка отсчета» была низкой, а ее преодоление произошло не так динамично, как требовалось к 2022 году.

прямого применения оружия, необходимы новые силовые средства борьбы и новые — невоенные — способы, где риск военных средств и способов был бы по возможности сокращен. Прежде всего это силовые, информационно-когнитивные средства и способы борьбы.

Таким образом, важно в этой связи отдавать отчет, что итог этого военно-силового столкновения еще до 2030 года во многом будет *предопределяться соотношением уровней развития информационных, социально-когнитивных и иных технологий*, который уже не может быть компенсирован простыми военно-техническими модернизациями систем ВВСТ, насчитывающих (как основные российские системы) 50 и даже 70 лет. Качественно новые системы ВВСТ в информационно-когнитивной области (такие как кибер-командование, искусственный интеллект, социальные сети и самые различные средства РЭБ) уже до завершения «переходного периода» фактически определят будущего победителя.

В этой связи необходимо напомнить, что *до 2010 года США и вся западная коалиция практически не ограничивали свои силовые действия невоенными средствами и способами* (Югославия, Афганистан, Ирак, Сирия и т.д.). Начиная со второго десятилетия ХХI века (после осетино-грузинского конфликта 08.08.08) Запад стал значительно осторожнее, сознавая, что в вооруженном конфликте у него уже нет полной свободы рук. Риски вооруженного противоборства стали слишком велики, а «похороны» военной мощи России преждевременны. Война в августе 2008 года показала, что даже старые советские ВВСТ и «послереформенная» армия России достаточно боеспособны, чтобы оказать сопротивление в случае возможной внешней агрессии.

Интервенция в Афганистан, по сути, была не военной операцией, а операцией ЦРУ, обеспеченной огромными финансово-выми средствами и подкупом лидеров оппозиции. Последующие действия в Ираке оказались значительно более затратными и менее эффективными.

Поэтому для коллективного Запада «Переходный период» 2010–2027 годов стал периодом максимально широкого системного использования силовых средств политики при ограничении на собственные военные действия. СВО на Украине показала, что активное вмешательство США и их союзников в войну параллельно сопровождалось категорическим отказом от прямого участия.

Одновременно на Западе начата бурная подготовка, как для «материальной базы» войны, так и информационно-когнитивных средств борьбы с Россией, среди которых исключительное значение приобрели откровенные идеологические провокации и психологические диверсии типа «Скрипалей», «уничтожения гражданского малазийского лайнера» или «дела Навального». В итоге была создана идеологическая база русофобии в политике в отношении России.

Отдельное внимание уделялось созданию материальной базы для реализации стратегии силовой эскалации, которая, по оценке РЭНД-корпорации, стала представлять «увеличение интенсивности или масштабов военной деятельности, которая иногда имеет важное значение для достижения целей США. Но в других обстоятельствах это может привести к нежелательной реакции противников и даже к катастрофическим последствиям. Однако действующая военная доктрина США не содержит конкретных указаний о том, как учитывать эскалацию»⁵⁸⁷.

Из этого предположения следует, что принципиально важно попытаться определить будущую краткосрочную и среднесрочную перспективу развития военно-политической обстановки в мире и политику западной коалиции, потому что способность противодействия России наиболее вероятным угрозам, которые возникнут в эти годы, будет наиболее трудно обеспечить, учитывая крайнюю ограниченность по времени и имеющимся в России военно-техническим возможностям.

⁵⁸⁷ Dealing with Escalation: Insights for Military Planners // Rand. The Newsletter for Policy People. 2024. 17 oct. URL: <https://mail.google.com/mail/u/o/#inbox/fmfchgqzjkqzkmwmbbbqccmnrxghxv>

Так, принятый военный бюджет США на 2025 ф.г. в совокупности превышает 900 млрд долл., а вместе с другими союзниками по НАТО — составляет более 1300 млрд долл., что позволяет западной коалиции развивать *все основные направления военно-технического прогресса (НТП) и технологии*. В прошлом прогнозе 2022 года, я писал, что «не трудно прогнозировать, что суммарные масштабы военных расходов западной коалиции будут ежегодно увеличиваться до 2025 года как минимум на 70-80 млрд. долл.». Например, следует ожидать не только быстрого роста военных расходов США (в том числе на прямое противоборство с Россией, как это сделал Д. Трамп в марте 2020 года), но и стран — членов НАТО (вероятно, уже не только до 2% ВВП, но и больше в будущем), а также Японии, Австралии, Саудовской Аравии. Это не только произошло, но и продемонстрировало тенденцию к усилению военных расходов, прежде всего в странах ЕС.

Таким образом, общие военные расходы западной коалиции на развитие военной промышленности и технологий в «переходный период» вырастут как минимум до 1200-1400 млрд долл. Учитывая сохраняющееся технологическое отставание России и финансовые возможности (в 20-25 раз меньше, чем Запада), становится понятным, что решения по разработке и созданию сил и средств военно-силового противодействия в России должны приниматься чрезвычайно точно и своевременно. В условиях СВО это означает только одно — неизбежный рост расходов как минимум на НИОКР и средства боевого управления.

Суммируя имеющуюся информацию и известные прогнозы, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в качестве наиболее вероятного варианта сценария будущего развития МО и ВПО предлагается гипотеза *неизбежности развития варианта сценария глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ с китайской и российской ЛЧЦ*. Эта гипотеза основывается не только на заявлениях Д. Трампа и представителей его администрации о готовности использовать эскалацию силовой политики до степени применения военной

силы, но прежде всего на анализе реальных намерений, интересов и ведущейся материально-технической подготовке.

Все эти признаки указывают на стремление США в «переходный период» подойти вплотную к применению *максимально широкого спектра сил и средств силовой политики, включая военную силу*. Эта позиция «политики силы» США должна обеспечить им активность дипломатической и экономической политики по захвату контроля над мировыми ресурсами. «Вплотную» — означает попытку использования военной силы против России на отдельных ТВД, в региональных конфликтах на Украине, на Кавказе и в Средней Азии.

Этому способствует не только наращивание их военной мощи, но и в немалой степени определенное ускорение процесса потери ими контроля над развитием ВПО в мире. Это ускорение может подтолкнуть к выходу политики США уже к 2025 году в зону «бифуркации», когда они захотят перейти от силовой политики к военно-силовой. Попытка «решительных» действий против России должна стать сигналом того, что США не допустят выхода развития ВПО из-под их контроля.

Таким образом, сделанный мною в 2014 году прогноз военной политики США на период 2021–2025 годов с большой вероятностью ожидал развязывания новых военных конфликтов и войн, в которых США будут стремиться максимально переложить ответственность и тяжесть боестолкновений (как на Украине, в Грузии или Молдавии) на другие страны, изначально предполагая их потери в живой силе и экономике.

На мой взгляд, в силу прежде всего этих обстоятельств развитие ВПО в мире в «переходный период» до 2027–2030 годов с точки зрения военной политики западной коалиции будет реализовываться в трех возможных вариантах единственного (наиболее реалистического) базового военно-силового сценария, о которых я писал выше:

- «оптимистическом», когда военно-силовые элементы не будут доминировать над другими инструментами (невоенными) насилия в политике; собственно говоря,

- этот вариант доминировал до 2024 года, а пока что стал наиболее перспективным в связи с победой республиканцев в ноябре 2024 года;
- «реалистическом», когда будет происходить достаточно быстрое усиление доли собственно военных инструментов в общем наборе силовых инструментов политики западной коалиции, в частности, поставок современных вооружений и участия ЧВК и специалистов, что стало фактом уже в 2024 году;
 - или «пессимистическом», когда станут доминировать военные инструменты насилия, к чему стала склоняться политика США и куда подталкивают страны Западной Европы в будущем, в среднесрочной перспективе 2027–2030 годов⁵⁸⁸.

В зависимости от военно-технической готовности правящих кругов США и их союзников к ведению военных действий, той роли, масштабов и способов использования ими военной силы среди других инструментов насилия, которые представляются им в данный период наименее опасными и наиболее эффективными.

Иными словами, если степень военно-технической готовности к войне у США будет высокая к 2027 году, *то они, вероятнее всего, будут принимать решение об использовании военной силы в разных формах*. Если же вероятные ответные действия России или Китая смогут увеличить до неприемлемого риска применения военной силы, то будут использованы невоенные инструменты насилия — санкции, кибероперации, информационно-психологические и когнитивно-идеологические меры.

Такие варианты сценария периодически становятся известными и регулярно «просчитываются» по заказу Министерства обороны США в различных (нередко альтернативных)

⁵⁸⁸ См., например: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

организациях, например, в РЭНД-корпорации, как это было сделано, например, в очередной раз в марте 2019 года (когда был сделан вывод о том, что США понесут огромные потери в случае прямого военного конфликта).

В настоящее время, естественно, вносятся некоторые корректизы, не меняющие, однако, общего прогноза и базовой гипотезы, более того, подтверждающие ее реалистичность. Модель такой гипотезы, основанная на вероятном продолжении концепции противоборства западной ЛЧЦ в 2025 году, исходя из логики развития МО в 2015–2021 годах, в заведомо упрощенном виде представляет собой по сути дела новый этап «переходного периода» к открытым военным действиям. Другими словами, развитие военно-силовых сценариев ВПО после 2025 года является частью общего развития стратегии западной ЛЧЦ и МО последних двух десятилетий.

3.9. Концептуальная власть и борьба за когнитивно-информационный суверенитет России в новом веке

Мы живем в обществе информации. Но люди в основной массе понимают меньше, чем 30 лет назад... Все идет по существу от одного центра, распространяется по всему миру и дает ложную интерпретацию происходящему, искаженную картину мира в пользу Америки⁵⁸⁹.

Д. Къеза, бывший член Европарламента

Концептуальная власть — одна из ключевых властей, наравне с политической, законодательной, исполнительной и информационной властями, существующая в мире. Более того, она отчасти даже важнее их. Так, Тридцатилетняя война в XVII веке в Европе была войной:

- между концепциями католической и протестантской;
- между концепциями науки и веры;
- между концепциями абсолютизма и государства, а не только между правом суверенитета государств и суверенов, о котором чаще всего говорят наши политологи, сводя весь процесс к созданию в 1648 году «Вестфальской системы». В еще большей степени, если говорить о Евразии⁵⁹⁰.

Подобное системно-концептуальное противоборство привело к катастрофическим последствиям для Европы — Тридцатилетняя война оставалась самым кровопролитным конфликтом в истории вплоть до мировых войн XX века. На территории

⁵⁸⁹ Къеза Д. Цугцванг для человечества. М. : Книжный мир, 2019. С. 3.

⁵⁹⁰ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

Германии за годы войны погибло по разным подсчетам от 40 до 75% населения. Население Чехии с 2,5 миллионов сократилось до 700 тысяч человек.

Аналогичное концептуальное противоборство западных либералов-глобалистов с традиционными системами ценностей, включающими идеи социальной справедливости, привело к огромным людским потерям в современной Европе, которые сопоставимы с потерями мировых войн, прежде всего потому, что сопротивление антиглобалистских сил не носило системного характера вплоть до второго десятилетия нового века из-за добровольного отказа правящих элит в 80-е годы.

Этот отказ больнее всего ударил по России, где протест против «деидеологизации» набирал силу постепенно с середины 90-х годов⁵⁹¹. Именно отказ от идеологии как системы взглядов стал основой раз渲ла СССР/России и провалов в ее стратегическом планировании, идеологией которого стало «сохранение макроэкономической стабильности». Возвращение идеологии происходило по частям, непоследовательно и не до конца (даже сегодня).

Впервые после кампании «по деидеологизации» А.Н. Яковлева — М.С. Горбачева, развернутой в СССР в конце 1980-х годов, очень коротко о роли идеологического лидерства в мире было сказано в СНБ РФ 2021 года (статья 19 раздела II)⁵⁹², где принципиально признается, что «все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства», когда «на фоне кризиса западной либеральной модели... предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных

⁵⁹¹ В первой половине 1990-х годов мною была подготовлена серия работ, посвященная именно воссозданию государственно-патриотической идеологии, в частности: Подберезкин А.И. «Национальная доктрина России», «Современная Русская идея и государство» и др.

⁵⁹² Путин В.В. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Указ Президента России № 400 от 2 июля 2021 года.

ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней»⁵⁹³.

Это признание стало во многом символичным актом после многих лет *сознательного отказа российской правящей элиты от идеологического лидерства*, которое было потеряно с отказом от лидерства в области коммунистической идеи (этот отказ, кроме того, напомним, был неизбежно связан с предательством своих союзников и партнеров не только на территории СССР, но и по всему миру — от Вьетнама до Кубы, который до настоящего времени не прощают России).

За этот отказ правящая элита СССР и России надеялась получить мощную компенсацию, которая выражалась во включении ее в западно-либеральную систему ценностей, норм и правил. СВО и последствия русофобской политики Запада показали, что там никто не собирался интегрировать российских предателей в свои правящие слои, отводя им самую последнюю роль. Состояние российских либералов и тех, кто просто наворовал на системе разграбления страны, до настоящего времени крайне неустойчивое. Оно может в любой момент измениться в еще более худшую сторону просто потому, что могут захотеть надавить на них из-за родственников и активов.

Более того, кризис либерализма в современный период показал, что у национальной левой идеи, которая была вполне характерна для идеологии части руководства КПСС, могла быть вполне реальная политическая альтернатива в современной политике. Эти национальные и традиционные аспекты активно используются не только Д. Трампом, но и целым рядом европейских и других политиков, чьи партии уже играют серьезную роль. Отказ СССР от идеологического лидерства в мире означал и отказ и от созданных им институтов и идей, норм и правил, которые вытеснили глобальные идеи и институты. Отказ от концептуальной власти означал отказ от собственных идей и институтов, то есть обезоруживал правящую элиту.

⁵⁹³ Там же.

Не случайно СВО показала слабость не только правящей элиты, но и идеологической основы, когда «голый патриотизм» оказался постепенно вытесненным красными и имперскими знаменами, которые опирались на национальные и государственные системы ценностей. Не случайно, что через несколько лет после принятия СНБ-2021, сразу же после вступления в должность в мае 2024 года, В.В. Путин подписал указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁵⁹⁴, где акцентировал задачу развития национальной идентичности.

К сожалению, это не только запоздалое, но и очень лапидарное и не развернутое признание необходимости сознательного формирования политico-идеологической системы взглядов, которая должна лежать не только в основе системы ценностей нации, но и являться базой ее стратегического планирования и формирования политической элиты. Тем более что эта констатация еще далеко не реальная политика правящей элиты России, а только ее «нелиберальной» части⁵⁹⁵. Так, приоритетами для большой части правящей элиты остаются либерально-западнические ценности, а для значительной части общества *那样的 приоритеты отсутствуют вообще*. Надо признать, что период «деидеологизации» и развала государства основательно (принципиально и фундаментально) подорвал доверие граждан к власти, которых за последние десятилетия регулярно обманывали — правительства, банки, «МММ», «гаспромы» и прочие институты. Создаваемые в настоящее время искусственно институты оказываются малоэффективными именно потому, что в их основе не лежит инициатива и признание идеологии. Если бы было по-другому, то в стране повторился бы феноменperi-

⁵⁹⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

⁵⁹⁵ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12(225). С. 98–104.

ода обороны Москвы в сентябре–ноябре 1941 года, когда добровольцы сформировали целые фронты за несколько недель взамен разгромленных армий.

СВО дала мощный импульс для развития автаркии в стране, в том числе в политico-идеологической области, но этот импульс пока *не превратился в доминирующую тенденцию*. Он может затихнуть, как только появятся (что неизбежно) более мощные силы противодействия со стороны глобалистов.

Надо понять, что государственный суверенитет — это не столько способность принимать самостоятельные политические решения (они всегда будут обусловлены обстоятельствами), сколько состояние концептуально-идеологического, когнитивно-информационного суверенитета — понятия, характеризующего реальную степень национальной идентичности и самостоятельности нации и ее государственных институтов. Это в реальности зависит от тех представителей правящей элиты, которые реализуют концептуальную власть, что очень хорошо понимал И.В. Сталин, который тщательно следил, чтобы «правые» и «левые» уклоны представителей правящей элиты не вытесняли доминирующую концептуально тенденцию автаркии — политической, экономической, идеологической и финансовой⁵⁹⁶.

Когнитивно-идеологический суверенитет — условие сохранения внутриполитической стабильности и нормального состояния и положения России. Они всегда в ее истории зависели от идеологического и духовного единства нации, а внутренние беспорядки, революции и катаклизмы прежде всего являлись следствием разрушения нравственного и идеологического состояния общества. Восстания и бунты в России всегда были опаснее внешних войн, что очень хорошо видно на примерах стрелецких бунтов (например, «хованщины», попытки свергнуть Петра I и др.), «пугачевщины», которая для императрицы

⁵⁹⁶ См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

Екатерины II оказалась опаснее войны с Турцией, наконец, бесконечных гвардейско-дворянских попыток переворотов.

Поражение русских княжеств в ходе татаро-монгольского нашествия стало прежде всего результатом общего разобщения и борьбы внутри Руси (усобицы), как и Смутное время — результат во многом неверия в легитимность царской власти, а Великая Октябрьская социалистическая революция — недоверие к императорской и либеральной власти в России. Распад власти и общества в СССР, также стал результатом многих процессов, из которых потерю идеологической ориентации, наверное, можно назвать главным.

Современные трудности России во многом вызваны незавершенным, а только-только начатым процессом возвращения к истокам — реальным национальным интересам и ценностям страны, которые были отброшены ценностями глобализации, за которыми стоят интересы правящей элиты США, и формированием национальной правящей элиты. Примечательно, что эти же проблемы стоят перед Д. Трампом. И это не случайно. Он также стоит перед выбором в пользу автаркии («Сделаем Америку снова великой»), то есть сменой идеологии глобализма и формированием новой элитой.

Но, в отличие от России, он решает эти вопросы удивительно быстро, точнее, начинает решать. Фактически, можно говорить о том, что он осуществляет «управленческую революцию сверху». Причем меняются идеи, институты и люди. Как бизнесмен, он решает эти вопросы не политически, а административно. Может быть, понимая, что иначе и не бывает.

Процесс же в России начался и идет по старому сценарию: мы медленно меняем концептуальные положения нашей идеологии, продвигаясь неуверенно от либерализма к автаркии. Также медленно и непоследовательно меняется правящая элита. К сожалению, далеко не всегда это происходит осознано. Если сравнить кадровые изменения у Трампа и у Путина, по самым разным параметрам (прежде всего возраст, энергетика, а главное — результативность), то можно констатировать, что мы уверенно отстаем от кадровой революции Д. Трампа.

3.10. ИДЕОЛОГИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ Д. ТРАМПА. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

Возросшая и продолжительная военно-политическая напряженность между Москвой и Вашингтоном в сочетании с растущей уверенностью России в своем превосходстве на поле боя и оборонно-промышленной базе, а также возросшим риском ядерной войны создают как срочность, так и сложности для усилий США по приемлемому завершению войны⁵⁹⁷.

Доклад Разведсообщества США 2025 г.

Тот, кто сумеет действительно понять уроки истории и применить их на деле... Он может надеяться на успех⁵⁹⁸.

А. Скугаревский, генерал⁵⁹⁹

Приход к власти в США Д. Трампа и усиление позиций антиглобалистов — сторонников автаркии в мире вынуждают вернуться к вопросу не только о политическом значении идеологии, но и той роли, которую она играет в государственном управлении. «Деидеологизация» в СССР и России в последней трети XX века и начале нового века, начатая реформаторами из группы М. Горбачева, по инерции двигалась при Б. Ельцине. Ее мотором был антикоммунизм, к которому немедленно обращались те, кто захватил власть в СССР/России, как только речь заходила о необходимости идеологии, ориентированной на государство,

⁵⁹⁷ Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Washington, 2025. P. 16.

⁵⁹⁸ Цит. по: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: взгляд из прошлого. Конспект идейного наследия Русской императорской армии (XIX — начало XX вв.). В 2 т. Т. 1. М. : Кучково поле, 2020. С. 5.

⁵⁹⁹ Аркадий Платонович Скугаревский — генерал от инfanterии, участник русско-турецкой и русско-японской войн, видный военный теоретик и историк. Критик военно-административного руководства Императорской армии.

в стране. При этом на деле насаждалась либерально-западническая, глобалистская, идеология, которая откровенно враждебна как государству, так и нации.

У этой проблемы есть и другая сторона, а именно: идеология, как наиболее общая система взглядов, существует *в основе любой политики и стратегии*, выражая конечную цель и способы ее достижения. В том числе в военной области, где политическая цель войны всегда совмещена с идеологической (религиозной, нравственной). Отрицая идеологию, мы отрицаем основу политического целеполагания. В частности, так произошло на начальной стадии СВО, когда «идеологическая подготовка» в России (в отличие от массированной и длительной кампании на Украине) практически отсутствовала. В результате пришлось быстро, «наспех» обеспечивать идеологически сформулированные политические цели «демилитаризацию» и «денацификацию». При этом много вопросов политico-идеологического характера так и осталось за скобками обеспечения СВО, хотя именно война в очередной раз доказала самые важные приоритеты — мотивацию личного состава и значение «пехоты» в любой войне.

Именно поэтому главный лейтмотив современной формирующейся идиологемы⁶⁰⁰ в России — патриотизм, который стал предметом горячего обсуждения, с одной стороны, и предметом критики — с другой. Прежде всего именно в силу того, что

⁶⁰⁰ Идиологема — политический термин, часть какой-либо идеологии, элемент идеологической системы человека, общества, политической партии, государства и так далее. У идеологемы, в отличие от концепции, нет строго определенного (ограниченного) значения. Эти значения меняются в соответствии с политической pragmatикой. Идео-логема всегда эмоционально окрашена. Целенаправленное использование идеологем является эффективным средством управления массовым сознанием — идеологема легко запоминается и создает иллюзию понимания у объекта манипуляции. Отличительным признаком идеологемы считается многократное изменение значений либо изначальная расплывчатость значений.

идиологема — политический термин, а не система взглядов, изначально достаточно расплывчатый и не имеющий системного, концептуального характера. Примечательно, что даже в этом качестве идеологема, как оказалось, — достаточно эффективный инструмент управления, доказавший возможности массового применения в СВО организацией волонтерского и добровольческого движения.

Вместе с тем идеологема не смогла заменить идеологию, что также видно на примере СВО, где самые первые патриотические организации и лидеры («Моторолла», например) использовали флаги и обмундирование, сочетающие как имперское, так и советское наследие. У этой проблемы есть и более серьезная основа — отрицая идеологию, вы отрицаете уже не только идеологию как систему взглядов вообще (кстати, не только на развитие истории или политики, но и в целом ряде других областей), но и в целом *объективную историю*, что неизбежно ведет к отрицанию системности в политике (по общему признанию, именно это и является одной из важнейших проблем России сегодня). В частности, например, в условиях «переходного периода» всей международной и военно-политической остановки 20-х годов нашего века⁶⁰¹, который требуетнятного объяснения с точки зрения конкретных политических реалий. Без этого политическая наука и практика остается аморфной и расплывчатой, а на деле легко организуемой «извне».

Наконец, наличие идеологии как системы взглядов предполагает основу для принятия управленческих и кадровых решений. Это наиболее слабая область в современной России именно потому, что отсутствует идеологическая система. В отличие, например, не только от абсолютно идеологизированной системы СССР, но даже такой «неидеологизированной» системы, как в США, где на самом деле с приходом республиканцев была

⁶⁰¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Роль военной силы в формировании современного мироустройства // Сайт ЦВПИ. 15 января 2025 г. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/rol-voennoy-sily-rossii>

воссоздана идеология политического прагматизма⁶⁰², существовавшая в правящих кругах страны в предыдущие столетия. Д. Трамп — типичный представитель этой идеологии, которая позволяет ему:

- во-первых, объединить вокруг себя искренних сторонников;
- во-вторых, принимать те или иные радикальные управленческие решения, обоснованные именно такой идеологией.

И первое, и второе привели к «управленческой революции Д. Трампа», которая поразительно и неожиданно эффективно сказалась на кадровой политике и управлении в стране. Добиться такого результата без идеологии и сплочения части правящей элиты именно на ее основе было бы невозможно. Похожие революции в области государственного управления и кадров случались очень редко, например, с приходом к власти в 1917 году большевиков или с захватом власти либеральными демократами в России в 1991–1993 годах (когда «либерально-демократическое» меньшинство в несколько тысяч человек в огромной стране захватило власть).

Понятно, что окончательный эффект от таких революций будет оценен позже, но уже сегодня можно констатировать, что, например, в области военного управления и военного искусства в ходе СВО «на земле» происходят именно такие быстрые изменения. Причем не только в тактике и оперативном искусстве, но и стратегии. Отстает, как всегда, тыл, который действует

⁶⁰² Прагматическим в США был назван такой подход к принятию и осуществлению решений в любой сфере практики, в том числе внешнеполитической, при котором субъект практики руководствуется прежде всего соображениями своей пользы и выгоды, своего конкретного интереса. Хотя при прагматическом подходе субъект, который осуществляет практическое действие, сам непосредственно определяет, что ему полезно и выгодно, общие рамки и основания этого определения чаще всего задаются традициями и привычками господствующей в стране идеологии и психологии.

по бюрократическим моделям мирного времени, отягощенным отсутствием общей идеологии, которую заменила идеологема патриотизма. Это объясняется тем, что на поле боя практика и целесообразность становятся главными доминантами, тогда как в идеологии «мирной жизни» тыла такой доминантой остается идеологема (идеологические ценности) материального успеха.

«Революция в области управления и кадров» Д. Трампа — пример того, как в новых условиях формирования миропорядка должна поступать правящая элита во внешней и внутренней политике, а именно: опираясь на национальную идеологию успешно (быстро и эффективно) решать практические управленческие и кадровые задачи. Попытка В.В. Путина сделать аналогичные шаги (например, в области привлечения к управлению участников СВО) может демонстрировать только намерения, которые очень далеки от системных решений. В частности, опыта Советского Союза. Стоит напомнить, что там вначале принималось политico-идеологическое решение съездом КПСС (индустриализация, коллективизация и пр.) долгосрочного или среднесрочного характера, которое затем — после дискуссий, обсуждений и пропагандистского обеспечения — утверждалось на сессии Верховного Совета СССР в качестве федерального закона, обязательного для исполнения не только коммунистами, но и всеми гражданами.

Аналог (упрощенный и заведомо малоэффективный) сложился в итоге в России после безуспешных попыток правящих либералов запретить не только идеологию, но и стратегическое планирование (которое в эти десятилетия успешно развивалось на Западе, в опоре на советский опыт). В нулевые стала редактироваться в более реалистическом плане Стратегия национальной безопасности (СНБ), которая в последней редакции 2021 года была оформлена, наконец, во вполне разумный документ (который, в отличие от советских документов, так и не имеет механизма реализации). Постепенно идеологема патриотизма стала наполняться концептуальным содержанием,

а кадровые решения более обоснованными рекомендациями. К сожалению, темпы этих решений отстают от потребностей быстро развивающейся МО и ВПО, что хорошо видно на примере действий Д. Трампа, который радикально пересматривает обязательства и нормы США в отношении других стран.

Можно было бы вполне успокоиться и решить, что наши темпы изменений соответствуют нашему опыту, знаниям и практике. Поэтому нам не стоит гнаться за поспешными шагами Д. Трампа в области государственного управления, идеологического обеспечения и кадровых вопросов. Проблема, однако, в том, что далеко не все в мире (а не только в России) отрицают идеологию в том или ином виде, а значит, могут повторить (и повторяют) маневры Д. Трампа в области поиска эффективных решений государственного управления и кадрового обеспечения. У него уже есть последователи, а главное, результат их действий — опережающее развитие — налицо. Тот результат, который в России долгое время отсутствует из-за игнорирования системных идеологических и кадровых решений.

Более того, как мы видим в последние годы, идеологические установки и ценности сторонников глобализации, в том числе в России, а не только в странах ЕС, насиливо внедряются в общественное сознание — будь то, отношения между полами, расами, но и принципы развития экономики, финансов, торговли. По сути дела, либеральные идеологические постулаты по-прежнему превращаются в России в системы ценностей и нормы, которые навязываются в качестве международных «общепринятых» норм другим нациям и государствам, заменяя международное право и созданные политические, дипломатические и нравственные нормы после Второй мировой войны⁶⁰³. Это отчетливо видно на примере правящей элиты России, зна-

⁶⁰³ О международно-правовых аспектах Нюрнбергского Суда см. подробнее: Капинус О. Университет прокуратуры Российской Федерации проводит V научно-практическую конференцию «Нюрнбергский процесс: история и современность» // Сайт Университета прокуратуры. 26 ноября 2020 г.

чительная часть которой (по некоторым оценкам, более 50%) не только не поддержала СВО, но и намерена вернуть ситуацию в стране к положению «до 2022 года» — водораздела, обозначенного В.В. Путиным.

В настоящее время уже общепризнанно, что усиление кризисных явлений в мире и в отношениях между субъектами международного права будет не только продолжаться, но и будут развиваться по лестнице эскалации, когда практически ежедневно против России выдвигаются самые разные (в том числе абсурдные) инициативы. Особенно активно эта деятельность проявляется широкой западной антироссийской коалицией в области информации и с помощью неправительственных акторов — НКО, фондов и отдельных физических лиц, — по внутриполитической дестабилизации и широкомасштабным мероприятиям в отношении отдельных представителей правящей и экономической, а также информационной элит России⁶⁰⁴. Их деятельность может быть условно разделена на откровенно противозаконную (террористическую и экстремистскую), пресечение которой находится в компетенции специальных служб России, и деятельность в гуманитарной области, не нарушающую открыто существующее законодательство нашей страны.

Этот вид общественно-политической, культурно-просветительской, образовательной и иной деятельности фактически находится вне контроля со стороны ФОИВ РФ, хотя его опасность в последние десятилетия уже значительно превышает опасность экстремистской деятельности. В США и других странах Запада этот вид деятельности отчетливо делится на средства и методы «мягкой силы» и средства и методы «силы принуждения», хотя разница между ними и условна. В современной России после

⁶⁰⁴ См. подробнее: Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2021.

ликвидации соответствующих структур СССР в ЦК КПСС и КГБ СССР таких органов не осталось, хотя они развиваются бурно в США, например, в последние два десятилетия.

В России постепенно все чаще раздаются голоса и том, что существующий в Конституции запрет на государственную идеологию это не то же самое, что и запрет на идеологию вообще. Но пока что идеологией объявляется «патриотизм», что, конечно же, резко сужает горизонты формирования не только оценки действительности и истории, но и горизонты планирования. Это сказывается на всем процессе стратегического планирования, прежде всего с точки зрения стратегического прогнозирования, и на анализе исторического процесса в целом. Интересно, например, что уже в самом первом пункте Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года, утверждающего Концепцию внешней политики России, отмечается: «Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации». Но именно это требуется сегодня и от обновленной Стратегии национальной Безопасности России.

Напротив, «другая сторона» отнюдь не брезгует ни идеологией (нередко примитивной, такой как русофobia и антисемитизм), ни фальсификацией истории, ни их использованием в политических целях. На Западе в последние десятилетия сформировались достаточно жесткие «идеологические каноны», которые в настоящее время испытывают серьезный политический кризис — выход Великобритании из Евросоюза, схватка правящих элит в США, социальные конфликты во Франции, Германии, Италии и целом ряде других стран. Однако хотелось бы обратить внимание на один важный факт: при всех очевидных кризисных политических и социально-экономических явлениях на Западе там не ставят под сомнение приоритеты и ценности западной идеологии. Более того, очевидные провалы в политике и личные неудачи правящих элит не смущают их представителей с точки зрения адекватности их идеологии. Наоборот, чем силь-

нее провалы, тем сильнее нападки на историю и патриотическую идеологию России.

Сегодня уже стало очевидным (хотя даже и не для всех российских классических историков), что история как наука перестала быть только «просто» историей, но превратилась в сильнейший идеологический и политический инструмент, по сути, силовое средство политики для достижения вполне конкретных, часто сугубо меркантильных целей, в том числе и, быть может, экономических и политических, но прежде всего идеологических, мировоззренческих, ценностных. История стала частью системы политических мер «силового принуждения» в отношении политических оппонентов западной цивилизации, независимо от того к какой группе стран они принадлежат. Эта системность означает полную сочетаемость с другими, в том числе военными, средствами силового принуждения. Причем последовательность в их использовании, существовавшая прежде (сначала исторический прецедент, потом — кампания в СМИ, а затем эскалация силовых средств; вплоть до вооруженного насилия), сегодня сменилась на другую — исторические прецеденты (чаще «псевдопрецеденты») появляются по мере политической необходимости, когда «вдруг» вспоминается или изобретается что-то подходящее под потребности сегодняшнего дня.

Важно, что «революция Д. Трампа» отнюдь не изменила принципиального отношения правящей элиты США к политике страны. В этой связи представляется, что не стоит питать излишних иллюзий в отношении идеологических и стратегических положений США, которые сохранятся при «новом Д. Трампе». Пока что американский президент не отказался от прежних установок, которые были сформулированы в первый срок его президентства. Так, например, в Стратегии национальной безопасности Д. Трампа того периода, заложившей нормативные основы американской политики, в том числе и для Дж. Байдена в последние годы, прямо говорится о необходимости «продвижения системы американских ценностей (естественно, самых лучших) в мире», которым угрожают «ревизионистские державы» —

Китай, Россия, а в «Национальной оборонной стратегии» эта угроза конкретизируется в попытке России «получить возможность контролировать («ветировать») экономические, дипломатические и вопросы безопасности». Эта система основывается на неких аксиомах, в том числе исторических (по сути, идеологических), которые должны подтверждать ее правоту.

Примечательно и то, что до недавнего времени в России это если и не отрицалось, то старательно не замечалось: парадигма российского либерализма долгие годы не предполагала вообще приоритета национальных интересов, что было в правовой форме закреплено до недавнего времени даже в Конституции России 1993 года. Удивительным образом отмечалось даже за рубежом, что в СССР и в России несколько лет фактически несколько раз за последние три десятилетия переписывалась история страны. Причем несколько раз за очень короткий период времени (за 90-е годы), но каждый раз в этом процессе сознательно усиливался элемент «покаяния» и даже самобичевания, когда искажениям подвергались даже хорошо известные и общепринятые факты.

Цель была сугубо политическая — зачеркнуть все положительное в имперской и советской истории России, чтобы не только не допустить возвращения коммунистов к власти (как многие тогда думали), но, главное, не допустить восстановления России как мировой державы: геополитически, экономически, даже демографически. Эта откровенно русофобская политика стала нормой и «обоснованием» в последние три десятилетия для внешней политики целого ряда государств — от прибалтийских лимитрофов и Польши, до главных их заказчиков — США и Великобритании⁶⁰⁵. Россия вплотную столкнулась с этим явлением в ходе СВО, но наивно было бы думать, что в Швеции или Финляндии этого не было. Его старались сознательно и усиленно не замечать.

⁶⁰⁵ См. подробнее: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

Не стоит заблуждаться относительно того, что, как в других государствах, включая постсоветские, сознательно создавались «научные школы» и разного рода «независимые» общественные организации, целью которых было сначала идеологически, а потом в образовании и науке создать фундамент для русофобской политики для силовой составляющей — экономической, торгово-финансовой и военной. В этих целях длительное время финансировались специальные программы, отдельные ученые, более того, создавались целые институты и организации — «Национальной истории», «Национальной памяти», «Голодомора» и т.п. По этому пути в той или иной степени прошли все бывшие союзники СССР по Организации Варшавского договора (ОВД), а затем и постсоветские образования. Украина — наиболее яркий пример, когда от идеи «Украина не Россия» (автором которой был отнюдь не Л. Кучма, а еще советско-партийные руководители коммунистической Украины, а до них — националисты) до открытого геноцида русского меньшинства прошло менее 40 лет.

3.11. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОЛИТИКИ СИЛОВОГО ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ в ЕВРАЗИИ

Каждый народ в известную эпоху имеет свой политический идеал... Если мы видим народ, который не имеет уже более никаких политических целей впереди, которому нечего желать и не за что бороться, то мы можем быть уверены, что он уже выполнил свою роль в истории, что он клонится к упадку, находится в периоде вырождения⁶⁰⁶.

*Е. Мартынов,
русский военный теоретик⁶⁰⁷*

Приоритетом для российской стороны является защита людей от киевского режима, которых «лишили истории»⁶⁰⁸.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

В современной Евразии — как в Европе, так и Азии — формируются новые центры силы и новые идеи о безопасности, в основе которых находятся базовые представления об истории государств, их национальной идентичности и традициях. Все вместе эти представления создают фундамент для двух идеологий противоборствующих современных тенденций — глобализации и автаркии⁶⁰⁹. Но если первая сознательно искажает

⁶⁰⁶ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М. : Финансовый контроль, 2003. С. 15.

⁶⁰⁷ Мартынов Е.И. — генерал-лейтенант Русской императорской армии и командир РККА, преподаватель, видный военный теоретик. Автор работы «Политика и стратегия» и др. работ по военной теории и стратегии.

⁶⁰⁸ Лавров С.В. Интервью «Известиям» 12 марта 2025 г. URL: https://iz.ru/1852761/2025-03-12/lavrov-iskliuchil-opasnye-dlia-liudei-kompromiss-po-konfliktu-na-ukraine?utm_source=uxnews&utm_medium=

⁶⁰⁹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

основы национальной идентичности и истории наций и государств, то вторая прямо заинтересована не только в их сохранении, но и развитии. Политические идеологии, которые представляют эти две тенденции, не только предопределяют исход противоборства, но и во многом зависят от того, *насколько обоснованно и полно будет обеспечен их идеологический фундамент*. Этот фундамент сознательно и максимально энергично создавался западными политическими элитами последние десятилетия, позволив им обеспечить политическую победу над СССР и его союзниками в 90-е годы, а затем направить их развитие в нужное для глобалистов русло. Причем исторические и метафизические предпосылки обеспечения этого процесса до настоящего времени не являются предметом дискуссии.

Между тем создание новых центров силы и систем безопасности в Евразии невозможно без создания предварительной идеологической и теоретической базы — задачи, которая лежит на периферии политической экспертизы. Те немногие «евразийские» центры и институты, созданные в России, не могут обеспечить не только зарубежные страны, но и российское общество сколько-нибудь массовой политико-идеологической поддержкой, *без которой формирование политических структур безопасности невозможно*⁶¹⁰.

Идеология — лучший инструмент государственного управления, который может играть не только положительную, но и исключительно разрушительную антигосударственную роль. Это означает, что отсутствие идеологии делает государственное управление изначально не эффективным. Поэтому, если государство решительно пересматривает свои политические интересы, то главная роль в этом процессе отводится именно идеологии. В истории мы наблюдаем этот процесс регулярно,

⁶¹⁰ См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии : монография / А.И. Подберезкин [и др.]. М. : Международные отношения, 2017. 357 с.

особенно в современный период, когда радикальные политические изменения (которые нередко происходят очень быстро) сопровождаются мощной идеологической подготовкой. Иногда, правда, конкретные и даже pragматические политические решения, основанные на теоретических и исторических положениях, выглядят как «просто» pragmatism, оторванный от идеологии и политических требований.

Так было, например, не только в СССР, но и в современной России в 1990-е гг., где «крепкие хозяйственники» (не только В.С. Черномырдин, но и большинство правящей элиты в ФОИВ и законодательных органах) попытались отторгнуть идеологию и политические потребности, обращаясь к pragmatismу и «целесообразности» экономических решений.

Секрет — прост. Он заключается в скрытой идеологической и теоретической подготовке, предшествующей началу политических изменений. Так, например, взрыв русофобии в Польше и Финляндии в последние десятилетия произошел только после того, как внутри общества созрели культтивированные длительное время предпосылки. Украина — яркий пример того, как русофobia подогревалась в советские времена правящей элитой, а не только националистами-интеллигентами на Западной Украине, где, кстати, национализм был даже меньше, чем в некоторых центральных районах республики.

Примечательно, что даже в СССР, в части «внутрипартийной оппозиции», культтивировались теоретические и исторические предпосылки не только антисоветизма, но и русофобии. В итоге идеи «перестройки» носили во многом не только псевдо-теоретический характер, но и были направлены против власти, идеологии и национальной идентичности. Примечательно, что даже сегодня, когда пострадали (и страдают) миллионы людей, те, кто стоял за социальными переворотами и развалом СССР и России, трагедиями страны, до сих пор не признаны преступниками, а их деятельность не осуждена.

Надо точно осознавать, что так же, как военная сила и война, идеология и система национальных ценностей являются

неизбежными спутниками создания, существования и уничтожения государства, а в их основе лежит национальная история, система ценностей и та теоретическая (метафизическая) основа, которая является фундаментом идеологии. Политика — мощный инструмент трансформации не только политической системы, но и основ экономики и общества, но в ее основе лежит национальная история, система ценностей и накопленная обществом теоретическая база понимания сути нации и государства. Чтобы внести политические изменения, необходимо изменить основы, на которых существует нация. Например, в 1916 году в армии России причащались на Пасху 98% солдат, а в 1917-м уже менее 20%, то есть сознание миллионов простых людей претерпело радикальные изменения в своих фундаментальных основах. Именно в результате политических изменений, произошедших после Февральской революции.

Эта ситуация во многом повторилась в СССР, когда почти 20 миллионов коммунистов отказались защищать КПСС и Советское государство, а в последующие годы КПРФ с трудом собирала 10%, опустившись в итоге к поддержке на выборах менее 5% населения.

История, система ценностей, национальная идентичность и теоретическая (ментальная, метафизическая основа) выступают в качестве идеологического фундамента политики государства. Тем более когда задачи государственного управления связаны в экстремальных условиях с организацией силового противоборства во внешней политике. В государственной идеологии, ориентированной на силовое противоборство, таким образом, исключительно важную роль играют традиции нации, ее история и основные положения, формирующие национальную идентичность и систему ценностей, укрепление которых является главным национальным интересом (потребностью).

Существующее нередко в массовом сознании мнение, что есть более важные национальные интересы, чем идентичность (политические, экономические, прочие), превращают нацию в простое население (избирателей) государства, которое

не ассоциирует себя в полной мере со страной, прежде всего ее системой ценностей, а также общим будущем. Таким образом, для того чтобы постепенно деформировать нацию, превратить ее в «народонаселение», оторванное от исторического и духовного наследия, необходимо исказить ее историю, лишить нацию идентичности, либо (как на Украине) создать *заведомо ложную национальную идентичность*. Это, кстати, вполне реальная задача, которая была реализована за относительно короткий период в гитлеровской Германии, на Украине и в целом ряде других стран. Иногда такая «коррекция» происходит после того, как правящая элита государства в своих интересах *политически* пересматривает свои приоритеты, сознательно искажая национальную идентичность (как в Польше, Финляндии, целом ряде европейских государств), преследуя интересы отдельных правящих групп.

Иными словами, идея евразийской безопасности требует прежде всего исторического и теоретического обоснования, объясняющего, либо мотивирующего формирование евразийской идеологии (наравне с национальными) и евразийских институтов, против которых категорически выступают западные страны. Этапы этой политico-идеологической эволюции, которая всегда сопровождалась фальсификацией истории со стороны наших противников на Западе, прослеживаются достаточно отчетливо.

- Сначала ведется «поиск идентичности», а точнее того, что отличает ту или иную нацию/народность/общность (даже социальную группу) от евразийской и общероссийской истории и судьбы (кстати, на национализм коммунистических руководителей Украины А.Д. Шумского и Н.А. Скрынника указывал еще грузин И. Сталин). Как правило, это делается представителями той или иной части правящей элиты на Западе и в России, которых изначально вербуют под разные программы из-за рубежа.

В условиях войны это не раз приобретало форму геноцида по отношению к русскому народу. В период финской оккупа-

ции части советской территории в 1941–1944 годах, например, на территории Карелии действовало 14 крупных концентрационных лагерей, свыше 70 трудовых лагерей и лагерей для военно-пленных. Уже к концу 1941 года в них находилось более 20 тысяч человек, преимущественно женщин, старииков и детей, количество которых в апреле 1942 года достигло почти 24 тысяч. В дальнейшем общая численность содержавшихся узников в концлагерях колебалась в пределах 15–18 тысяч, что составляло около 20% от всего попавшего в оккупацию населения. За время финской оккупации только в петрозаводских концлагерях погибли свыше семи тысяч узников.

«Всего убиты и замучены более 8 тысяч мирных граждан, в том числе детей, в финских и немецких лагерях погибли более 18 тысяч советских военнопленных. При этом финские оккупанты отличались крайним изуверством. Имеются документальные свидетельства того, что у многих пленных красноармейцев были отрезаны уши, носы, выколоты глаза, конечности вывернуты из суставов. Доходило до того, что советских военнопленных финны живьем сжигали на кострах, а отрезанные головы пускали на вываривание черепов»⁶¹¹, — привел пример расследования в марте 2025 года С. Патрушев.

Так же вели себя на территории СССР венгры и другие европейские народы, а в современный период нацисты Украины. Идентичность не просто защищалась, она демонстративно уничтожала *другие идентичности*.

- Затем показывается и обосновывается «вред», нанесенный этой общности великодержавным русским шовинизмом («голодомор», «имперская эксплуатация» и т.д.), «колониальной Россией». Этот процесс не прекращается никогда — все время должны открываться «новые факты», а если этого добиться трудно, то они просто

⁶¹¹ Патрушев: финские войска уничтожали славян // РИА Новости. 13 марта 2025 г. URL: https://dzen.ru/a/Z9JZsodjJnQPtsA7?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop

изобретаются. При этом никто особенно не беспокоится ни о научном обосновании, ни о достоверности. Опыт показывает, что «сенсация» может просуществовать несколько дней, а потом о ней напрочь забывают.

- После этого делается главный вывод о необходимости бороться с «доминированием» коммунизма/империализма/«русского фашизма» и т.п. сначала, естественно, самыми демократическими, цивилизационными способами, как в Прибалтике, Молдавии, на Украине и целом ряде других, в т.ч. европейских, государств, а затем «народное возмущение» может и должно перейти в силовую и даже вооруженную fazу. При этом обязательно находится «сакральная жертва», которая должна пострадать за идеалы и стать спусковым крючком для силовых протестов.
- После превращения России в открытого врага такая политика неизбежно и быстро развивается в русофобском направлении в «мягкой» или «жесткой» форме, которые не исключают, как в Чехии или Киргизии, смены нюансов в зависимости от политического заказа. Причем обе эти формы продолжают эволюционизировать под внешним давлением в русофобском направлении. Наиболее яркие примеры — Болгария, Польша, — но есть и другие, в том числе и среди союзников России, где постепенно развивается «чувство отдаленности» под предлогом сохранения суверенитета.

Важно отметить, однако, что *ни на одном из этих этапов идеологическая и политико-психологическая война не ослабевает*, напротив, она должна только усиливаться, а для этого необходимы исторические (если их нет, то «логические») аргументы и доказательства. В определенном смысле оказывается прав И. Сталин, утверждавший, что по мере развития социализма (точнее — социалистического государства) идеологическая борьба усиливается. Сегодня эта борьба приобрела не столько социальные, сколько национальные приоритеты и ценности, раз-

рушение которых неизбежно ведет к разрушению национальных интересов и потере суверенитета. Причем это правило универсально, то есть распространяется не только на политических оппонентов, но и союзников.

В центре внимания сегодня — открытая политическая русофobia, которая будет противопоставляться любому сотрудничеству, а тем более интеграции в Евразии. Это будет приобретать крайние формы. Пример такой политico-идеологической эволюции — события в Фергане в 1989 году, когда из республик Средней Азии начался исход не только турок-месхетинцев, но и русских, татар и представителей других национальностей. Комиссия коммунистической партии Узбекистана установила, что в побоище было убито 52 месхетинца и 36 узбеков, ранено 137 военнослужащих внутренних войск и 110 работников милиции, один из них умер (по неофициальной версии погибло гораздо больше людей). К уголовной ответственности привлекли более 350 человек, а двоих приговорили к смертной казни. После выхода Узбекистана из СССР все осужденные были освобождены. В те годы эти события носили явно не только антисоюзную, но и антирусскую направленность.

Эволюция русофобии на постсоветском пространстве продолжается. Здесь наиболее ярким маркером становится отношение к русскому языку, который либо ограничивается в использовании, либо административно вытесняется, либо просто запрещается. Все эти формы сегодня присутствуют в политике не только оппонентов, но и союзников России. В частности, в Азербайджане, Армении и Грузии. Вместе с русским языком вытесняются русская культура, образование, и в конечном счете сами русские. Прежде всего из области государственного управления и экономики. Но не только. Особое значение придается изгнанию русских и русскоязычных из образования и СМИ, где, как правило, их присутствие становится абсолютно недопустимо.

На каждом из этапов необходимо «историческое» обоснование таких сугубо политических, часто просто откровенно вредных экономически, действий, когда те или иные правящие

круги, как, например, в Болгарии, «отмораживают уши назло бабушке», разрывая собственные обязательства по газопроводу. В данных случаях они особенно «не заморачиваются» в поиске аргументов. Иногда, как в Великобритании, их просто придумывают. Иногда, как в Польше, разворачивают целые масштабные кампании, которые удивительным образом совпадают с военно-политическими планами США и НАТО, например, по развертыванию ракет или танковых соединений на территории этих стран. И такие «исторические аргументы» находятся или просто придумываются.

С этой точки зрения фальсификация истории — это не просто заведомо ложное описание либо трактовка тех или иных событий, но и изобретение, то есть фальсификация истории. Она становится острым идеологическим и политическим оружием, которое используется как в политических (закрепить за тем или иным государством историческое право на территорию, обосновать легитимность или не легитимность той или иной правящей элиты), так и в экономических или иных целях. Мы это отчетливо наблюдаем, когда «вдруг» появляются экономические претензии к России у стран, которых в свое время просто не было (как в Прибалтике), или которые сами (как Польша) выступали агрессорами по отношению к своим соседям.

Историческое пространство любой страны может использоваться не только как поле для сражений в современных информационных войнах, но и как средство подготовки победы или поражения, как инструмент идеологического обоснования того или иного разворота событий, как «нелетальное оружие массового поражения». Действительно, если можно изменить прошлое посредством массового идеологического и психологического давления, как показывает опыт Украины, как минимум для части населения, то можно изменить и политическое настоящее, более того, подготовить фундамент для изменения будущего. На той же Украине сегодня в ходу экономические и политические концепции развития, исключающие сотрудничество с Россией в будущем даже в ущерб собственным гражданам.

Идет процесс сознательного стратегического планирования на русофобской основе, когда правящая элита государства откровенно предает национальные интересы на будущее (те же условия приватизации земли и поставки энергоресурсов) просто в угоду своим сознательно искаженным идеологическим представлениям, в основе которых лежат исторические мифы.

Человек как творец и интерпретатор современной истории оказался в центре информационных технологий, с беспрецедентной скоростью и радикализмом меняющих жизнь человечества. Он же, его сознание, мировоззрение — становятся в центре информационных войн. Их цель заключается прежде всего в том, чтобы навязать потенциальному противнику программируемый образ мира, такого мироустройства, в котором для победителя будут складываться наиболее благоприятные условия существования и развития. Г. Киссинджер определил кredo такого рода событий с беспощадностью технолога: «Знание мировоззрения противника важнее объективной реальности».

За кулисами проходящей перед глазами всего мира его масовой информатизации было разработано информационно-психологическое оружие, способное эффективно воздействовать на психику, эмоции моральное состояние людей. Вымывание из школьных учебников в постсоветской России идей гражданственности и патриотизма, «переписывание» учебников истории, из которых исчезали наиболее значимые страницы русских побед демонстрировали прямое следствие покушения на отечественную историю, ибо, если вспомнить слова В.О. Ключевского, народ без истории подобен ребенку без родителей: любой может с ним сделать то, что ему заблагорассудится.

Мы все зачарованы *high tech*'ом, в первую очередь информационными технологиями, от которых ждем самых лучших перемен в своей жизни, совершенно не задумываясь над тем, что большинство из них изначально предназначены для перестройки человеческого сознания. Подобная перестройка является не побочным продуктом достижения какой-то традиционной человеческой цели (улучшения связей между людьми, обретения

больших аналитических и организационных возможностей и т.п.), но является главной, ключевой задачей воздействия информационных технологий. Неожиданно для себя люди обнаружили, что перестройка сознания, систем ценностей приносит качественно большие дивиденды, чем переделка косной материи. Массовое распространение компьютеров и информационных технологий сделало возможным широкомасштабную корректировку живого общественного сознания на уровне наций и многонациональных государств.

Связанные с этим технологии уже получили название *high hume*, в отличие от *high tech*'а. Они вырастают из обычных информационных технологий, используя их как своего рода писательскую среду, отличающиеся высочайшей эффективностью, высокой изменчивостью и приспособляемостью, а также максимальной скоростью саморазвития. Именно их применение на деле позволяет констатировать, что в развитии человечества происходит подлинный переворот, революция, последствия которой еще не осознаны даже на уровне первичного познания. Продуктом *high hum'*ов можно считать «цветные революции», проведенные в Сербии, Грузии, Украине, странах Северной Африки, где без оружия и баррикад были сменены политические режимы. Последствия применения «мягкой силы» подобных технологий, будучи «привязанными» к определенным территориям, демонстрируют не меньший радикализм, чем традиционные войны и революции. В данном случае можно привести слова генерала А.И. Владимирова, который еще в начале XXI века предупреждал о «ставшей явью глобальной угрозе формирования *не нами нашего образа мышления и даже национальной психологии*»⁶¹².

Одну из главных ролей в перестройке человеческого сознания имеет соответствующая сознательная ложная интерпретация истории, вернее, ее фальсификация и искажение, переста-

⁶¹² Цит. по: Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М. : Международные отношения, 2020. 312 с.

новка акцентов и предумышленное забвение. В последнее время целями такого рода деятельности стали:

- во-первых, российское государство как политический институт, его формы и режимы;
- во-вторых, русская национальная история и национальные культурные и духовные ценности, те энергетические токи культуры, которые создали великое государство и великую историю;
- в-третьих, русская нация и национальное пространство, ею обживаемое и формируемое.

Именно на этих трех направлениях начали формироваться конstellации продуманных недомолвок, нарочитых умолчаний, тенденциозно подбираемых фактов, вычурно формулируемых банальностей, откровенных нелепостей и грубой фальсификации явлений и событий. И все это — отнюдь не случайности: все три упоминаемые сферы связаны с фундаментальными основами самоидентификации современной России, в них выкристаллизовываются ее национальные интересы и духовные ценности.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Возможный прогноз развития будущей системы миропорядка и Евразийской безопасности и стратегия России

Политические революции неизбежны
в ходе социалистической революции...
бурных политических и экономических
потрясений⁶¹³.

В.И. Ленин

Ближайшие десятилетия (как минимум 20–30 лет) весь мир ожидает череда неожиданных и непрогнозируемых прежде революций и войн, из которых родится новая система миропорядка и взаимоотношений. Эта система по-новому расставит субъектов и разных мировых акторов на «шахматной доске» международной и военно-политической обстановки, что в истории человеческой цивилизации происходило уже не раз.

Эти перемены неизбежны, и суть происходящего начали понимать наиболее дальновидные круги⁶¹⁴ еще в конце прошлого века, когда для большинства правящих элит казалось, что господство проамериканской глобализации превратилось в «конец истории». Появились многочисленные прогнозы и предсказания. Как глобальные, так и региональные и национальные.

Возможный прогноз развития системы евразийской безопасности предполагает изначально стратегический прогноз будущего сценария развития человечества — экономики, политики и миропорядка, — частью которого может стать такая система.

⁶¹³ Ленин В.И. О Лозунге Соединенных Штатов Европы. Цит. по: Ленин В.И. Великая война. М. : Эксмо, 2024. С. 304.

⁶¹⁴ В частности, Совет национальной разведки США издал в 1970-е гг. несколько докладов по этому поводу.

Из этого положения с неизбежностью вытекает вывод о необходимости как минимум стратегического прогноза будущего состояния мировой экономики, политики и всей системы миро-порядка, о которой в настоящее время существует *только самое общее, нередко очень противоречивое представление у большинства политиков и ученых*. Соответственно и идея евразийской безопасности может быть только самой общей, достаточно абстрактной идеей, логически вытекающей из глобального прогноза развития человечества.

В целом представляется, что развитие человечества в ближайшие 20-30 лет будет происходить в рамках наиболее вероятного сценария, описанного в самом общем виде российскими учеными в декабре 2024 года, который выгодно отличается от множества других попыток и в целом совпадает с прогнозом, предлагавшегося не раз мною со второго десятилетия⁶¹⁵. Этот прогноз российскими учеными описывается следующим образом⁶¹⁶: «Из всех возможных сценариев развития мировой экономики наиболее реалистичным представляется вариант дальнейшей фрагментации (регионализации) мировой экономики с усилением роли крупных развивающихся экономик Юго-Восточной Азии и глобального Юга»⁶¹⁷.

Такая неравномерность неизбежно будет вести к трансформации современного состояния МО-ВПО в мире и влиять на отношения между странами в других регионах. В том числе за пределами Евразии, что сказывается, например, на современной политике США. Теоретически, это может привести к созданию

⁶¹⁵ См., например: Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М. : МГИМО-Университет, 2015. 325 с.; Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М. : Международные отношения, 2018. 1503 с.

⁶¹⁶ Резюме для экономической политики // Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России : научный доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широва. М. : Динамик Принт, 2024. С. 7.

⁶¹⁷ Там же. С. 7–8.

крупнейшего союза континентальных держав Азии, в котором, однако, крайне проблематично будет определить иерархию отношений, прежде всего между странами-лидерами — Китаем, Индией и другими государствами. Более вероятна структура безопасности в Евразии, *не имеющая строгой иерархии и единого центра силы*.

Важнейшей мировой тенденцией, которая во многом будет влиять на расстановку сил в мире, будет качественное развитие человеческого капитала новых центров силы⁶¹⁸, которое будет предопределяться уровнем развития науки и технологий. Во многом это будет определяться масштабами финансирования фундаментальной науки и НИОКР, что подтверждается уже сегодня развитием лучших национальных инновационных систем в Израиле, Финляндии и Италии, где доля ВВП, выделяемая на науку, выше среднемировой. Исключительно важное значение это будет иметь для новых центров силы в мире и в Евразии. Как подчеркивают российские специалисты, «вторым конституирующими признаком этого сценария становится опережающий рост затрат на исследования и разработки в развивающихся странах».

Рост конкуренции в области научно-технологического развития между развитыми и развивающимися странами может иметь следствием как ускорение научно-технического прогресса, так и создание независимых контуров обращения результатов НИОКР. В этих условиях от России требуется определиться со стратегией опережающего развития научно-технологического сектора и направлениями использования результатов его деятельности, прежде всего в производственной сфере. Опыт СВО наглядно показал слабость такой взаимосвязи в российском ОПК и недостатки целеполагания в российской промышленности.

⁶¹⁸ Стремительный рост государственной мощи обеспечивается в настоящее время прежде всего увеличением качества человеческого капитала тех стран, в которых демографические показатели наиболее значительны (Китай — 1400 млн; Индия — 1450 млн, а также другие страны Юго-Восточной Азии).

Важный вывод российских ученых — фрагментация мировой экономики будет неизбежно приводить к перестройке цепей добавленной стоимости, а значит, создавать возможности для расширения кооперации с дружественными странами на взаимовыгодных условиях. В последние 15 лет Россия шла именно по этому пути, но прежние перекосы в сотрудничестве с новыми центрами силы из-за ориентации на Запад еще сохраняют свое влияние.

Преимущества в мировой торговле будут иметь «суперинтеграционные» объединения, способные концентрировать ресурсы для контроля над цепочками производства и поставок продукции, для финансирования необходимого объема научных и оборонных затрат, монетизации природной, интеграционной и технологической рент. Россия еще только начала движение в этом направлении, которое будет встречать жесткое сопротивление со стороны США.

Россия пока не может претендовать на роль интегратора такого объединения, но может участвовать во взаимовыгодном обмене результатами НИОКР, контролировать отдельные производственные цепи и передовые технологии. Таким образом, важнейшим условием устойчивого развития российской экономики становится взаимодействие с новыми центрами силы, предполагающее сохранение национального суверенитета в политической, технологической и научной сферах на базе устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики.

Важным аспектом такой политики является «формирование в нашей стране привлекательной для внешнего мира модели социального развития, взаимовыгодной системы интеграционных торгово-экономических отношений, подкрепленной возможностями в области обеспечения безопасности»⁶¹⁹.

⁶¹⁹ Резюме для экономической политики // Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России : научный доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широва. М. : Динамик Принт, 2024. С. 7–8.

«Суперинтеграционные» объединения государств смогут предоставить некоторым странам огромные преимущества, если они смогут сохранить свою деятельность. Надо отчетливо понимать, что США и страны ЕС будут активно выступать против создания таких объединений в Евразии, а также соответствующих систем безопасности в любой форме. Так, заявление Д. Трампа о резких ответных мерах в случае создания БРИКС своей валюты — один из примеров такой бескомпромиссной политики. Как и прежде, они будут активно выступать против ШОС, БРИКС и других объединений⁶²⁰. Система безопасности⁶²¹ в Евразии — популярная идея, общая концепция, которая пока что существует только в самых общих чертах.

У идеи евразийской системы безопасности есть две объективные, основные фундаментальные проблемы, которые изначально делают ее труднореализуемой.

Во-первых, состояние и стратегический прогноз развития мира в основном и главном предопределяет перспективы формирования любой системы безопасности, в том числе евразийской безопасности, которая может быть только частным случаем мировой системы безопасности и миропорядка, ее отдельным элементом. Иначе говоря, создание региональной системы международной безопасности малореально, поскольку поскольку такая система не может существовать сколько-нибудь изолированно от глобального миропорядка⁶²². В качестве наглядного

⁶²⁰ Подберезкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки : монография. М. : Международные отношения, 2019. 462 с.

⁶²¹ Уместно напомнить, что система безопасности — такая система взаимоотношений государств, при которой государства располагают возможностью суверенного определения форм и путей своего экономического, политического и культурного развития, свободны от угрозы войн, экономического и политico-дипломатического принуждения, а также любого вмешательства в их внутренние дела.

⁶²² Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России // Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт». 2025. С. 32–45.

примера можно привести влияние инициатив Д. Трампа на со-
стояние МО-ВПО в регионе Европы в начале 2025 года, когда
внешнее влияние США на всю систему безопасности в Европе
было решающим. Примечательно, что даже КНР (по непровер-
енной до конца информации ИА «Блумберг») зондировал поч-
ву относительно возможного участия в «миротворческих акци-
ях» Запада на Украине в марте 2025 года.

Во-вторых, как и любая идея создания системы безопасности, создание системы евразийской безопасности опиралось на стремление исключить из практики международных от-
ношений применение силы в качестве инструмента внешней
политики государств, заменив эту практику *механизмами до-
говоренностей, соглашений и правовых норм*. Эти механизмы
обеспечивают безопасность субъектов МО не силовыми сила-
ми и средствами, а за счет договоренности, соглашений и го-
сподства норм международного права. Иначе говоря, отрицая
силовые (в т.ч. военные) средства в качестве политических
инструментов.

Между тем реальная международная практика свидель-
ствует о том, что политика силы очень редко может быть скор-
ректирована нормами международного права. В этой связи
целесообразно уточнить определение *системы междунаро-
дной безопасности, как такой системы взаимоотношений госу-
дарств, при которой государства самостоительно располагают
возможностью суверенного определения форм и путей своего эко-
номического, политического и культурного развития, когда они
свободны от угрозы войн, экономического, информационно-когни-
тивного и политико-дипломатического принуждения, а также
любого иного внешнего вмешательства в их внутренние дела.*
В условиях, когда силовые средства политики «не работают»
и изначально неприемлемы и недопустимы.

В этой связи сразу же встает вопрос о реалистичности
и практичности этой концепции, когда остается открытым вопрос
об использовании силы в политике субъектов МО. Как извест-
но, во-первых, в основе политики государств лежат объективные

интересы (потребности) наций, государств и коалиций, а также социальных классов, слоев и групп населения, включая личные интересы отдельных личностей⁶²³, то есть существуют самые разные интересы (потребности), согласование которых не всегда возможно, даже внутри одного субъекта МО-ВПО, а тем более между разными субъектами.

Во-вторых, эти интересы и потребности субъективно и нередко неадекватно отражаются в конкретных целях и задачах политики, а тем более в использовании тех или иных силовых средств такой политики. Известно, что субъективные представления могут принципиально отличаться даже внутри одной социальной группы (например, правящей элиты или партии государства), а тем более между разными группами и классами⁶²⁴.

Как первая, так и вторая группа противоречий неизбежны, а их устранение на длительное время путем каких-либо договоренностей, международных норм, решений об отказе от применения силовых (военных и невоенных) средств политики выглядит иллюзорным, даже наивным. Конечно, достижение Рая на Земле — великая цель, но насколько она реальна? Точнее, насколько реально государствам и акторам отказаться от защиты национальных интересов и решения противоречий между интересами только мирными средствами?

Будущая система миропорядка станет результатом коренных изменений в мироустройстве, неизбежных революций в политике, экономике, технологических областях, но прежде всего в области идеологии, как системы наиболее общих взглядов. Прежние системы не соответствуют новым реалиям, они неизбежно будут трансформированы или даже качественно изменены. А новых систем нет. Остаются пока что прежние. В на-

⁶²³ Система интересов включает в себя не только интересы, противоречащие отдельным субъектам МО, но и внутри одного субъекта, например, классовые и государственные интересы Советской России после революции.

⁶²⁴ Подберезкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–46.

стоящее время таких идеологических систем в мире немного. Кроме традиционных религиозных систем можно выделить (в самом общем виде) либеральную, традиционалистско-консервативную, националистическую и коммунистическую, которые изобилуют многочисленными особенностями и вариантами, но, главное, среди них нет ни одной доминирующей в мире, которая могла бы стать системообразующей для любых иных международных политических систем.

Иными словами, мощные преимущества получит тот центр силы, который сможет предложить привлекательную для всех идеологическую систему, которая может лечь в основу систему международной безопасности. Нарастающая эскалация противоборства глобализации и разных форм автаркии неизбежно приведет к формированию новых общих представлений о безопасности, в основе которых будут лежать новые идеологические системы. Итог такого противоборства между глобализацией и автаркией, суверенитетом и глобальным подчинением зависит прежде всего от *результата информационно-когнитивного противоборства*, способности той или иной нации предложить наиболее перспективные и привлекательные идеи в самом широком спектре общественных интересов. Что важно — как альтернативы доминирующей пока что либеральной глобализации.

В военной области такой же идеологический приоритет в полной мере имеет аналогичное значение: новые идеи (даже системы идей) и их носители — конкретные личности — будут определять конечный исход вооруженной борьбы и состояние международной безопасности⁶²⁵. Как и в прежние времена, государства будут сохраняться и уничтожаться с помощью военной силы, иллюзий у правящих элит в России (аналогичных тем, что были в 80-е годы в СССР) быть не должно. *Побеждать будут*

⁶²⁵ Подберезкин А.И. Приоритеты стратегии США: внутриполитическая дестабилизация России и хаотизация мира // Национальная безопасность. 2024. № 12 (225). С. 98–104.

только те государства, где идеологический мотив и система взглядов будут убедительнее. Опыт СВО это ясно показал. На всех уровнях противоборства. «Комиссары» опять становятся главной движущей силой войны⁶²⁶, а гуманитарные технологии — главным оружием. Прежде всего из-за того, что мы каждый раз игнорируем огромный исторический опыт нашей армии, в том числе накопленный за ее историю, включая современный (который фактически игнорировался военным руководством в последние десятилетия) — Афганистана, Чечни, выбирая себе комфортные примеры, в частности полигонный опыт Сирии, для руководства ВС страны. В свое время об этом очень точно написал Г.А. Леер: «Чем иначе, как слабым знакомством с нашим военным прошлым, может быть объяснено беспрерывное повторение нами из поколения в поколение одних и тех же ошибок»⁶²⁷.

Значение ВВСТ и военных технологий, которое в настоящее время абсолютизируется, *не может быть выше значения людей и их идей*, которые даже в условиях широкого применения ИИ будут управлять всеми процессами. И победят в конечном счете *те нации и народы, которые сумеют сохранить свою идентичность и суверенитет*, то есть смогут противостоять глобализации и развить элементы автаркии до необходимого уровня. Это — глобальный вывод, который не перечеркивает значения новейших военных технологий, но ставит их в *конечную зависимость от технологий когнитивно-информационных и гуманитарных*, которые смогут использовать будущие руководители-воспитатели.

В начале прошлого века еврейский банкир и промышленник Блох И.С., не имевший прямого отношения к военной науке (с помощью ряда военных экспертов), написал нашумевшую фундаментальную 6-томную работу «Будущая война в техниче-

⁶²⁶ Именно политические руководители, а не «воспитатели» — кадровики, которыми стали нынешние офицеры-специалисты по личному составу.

⁶²⁷ Цит. по: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: взгляд из прошлого. Конспект идейного наследия Русской императорской армии (XIX — начало XX в.). В 2 т. Т. 1. М. : Кучково поле, 2020. С. 21.

ском, экономическом и политическом отношениях», в которой сделал вывод о будущей войне: «Новая военная техника (бездымный порох, скорострельные винтовки, пулеметы) приведет к снижению важности штыковых и кавалерийских атак. Война будет позиционной, с большим преимуществом обороняющихся перед наступающими. Возникнут протяженные фронты. Из-за своего позиционного характера война затянется на годы и станет *войной на исощение* (курсив мой. — А.П.), приводящей к большому напряжению промышленности и финансов воюющих стран. Из-за этого возрастет вероятность возникновения голода, эпидемий и революций»⁶²⁸.

В итоге победителями останутся те страны, *которые смогут сохранить свои ценностные основы и институты*. В конечном счете в Первой мировой войне победили именно те страны, которым удалось сохранить внутриполитическую стабильность, свои национальные модели и суверенитет, — Великобритания, Франция и США. Во многом благодаря способности сохранить национальную идентичность и лидерство в гуманитарной области.

И, наоборот, Австро-Венгрия, Турция, Россия и Германия не смогли сохранить свою идентичность. Прежде всего национальную и политическую, то есть суверенитет, оказавшись в итоге именно поэтому в числе проигравших государств. Ситуация в нашем веке во многом повторяет опыт Первой мировой войны и последствия этой глобальной катастрофы.

Современный прогноз развития МО-ВПО во многом предопределается именно способностью главных субъектов сохранить свою идентичность, то есть *в итоге обеспечить высокую степень автаркии в основных областях жизнедеятельности*⁶²⁹. Прежде

⁶²⁸ Блиох И.С. — еврейский промышленник и банкир, организатор и автор фундаментальной работы «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», которая стала приоритетным объектом изучения и прогноза в начале XX века.

⁶²⁹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. М. : Международные отношения, 2024. 1670 с.

всего в области национальной идентичности и информационно-когнитивной, идеологической. Если Китай, Индия, Бразилия, Турция и целый ряд других стран демонстрируют явное стремление к этому (что во многом стало общим знаменателем для создания БРИКС), то, очевидно и для других стран, что чем выше будет такая способность страны в информационно-когнитивной области, тем выше ее шансы сохранить себя в качестве суверенного государства⁶³⁰.

Россия в этой связи стала наиболее уязвимой страной, потому что на какие-то десятилетия «провалилась» в пучины глобальных либерально-западнических экспериментов. Борьба с доминированием глобализации в идеологии и гуманитарной области, разрушающим национальную идентичность и институты в России, фактически началась властью и околовластными структурами только с началом СВО. Рубежом стала весна 2022 года, когда были откровенно прояснены позиции всех сторон, включая внутриполитические позиции большинства правящей элиты России. Ситуация в области формирования национальной идеологии начала медленно, но принципиально меняться. Прежде всего потому, что противодействие глобализации возможно только при усилении «идеологической автаркии» в общественном сознании.

Это уже медленно, но происходит. Во многом именно под влиянием СВО. Очень часто — вынужденным. В том числе и в Вооруженных силах России, где неизбежно военная реальность многие вещи (даже с кровью) ставит на свои места. Так, отсутствие внятной идеологии и ориентации на автаркию в стране прямо отразилось, например, на качестве командования, которое до начала СВО вынесло мощные удары со стороны случайных людей в правительстве и Минобороны. По такому же

⁶³⁰ Подберезкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине : монография. М. : МГИМО-Университет, 2024. 603 с.

повору 100 лет назад очень точно написал принципиальный критик правительства России и военный теоретик Скугаревский А.П.: «Вся система назначений начальников в мирное время у нас не способствует, а затрудняет выдвижение людей с военными качествами. Качества военачальника для мирного и для военного времени несколько не сходятся: в мирное время требуется от начальника покладистость с начальством, а в военное время — сопротивляемость врагу. В мирное время затирают «сопротивляющихся» и выдвигают людей более покладистых, а они и на войне оказываются покладистыми... в отношении неприятеля»⁶³¹.

Этот вывод генерала в полной мере можно отнести ко всей системе государственного управления современной России: ВС — только часть этой системы, о которой в СССР говорили: «ВС — слепок общества».

Процесс восстановления дееспособности государственных институтов России набирает обороты, но он отнюдь не достиг еще своего уровня, который необходим для эффективной защиты государства. Так, разрушенный на 80% ОПК еще только частично восстановлен. Вооруженные силы только-только пришли в надлежащий порядок, хотя потерянные кадры и научные школы еще долго будут восстанавливаться, а возможности спецслужб еще очень далеки от того, что нам необходимо⁶³². К сожалению, это процесс сопровождается дикой бюрократизацией и нипотизмом в кадровой политике.

Русофobia стала официальной политикой большинства «цивилизованных стран» Европы, которые с ее помощью надеются

⁶³¹ Цит. по: Скугаревский А.П. Армейские очерки. URL: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/o-dolge-i-chesti-voinskoj-v-rossijskoj-armii/378-skugarevskij.html>

⁶³² Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса : монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2021.

обеспечить то самое информационно-когнитивное превосходство в области идентичности. При этом внешние условия существования, динамика развития международной и военно-политической обстановки вызывают открытое опасение даже у немногих оставшихся заведомых оптимистов. В случае с Россией объектом критики становится прежде всего современная политическая система страны, демократичность и легитимность которой ставится под сомнение.

Но не только. Под сомнение ставится уже история и наследие России. Для этого, например, используются такие псевдоисторические аналогии, логика которых проста и незатейлива: сначала ставится знак равенства между «тоталитарными режимами» Сталина и Гитлера, затем — между СССР и его преемницей Россией, а затем — между «режимом Сталина и Путина». И соотечественники Черчилля и Рузельта сегодня не задумываются, почему их великие лидеры не равняли нацизм со сталинизмом; почему им в голову не приходило оспаривать решающую роль Советского Союза в победе над Гитлером и т.п.

История сегодня становится серьезным политическим оружием, и тогда, когда служит благим целям, и тогда, когда совершенно сознательно фальсифицируется и используется в небескорыстных делах. На разоблачение инейтрализацию такого рода фальсификаций и должна быть направлена в том числе работа современных отечественных историков. Кстати, «завтра может быть уже поздно», — это фраза Максима Литвинова, наркома иностранных дел СССР, сказанная им после подписания известных мюнхенских переговоров, когда между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, был подписан мюнхенский пакт.

В самое последнее время мы в очередной раз вновь столкнулись с сознательными и целенаправленными попытками искажения нашей истории. Причем не только в качестве каких-то исторических феноменов, а с совершенно конкретными политическими целями, иногда и материальными. Кстати, почему-то

считается, что это относится только к периоду, предшествовавшему Второй мировой войне. Действительно, в последнее время этот вопрос наиболее остро стоял применительно к предвоенным годам, но на самом деле под сомнение ставится вся история нашего государства в XX веке, да и раньше.

На мой взгляд, это происходит потому, что наша история, наши ценности, наши традиции — это *огромный ресурс нации и государства*. На западе, кстати, это понимают и оценивают. Но те, кто участвует в процессе «переосмысления» истории — далеко не наши друзья. Я бы разделил их на три группы:

- западные историки, публицисты, политики, которые осознанно участвуют в этом процессе;
- наши историки, которые по разным соображениям, в том числе идеологическим, меркантильным, занимаются этими вопросами;
- любители, выступающие по этим вопросам совершенно непрофессионально.

А таких людей, к сожалению, сейчас появилось много. В общем, все эти три группы слились за последние годы в мощный поток. Реальность такова, что социо-гуманитарные науки в России находятся в кризисе. Это все прекрасно понимают. Кризис может только приумножаться. Попытки фальсифицировать историю могут привести к тому, что этот национальный ресурс будет девальвирован. Все прекрасно понимают, что как только исчезает своя система ценностей, на ее месте появляется чужая. Хроническое недофинансирование, пренебрежительное отношение к социогуманитарным наукам привело к тому, что появился такой феномен, как *слабо подготовленный ученый, ориентированный на требования западной науки*. Такой ученый участвует в научных разработках, готовит студентов, пишет учебники. Но, главное, он воспитывает себе подобных. Уже есть целых два поколения ученых-обществоведов, которые не только учат, но и воспитывают наше общество.

Подытоживая, необходимо сделать вывод, что создание евразийской и глобальной системы безопасности возможно

Вместо заключения

в итоге настойчивых усилий по укреплению национальных основ в политике, экономике и идеологии, когда сильные и независимые государства обеспечивают свое развитие и безопасность, объединяя усилия для создания равноправной неиерархичной системы безопасности в регионе и в конечном счете в мире.

Abstract

THE SYSTEM OF 'EURASIAN SECURITY' AS AN ALTERNATIVE TO THE WESTERN MILITARY-POLITICAL COALITION

Podberezkin Aleksei

The proposed work explores some possible and most likely scenarios for the development of various scenarios of the international and military-political situation and Russia's national strategy, as a result of which the processes of forming alternative security systems and coalitions on both a global and regional scale, primarily in Eurasia, will develop. But not only that. Variants of such scenarios are quite acceptable in the Near and Middle East, Central Asia and Africa, as well as Latin America. It is obvious that the new stage of radical global restructuring will destabilize the international and military-political situation for at least the next decade, which will require maximum mobilization of Russia's resources and increasing the effectiveness of its security policy. For specialists in the field of modern international relations, public administration, political scientists, and military specialists.

Key words: international and military-political situation, military-political coalitions, new world order, security systems.

Научное издание

Подберёзкин Алексей Иванович

Система «Евразийской безопасности»
как альтернатива западной
военно-политической коалиции

Мнение автора может не совпадать с позицией издательства

Заведующая редакцией Л.С. Жирнова

Корректура и компьютерная верстка Ю.Г. Кучмаева

Художественное оформление обложки Ю.Г. Кучмаева

Допечатная подготовка А.О. Бирюков

Подписано в печать 15.12.2025. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 29,8. Уч.-изд. л. 21,9. Гарнитура Ysabeau. Заказ № 5044

Издательский дом МГИМО

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Отпечатано в производственном отделе

Издательского дома МГИМО

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

mgimo.ru/id; print@inno.mgimo.ru

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

𐌲𐌿𐍄𐌹𐍃𐌺

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دری

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עִבְרִית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ພາສັກພາວັກ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

Українська

УКРАИНСКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

по темам:

•
международнe
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
междунароноe
право

•
иностранные
языки

vk.com/mgimoid

mgimo.ru/id

books@inno.mgimo.ru